П. КРОПОТКИНЪ.

ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ, КАКЪ ФАКТОРЪ ЭВОЛЮЦІИ.

П. Кропоткинъ.

ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ, КАКЪ ФАКТОРЪ ЭВОЛЮЦІИ.

Перевод с англійскаго В. П. Батуринскаго,
под редакціей автора.

НЬЮ-ІОРК.
1919.

Предисловіе к русскому изданію.

Приготовляя к печати это русское изданіе моей книги, — первое, переведенное с книги, "Mutual Aid: a Factor of Evolution", а не со статей помѣщавщихся в англійском журналѣ, — я воспользовался этим, чтобы тщательно пересмотрѣть весь текст, исправить мелкія погрѣшности и дополнить его, в Приложеніях, на основаніи нѣкоторых новых работ, — частію по отношенію к взаимной помощи среди животных (Приложенія III, V, VI, и VIII), и частію относительно общиннаго землевладѣнія в Швейцаріи и в Англіи (Приложенія XVI и XVII).

Бромлей Кент.

Май 1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложеніе.

ВВЕДЕНІЕ.

Двѣ отличительныя черты в животной жизни Восточной Сибири и Сѣверной Маньчжуріи особенно поразили меня во время путешествій, совершенных мною в молодости в этих частях Восточной Азіи. Меня поразила, с одной стороны, необыкновенная суровость борьбы за существованіе, которую большинству животных видов приходится вести здѣсь против безжалостной природы, а также вымираніе громаднѣйшаго количества их особей, случающееся періодически в силу естественных причин, — вслѣдствіе чего получается необыкновенная скудость жизни и малонаселенность на площади обширных территорій, гдѣ я производил свои изслѣдованія.

Другой особенностью было то, что даже в тѣх немногих отдѣльных пунктах, гдѣ животная жизнь являлась в изобиліи, я не находил, — хотя и тщательно искал ея слѣдов, — той ожесточенной борьбы за средства существованія **среди животных, принадлежащих к одному и тому-же виду**, которую большинство дарвинистов (хотя не всегда сам Дарвин) разсматривали, как преобладающую характерную черту борьбы за жизнь, и как главный фактор эволюціи.

Ужасныя мятели, проносящіяся над сѣверной частью Азіи в концѣ зимы, и голаледица, часто слѣдующая за мятелью; морозы и бураны, которые каждый год возвращаются в первой половинѣ мая, когда деревья уже в полном цвѣту, а жизнь насѣкомых уже в разгарѣ; ранніе заморозки и, по временам, глубокіе снѣга, выпадающіе уже в іюлѣ и августѣ, даже в луговых степях Западной Сибири, и внезапно уничтожающіе миріады насѣкомых, а также и вторые выводки птиц; проливные дожди — результат муссонов — выпадающіе в августѣ, в болѣе умѣренных областях Амура и Уссури, и продолжающіеся цѣлыя недѣли, вслѣдствіе чего в низменностях Амура и

Сунгари происходят наводненія в таких размѣрах, какіе извѣстны только в Америкѣ да в Восточной Азіи, а на высоком плоскогоріи обращаются в болота громаднѣйшія пространства, равныя по размѣрам цѣлым европейским государствам; и, наконец, глубокіе снѣга, выпадающіе иногда в началѣ октября, вслѣдствіе чего обширная территорія, равная пространством Франціи или Германіи, дѣлается совершенно необитаемой для жвачных животных, которыя и гибнут тогда тысячами. — Таковы условія, при которых идет борьба за жизнь среди животнаго міра в Сѣверной Азіи. Эти условія уже тогда обратили мое вниманіе на чрезвычайную важность в природѣ того разряда явленій, которыя Дарвин называет "естественными ограниченіями размноженія, — по сравненію с борьбою за средства существованія, которая может совершаться в том или другом мѣстѣ между особями одного и того же вида, но всегда остается в ограниченных размѣрах и никогда не достигает значенія вышеуказаннаго фактора. Скудость жизни, недостаточность населенія, а не избыток его — отличительная черта той громадной части земного шара, которую мы называем Сѣверной Азіей. Таковы были результаты моих наблюденій, и уже с тѣх пор я начал питать серьезныя сомнѣнія, которыя позднѣе лишь подтвердились, относительно ужасной будто-бы борьбы за пищу и жизнь, в предѣлах одного и того же вида, которая составляет настоящій символ вѣры для большинства дарвинистов. Точно также начал я сомнѣваться тогда и относительно господствующаго вліянія, которое этого рода борьба играет, по предположенію дарвинистов, в развитіи новых видов.

С другой стороны, гдѣ бы мнѣ ни приходилось видѣть изобильную, кипучую животную жизнь, — как напр., на озерах, весною, гдѣ десятки видов птиц и милліоны особей соединяются для вывода потомства, или-же в людных колоніях грызунов, или во время перелета птиц, который совершался тогда в чисто американских размѣрах вдоль долины Уссури, или же во время одного громаднаго переселенія косуль, которое мнѣ пришлось наблюдать на Амурѣ и во время котораго десятки тысяч этих умных животных убѣгали с огромной территоріи, спасаясь от выпавших глубоких снѣгов, и собирались боль-

шими стадами с цѣлью пересѣчь Амур в наиболѣе узком мѣстѣ, в Малом Хинганѣ, — во всѣх этих сценах животной жизни, проходивших перед моими глазами, я видѣл взаимную помощь и взаимную поддержку, доведенныя до таких размѣров, что невольно приходилось задуматься над громадным значеніем, которое онѣ должны имѣть для поддержанія существованія каждаго вида, его сохраненія в экономіи природы и его будущаго развитія.

Наконец, мнѣ пришлось наблюдать среди полудикаго рогатаго скота и лошадей в Забайкальѣ, и повсемѣстно среди бѣлок и диких животных вообще, что когда животным приходилось бороться с недостатком пищи, вслѣдствіе одной из вышеуказанных причин, то вся та часть даннаго вида, которую постигло это несчастье, выходит из выдержаннаго ею испытанія с таким сильным ущербом энергіи и здоровья, что **никакая прогрессивная эволюція видов не может быть основана на подобных періодах остраго соревнованія.**

Вслѣдствіе вышеуказанных причин, когда, позднѣе, вниманіе мое было привлечено к отношеніям между Дарвинизмом и Соціологіей, я не мог согласиться ни с одной из многочисленных работ, так или иначе обсуждавших этот, чрезвычайно важный, вопрос. Всѣ онѣ пытались доказать, что человѣк, благодаря своему высшему разуму и познаніям, **может** смягчать остроту борьбы за жизнь между людьми; но всѣ онѣ в то-же время признавали, что борьба за средства существованія каждаго отдѣльнаго животнаго против всѣх его сородичей, и каждаго отдѣльнаго человѣка против всѣх людей, является "законом природы". Я однако не мог согласиться с этим взглядом, так как убѣдился раньше, что признать безжалостную внутреннюю борьбу за существованіе в предѣлах каждаго вида, и смотрѣть на такую войну, как на условіе прогресса, — значило бы допустить и нѣчто такое, что не только еще не доказано, но и прямо-таки не подтверждается непосредственным наблюденіем.

С другой стороны, познакомившись с лекціей "О законѣ Взаимопощи", прочитанной на с'ѣздѣ русских естествоиспытателей в январѣ 1880 года профессором Кесслером, бывшим де-

каном С.-Петербургскаго университета, я увидал что она проливает новый свѣт на весь этот вопрос. По мнѣнію Кесслера, помимо закона **Взаимной Борьбы**, в природѣ существует еще закон **"Взаимной Помощи"**, который для успѣшности борьбы за жизнь, и в особенности для прогрессивной эволюціи видов, играет гораздо болѣе важную роль, чѣм закон Взаимной Борьбы. Это предположеніе, которое, в дѣйствительности, явилось лишь дальнѣйшим развитіем идей, высказанных самим Дарвином в его "Происхожденіи Человѣка", казалось мнѣ настолько правильным и имѣющим такое громадное значеніе, что, с тѣх пор, как я познакомился с ним (в 1883 году), я начал собирать матеріалы для дальнѣйшаго развитія этой идеи, которой Кесслер лишь слегка коснулся в своей рѣчи и которой он не успѣл развить, так как умер в 1881 году.

Лишь в одном пунктѣ я не мог вполнѣ согласиться со взглядами Кесслера. Он упоминал о "родительских чувствах" и заботах о потомствѣ (см. ниже главу I), как об источникѣ взаимнаго расположенія животных друг к другу. Но я думаю, что опредѣленіе того, насколько эти два чувства дѣйствительно содѣйствовали развитію общительных инстинктов среди животных и насколько другіе инстинкты дѣйствовали в том же направленіи, — составляет особливый, очень сложный вопрос, на который мы теперь едва-ли в состояніи отвѣтить. Лишь послѣ того, когда мы хорошо установим самые факты взаимопомощи среди различных классов животных, и их важность для эволюціи, сможем мы отдѣлить, что принадлежит в эволюціи общительных инстинктов родительским чувствам, и что — самой общительности; при чем происхожденіе послѣдней, очевидно, придется искать в самых ранних стадіях эволюціи животнаго міра, — быть может, даже в "колоніальных стадіях" *) Вслѣдствіе этого, я обратил главное вниманіе на установку,

*) Я имѣю здѣсь в виду тѣ стадіи, когда самыя низшія животныя, в родѣ Yolvox globator, или Сальп, соединяются в группы. См. об колоніальных стадіях: Огюста Конта, очерк біологіи в "Politique positive", гдѣ он резюмирует свою "Phiosophie positive"; "Основы Біологіи" Спенсера и особенно сочиненіе "Животныя Колоніи", Перье (Perrier).

прежде всего, важности Взаимной Помощи, как фактора эволюціи, оставляя дальнѣйшим послѣдователям задачу о происхожденіи инстинктов Взаимной Помощи в природѣ.

Важность фактора Взаимной Помощи, — "если только его общность может быть доказана", — не ускользнула от вниманія Гете, в котором так ярко проявился геній естествоиспытателя. Когда Эккерман разсказал однажды Гете, — это было в 1827 году, — что два маленьких птенчика-корольки, убѣжавшіе от него, послѣ того, как он подстрѣлил их мать, были найдены им на слѣдующій день в гнѣздѣ реполовов, которые кормили птенчиков-корольков наравнѣ со своими собственными, Гете был очень взволнован этим сообщеніем. Он видѣл в нем подтвержденіе своих пантеистических взглядов на природу и сказал: "Если бы оказалось справедливым, что подобное кормленіе чужаков — присуще всей природѣ, как нѣчто, имѣющее характер общаго закона, — тогда многія загадки были бы разрѣшены". Он возвратился к этому вопросу на слѣдующій день и упрашивал Эккермана (он, как извѣстно, был зоолог) заняться спеціально изученіем этого вопроса, прибавляя, что Эккерман, несомнѣнно, сможет таким образом пріобрѣсти "драгоцѣнные, неоцѣненные результаты" ("Gesprache, изданіе 1848 года, т. III, стр. 219, 221.). К несчастью, подобное изученіе никогда не было предпринято, хотя весьма вѣроятно, что Брэм, собравшій в своих работах такіе богатые матеріалы относительно взаимопомощи среди животных, мог быть наведен на эту мысль вышеприведенным замѣчаніем Гете.

В теченіе 1872 — 1886 годов было напечатано нѣсколько крупных работ относительно смышленности и умственной жизни животных (об этих работах упоминается в примѣчаніи к 1-ой главѣ настоящей книги), при чем три из них имѣют болѣе близкое отношеніе к интересующему нас вопросу, а именно: Less Societes animales", Эспинаса (Париж, 1877); "La Lutte pour l'existence et l'association pour la lutte", лекція Ланессана (апрѣль 1881); и книга Луи Бюхнера, "Liebe und Liebes—Leben in der Thierwelt", первое изданіе которой появилось в 1881 году или 1882 году, а второе, значительно расширенное, в 1885. Но, несмотря на превосходныя

качества каждой из этих работ, онѣ, тѣм не менѣе, оставляют широкое мѣсто для работы, в которой Взаимная Помощь разсматривалась бы не только в качествѣ аргумента в пользу дочеловѣческаго происхожденія нравственных инстинктов, но также, как закон природы и фактор эволюціи. Эспинас обратил вниманіе на такія общества животных (муравьев, пчел), которыя основаны на физіологическом различіи строенія в различных членах того же вида и физіологическом раздѣленіи между ними труда; и хотя его работа дает превосходныя указанія во всевозможных направленіях, она все-таки быа написана в такое время, когда развитіе человѣческих обществ не могло быть разсматриваемо так, как мы можем сдѣлать это теперь, благодаря накопившемуся с тѣх пор запасу знаній. Лекція Ланессана скорѣе имѣет характер блестяще-изложеннаго общаго плана работы, в которой взаимная поддержка разсматривалась бы, начиная со скал на морѣ, а затѣм в мірѣ растеній, животных и людей. Что же касается до работы Бюхнера, то хотя она наводит на размышленія о роли Взаимопомощи в природѣ и богата фактами, я не могу согласиться с ея руководящей идеей. Книга начинается гимном Любви, и почти всѣ ея примѣры являются попыткой доказать существованіе любви и симпатіи между животными. Но — свести общительность животных к **любви** и **симпатіи**, значит сузить ея всеобщность и ея значеніе, — точно также, как людская этика основанная на любви и личной симпатіи, ведет лишь к суженію понятія о нравственном чувствѣ в цѣлом. Я вовсе не руковожусь любовью к хозяину даннаго дома, — котораго я часто совершенно не знаю, — когда, увидав его дом в огнѣ, я схватываю ведро с водой и бѣгу к его дому, хотя бы нисколько не боялся за свой: мною руководит болѣе широкое, хотя и болѣе неопредѣленное чувство, вѣрнѣе инстинкт, общечеловѣческой солидарности, т. е. круговой поруки между всѣми людьми, и общежительности. То-же самое наблюдается и среди животных. Не любовь, и даже не симпатія, (понимаемыя в истинном значеніи этих слов), побуждают стадо жвачных или лошадей образовать круг, с цѣлью защиты от нападенія волков; вовсе не любовь заставляет волков соединяться в своры для охоты, точно также не любовь заставляет ягнят или котят

предаваться играм, и не любовь сводит вмѣстѣ осенніе выводки птиц, которыя проводят вмѣстѣ цѣлые дни почти всю осень; и наконец нельзя приписать ни любви, ни личной симпатіи то обстоятельство, что многія тысячи косуль, разбросанных по территоріи, пространством равняющейся Франціи, собираются в десятки отдѣльных стад, которыя всѣ направляются к извѣстному пункту, с цѣлью переплыть там рѣку. Во всѣх этих случаях главную роль играет чувство несравненно болѣе широкое, чѣм любовь или личная симпатія; — здѣсь выступает инстинкт общительности, который медленно развивался среди животных и людей в теченіе чрезвычайно долгаго поріода эволюціи, с самых ранних ея стадій и который научил в равной степени животных и людей сознавать ту силу, которую они пріобрѣтают, практикуя взаимную помощь и поддержку, и сознавать удовольствія, которыя можно найти в общественной жизни.

Важность этого различія будет легко оцѣнена всяким, кто изучает психологію животных, а тѣм болѣе — людскую этику. Любовь, симпатія и самопожертвованіе, конечно, играют громадную роль в прогрессивном развитіи наших нравственных чувств. Но общество, в человѣчествѣ, зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатіи. Оно зиждется на сознаніи — хотя бы инстинктивном, — человѣческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на безсознательном или полу-сонанном признаніи силы, заимствуемой каждым человѣком из общей практики взаимопомощи; на тѣсной зависимости счастья каждой личности от счастья всѣх, и на чувствѣ справедливости или безпристрастія, которое вынуждает индивидуума разсматривать права каждаго другого, как равныя его собственным правам. Но этот вопрос выходит за предѣлы настоящаго труда, и я ограничусь лишь указаніем на мою лекцію "Справедливость и Нравственность", которая была отвѣтом на "Этику" Гексли и в которой я коснулся этого вопроса с большей подробностью *).

Вслѣдствіе всего сказаннаго, я думал, что книга о "Вза-

*) См. также первыя главы моей работы об Этикѣ, появившіяся недавно в "Nineteenth Century": "Задачи Этики" и "Нравственность Природы".

имной Помощи, как законѣ природы и факторѣ эволюціи" могла бы заполнить очень важный пробѣл. Когда Гексли выпустил в 1888 году свой "манифест" о борьбѣ за существованіе ("Struggle for Existence and its Bearing upon Man"), —который, с моей точки зрѣнія, был совершенно невѣрным изображеніе явленій природы, как мы их видим в тайгѣ и в степях, — я обратился к редактору "Nineteenth Century", прося его дать мѣсто на страницах редактируемаго им журнала, для обработанной критики взглядов одного из наиболѣе выдающихся дарвинистов; и м-р Джемс Ноульз (Knowles) отнесся к моему предложенію с полной симпатіей. Я также говорил по этому поводу с В. Бэтсом (Bates), — великим "Натуралистом на Амазонкѣ", который собирал, как извѣстно, матеріалы для Уоллэса и Дарвина, и котораго Дарвин совершенно вѣрно охарактеризовал в своей автобіографіи как одного из умнѣйших встрѣченных им людей. "Да, конечно, это истинный Дарвинизм", — воскликнул Бэтс. — "Просто возмутительно, во что они обратили Дарвина. Пишите ваши статьи, и когда онѣ будут напечатаны, я напишу вам письмо, которое вы сможете опубликовать". К несчастью, составленіе этих статей заняло у меня почти семь лѣт и когда послѣдняя из них была напечатана, Бэтса уже не было в живых.

Подвергнув обсужденію важность Взаимной Помощи среди различных классов животных, я, очевидно, обязан был обсудить важность того же фактора в развитіи человѣка. Это было тѣм болѣе необходимо, что имѣются эволюціонисты, готовые допустить важность Взаимной Помощи среди животных, но, вмѣстѣ с тѣм, подобно Герберту Спенсеру, отрицающіе ее по отношенію к человѣку. Для первобытнаго человѣка, — утверждают они, — война каждаго против всѣх была преобладающим законом жизни. Насколько это утвержденіе, которое черезчур охотно повторяют без надлежащей провѣрки со времен Гоббса, совпадает с тѣм, что нам извѣстно относительно ранних фаз человѣческаго развитія, я постарался разобрать в настоящей книгѣ, в главах посвященных жизни дикарей и варваров.

Число и важность различных учрежденій Взаимной помо-

щи, которыя развились в человѣчествѣ, благодаря созидательному генію диких и полудиких масс, в теченіе самаго ранняго періода родового быта, и еще болѣе того впослѣдствіи — в теченіе слѣдующаго періода деревенской общины, а также громадное вліяніе, которое эти раннія учрежденія оказали на дальнѣйшее развитіе человѣчества, вплоть до настоящаго времени, побудили меня распространить область моих изысканій и на болѣе позднія, историческія времена; в особенности я остановился на наиболѣе интересном періодѣ — средневѣковых свободных городов-республик, которых повсемѣстность и вліяніе на современную нашу цивилизацію до сих пор еще недостаточно оцѣнены. Наконец, я попытался также указать вкратцѣ на громадную важность, которую привычки взаимной поддержки, унаслѣдованныя человѣчеством за чрезвычайно долгій період его развитія, играют даже теперь, в нашем современном обществѣ, хотя об нем думают и говорят, что оно покоится на принципѣ: "Каждый для себя, и Государство для всѣх", — принцип, которому человѣческія общества никогда не слѣдовали вполнѣ, и который никогда не будет приведен в осуществленіе.

Мнѣ возразят, может быть, что в настоящей книгѣ, как люди, так и животныя изображены с черезчур благопріятной точки зрѣнія: что их общежительныя качества черезчур выдвинуты вперед, в то время как их противо-общественныя наклонности и инстинкты самоутвержденія едва отмѣчены. Но это, однако, было неизбѣжно. За послѣднее время мы столько наслышались о "суровой, безжалостной борьбѣ за жизнь", которая яко-бы ведется каждым животным против всѣх остальных, каждым "дикарем" против всѣх остальных "дикарей", и каждым цивилизованным человѣком против всѣх его согражданъ, — при чем подобныя утвержденія сдѣлались своего рода догматом, религіей образованнаго общества, — что было необходимо, прежде всего, противопоставить им обширный ряд фактов, рисующих жизнь животных и людей с совершенно другой стороны. Необходимо было показать сперва преобладающую роль, которую играют общительныя привычки в жизни природы и в прогрессивной эволюціи, как животных видов,

так равно и человѣческих существ. Надо было доказать, что онѣ дают животным лучшую охрану против их врагов, что онѣ облегчают им добываніе пищи (зимніе запасы, переселенія, кормленіе под охраной сторожей и т. п.) и увеличивают предѣл жизненности, и, вслѣдствіе этого, — облегчают развитіе умственных способностей; что онѣ дали людям, помимо вышеуказанных, общих с животными, выгод, возможность выработать тѣ учрежденія, которыя помогли человѣчеству выжить в суровой борьбѣ с природой и совершенствоваться, не взирая на всѣ превратности исторіи. Я это и сдѣлал. А потому, настоящая книга есть книга о законѣ Взаимопомощи, разсматриваемом, как один из главных факторов эволюціи, а не о всѣх факторах эволюціи и их относительной цѣнности; и эту книгу надо было написать раньше, чѣм станет возможным изслѣдованіе вопроса об относительном значеніи различных факторов эволюціи.

Я, конечно, менѣе всего склонен недооцѣнивать роль, которую самоутвержденіе личности играло в развитіи человѣчества. Но этот вопрос, по моему мнѣнію, требует разсмотрѣнія, гораздо болѣе глубокаго, чѣм какое он встрѣчал до сих пор. В исторіи человѣчества, самоутвержденіе личности часто представляло, и продолжает представлять, нѣчто совершенно отличное и нѣчто болѣе обширное и глубокое, чѣм та мелочная неразумная умственная узость, которую большинство писателей выдает за "индивидуализм" и "самоутвержденіе". Равным образом, двигавшія исторію личности вовсе не сводились на одних тѣх, кого историки изображают нам в качествѣ героев. Вслѣдствіе этого, я имѣю в виду, если удастся, подробно разобрать впослѣдствіи роль, которую сыграло самоутвержденіе личности в прогрессивном развитіи человѣчества. Теперь же я ограничусь лишь слѣдующим общим замѣчаніем.

Когда учрежденія Взаимопомощи — т. е. родовой строй, деревенская община, гильдія, средневѣковый город — начинали, в теченіе историческаго процесса, терять свой первоначальный характер, когда в них начинали появляться паразитные, чуждые им, наросты, вслѣдствіе чего сами эти учрежденія становились помѣхой прогрессу, тогда возмущеніе лич-

ностей против этих учрежденій всегда принимало двоякій характер. Часть возстававших стремилась к очищенію старых учрежденій от чуждых им элементов, или к выработкѣ высших форм свободнаго общежитія, основанных, опят-таки, на началах Взаимной помощи; они пытались, например, ввести в уголовное право начало "возмѣщенія" (виры) на мѣсто закона кроваваго возмездія, а позднѣе провозглашали "прощеніе обид", то-есть, еще болѣе высокій идеал равенства перед человеческою совѣстью, взамѣн "возмѣщенія", которое платилось сообразно классовой цѣнности пострадавшаго. Но в то же самое время другая часть тѣх же личностей, возстававших против окристализировавшагося строя, пыталась просто разрушить охранительныя учрежденія взаимной поддержки, с тѣм, чтобы на мѣсто их поставить свой собственный произвол, и таким образом увеличить свои собственныя богатства и усилить свою собственную власть. В этой тройственной борьбѣ, — между двумя разрядами возмутившихся личностей и защитниками существующаго, — и состоит вся истинная трагедія исторіи. Но для того, чтобы изобразить эту борьбу и честно изучить роль, сыгранную в развитіи человѣчества каждою из вышеуказанных трех сил, потребовалось бы, по меньшей мѣрѣ, столько же лѣт труда, сколько мнѣ пришлось отдать на то, чтобы написать эту книгу.

Из работ разсматривающих приблизительно тот же вопрос, но появившихся уже послѣ появленія моих статей о Взаимной Помощи среди животных, я должен упомянуть "The Lowell Lectures on the Ascent of Man," Генри Дрэммонда (Henry Drummond), Лондон, 1894 г. и "The Origin and Growth of the Moral Instinct", А. Сэдерланда (A. Suderland), Лондон, 1898 г. Обѣ книги построеы в значительной степени по тому же плану, как выше упомянутая книга Бюхнера; при чем в книгѣ Сэдерланда довольно подробно разсматриваются родительскія и семейныя чувства, в качествѣ однинственнаго фактора в дѣлѣ развитія нравственных чувств. Третьей работой этого рода, относящейся к человѣку и написанной по тому же плану, является книга американскаго профессора Ф. А. Гиддингса (Giddings), первое изданіе которой появилось в 1896 году, в Нью-Іоркѣ и Лондонѣ, под заглавіем: "The Prin-

ciples of Sociology", руководящія идеи которой были изложены автором в брошюрѣ в 1894 году. Я должен, однако, предоставить вполнѣ литературной критикѣ разбор совпаденій, сходства и расхожденія между вышеуказанными работами и моей.

Всѣ главы настоящей книги были напечатаны сначала в Ninetenth Century ("Взаимопомощь среди животных", в сентябрѣ и ноябрѣ 1890 года; "Взаимопомощь среди дикарей", в апрѣлѣ 1891 года; "Взаимопомощь среди варваров", в январѣ 1892 г.; "Взаимопомощь в средне-вѣковом городѣ", в августѣ и сентябрѣ 1894 г.; и "Взаимопомощь в настоящее время", в январѣ и іюнѣ 1896 г.). Выпуская их в формѣ книги, я сначала думал включить в видѣ приложенія массу собранных мною матеріалов, которыми я не мог воспользоваться для статей, появившихся в журналѣ, а также обсужденіе различных второстепенных пунктов, которые пришлось опустить. Оказалось, однако, что подобныя приложенія удвоили бы размѣр книги, и я был принужден отказаться от изданія их, или по крайней мѣрѣ отложить его. В приложеніях к настоящей книги включено обсужденіе лишь немногих вопросов, составивших предмет научнаго спора в теченіе послѣдних нѣскольких лѣт; равным образом в текст первоначальных статей мной введено было лишь очень немного такого матеріала, который можно было ввести, не нарушая общаго построенія этой работы.

Пользуясь настоящим случаем, чтобы выразить издателю "Nineteenth Century", James Knowles'у, мою благодарность за любезное гостепріимство, оказанное им в настоящей работѣ, лишь только он ознакомился с ея общей идеей, а также и за его любезное разрѣшеніе перепечатать настоящій труд.

Бромлей, Кент. 1902.

———-:-———

Приготовляя русское изданіе этой книги, я тщательно пересмотрѣл и исправил весь текст и сдѣлал нѣкоторыя добавленія, отчасти в текстѣ, но особенно в приложеніях.

Декабрь, 1906.

ГЛАВА I.

Взаимная помощь у животных.

“Борьба за существованіе”.—Взаимная помощь—закон природы и главное условіе прогрессивнаго развитія. — Безпозвоночныя животныя.—Муравьи и пчелы. — Птицы: их союзы для охоты и рыбной ловли.—Их общительность.—Взаимная охрана у мелких птиц.—Журавли; попугаи.

———0———

Понятіе о борьбѣ за существованіе, как об условіи прогрессивнаго развитія, внесенное в науку Дарвином и Уоллэсом, позволило нам охватить в одном обобщеніи громаднѣйшую массу явленій; и это обобщеніе легло, с тѣх пор, в основу всѣх наших философских, біологических и общественных теорій. Несмѣтное количество самых разнообразных фактов, которые мы прежде об'яснили каждый своею причиною, было охвачено Дарвином в одно широкое обобщеніе. Приспособленіе живых существ к обитаемой им средѣ, их прогрессивное развитіе, анатомическое и физіологическое, умственный прогресс и даже нравственное совершенствованіе — всѣ эти явленія стали представляться нам, как части одного общаго процесса. Мы начали понимать их, как ряд непрерывных усилій, — как борьбу против различных неблагопріятных условій, ведущую к развитію таких личностей, рас, видов и обществ, которые представляли бы собою наибольшую полноту, наибольшее разнообразіе, и наибольшую интенсивность жизни.

Весьма возможно, что, в началѣ своих работ, Дарвин сам не сознавал всего значенія и общности того явленія — борьбы за существованіе, — к которому он обратился за об'ясненіем одной группы фактов, а именно — накопленія отклоненій от

первоначальнаго типа и образованія новых видов. Но он понимал, что выраженіе, которое он вводил в науку, утратило бы свой философскій точный смысл, если бы оно было понято исключительно в его узком смыслѣ, как борьба между индивидуумами из-за средств существованія. А потому, уже в самом началѣ своего великаго изслѣдованія о происхожденіи видов, он настаивал на том, что "борьбу за существованіе" слѣдует понимать "в ея широком и переносном (метафорическом) смыслѣ, т. е., включая сюда зависимость одного живого существа от других, а также, — что гораздо важнѣе, — не только жизнь самого индивидуума, но и возможность для него оставить по себѣ потомство". *).

Таким образом, хотя сам Дарвин, для своей спеціальной цѣли и употреблял слова, "борьба за существованіе" преимущественно в их узком смыслѣ, он предупреждал, однако своих послѣдователей от ошибки (в которую, повидимому, он сам, было, впал одно время) - от слишком узкаго пониманія этих слов. В своем послѣдующем сочиненіи, "Происхожденіе Человѣка", он написал даже нѣсколько прекрасных сильных страниц, чтобы выяснить истинный, широкій смысл этой борьбы. Он показал здѣс, как в безчисленных животных сообществах борьба за существованіе между отдѣльными членами этих сообществ **совершенно исчезает** и, как, вмѣсто **борьбы**, является **содѣйствіе** (кооперація),ведущее к такому развитію умственных способностей и нравственных качеств, которое обезпечивает данному виду наилучшіе шансы жизни и распространенія. Он указал, таким образом, что в этих случаях "наиболѣе приспособленными" оказываются вовсе не тѣ, кто физически сильнѣе, или хитрѣе, или ловче других, а тѣ, кто лучше умѣет соединяться и поддерживать друг друга—как сильных, так и слабых, — ради блага всего своего общества. "Тѣ общества", писал он, "которыя содержат наибольшее количество сочувствующих друг другу членов, будут наиболѣе процвѣтать, и оставят по себѣ наибольшее количество потомства". (Второе, англійское изданіе,стр. 163).

---

*) "Происхожденіе Видов", начало III-ей главы.

Выраженіе, заимствованное Дарвином из Мальтусовскаго представленія о борьбѣ всѣх против каждаго, потеряло, таким образом, свою узость, когда оно переработалось в умѣ человѣка, глубоко понимавшаго природу.

К несчастью, эти замѣчанія Дарвина, которыя могли бы стать основою самых плодотворных изслѣдованій, прошли незамѣченными—из-за массы фактов, в которых выступала, или предполагалась, дѣйствительная борьба между индивидуумами из-за средств существованія. При том же Дарвин не подверг болѣе строгому изслѣдованію сравнительную важность и относительную распространенность двух форм "борьбы за жизнь" в животном мірѣ: непосредственной борьбы отдѣльных особей между собою и общественной борьбы многих особей — сообща, и он не написал также сочиненія, которое собирался написать, о **природных** препятствіях чрезмѣрному размноженію животных, каковы засухи, наводненія, внезапные холода, повальныя болѣзни и т. п.

Между тѣм, именно такое изслѣдованіе и было необходимо, чтобы опредѣлить истинные размѣры и значеніе в природѣ единичной борьбы за жизнь между членами одного и того же вида животных, по сравненію с борьбой цѣлым обществом против природных препятствій и врагов из других видов. Мало того, в той же самой книгѣ о происхожденіи человѣка, гдѣ он писал только что указанныя мѣста, опровергающія узкое мальтусовское пониманіе "борьбы", опять-таки пробивалась мальтусовская закваска, — напримѣр там, гдѣ он задавался вопросом: слѣдует ли поддерживать жизнь "слабых умом и тѣлом" в наших цивилизованных обществах? (гл. V). Как будто бы тысячи "слабых тѣлом" поэтов, ученых, изобрѣтателей и реформаторов, а также так называемых "слабоумных энтузіастов", не были самым сильным орудіем человѣчества в его борьбѣ за жизнь, — борьбѣ умственными и нравственными средствами, значеніе которых сам Дарвин так прекрасно выставил в этих же главах своей книги.

С теоріей Дарвина случилось то же, что случается со всѣми теоріями, имѣющими отношеніе к человѣческой жизни. Его послѣдователи не только не расширили ея, согласно с его ука-

заніями, а напротив того, с'узили ее еще болѣе. И в то время, как Спенсер, работая независимо, но в сходном направленіи, постарался до нѣкоторой степени расширить изслѣдованіе вопроса: "кто же оказывается лучше приспособленным?" (в особенности в приложеніи к третьему изданію "Data of Ethics"), многочисленные послѣдователи Дарвина сузили понятіе о борьбѣ за существованіе до самых тѣсных предѣлов. Они стали изображать мір животных как мір непрерывной борьбы между вѣчно голодающими существами, жаждущими каждое крови своих собратьев. Они наполнили современную литературу возгласами: "Горе побѣжденным"! и стали выдавать этот клич за послѣднее слово науки о жизни.

"Безпощадную" борьбу из-за личных выгод они возвели на высоту принципа, закона всей біологіи, которому человѣк обязан подчиняться, — иначе он погибнет в этом мірѣ, основанном на взаимном уничтоженіи. Оставляя в сторонѣ экономистов, которые из всей области естествознанія обыкновенно знают лишь нѣсколько ходячих фраз, и то заимствованных у второстепенных популяризаторов, мы должны признать, что даже наиболѣе авторитетные представители взглядов Дарвина употребляют всѣ усилія для поддержанія этих ложных идей. Если взять, напримѣр Гексли, который, несомнѣнно, считается одним из лучших представителей теоріи развитія (эволюціи), то мы видим, что в статьѣ, озаглавленной "Борьба за существованіе и ея отношеніе к человѣку", он учит нас, что "с точки зрѣнія моралиста животный мір находится на том же уровнѣ, что борьба гладіаторов. Животных хорошо кормят и выпускают их на борьбу: в результатѣ — лишь наиболѣе сильные, наиболѣе ловкіе и наиболѣе хитрые выживают для того только, чтобы на слѣдующій день тоже вступить в борьбу. Зрителю нѣт нужды даже, повернувши палец книзу требовать, чтобы слабые были убиты: здѣсь и без того никому не бывает пощады".

В той же статьѣ Гексли дальше говорит, что среди животных, как и среди первобытных людей, "наиболѣе слабые и наиболѣе глупые обречены на гибель, в то время как выживают наиболѣе хитрые и тѣх, кого труднѣе пронять, тѣ, которые

лучше сумѣли приспособиться к обстоятельствам, но вовсе не лучшіе в других отношеніях. Жизнь, говорит он, была постоянной всеобщей борьбой, и за исключеніем ограниченных и временных отношеній в предѣлах семьи, Гоббсовская война каждаго против всѣх была нормальным состояніем существованія" *)

Насколько подобный взгляд на природу оправдывается дѣйствительно, видно будет из тѣх фактов, которые приведены в этой книгѣ, как из міра животных, так и из жизни первобытнаго человѣка. Но мы теперь уже можем сказать, что взгляд Гексли на природу имѣет также мало прав на признаніе его научным выводом, как и противоположный взгляд Руссо, который видѣл в природѣ лишь любовь, мир и гармонію, нарушенные появленіем человѣка. Дѣйствительно, первая же прогулка в лѣсу, первое наблюденіе над любым животным обществом, или даже ознакомленіе с любым серьезным трудом, трактующим о жизни животных (напр., Д'Орбиньи, Одюбона, Ле-Вальяна) должны заставить натуралиста задуматься над ролью, которую играет общественная жизнь в мірѣ животных и предостеречь его, как от пониманія природы в видѣ всеобщаго поля битвы, так и от противоположной крайности, видящей в природѣ одну гармонію и мир. Ошибка Руссо заключалась в том, что он совершенно упустил из вида борьбу, ведущуюся клювом и когтями, а Гексли повинен в ошибкѣ противоположнаго характера; но ни оптимизм Руссо, ни пессимизм Гексли не могут быть признаны безпристрастным научным истолкованіем природы.

Едва только мы начинаем изучать животных — не в однѣх лишь лабораторіях и музеях, но также и в лѣсу, в лугах, в степях и в горных странах, — как тотчас же мы замѣчаем, что хотя между различными видами, и в особенности между различными классами животных, ведется в чрезвычайно обширных размѣрах борьба и истребленіе, — в то же самое время, в таких же, или даже в еще больших размѣрах, наблю-

---

*) "Nineteenth Century", февраль 1888 г., стр. 165. Перепечатана в его книгѣ "Essays".

дается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита сроди животных, принадлежащих к одному и тому же виду, или, по крайней мѣрѣ, к тому же сообществу. Общественность является таким же законом природы, как и взаимная борьба. Конечно, чрезвычайно затруднительно было бы опредѣлить, хотя бы приблизительно, относительное числовое значеніе обоих этих разрядов явленій. Но если прибѣгнуть к косвенной провѣркѣ, и спросить природу: "Кто же оказывается болѣе приспособленным: тѣ ли, кто постоянно ведет войну друг с другом, или же, напротив, тѣ, кто поддерживает друг друга?" — то мы тотчас увидим, что тѣ животныя, которыя пробрѣли привычки взаимной помощи, оказываются, без всякаго сомнѣнія, наиболѣе приспособленными. У них больше шансов выжить, и единично, и как виду, и они достигают в своих соотвѣтствующих классах (насѣкомых, птиц, млекопитающих), наивысшаго развитія ума и тѣлесной организаціи. Если же принять во вниманіе безчисленные факты, которые всѣ говорят за поддержку этого взгляда, то с увѣренностью можно сказать, что взаимная помощь представляет такой же закон животной жизни, как и взаимная борьба. Болѣе того. Как фактор эволюціи, т. е., как условіе развитія вообще — она, по всей вѣроятности, имѣет гораздо большее значеніе, чѣм взаимная борьба, потому что способствует развитію таких привычек и свойств, которыя обезпечивают поддержаніе и дальнѣйшее развитіе вида, при наибольшем благосостояніи и наслажденіи жизнью для каждой отдѣльной особы, и в то же время, при наименьшей безполезной растратѣ ею энергіи, сил.

Насколько мнѣ извѣстно, из ученых послѣдователей Дарвина, первым, признавшим за взаимной помощью значеніе **закона природы и главнаго фактора эволюціи**, был очень извѣстный русскій зоолог, бывшій декан Петербургскаго Университета, профессор К. Ѳ. Кесслер. Он развил эту мысль в рѣчи, произнесенной в январѣ 1880 года, за нѣсколько мѣсяцев до своей смерти, на с'ѣздѣ русских естествоиспытателей; но, подобно многим другим хорошим вещам, напечатанным лишь на одном только русском языкѣ, эта замѣчательная рѣчь осталась

почти совершенно неизвѣстной *). Как старый зоолог, говорил Кесслер, он чувствовал себя обязанным выразить протест против злоупотребленія термином "борьба за существованіе", заимствованным из зоологіи, или, по крайней мѣрѣ, против черезчур преувеличенной оцѣнки его значенія. "Особенно в зоологіи", говорил он, " и в науках, посвященных разностороннему изученію человѣка, на каждом шагу указывают на жестокій закон борьбы за существованіе, и часто совершенно упускают из виду, что есть другой закон, который можно назвать **законом взаимной помощи** и который, по крайней мѣрѣ по отношенію к животным, едва-ли не важнѣе закона борьбы за существованіе" **) Затѣм, Кесслер указывал на то, как потребность оставить послѣ себя потомство, неизбѣжно соединяет животных, и "чѣм тѣснѣе дружатся между собою недѣлимые извѣстнаго вида, чѣм больше оказывают взаимной помощи друг другу, тѣм больше упрочивается существованіе вида,

*) Оставляя в сторонѣ писателей, выступавших до Дарвина, как Toussenel, Fee и мн. др., нѣсколько работ, заключающих не мало поразительных образчиков взаимной помощи, — но иллюстрирующих, главным образом, ум животных, — были опубликованы до появленія труда Кесслера. Из них я могу упомянуть: Houseau, "Les facultes mentales des animaux", 2 т., Брюссель, 1872; L. Buchner's "Aus dem Geistensleben der Thiere", 2-ое изд. 1877; и Maximilian Perty's "Ueber das Seelenleben der Thiere", Лейпциг, 1876. Эспинас опубликовал свой чрезвычайно замѣчательный труд "Les Societes animales" в 1877 году и в этом трудѣ указал на значеніе животных сообществ и их вліяніе на сохраненіе вида, дав при этом чрезвычайно цѣнныя соображенія о происхожденіи обществ вообще. Фактически, в книгѣ Эспинаса собрано все, что до тѣх пор было написано о взаимопомощи, помимо других очень полезных указаній. Если я. несмотря на это дѣлаю спеціальное указаніе на рѣчь Кесслера, то это потому, что он поднял взаимопомощь до высоты закона, имѣющаго в эволюціи болѣе значенія, чѣм закон взаимной борьбы. Тѣ же идеи были развиты в слѣдующем году (в апрѣлѣ 1881) J. Lanessan'ом, в лекціи напечатанной в 1882 году под заглавіем: "La lutte pour l'existence et l'association pour la lutte." Капитальная работа G. Romanes'a "Animal intelligence" была издана в 1882 году, а в слѣдующем году появилась другая его работа "Mental Evolution in Animals". Приблизительно в то же время (1882 г.) Бюхнер издал новую работу, "Liebe und Liebes—Leben in der Thierwelt", второе изданіе которой появилось в 1885 году. Идея, как мы видим, носилась в воздухѣ.

**) Рѣчь "О законѣ взаимной помощи", в "Трудах С.-Петербургскаго Общ. Естествоиспытателей", т. XI, вып. 1, 1880, стр. 128—129.

и тѣм больше получается шансов, что данный вид пойдет дальше в своем развитіи и усовершенствуется, между прочим, также и в интеллектуальном отношеніи". "Взаимную помощь друг другу оказывают животныя всѣх классов, особенно высших", продолжал Кесслер (стр. 131), и он подтверждал свою идею примѣрами, взятыми из жизни жуков-гробокопателей и из общественной жизни птиц и нѣкоторых млекопитающих. Примѣры эти были не многочисленны, как и слѣдовало быть в краткой вступительной рѣчи, но главные пункты были ясно установлены. Упомянув далѣе о том, что в развитіи человѣчества взаимная помощь играла еще болѣе значительную роль, Кесслер закончил свою рѣчь слѣдующими замѣчаніями.

"Я вѣдь не отрицаю борьбы за существованіе, но только утверждаю, что прогрессивному развитію, как всего животнаго царства, так спеціально человѣчества, не столько содѣйствует взаимная борьба, сколько взаимная человѣчества, не столько содѣйствует взаимная борьба, сколько взаимная помощь... Всѣм органическим тѣлам присущи двѣ коренныя потребности, — потребность питанія и потребность размноженія. Потребность в питаніи ведет их к борьбѣ за существованіе и к взаимному истребленію друг друга, а потребность в размноженіи ведет их к сближенію между собою и к взаимной помощи друг другу. Но на развитіе органическаго міра, на преобразованіе одних форм в другія оказывает едва ли не болѣе вліянія сближеніе между недѣлимыми одного и того же вида, нежели борьба между ними" *).

Правильность вышеприведенных взглядов обратила на себя вниманіе большинства присутствовавших на съѣздѣ русских зоологов, и Н. А. Сѣверцов, работы котораго хорошо извѣстны оріентологам и географам, поддержал их и пояснил на нѣскольких добавочных примѣрах. Он упомянул о нѣкоторых видах соколов, которые одарены "почти идеальною организаціею в цѣлях нападенія", но тѣм не менѣе вымирают, в то время как другіе виды соколов, практикующіе взаимопомощь, процвѣтают. "С другой стороны, возьмите такую общительную птицу, как утка", говорил он; "в общем она плохо организована, но она практикует взаимную поддержку, и, судя по ея безчисленным видам и разновидностям, она положительно стремится распространиться по всему земному шару".

Готовность русских зоологов воспринять воззрѣнія Кессле-

---

*) Там же, стр. 135 и 136.

ра об'ясняется весьма естественно тѣм, что почти всѣ они имѣли случай изучать животный мір в обширных незаселенных областях Сѣверной Азіи или Восточной Россіи, а изученіе подобных областей неизбѣжно приводит к тѣм же выводам. Я помню впечатлѣніе, произведенное на меня животным міром Сибири, когда я изслѣдовал Олекминско-Витимское нагорье, в сообществѣ с таким выдающимся зоологом, каким был мой друг Иван Семенович Поляков. Мы оба были под свѣжим впечатлѣніем "Происхожденія Видов" Дарвина, но тщетно искали того обостреннаго соперничества между животными одного и того же вида, к которому приготовило нас чтеніе работы Дарвина, — даже принявши во вниманіе замѣчанія в III-ей главѣ этой работы (стр. 54).

— "Гдѣ-же эта борьба?" — спрашивал я его. Мы видѣли множество приспособленій для борьбы, очень часто борьбы общей, против неблагопріятных климатических условій, или против различных врагов, и И. С. Поляков написал нѣсколько прекрасных страниц о взаимной зависимости хищных, жвачных и грызунов в их географическом распредѣленіи. С другой стороны мы видѣли значительное количество фактов взаимной поддержки, в особенности во время переселеній птиц и жвачных; но даже в Амурской и Уссурійской областях, гдѣ животная жизнь отличается очень большим изобиліем, факты дѣйствительнаго соперничества и борьбы между особями одно и того же вида среди высших животных мнѣ пришлось наблюдать очень рѣдко, хотя я и искал их. То же впечатлѣніе выносишь и из трудов большинства русских зоологов, и это обстоятельство, может быть, об'ясняет, почему идеи Кесслера были так хорошо встрѣчены русскими дарвинистами, тогда как подобные взгляды не в ходу среди послѣдователей Дарвина в Западной Европѣ.

Первое, что поражает нас, как только мы начинаем изучать борьбу за существованіе, как в прямом так и в переносном значеніи этого выраженія, это — изобиліе фактов взаимной помощи, практикуемой не только в цѣлях воспитанія потомства, как это признается большинством эволюціонистов, но

также и в цѣляхъ безопасности особи и добыванія ею необходимой пищи. Во многихъ обширныхъ подраздѣленіяхъ животнаго царства взаимная помощь является общимъ правиломъ. Взаимная помощь встрѣчается даже среди самыхъ низшихъ животныхъ, и мы вѣроятно узнаемъ когда-нибудь отъ лицъ, изучающихъ микроскопическую жизнь стоячихъ водъ, о фактахъ безсознательной взаимной поддержки, даже среди мельчайшихъ микроорганизмовъ.

Конечно, наши познанія о жизни безпозвоночныхъ, — за исключеніемъ термитовъ, муравьевъ и пчелъ, — чрезвычайно ограничены; но, несмотря на это, даже изъ жизни низшихъ животныхъ мы можемъ привести нѣсколько фактовъ вполнѣ удостовѣренной взаимопомощи. Безчисленныя сообщества саранчи, бабочекъ— особенно ванессъ — сверчковъ, жучковъ (цициндель) и т. д., въ сущности, совершенно еще не изслѣдованы; но уже самый фактъ ихъ существованія указываетъ на то, что они должны составляться приблизительно на такихъ же началахъ, какъ и временныя сообщества муравьевъ и пчелъ для цѣлей переселенія *). Что же касается жуковъ, то извѣстны вполнѣ точно наблюденные факты взаимной помощи среди могильщиковъ (Nechrophorus). Имъ нуженъ какой-нибудь разлагающійся органическій матеріалъ для кладки въ немъ яицъ и обезпеченія ихъ личинокъ пищей; но гніеніе подобнаго матеріала не должно происходить слишкомъ быстро. Вслѣдствіе этого, жуки-могильщики закапываютъ въ землю трупы всякихъ мелкихъ животныхъ, которые случайно попадаются имъ во время ихъ поисковъ. Вообще, жуки этой породы живутъ особнякомъ; но когда одинъ изъ нихъ находитъ трупъ мыши, или птицы, который онъ не можетъ самъ закопать, онъ созываетъ еще нѣсколько другихъ могильщиковъ (ихъ сходится иногда до шести), чтобы совершить эту операцію соединенными силами. Если нужно, они переносятъ трупъ на болѣе подходящую, мягкую почву. Вообще, закапываніе производится чрезвычайно обдуманнымъ образомъ и совершенно безъ спора относительно того, кому придется воспользоваться привилегіей положить яички въ закопанномъ трупѣ. И когда Гледичъ привязывалъ мертвую птицу къ кресту, сдѣланному изъ двухъ палочекъ, или подвѣшивалъ

*) См. Приложеніе I.

лягушку к палкѣ, воткнутой в землю, могильщики самым дружественным образом направляли усилія своих соединенных умов, чтобы преодолѣть хитрость человѣка. То же самое сочетаніе усилій наблюдается и у навозных жуков.

Но даже среди животных, стоящих на нѣсколько низшей ступени организаціи, мы можем найти подобные же примѣры. Нѣкоторые земноводные крабы Вест-Индіи и Сѣверной Америки соединяются громадными полчищами, когда направляются к морю, для метанія икры, при чем каждое такое переселеніе непремѣнно предполагает нѣкоторое взаимное соглашеніе для совмѣстнаго дѣйствія и взаимную поддержку. Что же касается больших молуккских крабов (Limulus), то я был поражен, увидавши в 1882году, в Брайтонском акваріумѣ, насколько эти неуклюжія животныя способны оказывать друг другу помощь,когда она оказывается нужной одному из них. Так, например, один из них перевернулся на спину в углу большого чана, гдѣ их содержат в аквар іумѣ, и его тяжелый, похожій на большую кастрюлю, панцырь мѣшал ему принят обычную позу, тѣм болѣе, что в этом углу была сдѣлана желѣзная перегородка, которая еще болѣе затрудняла его попытки перевернуться. Тогда его сотоварищи поспѣшили к нему на помощь, и в теченіе цѣлаго часа я наблюдал, как они старались помочь своему товарищу по заключенію. Сначала явились двое крабов, толкавших своего друга снизу, и послѣ усердных усилій им удавалось поставить его ребром, но желѣзная перегородка мѣшала им закончить дѣло, и краб снова тяжело валился на спину. Послѣ многих попыток один из спасателей отправился в глубину чана и привел с собой еще двух крабов, которые со свѣжими силами принялись снова поднимать и подталкивать своего безпомощнаго товарища.

Мы пробыли в аквар іумѣ болѣе двух часов и, уходя, снова подошли заглянуть в чан:. работа освобожденія все еще продолжалась! Послѣ того, как я был свидѣтелем этого эпизода, я вполнѣ вѣрю наблюденію, упоминаемому Эразмом Дарвином, а именно, что "обыкновенный краб во время линянія ставит в качествѣ часовых неполинявших еще крабов, или же особей

с отвердѣвшей уже скорлупой, дабы защищать полинявшія особи, в их беззащитном состояніи, от нападеній морских врагов" *).

Факты взаимопомощи у термитов, муравьев и пчел настолько хорошо извѣстны, почти всякому читателю, в особенности благодаря популярным книгам Романеса, Бюхнера и Джона Лэббока, что я могу ограничиться весьма немногими указаніями **). Если мы возьмем муравейник, то мы не только увидим, что всякаго рода работа — воспитаніе потомства, фуражировка, постройка, воспитаніе куколок, выкармливаніе тлей и т. п. — выполняется согласно принципам добровольной взаимной помощи; но вмѣстѣ с Форелем мы должны будем также признать, что главною, основной чертой жизни многих видов муравьев является тот факт, что каждый муравей дѣлится и обязан дѣлиться своей пищей, уже проглоченной и отчасти переваренной, с каждым членом общины, пред'являющим на нее требованіе. Два муравья, принадлежащих к двум различным видам или к двум враждебным муравейникам, будут, при случайной встрѣчѣ, избѣгать друг друга. Но два муравья, принадлежащих к одному и тому же муравейнику или к одной и той же колоніи муравейников, всегда подходят друг к другу, обмѣниваются нѣсколькими движеніями щупалец, и "если один из них голоден или чувствует жажду, и в особенности, если у другого в это время зобик полон, то первый немедленно просит пищи". Муравей, к которому таким образом обратились с просьбой, никогда не отказывает; он раздвигает свои челюсти и, придав тѣлу надлежащее положеніе, отрыгивает каплю прозрачной жидкости, которая слизывается голодным муравьем.

---

*) George J. Romanes, "Animal Intelligence'," первое изданіе, стр. 233.

---

*) Pierre Huber, "Recherches sur les fourmis", Женева, 1810; перепечатана под заглавіем "Les fourmis indigenes", Женева, 1861; Forel, "Recherches sur les fourmis de la Suisse", Цюрих, 1874 и J. T. Moggridge, "Harvesting Ams nad Trapdoor Spiders", Лондон 1873 и 1874. Книги эти слѣдовало бы дать в руки каждому мальчику и дѣвочкѣ. См. также: Blanchard "Metamorphoses des insectes", Париж, 1868; J. H. Sabre, "Souvenirs entomologiqaes", Париж, 1886 и слѣд. Ebrard, "Etudes de moeurs des fourmis", Женева, 1864; Sir John Lubbock, "Ants, Bees, and Wasps", и др.

Отрыгиваніе пищи для кормленія других является такой важной чертой в жизни муравьев (на волѣ) и так постоянно примѣняется как для кормленія голодных товарищей, так и для выкармливанія личинок, что, по мнѣнію Фореля, пищеварительные органы муравьев состоят из двух различных частей: одна из них, задняя, предназначается для спеціальнаго пользованія самого индивидуума, а другая, передняя — главным образом на пользу общины. Если бы какой-нибудь муравей с полным зобиков оказался настолько себялюбивым, что отказал бы в пищѣ товарищу, с ним поступили бы как с врагом, или даже хуже. Если бы отказ был сдѣлан в такое время, когда его сородичи сражаются с каким-либо иным видом муравьев, или с чужим муравейником, они напали бы на своего жаднаго товарища с большим ожесточеніем, чѣм на самих врагов. Но если бы муравей не отказался накормить другого муравья, принадлежащаго к вражескому муравейнику, то сородичи послѣдняго стали бы обращаться с ним как с другом. Все это подтверждено чрезвычайно точными наблюденіями и опытами, не оставляющими накакого сомнѣнія, ни в дѣйствительности самих фактов, ни в правильности их истолкованія *).

Таким образом, в этом огромном дѣлѣ животнаго міра, который охватывает болѣе тысячи видов и настолько многочислен, что Бразилія, по увѣренію бразильцев, принадлежит не людям, а муравьям, — совершенно отсутствует борьба и состязаніе из-за пищи между членами одного и того же муравейника, или колоніи муравейников. Как бы ни были ужасны войны между различными видами муравьев и различными муравейниками, какія бы жестокости ни совершались во время войны, взаимная помощь внутри общины и самоотреченіе на пользу общую обратились в привычку, а самопожертвованіе индивидуума для общаго блага является общим правилом. Муравьи и термиты отреклись таким образом от "Гоббсовской войны" и только

---

*) Forel, "Recherches", стр. 244, 275, 278. Превосходное описаніе этого процесса принадлежит Гюберу; ему же принадлежит указаніе на возможное происхожденіе инстинкта (популярное изд. стр. 158, 160).—См. также приложеніе II в концѣ этой книги.

выиграли от этого. Их поразительные муравейники, их постройки, превосходящія по относительной высотѣ людскія постройки; их мощенныя дороги и крытыя галлереи — между муравейниками; их обширныя залы и зернохранилища; их хлѣбныя поля, их жатвы и "соложеніе" ими зерна *); удивительные "огороды" "зонтичнаго муравья", который об'ѣдает листья и удобряет кусочки земли катышками из пережованных кусочков листа, при чем в этих огородах растет только одна порода грибков, а всѣ остальные уничтожаются; их раціональные методы выняньчиванія яичек и личинок, общіе всѣм муравьям, и построеніе спеціальных гнѣзд и загородей для выращиванія тлей, которых Линней так живописно назвал "муравьиными коровами", и, наконец, их храбрость, отважность и высокое умственное развитіе, — все это естественные результаты взаимной помощи, практикуемой ими на каждом шагу их дѣятельной и трудолюбивой жизни. Общительность муравьев привела также к развитію другой существенной черты их жизни, а именно, к огромному развитію личнаго почина, который в свою очередь содѣйствовал развитію у муравьев таких высоких и разнообразных умственных способностей что онѣ вызывают восторг и удивленіе каждаго наблюдателя **).

Если бы мы не были знакомы ни с какими другими фактами из жизни животных, кромѣ тѣх, которые извѣстны о муравьях и термитах, мы могли бы уже с увѣренностью заключить, что взаимная помощь, (ведущая к взаимному довѣрію,— первому условію мужества) и индивидуальная иниціатива (первое условіе умственнаго прогресса) являются двумя условіями,

---

*) Агрикультура муравьев настолько удивительна, что в ней долго сомнѣвались. Существованіе ея хорошо доказано теперь трудами Moggridge, Dr. Lincecum, Mac Cook, полк. Sykes и Dr. Jerdon и поставлено внѣ сомнѣній. См. прекрасный свод доказательств в трудѣ Romanes'a. См. также: "Die Pilzgaerten einiger Sud Ameridanischen Ameisen", Альф. Меллера, в "Schimper's Botan. Mitth. aus den Tropen", т. VI. 1893.

**) Этот второй принцип распознан был не сразу. Прежніе наблюдатели часто говорили о "королях", "королевах", "управителях" и т. п., но с тѣх пор, как Huber и Sorel обнародовали свои тщательныя и добросовѣстныя наблюденія, невозможны сомнѣнія о том, что во всѣх дѣйствіях муравьев (включая и их войны), каждому индивидууму предоставляется широкій простор для проявленія личной иниціативы.

несравненно болѣе важными в эволюціи міра животных, чѣм взаимная борьба. Дѣйствительно, муравей процвѣтает, хотя и не обладает ни одной из тѣх "защитительных" черт, без которых не может обойтись ни одно из животных, ведущих одинокую жизнь. Их окраска дѣлает их очень замѣтными для их врагов, а высокіе муравейники многих видов сразу обращают на себя вниманіе в лѣсах и на лугах. У муравья нѣт твердаго панцыря, а его жало, как бы ни было оно опасно, когда сотни жал вонзаются в тѣло животнаго, не имѣет большой цѣны для цѣлей индивидуальной защиты. В то же время личинки и куколки муравьев (так наз. муравьинныя яйца) составляют лакомство для многих обитателей лѣсов. И тѣм не менѣе, муравьи, несмотря на их многочисленность, не подвергаются сильному истребленію птицами и даже муравьѣдами и внушают ужас насѣкомым, гораздо болѣе сильным, чѣм они сами. Когда Форель опорожнивал мѣшок с муравьями на лугу, он видѣл, как "сверчки разбѣгались, оставляя свои норы на разграбленіе муравьям; пауки и жуки бросали свои жертвы, из боязни самим очутиться в положеніи жертвы;" муравьи захватывали даже гнѣзда ос, послѣ битвы, во время которой многіе из них гибли для блага общины. Даже самыя быстрыя насѣкомыя не успѣвали спастись, и Форелю часто приходилось видѣть, как муравьи внезапно нападали и убивали бабочек, комаров, мух и т. д. Сила их заключается во взаимной поддержкѣ и взаимном довѣріи. И если муравей, — не говоря о еще болѣе развитых термитах, — стоит на самой вершинѣ цѣлаго класса насѣкомых по своим умственным способностям; если по храбрости его можно приравнять к наиболѣе мужественным позвоночным, и его мозг — говоря словами Дарвина, — "представляет один из самых чудесных атомов матеріи в мірѣ — может быть, даже болѣе удивительный чѣм мозг человѣка" то не обязан-ли муравей всѣм этим тому, что взаимная помощь совершенно замѣнила взаимную борьбу в его общинах?

То же самое справедливо и относительно пчел. Эти маленькія насѣкомыя, которым так легко было-бы стать добычей многочисленных птиц, и мед которых привлекает всѣ классы животных, начиная с жука и кончая медвѣдем, также не

имѣют ни одной из защитительных особенностей в строеніи, или в области мимикріи *), без которых насѣкомыя, живущія в одиночку, едва ли могли бы избѣжать полнаго истребленія; но, несмотря на это, вслѣдствіе практикуемой пчелами взаимной помощи, онѣ, как извѣстно, успѣли широко распространиться по земному шару, обладают поразительною смышленостью и выработали поразительныя формы общежитія.

Работая сообща, онѣ этим умножают в невѣроятных размѣрах свои индивидуальныя силы; а прибѣгая ко временному раздѣленію труда, — при чем за каждой пчелой сохраняется способность исполнять, когда это понадобиться, любого рода работу, — онѣ достигают такой степени благосостоянія и безопасности, какой нельзя ожидать ни у одного изолированнаго животнаго, как бы оно ни было сильно или хорошо вооружено. В своих сообществах пчелы часто превосходят человѣка; когда он пренебрегает выгодами обдуманной взаимной помощи. Так, напримѣр, когда рой пчел готовится покинуть улей, чтобы основать новое сообщество, нѣкоторое количество пчел предварительно изслѣдует сосѣднюю мѣстность, и если им удается открыть удобное мѣсто для жилья — напримѣр, старую корзину, или что-нибудь в этом родѣ — онѣ завладѣвают им, чистят его и охраняют, иногда в продолженіе цѣлой недѣли, пока рой не выроится и не осядет здѣсь, на выбранном мѣстѣ. Между тѣм как людям сплошь да рядом приходилось погибать при переселеніях в новыя страны, потому только, что переселенцы не понимали необходимости об'единенія усилій! При помощи коллективнаго ума, пчелы с успѣхом борясь даже против неблагопріятных обстоятельств, иногда совершенно непредвидѣнных и необычных, как, напримѣр, это случилось с пчелами на Парижской выставкѣ, гдѣ онѣ залѣпили пчелиным клеем (узой) ставню, закрывавшую окно, устроенное в стѣнѣ

*) Мимикріей—"подражательностью"—называют тот факт, что многія животныя пріобрѣтают цвѣт той среды, в которой живут, и это спасает их от преслѣдованія врагами. У пчел, как и у муравьев, этого нѣт. Их черный цвѣт не помогает им скрыться от врагов.

их улья *). Кромѣ того, онѣ вовсе не отличаются кровопролитными наклонностями и любовью к безполезным битвам, которыми многіе писатели так охотно надѣляют всѣх животных. Часовые, охраняющіе вход в улей, безжалостно убивают всѣх пчел-грабительниц, стремящихся проникнуть к ним; но пчелы-чужаки, попадающія по ошибкѣ, остаются нетронутыми, в особенности, если онѣ прилетают обремененныя запасом собранной цвѣточной пыли, или если это — молодыя пчелы, которыя могут легко сбиться с пути. Таким образом, военныя дѣйствія сводятся к строго-необходимым.

Общественность пчел тѣм болѣе поучительна, что хищническіе инстинкты и лѣность продолжают существовать среди них и вновь проявляются каждый раз, когда тому благопріятствуют обстоятельства. Извѣстно, что всегда имѣется нѣкоторое количество пчел, которыя предпочитают жизнь грабителей трудолюбивой жизни рабочаго; при чем в періоды скудости, как и в періоды необычайнаго изобилія пищи, число грабителей быстро возрастает. Когда жатва кончена и на наших полях и лугах остается мало матеріала для выводки меда, пчелы-грабительницы появляются в большом числѣ: с другой стороны, на сахарных плантаціях Вест-Индіи и на рафинадных заводах Европы грабеж, лѣность и очень часто пьянство становятся обычным явленіем среди пчел. Мы видим, таким образом, что противо-общественные инстинкты продолжают существовать среди пчел, но естественный подбор безпрерывно должен уничтожать их, так как в концѣ концов практика взаимности оказывается болѣе выгодной для вида, чѣм развитіе особей, одаренных хищническими наклонностями. "Наиболѣе хитрые и наиболѣе безцеремонные", о которых говорил Гексли, уничтожаются, чтобы дать мѣсто особям, понимающим выгоды общительной жизни и взаимной поддержки.

Конечно, ни муравьи, ни пчелы, ни даже термиты не поднялись до пониманія высшей солидарности, которая охватила

---

*) Их держали в ульѣ, снабженном стеклянным оконцем, которое давало возможность видѣть то, что дѣлалось внутри. Оконце закрывалось снаружи ставней. Так как пчел, вѣроятно, безпокоил свѣт, падавшій на них всякій раз, как посѣтители открывали ставню, онѣ через нѣсколько

бы весь их вид. В этом отношеніи они очевидно не достигли той ступени развитія, которой мы не находим даже среди политических, научных и религіозных руководителей человѣчества. Их общественные инстинкты почти не переходят за предѣлы муравейника или улья. Тѣм не менѣе, Форель описал колоніи муравьев на Мон-Тандрѣ и на горѣ Салевѣ, заключавшія в себѣ не менѣе двух сот муравейников, при чем обитатели таких колоній принадлежали к двум различным видам (Formica exsecta и F. pressilabris). Форель утверждает при этом, что каждый член этих колоній узнает всѣх остальных членов, и что всѣ они принимают участіе в общей защитѣ. Мак-Кук наблюдал в Пансильваніи цѣлую націю муравьев, состоявшую из 1600—1700 муравейников, живших в полном согласіи; а Бэтс описал огромныя пространства в Бризильских "кампосах" (степях), покрытыя холмиками термитов, при чем нѣкоторые муравейники служили убѣжищем для двух или трех различных видов, и большинство этих построек было соединено между собою сводчатыми галлереями и крытыми аркадами *). Таким образом, попытки об'единенія довольно обширных под'отдѣлов вида, для цѣлей взаимной защиты и общественной жизни, встрѣчаются даже среди безпозвоночных животных.

Переходя теперь к высшим животным, мы находим еще больше случаев несомнѣнно сознательной взаимной помощи, практикуемой для всевозможных цѣлей, — хотя, впрочем, мы должны замѣтить, что наши познанія о жизни даже высших животных все еще отличаются большой недостаточностью. Множество фактов этого рода было собрано самыми первоклассными зоологами, но тѣм не менѣе имѣются цѣлые отдѣлы животнаго царства, о которых нам почти ничего не извѣстно.

Особенно мало у нас достовѣрных свѣдѣній относительно

дней залѣпили его тѣм смолистым веществом, которое называют пчелиным клеем,, или узой (propolis).

*) H. W. Bates, "The Naturalist on the River Amazons" т. III, стр. 59 и слѣд.

рыб, отчасти вслѣдствіе затруднительности наблюденій, а отчасти вслѣдствіе того, что на этот предмет до сих пор не было обращено должнаго вниманія. Что же касается до млекопитающих, то уже Кесслер замѣтил, как мало мы знакомы с их жизнью. Многія из них только по ночам выходят из своих логовищ; другія скрываются под землей; тѣ же жвачныя, которых общественная жизнь и переселенія представляют глубочайшій интерес, не дают человѣку близко подойти к их стадам. Больше всего мы знаем о птицах; но все же общественная жизнь очень многих видов остается нам очень мало извѣстной. Впрочем, в общем нечего жаловаться на недостаток хорошо установленных фактов, как это видно будет из нижеслѣдующаго.

Мнѣ нѣт надобности останавливаться здѣсь на сообществах между самцом и самкою для воспитанія их потомства, для обезпеченія его пищей на первых ступенях жизни и для совмѣстной охоты; хотя и можно упомянуть, что подобныя семейныя ассоціаціи, широко распространены даже у наименѣе общительных плотоядных животных и хищных птиц; при чем их главный интерес состоит в том, что семейное сообщество представляет среду, в которой развиваются болѣе нѣжныя чувства, даже среди животных, чрезвычайно свирѣпых в других отношеніях. Можно также прибавить, что рѣдкость сообществ, выходящих за предѣлы семьи, у плотоядных животных и хищных птиц, — хотя и является в большинствѣ случаев результатом образа их питанія, но может быть также об'яснена, до извѣстной степени, как слѣдствіе тѣх перемѣн в животном мірѣ, которыя были вызваны быстрым размноженіем человѣчества. Во всяком случаѣ, не мѣшает замѣтить, что есть виды, которых особи живут совершенно одинокою жизнью в густонаселенных областях, в то время как тѣ же самые виды, или их ближайшіе сородичи, живут стадами, в мѣстностях не обитаемых человѣком. Для примѣра в этом отношеніи можно указать на волков, лисиц и нѣкоторых хищных птиц.

Впрочем, сообщества, не переходящія за предѣлы семьи, представляют для нас сравнительно малый интерес; тѣм болѣе

что извѣстно много других сообществ, гораздо болѣе общаго характера, как, например, ассоціаціи, составляемыя многими животными для охоты, для взаимной защиты, или же просто для наслажденія жизнью. Одюбон уже указывал, что орлы иногда слетаются вмѣстѣ, по нѣсколько особей, и его разсказ о двух лысых орлах, самцѣ и самкѣ, охотившихся на Миссисипи, хорошо извѣстен, как образец художественнаго описанія.. Но одно из наиболѣе убѣдительных наблюденій в этом направленіи принадлежит Сѣверцову. Изучая фауну русских степей, он однажды увидал орла, принадлежащаго к стайному виду (бѣлохвост, Haliaetos albicilla) , поднимавшавося в вышину; в продолженіе получаса он молча описывал широкіе круги, и вдруг внезапно раздался его пронзительный клекот. На этот крик вскорѣ отвѣтил крик другого орла, подлетѣвшаго к первому, за ним послѣдовал третій, четвертый и т. д., пока не собралось девять или десять орлов, которые вскорѣ исчезли из виду. Послѣ полудня Севѣрцов отправился к тому мѣсту, куда, как он замѣтил, полетѣли орлы; укрываясь за одним из волнообразных возвышеній степи, он приблизился к орлиной стаѣ и увидал, что она собралась вокруг лошадинаго трупа. Старые орлы, которые вообще кормятся первые,—таковы правила приличія в орлином обществѣ—уже сидѣли на сосѣдних стогах сѣна, в качествѣ часовых, в то время как молодые прол-должали кормиться, окруженные стаями ворон. Из этого и других подобных наблюденій Сѣверцов вывел заключеніе, что бѣлохвостные орлы соединяются между собою для охоты; поднявшись всѣ на большую высоту, они, если их будет, например, около десятка, могут осмотрѣть площадь по крайней мѣрѣ около пятидесяти квардратных верст; при чем, как только один из них открывает что-нибудь, он тотчас сообщает об этом сотоварищам *).

Конечно, можно бы ло бы сказать, что инстинтивный крик перваго орла при видѣ добычи, или даже его движенія, могли привлечь других; но в вышеприведенном случаѣ есть

*) Сѣверцов. "Періодическія явленія в жизни млекопитающих, птиц и пресмыкающихся Воронежской губ." Москва, 1855 г.

указаніе в пользу взаимнаго предупрежденія, так как орлы слетѣлись раньше, чѣм спуститься к павшей лошади. Кромѣ того, Сѣверцову приходилось нѣсколько раз позже убѣждаться в том, что бѣлохвостые орлы всегда слетаются по нѣсколько на падаль, и что нѣкоторые из них (в началѣ пиршества молодые) всегда выполняют роль часовых, в то время, как другіе ѣдят. Дѣйствительно, бѣлохвостые орлы — одни из самых храбрых и наилучших охотников — вообще стайная птица, и Брэм говорит, что, попадая в неволю, они быстро привязываются к человѣку.

Общительность является общей чертой для очень многих других хищных птиц. Бразильскій коршун (Каракара) — один из самых "Безстыжих" грабителей, оказывается, тѣм не менѣе, чрезвычайно общительным. Его сообщества для охоты были описаны Дарвином и другими натуралистами, при чем оказывается, что если он схватит черезчур крупную добычу, то созывает пять или шесть товарищей, чтобы унести ее. Вечером, когда эти коршуны, все время находящіеся в движеніи, налетались за день, отправляются на покой и садятся на какое-нибудь одинокое дерево в степи, они всегда собираются небольшими стаями, при че к ним присединяются перкноптеры, небольшіе темнокрылые коршуны, похожіе на ворону, — "их истинные друзья", говорит Д'Орбиньи *). В Старом свѣтѣ, в Закаспійских степях, коршуны имѣют, по наблюденіям Заруднаго, ту-же привычку вить свои гнѣзда по нѣсколько в одном мѣстѣ. Общительный гриф **) — одна из самых сильных пород коршунов, — получил самое свое названіе за любовь к обществу. Они живут огромными стаями, и в Африкѣ попадаются горы, буквально покрытыя, в каждом свободном мѣстечкѣ, их гнѣздами. Они положительно наслаждаются общественной жизнью, и собираются очень большими стаями для высоких полетов, составляющих своего рода спорт. "Они живут в большой дружбѣ", говорит Ле-Вальян, и "иногда в одной

---

*) D'Orbigny, "Voyage dans l'Amerique meridionale", t. IV; Brthm, Oiseaux, t. III,

**) Otogyps auricularis.

и той же пещерѣ я находил до трех гнѣзд". *) Коршуны Урубу в Бразиліи отличаются, пожалуй, еще большей общительностью, чѣм грачи, говорит Бэтс **) Маленькіе египетскіе коршуны (Percnopterus stercorarius) тоже живут в большой дружбѣ. Они играют стаями в воздухѣ, вмѣстѣ проводят ночь, и утром гурьбою отправляются в поиски за пищей, при чем между ними не бывает никаких, даже мелких, ссор; так свидѣтельствует Брэм, имѣвшій полную возможность наблюдать их жизнь. Красногорлый сокол также встрѣчается многочислеными стаями в Бразильских лѣсах, а сокол пустельга (Tinnunculus cenchris) оставив Европу и достигнув зимой степей и лѣсов Азіи, собирается в большія сообщества. В степях южной Россіи он ведет (вѣрнѣе, вел) такую общительную жизнь, что Нордман видал его в больших стаях, совмѣстно с другими соколами (Falco tinnunculus, F. oesulon и F. subbuteo), которые собрались в ясные дни около четырех часов по-полудни, и наслаждались своими полетами до поздней ночи. Они обыкновенно летѣли всѣ вмѣстѣ, по совершенно прямой линіи, вплоть до извѣстной, опредѣленной точки, послѣ чего немедленно возвращались по той же линіи и затѣм снова повторяли тот же полет***).

Подобные полеты стаями, ради самаго удовольствія полета, очень обыкновенны среди всякаго рода птиц. Ч. Диксон сообщает, что в особенности по рѣкѣ Эмбер (Humber) на болотистых равнинах, часто появляются в концѣ августа многочисленныя стаи куличков (Tringa alpina, горный песочник, зовут также чернозобик) и остаются на зиму. Полеты этих птиц чрезвычайно интересны, так как собравшись огром-

---

*) Le Vaillant ,"Histoire naturelle des oiseaux d'Afrique". 1795, т. I, p. 70, из котораго Брэм дает большую выписку "Жизнь животных", т. III, стр. 477. Всѣ цитаты из Брэма по французскому изданію.

**) Bates, "A Naturalist on the Amazon", p. 151.

***) Cataloque raisonne des ciseaux de faune pontique' в "Voyage" Демидова; выдержки у Брэма, III, 360.—Во время перелета которой хищныя птицы также собираются стаями. Одна стая, перелет которой через Пиренеи наблюдал H. Seebohm, представляла курьеное собраніе девяти коршунов, одного журавля и странствующаго сокола (Falco peregrinus). См. "The Birds of Siberia", 1901, стр. 417.

ною стаею, они описывают в воздухѣ круги, затѣм разсѣиваются, а затѣм снова собираются, продѣлывая этот маневр с аккуратностью хорошо обученных солдат. Среди них бывают, разсѣяны многіе случайные песочники других видов, улиты и кулики *).

Перечислить здѣсь различныя охотничьи сообщества было бы просто невозможно: они представляют самое обыкновенное явленіе; но слѣдует отмѣтить по крайней мѣрѣ рыбачьи сообщества пеликанов, в которых эти неуклюжія птицы проявляют замѣчательную организацію и смышленность. Они всегда отправляются на рыбную ловлю большими стаями и, выбрав подходящую губу, составляют широкій полукруг, лицом к берегу; мало-по-малу полукруг этот стягивается, по мѣрѣ того, как птицы подгребаются к берегу, и благодаря этому маневру, вся рыба, попавшая в полукруг, вылавливается. На узких рѣках и на каналах пеликаны даже раздѣляются на двѣ партіи, из которых каждая составляет свой полукруг, и обѣ плывут навстрѣчу друг к другу, совершенно также, как если-бы двѣ партіи людей шли навстрѣчу друг к другу с двумя длинными неводами, чтобы захватить рыбу, попавшую между неводов. С наступленіем ночи пеликаны улетают на свое обычное мѣсто отдыха—всегда одно и то же для каждой отдѣльной стаи—и никто никогда не видал, чтобы между ними происходили драки изза того или другого мѣста рыбной ловли, или мѣста отдыха. В южной Америкѣ пеликаны собираются стаями до 40,000 и до 50,000 птиц, часть которых наслаждается сном, в то время как другіе стоят на стражѣ, а часть отправляется на рыбную ловлю **).

Наконец, я совершил бы большую несправедливость по отношенію к нашему столь оклеветанному домашнему воробью, если бы не упомянул о том, как охотно каждый из них дѣлится

---

*) "Scattered among them are many odd Stints and Sanderlings and ringed-plovers". (Ch. Lizon, "Birds in the Northern Shires", стр. 207

**) Max. Perty, "Ueber das Seelenleben der Tihere" (Leipzig, 1876), стр. 87, 103.

всякой находимой им пищей с членами того общества, к которому он принадлежит. Этот факт был хорошо извѣстен древним грекам, и до нас дошло преданіе о том, как греческій оратор воскликнул однажды (цитирую на память): "В то время, как я говорил вам, прилетал воробей, чтобы сказать другим воробьям, что какой-то раб разсыпал мѣшок с зерном, и всѣ они улетѣли подбирать зерно". Тѣм болѣе пріятно мнѣ было найти подтвержденіе этого наблюденія древних в современной небольшой книгѣ Гернея, который вполнѣ убѣжден, что домашніе воробьи всегда увѣдомляют друг друга, когда можно гдѣ-нибудь поживиться пищей. Он говорит: "Как бы далеко от двора фермы ни обмолачивался скирд хлѣба—воробьи во дворѣ фермы всегда оказывались с зобами, набитыми зерном" *). Правда, воробьи с чрезвычайной щепетильностью охраняют свои владѣнія от вторженій чужаков; так, например, воробьи Люксембургскаго сада в Парижѣ жестоко нападают на всѣх других воробьев, которые пытаются, в свою очередь, воспользоваться садом и щедростью его посѣтителей; но внутри своих собственных общин или групп они чрезвычайно широко практикуют взаимную поддержку, хотя иногда дѣло и не обходится без ссор, — как это бывает, впрочем, даже между лучшими друзьями **).

Охота группами и кормленіе стаями настолько обычны в мірѣ птиц, что едва ли нужно приводить еще примѣры: эти два явленія слѣдует разсматривать, как вполнѣ установленный факт. Что-же до силы, которую дают птицам подобныя сообщества, то она вполнѣ очевидна. Самые крупные хищники вынуждены бывают пасовать пред ассоціаціями самых мелких птиц. Даже орлы — даже самый могучій и страшный орел-могильник или боевой орел, которые отличаются такой силой, что могут поднять в своих когтях зайца или молодую антилопу, — бывают принуждены оставлять свою добычу стаям коршунов, которые устраивают правильную охоту за ними, как только замѣтят, что одному из них попалась хорошая добыча. Кор-

---

*) G. H. Gurney, "The House-Sparrow" (London, 1885), стр. 5.

**) См. приложеніе III.

шуны также охотятся за быстрою скопою-рыболовом и отнимают у нея наловленную ею рыбу; но никому еще не приходилось наблюдать чтобы коршуны дрались за обладаніе похищенной таким образом добычей. На стровѣ Кергеленѣ д-р Coues видѣл, как Buphagus (из скворцоваго семейства морская курочка промышленников) преслѣдует чаек с цѣлью заставить отрыгнуть пищу; хотя, с другой стороны, чайки, в соединеніи с морскими ласточками, прогоняют морскую курочку, как только она приближается к их владѣніям, особливо во время гнѣздованія *). Маленькія, но очень быстрыя пиголицы (Vanellus cristatus) смѣло аттакуют хищных птиц. "Атака пиголиц на сарыча, на коршуна, на ворону или на орла — одно из самых интересных зрѣлищ. Чувствуется, что онѣ увѣрены в побѣдѣ, и видишь ярость хищника. В подобных случаях пиголицы в совершенствѣ поддерживают друг друга, и чѣм многочисленнѣе онѣ, тѣм храбрѣе" **). Пиголица вполнѣ заслужила прозвище "доброй матери", которое ей дали греки, так как она никогда не отказывается защищать других водяных птиц от нападеній их врагов. Но даже маленькій обитатель наших садов, бѣлая трясогузка, (Motacilla alba), вся длина которой едва достигает восьми дюймов, заставляет иногда воробьинаго ястреба прекратить охоту. "Я часто восхищался их мужеством и проворством, — писал старик Брэм, — и я убѣжден, что один только сокол способен поймать трясогузку... Когда их стая заставит какого-нибудь хищника удалиться, онѣ оглашают воздух торжествующим писком и затѣм разлетаются". В таких случаях онѣ собираются с опредѣленною цѣлью, погоняться за врагом, — совершенно так же, как нам приходилось наблюдать, что все птичье населеніе лѣса вдруг поднималось при извѣстіи о появленіи в нем какой-нибудь ночной птицы и всѣ — как хищныя птицы, так и маленькія безобидныя пѣвуньи — начинали гоняться за пришельцем и, в концѣ концов, принуждали его вернуться в свое убѣжище.

---

*) Dr. Elliet Coues, "Birds of the Kergeulen Island", в "Smithsonian Miscellaneous Collections", т. XIII, № 2, стр. 11.

**) Brehm, IV, 567.

Какая громадная разница между силами коршуна, сарыча или ястреба, и таких маленьких пташек, как луговая трясогузка! А между тѣм эти маленькія птички, благодаря своим совмѣстным дѣйствіям и храбрости, одерживают верх над грабителями, которые обладают могучим полетом и превосходно вооружены для нападенія! В Европѣ трясогузки не гоняются за тѣми хищными птицами, которыя могут быть опасны для них, но также и за ястребами рыболовами — "скорѣе для забавы, чѣм для нанесенія им вреда", говорит Брэм. В Индіи, по свидѣтельству доктора Джердона, галки гоняются за коршунами (Gowinda) "просто для развлеченія;" а князь Вид (Wied) говорит, что бразильскаго орла, urubitinga, часто окружают безчисленныя стаи туканов ("насмѣшников") и классиков (птица, находящаяся в близком родствѣ с нашими грачами) и издѣваются над ним. "Орел" — прибавляет Вид,— "обыкновенно относится к подобным надоѣданіям очень спокойно; впрочем, от времени до времени, он таки схватит одного из пристающих к нему насмѣшников". Мы видим, таким образом, во всѣх этих случаях (а таких примѣров можно было бы привести десятки), как маленькія птицы, неизмѣримо уступающія по силѣ хищнику, оказываются тѣм не менѣе сильнѣе его, благодаря тому, что дѣйствуют сообща *).

Самых поразительных результатов, в смыслѣ обезпеченія личной безопасности, наслажденія жизнью и развитія умственных способностей путем общественной жизни, достигли два больших семейства птиц, а именно, журавли и попугаи. Жу-

---

*) Что касается домашняго воробья, то Новозеландскій наблюдатель T. W. Kirk слѣдующим образом описывает нападеніе этих "безстыжих" птиц на "злосчастнаго" ястреба: "Он услыхал однажды необычайный шум, как будто всѣ мелкія пташки округа завели колоссальную ссору. Выйдя поглядѣть, в чем дѣло, он увидал большого ястреба (C. gouldi, — питающагося падалью), котораго со всѣх сторон тѣснила стая воробьев. Они бросались на него десятками, сразу со всѣх сторон. Злосчастный ястреб оказывался совершенно безсильным противостоять этому нападенію. Наконец, достигнув одного куста, ястреб бросился к нему и скрылся в нем; но тогда группа воробьев окружила куст, продолжая наполнять воздух немолчным шумом" (Из доклада, читаннаго в засѣданіи Новозеландскаго Института; Nature, Октября 10-го, 1891).

равли чрезвычайно общительны и живут в превосходных отношеніях, не только со своими сородичами, но и с большинством водяных птиц. Их осторожность не менѣе удивительна, чѣм их ум. Они сразу разбираются в новых условіях и дѣйствуют сообразно новым требованіям. Их часовые всегда находятся на стражѣ, когда стая кормится или отдыхает, и охотники по опыту знают, как трудно к ним подобраться. Если человѣку удается захватить их гдѣ-нибудь врасплох — они больше не возвращаются на это мѣсто, не пославши вперед, сперва — одного развѣдчика, а вслѣд за ним — партію развѣдчиков; и когда эта партія возвратится с извѣстіем, что опасности не предвидится, высылается вторая партія развѣдчиков, для провѣрки показанія первых, прежде чѣм вся стая рѣшится двинуться вперед. Со сродными видами журавли вступают в дѣйствительную дружбу, а в неволѣ нѣт другой птицы, — за исключеніем только не менѣе общительнаго и смышленаго попугая, — которая вступала бы в такую дѣйствительную дружбу с человѣком. "Журавль видит в человѣкѣ не хозяина, а друга, и всячески старается выразить это," говорит Брэм, на основаніи личнаго опыта. С ранняго утра до поздней ночи журавль находится в непрерывной дѣятельности; но он посвящает всего нѣсколько часов утром на добываніе пищи, главным образом растительной; остальное же время он отдает жизни в обществѣ. "Он схватывает маленькіе кусочки дерева или камешки, подбрасывает их на воздух, пытаясь потом снова схватить их; он выгибает шею, распускает крылья, пляшет, подпрыгивает, бѣгает и всячески выражает свое хорошее настроеніе, и всегда остается красивым и граціозным" *). Так как он постоянно живет в обществѣ, то почти не имѣет врагов, и хотя Брэму приходилось иногда наблюдать, как одного из них случайно схватил крокодил, но за исключеніем крокодила, он не знал никаких других врагов у журавля. Осторожность журавля, вошедшая в пословицу, спасает его от всѣх врагов, и вообще он доживает до глубокой старости. Не удивительно поэтому, что для сохраненія вида журавлю нѣт надобности во-

---

*) Brthm, IV, 671, seg.

спитывать многочисленное потомство, и он обыкновенно кладет не болѣе двух яиц. Что касается до высокаго развитія его ума, то достаточно сказать, что всѣ наблюдатели единогласно признают, что умственныя способности журавля сильно напоминают способности человѣка.

Другая чрезвычайно общительная птица, попугай, стоит, как извѣстно, по развитію ея умственных способностей, во главѣ всего пернатаго міра. Их образ жизни, так превосходно описан Брэмом, что мнѣ достаточно будет привести нижеслѣдующій отрывок, как лучшую характеристику:

"Попугаи, говорит он, живут очень многочисленными обществами или стаями, за исключеніем періода спариванія. Они выбирают для стоянки мѣсто в лѣсу, откуда каждое утро отправляются на свои охотничьи экспедиціи. Члены каждой стаи очень привязаны друг к другу и дѣлят между собою и горе, и радость. Каждое утро они всѣ вмѣстѣ отправляются в поле, или в сад, или на какое-нибудь фруктовое дерево, чтобы кормиться там фруктами или плодами. Они разставляют часовых для охраны всей стаи и внимательно относятся к их предостереженіям. В случаѣ опасности, всѣ спѣшат улетѣть, оказывая поддержку друг-другу, а вечером всѣ в одно и то же время возвращаются на мѣсто отдохновенія. Короче гворя, они всегда живут в тѣсном дружественном союзѣ".

Они также находят удовольствіе в обществѣ других птиц. В Индіи—говорит Латард—сойки и вороны слетаются из-за многих миль, чтобы провести ночь вмѣстѣ с попугаями, в бамбуковых зарослях. Отправляясь на охоту, попугаи проявляют не только удивительную смышленность и осторожность, но и умѣнье соображаться с обстоятельствами. Так, например, стая бѣлых какаду в Австраліи, прежде чѣм начать грабить хлѣбное поле, непремѣнно сперва вышлет развѣдочную партію, которая располагается на самых высоких деревьях, по-сосѣдству с намѣченным полем, тогда как другіе развѣдчики садятся на промежуточныя деревья, между полем и лѣсом, и передают сигналы. Если сигналы извѣщают что "все в порядкѣ" тогда десяток какаду отдѣляется от стаи, дѣлает нѣсколько кругов в воздухѣ и направляется к деревьям, ближайшим к полю. Эта вторая партія, в свою очередь, довольно долго осматривает окрестности и только послѣ такого осмотра дает сигнал к

общему передвиженію,—послѣ чего вся стая снимается сразу и быстро обирает поле. Австралійскіе колонисты с большим трудом преодолѣвают бдительность попугаев; но если человѣку, при всей его хитрости и с его оружіем, удастся убить нѣсколько какаду, то они становятся послѣ того настолько бдительными и осторожными, что уже растраивают вслѣд за тѣм всѣ ухищренія врагов*).

Нѣт никакого сомнѣнія, что только благодаря общественному характеру их жизни, попугаи могли достичь того высокаго развитія смышлености и чувств, почти доходящих до человѣческаго уровня, которое мы встрѣчаем у них. Высокая их смышленость побудила лучших натуралистов назвать нѣкоторые виды—а именно сѣрых попугаев,—птицей—человѣком". А что касается до их взаимной привязанности, то извѣстно, что если один из их стаи бывает убит охотником, остальные начинают летать над трупом своего сотоварища с жалостными криками и "сами падают жертвами своей дружеской привязанности",—как писал Одюбон; а если два плѣнных попугая, хотя бы принадлежащих к двум разным видам, подружились между собою, и один из них случайно умирает, то другой также нерѣдко погибает от тоски и горя по умершем другѣ.

Не менѣе очивидно и то, что в своих сообществах попугаи находят несравненно большую защиту от врагов, чѣм они могли бы найти при самом идеальном развитіи у них "клюва и когтей ". Весьма не многія хищныя птицы и млекопитающія осмѣливаются нападать на попугаев,—и то только на мелкія породы,—и Брэм совершенно прав, говоря о попугаях, что у них, как у журавлей и у общительных обезьян, едва ли имѣются какіе-либо иные враги, помимо человѣка; при чем он прибавляет: "весьма вѣроятно, что большинство крупных попугаев умирает от старости, а не от когтей своих врагов. Один только человѣк, благодаря своему разуму и вооруженію—которые также составляют результат его жизни обществами,—может до

*) R. Lendetfeld в газетѣ "Der soolegishe Garten" 1889 года.

извѣстной степени истреблять попугаев. Самая их долговѣчность оказывается, таким образом, результатом их общественной жизни. И, по всей вѣроятности, нужно тоже сказать о их поразительной памяти, развитію которой несомнѣнно способствует жизнь обществами, а также долговѣчность, сопровождаемая полным сохраненіем как тѣлесных так и умсвенных способностей вплот до глубокой старости.

Из всего вышеприведеннаго видно, что война всѣх против каждаго вовсе не является преобладающим законом природы. Взаимная помощ—настолько же закон природы, как и взаимная борьба, и этот закон станет для нас още очевиднѣе, когда мы разсмотрим нѣкоторыя другія сообщества птиц и общественную жизнь млекопитающих. Нѣкоторыя бѣглыя указанія на значеніе закона взаимной помощи в эволюціи животнаго царства уже сдѣланы были на предыдущих страницах; но значеніе его выяснится с большею опредѣленностью, когда, приведя нѣсколько фактов, мы сможем сдѣлать на основаніи их наши заключенія.

ГЛАВА II.

Взаимная помощь у животных.
(Продолженіе.)

Перелет птиц.—Собщества для изслѣдованія.—Осеннія сообщества.—Млекопитающія: малое число видов необщительных.—Охотничьи сообщества волков, и т. д.—Сообщества грызунов; обезьян.—Взаимная помощь в борьбѣ за жизнь.—Аргументація Дарвина для доказательства борьбы за жизнь в предѣлах вида.—Естественныя препятствія чрезмѣрному размноженію.—Предполагаемое уничтоженіе промежуточных звеньев.—Устраненіе соперничества в Природѣ.

Лишь только весна снова наступает в умѣренном поясѣ, цѣлыя миріады птиц, разсѣянных по теплым странам юга собираются в бесчисленныя стаи и, полныя радостной энергіи, спѣшат на Сѣвер — выводить потомство. Каждая изгородь,

каждая роща, каждая скала на берегах океана, каждое озеро или пруд, которыми усѣяны Сѣверная Америка, Сѣверная Европа и Сѣверная Азія, могли-бы разказать нам в эту пору года о том, что представляет собою взаимная помощь в жизни птиц; какую силу, какую энергію и сколько защиты она дает каждому живому существу, как бы слабо и беззащитно оно ни было само по себѣ.

Возьмите, например, одно из безчиленных озер русских или Сибирских степей, раннею весною. Берега его населены миріадами водяных птиц, принадлежащих, по меньшей мѣрѣ, к двадцати различным видам, живущим в полном согласіи и постоянно защищающим друг друга. Вот как Сѣверцов описывает одно из таких озер:

"Затемнѣло озеро между желто-рыжими песками и темнозелеными талами и камышами... Оно кипит птицами. Голова кружится от этого вихря... Воздух наполнен рыбниками (Larus rudibundus и Sterna hirundo), потрясаясь их звонким криком. Тысячи куликов снуют и посвистывают по берегу... далѣе, почти на каждой волнѣ колышется, крякает утка. Высоко тянут стада казарок; ниже то и дѣло налѣтают на озеро подорлики (Aquila clanga) и болотные луни, немедленно преслѣдуемые крикливой стаей рыбников... У меня глаза разбѣжались"*).

Вездѣ жизнь бьет ключем. Но вот и хищники—"наиболѣе сильные и ловкіе," как говорит Гексли, "и идеально приспособленные для нападенія", как говорит Сѣверцов. И вы слышите их голодные, жадные, озлобленные крики, когда они, в продолженіе цѣлых часов, выжидают удобнаго случая, чтобы выхватить из этой массы живых существ хотя бы одну беззащитную особь. Но лишь только они приближаются, как об их появленіи возвѣщают дюжины добровольных часовых, и сейчас же сотни чаек и морских ласточек начинают гонять хищника. Обезумѣв от голода, он наконец отбрасывает обычныя предосторожности: он внезапно бросается на живую массу птиц; но, аттакованный со всѣх сторон, он снова бывает вы-

*) Н. А. Сѣверцов: "Періодическія явленія в жизни звѣрей и пр. в Воронежской губерніи", Москва, 1855, стр. 251.

нужден отступить. В порывѣ голоднаго отчаянія он набрасывается на диких уток; но смышленныя общительныя птицы быстро собираются в стаю и улетают, если хищник оказался рыбным орлом; если это сокол, онѣ ныряют в озеро; если же это коршун, — онѣ поднимают облака водяной пыли и приводят хищника в полное замѣшательство *). И в то время, как жизнь по-прежнему кишмя-кишит на озерѣ, хищник улетает с гнѣвными криками и ищет падали или какой нибудь молоденькой птички или полевой мышки, которыя еще не привыкли повиноваться во время предостереженіям товарищей: В присутствіи всей этой, потоками льющейся, жизни, идеально-вооруженному хищнику приходится довольствоваться одними отбросами жизни.

Еще далѣе к сѣверу, в Арктическх архипелагах "вы можете плыть цѣлыя мили вдоль берега, и вы видите, что всѣ выступы, всѣ скалы и уголки горных склонов, на двѣсти, а не то и на пятьсот футов над морем, буквально покрыты морскими птицами, бѣлыя грудки которых выдѣляются на фонѣ темных скал, так что скалы кажутся как будто обрызганы мѣлом. Воздух вблизи и вдали, переполнен птицами". **)

Каждая из таких "птичьих гор" представляет живой примѣр взаимной помощи, а также безконечнаго разнообразія характеров, личных и видовых, являющихся результатом общественной жизни. Так, например, устричник ***) извѣстен своей готовностью нападать на любую хищную птицу. Болотный куличок****), славится своей бдительностью и умѣньем —дѣлаться вожаком болѣе мирных птиц. Близкій пред'идущей "переводчик"*****), когда он окружен товарищами, принадлежащими к болѣе крупным видам, предоставляет им заботится об охранѣ всѣх, и даже становится довольно боязливою птицею;

---

*) Зейфферлиц, цитированный Брэмом, IV, 760.

**) "The Arctic Voyages of A. E. Nordenskjold", Лондон, 1879 г. стр. 135. См. также сильное описаніе островов, Св. Кильды г. Диксоном (цитируется г-ном Seebehm), а также, впрочем, описаніе любого Арктическаго путешествія.

***) Haematopus.

****) Limosa.

*****) Тоже "Камнетарка", Strepsilas interpres.

но когда ему приходится быть окруженным мелкими пташками, он принимает на себя, в интересах сообщества, обязанность часового, и заставляет себя слушаться, говорит Брэм. Здѣсь вы можете наблюдать властолюбивых лебедей; и на ряду с ними—чрезвычайно общительных, даже нѣжных чаек киттиваке*), между которыми, как говорит Науманн, ссоры очень рѣдки и всегда бывают кратковременны; вы видите привлекательных полярных кайр, постоянно расточающих ласки друг другу; эгоисток-гусын, отдающих на произвол судьбы сирот, оставшихся послѣ убитой подруги, и рядом с ними—других гусын, которыя заботятся о таких сиротах и плавают, окруженныя 50—60 малышами, о которых онѣ заботятся, как будто всѣ были их родными дѣтьми. На ряду с пингвинами, ворующими друг у друга яйца, вы увидите пыжиков**), семейныя отношенія которых так "очаровательны и трогательны", что даже страстные охотники не рѣшаются стрѣлять в самку пыжика, окруженную выводком; или гагок, среди которых (подобно бархатными усками, или "coroyas" савани) нѣсколько самок высиживают яйца в одном и том-же гнѣздѣ; или кайр, которыя—так утверждают достойные довѣрія наблюдатели—иногда поочередно сидят над общим выводком. Природа—само разнообразіе, и она представляет всевозможные оттѣнки характеров, до самых возвышенных; поэтому-то природу нельзя и изобразить одним каким-нибудь широко-вѣщательным утвержденіем. Еще менѣе можно судить о ней с точки зрѣнія моралиста, так как вгляды моралиста сами являются результатом,—большею частью безсознательных,—наблюденій над природой ***).

Привычка собираться вмѣстѣ в період гнѣздованія настолько обыкновенная у большинства птиц, что едва ли надо приводить дальнѣйшіе примѣры. Вершины наших деревьев увѣнчаны группами вороньих гнѣзд; живыя изгороди полны гнѣзд мелких пташек; на фермах гнѣздятся колоніи ласточек,

---

*) Трехпалая Rissa tridactyla.

**) Uria brunnichii.

***) См. Приложеніе III.

в старых башнях и колокольнях укрываются сотни ночных птиц; легко было бы наполнить цѣлыя страницы самыми очаровательными описаніями мира и гармоній, встрѣчаемых почти во всѣх этих птичьих сообществах для гнѣздованія. А насколько такія сообщества служат защитою для самых слабых птиц, само собою очевидно. Такой превосходный наблюдатель, как американскій д-р Коуес видѣл, напримѣр, как маленькія ласточки (cliff Swallous) устраивали свои гнѣзда в непосредственном сосѣдствѣ со степным соколом (Falco polyargus). Сокол свил себѣ гнѣздо на верхушкѣ одного из тѣх глиняных минаретов, которых так много в каньонах Колорадо, а колонія ласточек жила непосредственно пониже его. Маленькія миролюбивыя птички не боялись своего хищнаго сосѣда: онѣ просто не позволяли ему приближаться к своей колоніи. Если он это дѣлал, онѣ немедленно окружали его и начинали гонять, так что хищнику приходилось тотчас же удалиться*)

Жизнь сообществами не прекращается и тогда, когда закончено время гнѣздованія; она только принимает новую форму. Молодые выводки собираются тогда в сообщества молодежи, в которыя обыкновенно входит по нѣсколько видов. Общественная жизнь практикуется в это время главным образом ради доставляемаго ею удовольствія, а также, отчасти, ради безопасности. Так мы находим осенью в наших лѣсах сообщества, составленныя из молодых кедровок (Sita coesia). вмѣстѣ с птицами, зябликами, корольками, пищухами и зеле-

---

*) Elliot Coues, в (Bulletin U. S. Geol. Survey of territories, IV, No. 7, стр. 556 579 etc. ꟾ Среди Чаек (Larus argentatus) Полякову пришлось наблюдать на болотах Сѣверной Россіи. что мѣста, гдѣ находятся гнѣзда значительнаго количества этих птиц, всегда были охраняемы самцом, который предупреждал всю колонію о приближающейся опасности. В таком случаѣ всѣ птицы поднимались сразу и с большой энергіей нападали на врага. Самки, у которых было 5—6 гнѣзд, рядом на каждом бугоркѣ болота, держались извѣстной очереди, когда оставляли гнѣзда для поисков за пищей. Птенцы, совершенно беззащитные и легко могущіе сдѣлаться добычей хищных птиц (никогда не оставлялись одни, без охраны (Семейные обычаи у водяных птиц), в Извѣстіях Зоол. Отд. Спбургск. Общ. Естест.) дек. 17, 1874).

ными дятлами *). В Испаніи, ласточки встрѣчаются в компаніи с пустельгами, мухоловками и даже голубями. На американском Дальнем Востокѣ молодые хохлатые жаворонки lark) живут в больших сообществах, совмѣстно с другим видом полевых жаворонков (Sprague's lark), с воробьем саванн (Savannah Sparrow) и нѣкоторыми видами овсянок и подорожников *). В сущности гораздо легче было бы описать всѣ виды, ведущіе изолированную жизнь, чѣм поименовать тѣ виды, которых молодеж составляет осеннія сообщества, вовсе не в цѣлях охоты и гнѣздованія, а лиш только для того, чтобы наслаждаться жизнью в обществѣ и проводить время в играх и спорѣ, послѣ тѣх немногих часов, которые им приходится отдавать на поиски за кормом.

Наконец, мы имѣем перед собою еще одну громаднѣйшую область взаимопомощи у птиц, во время их перелета; она до того обширна, что я могу только в немногих словах напомянуть этот великій факт природы. Достаточно сказать, что птицы, жившія до тѣх пор цѣлые мѣсяцы маленькими стаями, разсыпанными на обширном пространствѣ, начинают собираться весною или осенью тысячами; нѣсколько дней под ряд, иногда недѣлю или болѣе,—онѣ слетаются в опредѣленное мѣсто, прежде чѣм пуститься в путь и, очевидно, обсуждают подробности предстоящаго путешествія. Нѣкоторые виды каждый день, под вечер, упражняются в подготовительных полетах, готовясь к дальнему путешествію. Всѣ они поджидают своих запоздавших сородичей и, наконец, всѣ вмѣстѣ исчезают в один прекрасный день, т. е. улетают в извѣстном, всегда хорошо выбранном, направленіи, представляющем несомнѣнно плод накопленнаго, коллективнаго опыта. При этом, самыя сильныя особи летят во главѣ стаи, смѣняясь поочередно для

---

*) Брэм-отец, цитируемый у A. Brehm, IV. 34 seg.; любопытно, что между собою кедровки вовсе не общительны. См. также Whit's. (Natural History of Selborne). писмо XI. На Оби, г. Дерюгин встрѣчал поползней (Sita uralenais) вмѣстѣ с бродячими стаями гаичек (преимущественно Poecile cinta). Труд Спб. Общ. Ест.,XXXIX, вып. 2, 1898, с 90.

*) Dr. Coзes, (Birds of Dekota and Montana), в Bulletin U. S. Survey of Territories, IV, No 7.

выполненія этой трудной обязанности. Таким образом птицы перелетают даже широкія моря, большими стаями, состоящими, как из крупных, так и из мелких птиц; и когда на слѣдующую весну онѣ возвращаются в ту же мѣстность, каждая птица направляется в то же хорошо знакомое мѣсто, и в большинствѣ случаев даже каждая пара занимает то же гнѣздо, которое она чинила или строила в предыдущем году *).

Это явленіе перелета настолько распространено, и в то же время так недостаточно изучено; оно создало столько поразительных привычек взаимопомощи, при чем как эти привычки, так и сам факт переселеній требовали бы спеціальной разработки, что я вынужден воздержаться от дальнѣйших подробностей. Я упомяну только о многочисленных и оживленных собраніях птиц, которыя происходят из года в год на том же самом мѣстѣ, прежде чем онѣ начнут свое далекое путешествіе на сѣвер, или на юг; а равным образом, о тѣх собраніях, которыя можно видѣть на сѣверѣ,—напримѣр при устьях Енисея, или же в сѣверных графствах Англіи, — когда птицы прилетают с юга в свои обычныя мѣста гнѣздованія, но еще не засѣли в свои гнѣзда. В теченіе многих дней, иногда даже цѣлый мѣсяц , онѣ собираются каждое утро и проводят вмѣстѣ около часа, прежде чѣм разлетѣться на поиски за пищей,— быть может, обсуждая мѣста, гдѣ онѣ собираются вить свои гнѣзда **). И если во время перелета, случится, что колонны переселяющихся птиц захватит буря, то это общее горе объединяет птиц самых различных видов. Разнообразіе птиц,

---

*) Часто высказывалось предположеніе. что болѣе крупныя птицы, может быть, переносят на себѣ маленьких, при перелетѣ над Средиземным морем; но факты подобнаго рода до сих пор остаются под сомнѣніем. С другой стороны, вполнѣ установлено, что нѣкоторыя болѣе мелкія птицы пристают во время переселенія к болѣе крупным видам. Этот факт был наблюдаем неоднократно и еще недавно был подтвержден Л. Буксбаумом в Раунгеймѣ. Он видѣл нѣсколько партій журавлей, с которыми в срединѣ и по бокам их колонн летѣли жаворонки. (Der zoologische Garten), 1886, стр. 133). Тм. приложеніе V.

**) H. Seebohm и Ch. Dixon оба упоминают об этой привычкѣ.

которыя, будучи захвачены мятелью во время перелета, бьются о стекла маяков Англіи, просто поразительно. Нужно также замѣтить, что птицы не перелетныя, но медленно передвигающіяся к сѣверу или югу соотвѣтсвенно временам года, т. е. так называемыя бродячія птицы, тоже совершают свои передвиженія небольшими стаями. Онѣ не переселяются в одиночку, чтобы таким образом обезпечить себѣ, каждая порознь, лучшій корм, найти лучшее убѣжище в новой области, но всегда поджидают друг друга и собираются в стаи, прежде чѣм начать свою медленную перекочевку к сѣверу или к югу *).

Переходя тепер к млекопитающим, первое, что поражает нас в этом обширном классѣ животных,—это громаднѣйшее численное преобладаніе общительных видов над тѣми немногими хищниками, которые живут особняком. Плоскогорья, горныя страны, степи и низменности Стараго и Новаго свѣта буквально кишат стадами оленей, антилоп, газелей, буйволов, диких коз и диких овец, т. е. все животными общественными. Когда европейцы начали проникать в преріи Сѣверной Америки, они нашли их до того густо заселенными буйволами, что піонерам приходилось иногда останавливаться, и на долго, когда колонна перекочевывающих буйволов пересѣкала их путь; такое шествіе буйволов густою колонною продолжалось иногда два или три дня; а когда русскіе заняли Сибирь — они нашли в ней такое огромное количество оленей, антилоп, косуль, бѣлок и других общительных животных, что самое завоеваніе Сибири было не что иное как охотничья экспедиція, разтянувшаяся на два столѣтія. Травянистыя же степи Восточной Африки до сих пор переполнены стадами зебр и разнообразных видов антилоп *).

Вплоть до очен недавняго времени мелкія рѣки Сѣверной Америки и Сѣверной Сибири были еще заселены колоніями бобров, а в Европейской Россіи, вся сѣверная ея часть, еще в

---

*) Этот факт хорошо извѣстен всякому натуралисту, изучавшему жизнь природы; относительно Англіи нѣкоторые примѣры могут быть найдены в работѣ Charles Dizon, (Amons the Birds in Northern Shires) Зяблики прилетают во время зимы большими стаями; около того-же времени, т. е. в ноябрѣ, прилетают стаи вьюнков; дрозды также посѣщают эти мѣста (такими же большими компаніями) и т. д.

*) См. Приложеніе VI.

17-м вѣкѣ была покрыта подобными же колоніями. Луговыя равнины четырех великих континентов до сих пор еще густо заселены безчисленными колоніями кротов, мышей, сурков, тарбаганов, "земляных бѣлок" и других грызунов. В болѣе низких широтах Азіи и Африки лѣса по сію пору являются жилищем многочисленных семей слонов, носорогов, гиппопотамов, и безчисленных сообществ обезьян. На дальнем Сѣверѣ олени собираются в безчисленныя стада, а еще дальше на сѣвер мы находим стада мускусных быков и неисчислимыя сообщества песцов. Берега океана оживлены стадами тюленей и моржей, а его воды — стадами общительных животных, принадлежащих к семейству китов; наконец, даже в пустынях высокаго плоскогорія Центральной Азіи мы находим стада диких лошадей, диких ослов, диких верблюдов и диких овец. Всѣ эти млекопитающія живут сообществами и племенами, насчитывающими иногда сотни тысяч особей, хотя теперь, послѣ трех вѣков цивилизаціи, пользовавшейся порохом, мы находим лишь жалкіе остатки тѣх неисчислимых сообществ животных, которыя существовали в былыя времена.

Как ничтожно, по сравненію с ними, число хищников! И как ошибочна, вслѣдствіи этого, точка зрѣнія тѣх, кто говорят о животном мірѣ, точно он весь состоит из одних только львов и гіен, запускающих окровавленные клыки в свою добычу! Это все равно, как если-бы мы стали утверждать, что вся жизнь человѣчества сводится на однѣ войны и избіенія.

Ассоціація и взаимная помощь являются правилом у млепитающих. Привычка к общественной жизни встрѣчается даже у хищников, и, во всем этом обширном классѣ животных, мы можем назвать только одно семейство, Кошачьих (львы тигры, леопарды и т. д.), котораго члены дѣйствительно предпочитают одинокую жизнь жизни общественной и только изрѣдка встрѣчаются — теперь, по крайней мѣрѣ — небольшими группами. Впрочем, даже среди львов, (самое обыкновенное дѣло— охотиться группами" говорит извѣстный охотник и знаток С. Бэкеръ*); а недавно г. Н. Шиллингсъ, охотившійся

*) Samuel W Baker (Wild Beasts), etc. vol. I, стр. 316.

в экваторіальной восточной Африкѣ, даже снял фотографію — ночью, при внезапной вспышкѣ магніеваго свѣта — со львов, собирающихся группами в три взрослых особи, и охотившихся сообща; утром же он насчитывал у рѣки, к которой во время засухи стекались ночью на водопой стада зебров, слѣды еще большаго количества львов — до тридцати, — приходивших охотиться за зебрами, при чем, конечно, никогда, за много лѣт, ни Шиллингсъ, ни кто-либо другой, не слыхал что бы львы дрались или ссорились из-за добычи *). Что же касается до леопардов и до южно-американской пумы (род небольшаго льва) то их общительность хорошо извѣстна.

В семействѣ Вивер (виверы, циветы и т. д.),—хищников, представляющих нѣчто среднее между кошками и куницами, и в семействѣ Куниц (куница, горностай, ласка, хорек, барсук и др.) также преобладают одинокій образ жизни. Но можно считать вполнѣ установленным, что, не дальше как в концѣ восемнадцатаго вѣка, обыкновенная ласка (Mustela vulgaris) была болѣе общительна, чѣм теперь; она встрѣчалась тогда в Шотландіи, а также в Унтервальденском кантонѣ Швейцаріи, болѣе многочисленными группами.

Что касается до обширнаго семейства Собак (собаки, волк, шакал, лисица, песец) то их общительность и их сообщества в цѣлях охоты можно разсматривать, как характерную черту для многочисленных видов этого семейства. Всѣм извѣстно, как волки собираются стаями для охоты, и изслѣдователь природы Альп, Чуди, оставил превосходное описаніе того, как расположившись полукругом, они окружают корову, пасущуюся на горном склонѣ, а потом, выскочивши внезапно с громким лаем, заставляют ее свалиться в пропасть*). Одюбон, в тридцатых годах прошлаго столѣтія, также видѣл как Лабрадорскіе волки охотились стаями, при чем одна стая гналась за человѣком

---

*) C. G. Schillings, With Hashlight and Riffe in Aequatorial East Africa) travel by White. 1906.

*) Tschudi (Thierleben der Alpenwelt) и John Franklin (Vie des animaux цитируемые Брэмом, 1, 620.

**) Tschudi, (Thierleben der Alpenwelt), стр. 404.

вплоть до его хижины и разорвали его собак. В суровыя зимы стаи волков дѣлаются настолько многочисленными, что онѣ становятся опасными для людских поселеній, как это было во Франціи в сороковых годах. В русских степях волки никогда не нападали на лошадей, иначе как стаями, при чем им приходится выдерживать ожесточенную борьбу, во время которой лошади (по свидѣтельству Коля) иногда переходят в наступленіе; в подобном случаѣ, если волки не поспѣшат отступить, они рискуют быть окруженными лошадьми, которыя убивают их ударами копыт. Извѣстно также, что степные волки (Canis latrans) американских прерій собираются стаями в 20 и 30 штук, чтобы напасть на буйвола, случайно отбившагося от стада *). Шакалы, которые отличаются большою храбростью и могут считаться одними из самых умных представителей псоваго семейства, постоянно охотятся стаями; об'единенные таким образом, они не страшатся болѣе крупных хищников **). Что-же касается до диких собак Азіи (Холзуны, или Dholes) то Вильямс видѣл, что их большія стаи нападают рѣшительно на всѣх крупных животных, кромѣ слона и носорога, и что им удается побеждать даже медвѣдей и тигров, у которых они, как извѣстно, постоянно отнимают дѣтенышей.

Гіены всегда живут обществами и охотятся стаями и Кемминг с большой похвалой отзывается об охотничьих организаціях пятнистых гіен (Lycaen). Даже лисицы, которыя в наших цивилизованых странах неизмѣнно живут в одиночку, собираются иногда для охоты, как о том свидѣтельствуют нѣкоторые наблюдатели *). Полярная же лисица, т. е. песец, является, или, точнѣе, была во времена Стеллера, в первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, одним из самых общительных животных. Читая разказ Стеллера о той войнѣ, которую пришлось вести злосчастному экипажу Беринга с этими малень-

---

*Houzeau (Etudes), II, 463.

**) Об их охотничьих ассоціаціях см. E. Tennant's (Natural History of Ceylon), цитируемаго Романесом, в (Animal Intelligence), стр. 432.

***) См. письмо Эмиля Гютера в "Liebe" Бюхнера.

кими смышлеными животными, не знаеш чему больше удивляться: необычайному-ли уму песцов и взаимной поддержкѣ, которую они проявляли при откапываніи пищи, зарытой под камнями, или же сложенной на столбах (один из них в таком случаѣ взбирался на верхушку столба и сбрасывал пищу поджидавшим внизу товарищам), или же безсердечію человѣка, доведеннаго до отчаянія их многочисленными стаями. Даже нѣкоторые медвѣди живут сообществами, в тѣх мѣстностях, гдѣ их не безпокоит человѣк. Так,Стеллер видѣл многочисленныя стада черных камчатских медвѣдей, а полярных медвѣдей иногда встрѣчали небольшими группами. Даже не очен смышленныя насѣкомоядныя не всегда пренебрегают ассоціацией *).

Впрочем, наиболѣе развитыя формы взаимопомощи мы находим в особенности среди грызунов, копытных и жвачных. Бѣлки в значительной мѣрѣ индивидуалистки. Каждая из них строит свое уютное гнѣздо и запасает свою провизію. Онѣ склонны к семейной жизни, и Брэм находил, что онѣ особенно бывают счастливы, когда оба выводка того же лѣта соберутся со своими родителями в каком-нибудь глухом уголкѣ лѣса. Но бѣлки все-таки поддерживают общественныя отношенія. Обитатели отдѣльных гнѣзд находятся в тѣсных взаимных сношеніях, и если в лѣсу, гдѣ онѣ живут, окажется недород сосновых шишек, онѣ переселяются цѣлыми большими отрядами. Что же касается до чорных бѣлок Дальняго Запада в Америкѣ, то онѣ особенно отличаются своей общительностью. За исключеніем нѣскольких часов, затрачиваемых ежедневно на фуражировку, онѣ проводят свою жизнь в играх, собираясь для этой цѣли многочисленными группами. Когда же размножаются черезчур быстро в какой-нибудь области, как было, например, в Пенсильваніи в 1749 году, онѣ собираются стадами, почти столь же многочисленными, как тучи саранчи, и двигаются на юго-запад,—в данном случаѣ,—опустошая по пути лѣса, поля и сады; при этом, конечно, вслѣд за их густыми колоннами пробираются лисицы, хорьки, соколы и вся-

---

*) См. Приложеніе VII-е

кія ночныя птицы, кормящіеся отсталыми особями. Сродный обыкновенной бѣлкѣ бурундук отличается еще большей общительностью. Он — большой скопидом, и в своих подземных ходах накопляет большіе запасы с'ѣдобных корней и орѣхов, которые осенью обыкновенно грабят люди. По мнѣнію нѣкоторых наблюдателей, бурундук даже знаком до извѣстной степени с радостями, испытываемыми скрягою. Но, тѣм не менѣе, он остается общительным животным. Он всегда живет большими поселеніями, и когда Одюбон вскрывал зимою нѣкоторыя жилища хаки (ближайшаго американскаго сородича нашего бурундука), он находил по нѣсколько особей в одном помѣщеніи; запасы в таких норах, очевидно, были заготовлены общими усиліями.

Большое семейство Сурков, в которое входят три обширных рода; собственно сурков, сусликов и американских "луговых собак" (**Arctomys, Spermophilus** и **Cynomys**) отличаются еще большею общительностью и еще большею смышленностью. Всѣ представители этого семейства также предпочитают имѣть каждый свое жилище; но живут они большими поселеніями. Страшный враг хлѣбных посѣвов в южной Россіи —суслик—около десяти милліонов котораго истребляется ежегодно одним человѣком, живет безчисленными колоніями; и в то время, как русскія земства серьезно обсуждают средства, как избавиться от этого "врага общества", суслики, собравшись тысячами в своих поселках, наслаждаются жизнью. Их игры так очаровательны, что нѣт ни одного наблюдателя, который не выразил бы сперва своего восхищенія и не разсказал бы об мелодических концертах, составляющихся из рѣзкаго свиста самцов и меланхолическаго посвистыванья самок, — прежде чѣм, вспомнив о своих гражданских обязанностях, он займется изобрѣтеніем различных дьявольских средств для истребленія этих маленьких грабителей. Так как разведеніе всякаго рода хищных птиц и звѣрей для борьбы с сусликами оказалось тщетным, то теперь послѣднее слово науки в этой борьбѣ — прививка холеры.

Поселенія "луговых собак" (**Cynomys**) в преріях Сѣверной Америки представляют одно из самых привлекательных

зрѣлищ. Насколько глаз может охватить пространство преріи, он вездѣ видит маленькія земляныя кучки,и на каждой из них стоит звѣрек, ведущій самый оживленный разговор со своими сосѣдями, путем отрывистых звуков в родѣ лая. Как только подан кѣм-нибудь сигнал о приближеніи человѣка, всѣ в одно мгновеніе ныряют в свои норки, исчезая как, по волшебству. Но как только опасность миновала, звѣрки немедленно выползают. Цѣлыя семьи выходят из своих нор и начинают играть. Молодые царапают и задирают друг друга, ссорятся, граціозно становятся на заднія лапки, тогда как старики стоят на стражѣ. Цѣлыя семьи ходят в гости друг к другу, и хорошо протоптанныя тропинки между земляными кучами показывают что такія посѣщенія повторяются очень часто. Короче говоря, нѣкоторыя из лучших страниц наших лучших естествоиспытателей посвящены описанію сообществ луговых собак в Америкѣ, сурков в Старом Свѣтѣ и полярных сурков в альпійских областях. Тѣм не менѣе, мнѣ приходится повторить относително сурков то же, что я сказал о пчелах. Они сохранили свои боевые инстинкты, которые и проявляются у них в неволѣ. Но в их больших сообществах, в общеніи с вольной природой, противообщественные инстинкты не имѣют почвы для своего развитія, и в конечном розультатѣ получается мир и гармонія.

Даже такія сварливыя животныя, как крысы, которыя вѣчно грызутся между собою в наших погребах, достаточно умны, чтобы не только не ссориться, когда онѣ занимаются грабежом кладовых, но чтобы оказывать помощ друг другу во время своих набѣгов и переселеній. Извѣстно, что онѣ иногда даже кормят своих инвалидов. Зато боровая, или мускусная крыса Канады (наша ондатра) и выхухоль отличаются высокою общественностью. Одюбон с восхищеніем говорит об их "мирных общинах, для счастья которых нужно только, чтобы их не тревожили." Подобно всѣм общительным животным, онѣ жизнерадостны, игривы, легко соединяются с другими видами животных и вообще об них можно сказать, что онѣ достигли высокой степени умственнаго развитія. При постройкѣ их поселеній, всегда разположенных на берегах озер и рѣк, онѣ, повидимому, принимают в разсчет измѣняющійся уровень воды,

говорит Одюбон; их куполообразныя жилища, сбитыя из глины с камышом, имѣют отдѣльные уголки для органических отбросов; а их залы, в зимнее время, хорошо устланы листьями и травою; в них тепло, но в то же время онѣ хорошо провѣтриваются. Что же касается до бобров, которые, как извѣстно, одарены чрезвычайно симпатичным характером, то их поразительныя плотины и поселенія, в которых живут и умирают цѣлыя поколѣнія, не зная других врагов, кромѣ выдры и человѣка, представляют поразительные образцы того, что может дать животному взаимная помощь для сохраненія вида, для выработки общественных привилегій и для развитія умственных способностей. Плотины и поселенія бобров хорошо извѣстны всѣм интересующимся жизнью животных, а потому я не буду далѣе останавливаться на них. Замѣчу только что у бобров, у ондатры и у нѣкоторых других грызунов мы уже находим ту черту, которая также является отличительной чертой человѣческих сообществ, а именно — работу сообща.

Я прохожу молчаніем два больших семейства, в состав которых входят прыгающія мыши (египетская жербоа, или эмуранчик, и алактага), шиншила, вискача (американскій земляной заяц) и тушканчик (земляной заяц южной Россіи), хотя нравы всѣх этих мелких грызунов могли бы служить прекрасным образчиком тѣх удовольствій, которыя извлекаются животными из общественной жизни *). Именно — удовольствій, так как чрезвычайно трудно опредѣлить, что сводит животных вмѣстѣ: потребность ли во взаимной защитѣ, или просто удо-

---

*) Относительно вискачи должно отмѣтить тот очень интересный факт, что эти высоко-общительныя маленькія животныя не только миролюбиво живут вмѣстѣ в своих поселеніях, но по ночам навѣщают цѣлыми поселками своих сосѣдей. Общительность, таким образом, простирается на весь вид, а не только на данное сообщество или племя, как мы видим у муравьев. Когда фермер разоряет нору вискач, погребая ея обитателей под кучей земли, другія вискачи, по словам Hudsona'a приходят из довольно отдаленных мѣстностей, чтобы откопать этих заживо-погребенных) A Naturolist in La Plata) 1892, стр. 311). Этот общеизвѣстный в Ла-Платѣ факт был провѣрен самим автором.

вольствіе, привычка чувствовать себя окруженным своими сородичами. Во всяком случаѣ, наши обыкновенные зайцы, которые не собираются в сообщества для совмѣстной жизни и даже не одарены особенно сильными родительскими чувствами, тѣм не менѣе не могут жить без того, чтобы не собираться для совмѣстных игр. Дитрих Де-Винкелль, считающійся лучшим знатоком жизни зайцев, описывает их, как страстных игрунов которые так опьяняются процессом, игри, что извѣстен случай, когда разыгравшіеся зайцы приняли подкравшуюся лисицу за товарища по игрѣ *). Что же касается кроликов, то они постоянно живут обществами, и вся их семейная жизнь покоится на началах древней патріархальной семьи; молодежь находится в полном подчиненіи у отца и даже у дѣдушки *). В данном случаѣ мы имѣем очень интересный случай: эти два очень близких вида, кролики и зайцы, не выносят друг друга, не потому, чтобы они питались одинаковою пищею, как обыкновенно принято об'яснять подобные случаи, но вѣроятнѣе всего, потому, что страстный заяц, большой индивидуалист при том, не может вести дружбу с таким покойным, смирным и покорным созданіем, как Кролик. Их темпераменты настолько различны, что должны быть препятсвіем дружбѣ,

В обширном семействѣ Лошадиных, в которое входят дикія лошади и дикіе ослы Азіи, зебры, мустанги, cimarrones пампасов и полу-дикія лошади Монголіи и Сибири, мы опять находим самую тѣсную общительность. Всѣ эти виды и породы живут многолисленными табунами, из которых каждый слагается из многих косяков, по нѣскольку кобыл в каждом, под руководством одного жеребца. Эти безчисленные обитатели Стараго и Новаго Свѣта, вообще говоря довольно слабо организованные для борьбы с их многочисленными врагами, а также для защиты от неблагопріятных климатических условій, скоро исчезли бы с лица земли, если бы не их общительный дух. Когда к ним приближается хищник, нѣсколько косяков немедленно соединяются вмѣстѣ; они отражают нападеніе хищ-

*) (Handbudh fur jager und Jagdbereshtigte цитируемый Брэмом, II, 223.

*) Buffon, (Histoire Naturalle)

ника и иногда даже преслѣдуют его: вслѣдствіе этого ни волк, ни медвѣдь, ни даже лев не могут выхватить лошади или хотя бы даже зебры, пока она не отбилась от косяка. Даже ночью, благодаря их необыкновенной стадной осторожности и предварительному осмотру мѣстности опытными особями, зебры могут ходить на водопой к рѣкѣ, несмотря на львов, засѣвших в кустарниках *). Когда засуха выжигает траву в преріях, косяки лошадей и зебр собираются стадами, численность которых доходит иногда до десяти тысяч голов, и переселяются на новыя мѣста. А когда зимой в наших азіатских степях разражается мятель, косяки держатся близко друг от друга и вмѣстѣ ищут защиты в какой-нибудь лощинѣ. Но если взаимное довѣріе почему-либо исчезает в косякѣ, или же группу лошадей охватит паника и онѣ разбѣгутся, то большинство их гибнет, а уцѣлѣвших находят послѣ мятели полумертвыми от усталости. Об'единеніе является, таким образом, их главным орудіем в борьбѣ за существованіе, а человѣк — их главным врагом. Отступая перед увеличивающейся численностью этого врага, предки нашей домашней лошади (наименованные Поляковым Equus Przewalskii предпочли переселиться в самыя дикія и наименѣе доступныя части высокаго плоскогорія на границах Тибета, гдѣ они выжили до сих пор, окруженныя, правда, хищниками, и в климатѣ, мало уступающем по суровости Арктической области, но зато в мѣстности, недоступной для человѣка **).

---

*) Это прекрасно видно из очерков Шиллингса в указанной выше книгѣ.

**) Относительно семейства лошадей слѣдует отмѣтить, что квагга-зебра которая никогда не сходится с dauw зеброю, тѣм не менѣе живет в прекрасных отношеніях, не только с страусами, которые превосходно исполняют обязанности часовых, но также с газелями, нѣкоторыми видами антилоп и гну. В данном случаѣ мы имѣем образчик взаимнаго нерасположенія между кваггою и dauw, которое нельзя об'яснить соревнованіем из-за пищи. Уже тот факт, что квагга живет вмѣстѣ со жвачными, питающимися той же травой, как и она, исключает подобную гипотезу, и мы

Много поразительных примѣров общественности можно было бы заимствовать из жизни оленей, и в особенности того обширнаго отдѣла жвачных, в который можно включить косулей, антилоп, газелей, каменных козлов и т. д. — в сущности, из жизни всѣх трех многочисленных семейств: антилоповых, козловых и овцовых Antelopides, Caprides и Ovides). Бдительность, с которой они охраняют свои стада от нападеній хищников; безпокойство, обнаруживаемое цѣлым стадом серн, пока всѣ не перейдут какое-нибудь опасное мѣсто через скалистые утесы; усыновленіе сирот; отчаяніе газели, у которой убит самец или самка, или даже товарищ того же самаго пола; игры молодежи и много других черт можно было бы привести для характеристики их общительности. Но, быть-может, самый поразительный примѣр взаимной поддержки представляют случайныя переселенія Косуль, подобныя тому, которое я однажды наблюдал на Амурѣ.

Когда я пересѣкал высокое плоскогоріе Восточной Азіи и его окраинный хребет, Большой Хинган, по дорогѣ из Забайкалья в Мерген, а затѣм ѣхал далѣе по высоким равнинам Маньчжуріи, на пути к Амуру, я мог удостовѣриться, как скудно были заселены косулями эти почти-необитаемыя мѣста *). Два года спустя я ѣхал верхом вверх по Амуру, и к концу октября достиг нижняго края того живописнаго узкаго прохода, которым Амур пробивается через Доуссэ-Алин (Малый Хинган), прежде чѣм достигнуть низмѣнностей, гдѣ он соединяется с Сунгари. Здѣсь, в станицах, расположенных в этой части малаго Хингана, я застал казаков в сильнѣйшем возбужденіи, так как оказалось, что тысячи и тысячи косуль пе-

---

должны искать об'ясненія в несходствѣ характера, как и в отношеніях зайца к кролику. См. между прочим, Clive Philippo-Wolley (Big Game Shooting) (Bodmington Library) которая содержит превосходные примѣры сожительства различных видов в Восточной Африкѣ.

---

*) Сопровождавшій нас охотник-тунгус собирался жениться и поэтому старался собрать как можно больше шкур косуль, для чего он цѣлые дни рыскал верхом по склонам холмов, в поисках за оленями, пока наш караван двигался по дну долины. Несмотря на это, за весь день ему часто не удавалось убить даже одну косулю, а он был прекрасным охотником.

реплывали здѣсь через Амур, в узком мѣстѣ большой рѣки, с тѣм чтобы добраться до сунгарійских низменностей. В теченіе нѣскольких дней, на протяженіи около шестидесяти верст вверх по рѣкѣ, казаки неустанно избивали косуль, переправлявшихся черед Амур, по которому в то время уже несло много льда. Их убивали тысячами каждый день, но движеніе косуль не прекращалось. Подобнаго переселенія никогда не видали — ни раньше, ни позже — и причины его надо искать, по всей вѣроятности, в том, что в Большом Хинганѣ и на его восточных склонах выпали тогда глубокіе ранніе снѣга, которые и принудили косуль сдѣлать отчаянную попытку — достичь низменностей на востокѣ от Малаго Хингана. И, дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, когда я стал пересѣкать эти послѣднія горы, я нашел их глубоко засыпанными рыхлым снѣгом, доходившим до двух и трех фут глубины. Над этим переселеніем косуль стоит задуматься. Нужно представить себѣ, с какой огромной территоріи (верст в 200 шииною и верст 700 в длину), должны были собраться разбросанныя по ней группы косуль, чтобы начать переселеніе, предпринятое ими под давленіем совершенно исключительных обстоятельств. Нужно представить себѣ затѣм трудности, которыя пришлось преодолѣть косулям, прежде чѣм онѣ пришли к одной общей мысли о необходимости пересѣчь Амур, — не гдѣ попало, а именно южнѣе, там, гдѣ его русло сужено в хребтѣ; и гдѣ, пересѣкая рѣку, онѣ вмѣстѣ с тѣм пересѣкали хребет и выходили к теплым низменностям; и тогда, когда все это представишь себѣ конкретно, нельзя не почувствовать глубокаго удивленія перед степенью и силою общительности, проявленной в данном случаѣ этими умными животными. Не менѣе поразительны также, в смыслѣ способности к об'единенію, и дѣйствію сообща, переселенія бизонов, или буйволов, совершавшіяся в Сѣверной Америкѣ. Правда, буйволы обыкновенно паслись в громадных количествах в преріях; но эти количества составлялись из безконечнаго числа небольших стад, которыя никогда не смѣшивались друг с другом. И всѣ эти мелкія группы, как бы онѣ не были разбросаны по огромной территоріи, в случаѣ необходимости, сходились между собою и образовывали тѣ ог-

ромныя колонны в сотни тысяч особей, о которых я упоминал на одной из предшествующих страниц.

Мнѣ слѣдовало бы также сказать хотя нѣсколько слов о "сложных семействах" слонов, об их взаимной привязанности, об обдуманности, с которой они разставляют своих часовых, и о чувствах симпатіи, развивающихся среди них, под вліяніем такой жизни, полной близкой взаимной поддержки *). Я мог бы упомянуть также об общительных чувствах существующих среди непользующихся доброю славой диких кабанов, и мог бы лишь похвалить их за умѣнье об'единяться в случаѣ нападенія на них хищнаго звѣря **). Гиппотамы и носороги также должны будут имѣть мѣсто в трудѣ, посвященном общительности животных. Нѣсколько поразительных страниц можно было бы также написать об общительности и взаимной привязанности у тюленей и моржей; и наконец, можно было бы упомянуть о хороших чувствах, развитых среди общежительных видов Китоваго семейства. Но мнѣ нужно поговорить еще о сообществах обезьян, которыя особенно интересны тѣм, что представляют переход к обществам порвобытных людей.

Едва ли нужно упоминать о том, что эти млекопитающія, стоящія на самой вершинѣ животнаго міра и наиболѣе приближающіяся к человѣку по своему строенію и по своему уму, отличаются чрезвычайной общительностью. Конечно, в таком огромном отдѣлѣ животнаго міра, включающем сотни видов, мы неизбѣжно встрѣчаем самые разнообразные характеры и нравы. Но, принявши все это во вниманіе, слѣдует признать, что общительность, дѣйствіе сообща, взаимная защита и высокое развитіе тѣх чувств, которыя бывают необходимым послѣд-

*) Согласно Samuel W. Baker'у слоны иногда об'единяются в группы болѣе обширныя, чѣм (сложныя семейства). (Я часто наблюдал), — говорит он, — (в той части Цейлона, которая извѣстна под именем (страны парков), слѣды многочисленных слонов; очевидно, это были довольно большія стада, собравшіяся вмѣстѣ для общаго отступленія из мѣстности, которую онѣ сочли небезопасной) (Wild Beasts and Their Ways), т. I, стр. 102).

**) Домашнія свиньи, когда на них нападают волки, поступают таким же образом (Hudson, I. c.).

ствіем общественной жизни, являются отличительной чертой почти всего обширнаго отдѣла обезьян. Начиная с самых мелких видов и кончая крупнѣйшими, общительность является правилом, из котораго имѣется лишь очень немного исключеній. Ночныя обезьяны предпочитают одинокую жизнь; капуцины (cebus capucinus), атели — самые большіе ревуны, живущіе в Бразиліи и вообще ревуны — живут небольшими семьями; оранг-утангов Уоллэс (Wallace) никогда не встрѣчал иначе, как по одиночкѣ, или очень небольшими группами в три-четыре особи; а гориллы, повидимому, никогда не сходятся в группы. Но всѣ остальные виды обезьян — чимпанзе, гиббоны, древесныя обезьяны Азіи и Африки, макаки, мартышки, всѣ собако-подобные павьяны, мандрилы и всѣ мелкіе игрунки — общительны в высшей степени. Они живут большими стадами, и нѣкоторые соединяются даже по нѣсколько разных видов. Большинство из них чувствуют себя совершенно несчастными в одиночествѣ. Призывный крик каждой обезьяны немедленно собирает все стадо, и всѣ вмѣстѣ храбро отражают нападенія почти всѣх плотоядных животных и хищных птиц. Даже орлы не рѣшаются нападать на обезьян. Наши поля онѣ всегда грабят стаями, при чем старики берут на себя заботу о безопасности сообщества. Маленькія ти-ти, дѣтскія личики которых так поразили Гумбольдта, обнимают и защищают друг друга от дождя, обвертывая хвосты вокруг шей дрожащих от холода сотоварищей. Нѣкоторые виды с чрезвычайной заботливостью относятся к своим раненым товарищам, и во время отступленія никогда не бросают раненаго, пока не убѣдятся, что он умер, и что онѣ не в силах возвратить его к жизни. Так, Джемс Форбз разсказывает в своих "Oriental Memoirs" ("Записках о Востокѣ"), с какой настойчивостью обезьяны требовали от его отряда выдачи им трупа одной убитой самки, при чем это требованіе сдѣлано было в такой формѣ, что вполнѣ понимаешь, почему "свидѣтели этой необычайной сцены рѣшили впредь никогда не стрѣлять в обезьян" *). Обезьяны нѣкоторых видов соединяются по нѣ-

*) Разказ Форбза воспроизведен вполнѣ в книгѣ Романеса, (Animal Intelligence), стр. 472. Есть и русском переводѣ.

сколько, когда хотят перевернуть камень, с цѣлью найти находящіяся под ним муравьиныя яйца. Павьяны Сѣверной Африки (hamadryas) живущіе очень большими стадами, не только ставят часовых, но вполнѣ достовѣрныя наблюдатели видѣли, как они устанавливали цѣпь для передачи награбленных плодов в безопасное мѣсто. Их храбрость хорошо извѣстна, и достаточно напомнить классическое описаніе Брэма, который подробно разсказал о регулярном сраженіи, выдержанном его караваном, прежде чѣм павьяны позволили ему продолжать путешествіе в долину Менсы, в Абиссиніи *). Извѣстна также игривость хвостатых обезьян, заслуживших самое свое названіе (игрунки) благодаря этой чертѣ их сообществ, равно как и взаимная привязанность, господствующая в семействах чимпанзе. И если среди высших обезьян имѣются два вида (оранг-утанг и горилла), не отличающихся общительностью, то нужно помнить что оба эти вида, ограниченные очень небольшими площадями распространенія (один живет в Центральной Африкѣ, а другой на островах Борнео и Суматрѣ), по всей видимости представляют послѣдніе вымирающіе остатки двух видов, бывших прежде несравненно болѣе многочисленными. Горилла, по крайней мѣрѣ, была, повидимому общительною в былыя времена, — если только обезьяны упомянутыя в Periplus были дѣйствительно гориллами.

Таким образом, даже из нашего бѣглаго обзора видно, что жизнь сообществами не представляет исключенія в животном мірѣ; она, напротив, является общим правилом — законом природы — и достигает своего полнѣйшаго развитія у высших безпозвоночных. Видов живущих в одиночествѣ, или только небольшими семействами, очень мало, и они сравнительно немногочисленны. Мало того, есть основаніе предполагать, что, за немногими ислюченіями, всѣ тѣ птицы и млекопитающія, которыя в настоящее время не живут стадами или стаями, жили ранѣе сообществами, пока род людской не размножился на земной поверхности и не начал вести против них

*) Brehm, I. 82; Дарвин, (Происхожденіе человѣка), глава III. — Экспедиціи Козлова (1899 — 1901) также пришлось выдержать подобную схватку в Сѣверном Тибетѣ.

истребительной войны, а равным образом не стал истреблять их источников прокормленія. "On ne s'associe pas pour mourir" (для умиранія не собираются вмѣстѣ), — справедливо замѣтил Эспинас, а Хузо. (Houzeau) хорошо знавшій животный мір нѣкоторых частей Америки, раньше чѣм животныя подверглись истребленію человѣком в больших размѣрах, высказал в своих произведеніях ту же мысль.

Ассоціація встрѣчается в животном мірѣ на всѣх ступенях эволюціи; и, соотвѣтственно великой идеѣ Герберта Спенсера, так блестяще развитой в работѣ Перье, Colonies Animales, "колоніи", т .е. сообщества, появляются уже в самом началѣ развитія животнаго міра. Но по мѣрѣ того, как мы поднимаемся по лѣстницѣ эволюціи, мы видим, как ассоціація становится все болѣе и болѣе сознательной. Она теряет свой чисто-физическій характер, она перестает быть просто инстинктивной, и становится обдуманной. Среди высших позвоночных она уже бывает временною, періодичною, или же служит для удовлетворенія какой нибудь опредѣленной потребности, — например, для воспроизведенія, для переселеній, для охоты или же взаимной защиты. Она становится даже случайной, — например, когда птицы об'единяются против хищника, или млекопитающія сходятся для эмиграціи под давленіем исключительных обстоятельств. В этом послѣднем случаѣ ассоціація становится добровольным отклоненіем от обычнаго образа жизни.

Затѣм, об'единеніе бывает иногда в двѣ или три степени — сначала семья, потом группа и, наконец, ассоціація групп, обыкновенно разсѣянных, но соединяющихся в случаѣ нужды, как мы это видѣли на примѣрѣ буйволов и других жвачных. Ассоціація также принимает высшія формы, и тогда обезчивает большую независимость для каждаго отдѣльнаго индивидуума, не лишая его, вмѣстѣ с тѣм, — выгод общественной жизни. Таким образом, у большинства грызунов каждая семья имѣет свое собственное жилище, куда она может удалиться, если пожелает уединенія, но эти жилища располагаются селеніями и цѣлыми городами, так, чтобы всѣм обитателям были обезпечены всѣ удобства и удовольствія общественной жизни. И наконец, у нѣкоторых видов, как, например, у крыс, сурков,

зайцев и т. д., общительность жизни поддерживается, несмотря на сварливость, или вообще на эгоистическія наклонности отдѣльно взятых особей. Во всѣ этих случаях общественная жизнь уже не обусловливается, как у муравьев и пчел, физіологическою структурою; она культивируется ради выгод, даваемых взаимной помощью, или же ради приносимых ею удовольствій. И это, конечно, проявляется во всѣх возможных степенях и при величайшем разнообразіи индивидуальных и видовых признаков, — при чем самое разнообразіе форм общественой жизни является послѣдствіем, а для нас и дальнѣйшим доказательством, ея всеобщности *).

Общительность, т. е. ощущаемая животным потребность в общеніи себѣ подобными, любовь к обществу ради общества, соединенная с "наслажденіем жизнью", только теперь начинает получать должное вниманіе со стороны зоологов **). В настоящее время нам извѣстно,что всѣ животныя, начиная с муравьев, переходя к птицам и кончая высшими млекопитающими, любят игры, любят бороться и гоняться один за другим, пытаясь поймать друг друга, любят поддразнивать друг друга и так далѣе. И если многія игры являются, так сказать подготовительной школой для молодых особей, приготовляя их к надлежащему поведенію, когда наступит зрѣлость, то на ряду с ними имѣются и такія игры, которыя, помимо их утилитарных цѣлей, вмѣстѣ с танцами и пѣніем, представляют простое проявленіе избытка жизненных сил — "наслажденія жизнью", и выражают желаніе, тѣм или иным путом, войти в общеніе с другими особями того же, или даже

---

*) Тѣм болѣе было странно читать в вышеупомянутой статьѣ Гексли слѣдующій парафраз общеизвѣстной фразы Руссо: "Первый человѣк, замѣнивший взаимным договором взаимную войну — каковы бы ни были мотивы, принудившіе его сдѣлать этот шаг — создал общество". ("Nineteenth Century", февр. 1888, стр. 165). Общество не было создано человѣком; оно предшествовало человѣку

**) Такія монографіи, как глава о "Музыкѣ и пляскѣ в природѣ" (в Hudson, "Naturalist on the La Plata") и Carl Gross, "Play of Animals", уже в значительной степени освѣтили вопрос об этом инстинктѣ, имѣющем абсолютную всеобщность в природѣ.

нного вида. Короче говоря, эти игры представляют проявленіе общительности в истинном смыслѣ этого слова, являющейся отличительной чертой всего животнаго міра *). Будет ли это чувство страха, испытываемаго при появленіи хищной птицы, или "взрыв радости", проявляющійся, когда животныя здоровы и в особенности молоды, или же просто стремленіе освободиться от избытка впечатлѣній и кипящей жизненной силы. — необходимость сообщенія своих впечатлѣній другим, необходимость совмѣстной игры, болтовни, или просто ощущенія близости других родственных живых существ, — эта потребность проникает всю природу; и в столь же сильной степени, как и любая физіологическая функція, она составляет отличительную черту жизни и впечатлительности вообще. Эта потребность составляет высшее развитіе и принимает наиболѣе прекрасныя формы у млекопитающих, особенно у молодых особей, и еще болѣе у птиц; но она проникает всю природу. Ее обстоятельно наблюдали лучшіе натуралисты, включая Пьера Гюбнера, даже среди муравьев; и нѣт сомнѣнія, что та же потребность, тот же инстинкт собирает бабочек и других насѣкомых в огромныя колонны, о которых мы говорили выше.

Привычка птиц сходиться вмѣстѣ для танцев и украшеніе ими мѣст, гдѣ онѣ обыкновенно предаются танцам, вѣроятно хорошо извѣстна читателям, хотя бы по тѣм страницам, которыя Дарвин посвятил этому предмету в "Происхожденіи Человѣка" (гл. XIII). Посѣтители Лондонскаго Зоологическаго Сада знакомы также с красиво-украшенной бесѣдкой "атласной птицы" **), устраиваемой с той же цѣлью. Но этот обы-

---

*) Не только многочисленные виды птиц обладают привычкой собираться вмѣстѣ — во многих случаях всегда на одном и том же мѣстѣ — для всякаго рода забав и танцев, но, по наблюденію W. H. Gudson, почти всѣ млекопитающія и птицы ("может быть в дѣйствительности всѣ без исключенія") часто предаются болѣе или менѣе регулярным или опредѣленным играм, молчаливым или сопровождаемым звукам, или же исключительно звуковым. (стр. 264).

) Эта австралійская птица, сродная нашей иволгѣ и называемая англичанами Satin Bower bird строит себѣ, вмѣсто гнѣзда, бесѣдку, (bower) из вѣтвей, с колыбелькою, украшенной всевозможными яркими предметами: перьями попугаев, ракушками и т. д. Латинское названіе этой птицы: **Ptilonorhynchus holosericius.

чай танцев оказывается гораздо болѣе распространенным, чѣм предполагалось прежде, и В. Гедсон (W. Hudson) в своей мастерской работѣ о Ла-Платѣ, дает чрезвычайно интересное описаніе (чтобы оцѣнить его вполнѣ надо прочесть его в оригиналѣ) сложных танцев, выполняемых многочисленными видами птиц: дергачами, щеглами, пиголицами и т. д.

Привычка пѣть совмѣстно, существующая у нѣкоторых видов птиц, принадлежит к той же категоріи общественных инстинктов. В поразительной степени она развита у южно-американскаго чакара (Chauna chavaria), из породы близкой к гусям), которому англичане дали самое прозаическое прозвище "хохлатаго крикуна". Эти птицы собираются иногда громадными стаями и в таких случаях часто устраивают цѣлый концерт. В. Гедсон встрѣтил их однажды в безчисленном количествѣ, сидящими вокруг озера в пампасах, отдѣльными стаями, около 500 птиц в каждой.

"Вскорѣ" — говорит он, "одна из стай, находившаяся вблизи меня начала пѣть, и этот могущественный хор не замолкал в теченіе трех или четырех минут; когда он затих, сосѣдняя стая начала пѣть, вслѣд за ней слѣдующая, и т. д., пока не принеслось ко мнѣ пѣніе стай, находившихся на противоположном берегу озера, и звуки его звонко и ясно неслись по водѣ; затѣм они ма-по-малу затихли и снова начинали раздаваться возлѣ меня".

Другой раз тому же зоологу пришлось наблюдать безчисленное стадо чакаров, покрывавшее всю равнину, но на этот раз не разбитое на отдѣлы, а разбросанное парами и небольшими группами. Около девяти часов вечера, "внезапно вся эта масса птиц, покрывавшая болота на цѣлыя мили кругом, разразилась могущественной вечернею пѣсней... Стоило проѣхать сотню миль, чтобы послушать такой концерт" *). К вышеприведенному можно прибавить, что чакар, подобно всѣм общительным животным, легко дѣлается ручным и очень привязывается к человѣку. Об них говорят, что "это — очень миролюбивыя птицы, которыя рѣдко ссорятся", хотя онѣ хорошо

*) О хорах у обезьян см. у Брэма, т. I.

вооружены и снабжены довольно грозными шпорами на крыльях. Жизнь сообществами дѣлает, однако, это оружіе излишним.

Тот факт, что жизнь сообществами служит самым могущественным оружіем в борьбѣ за существованіе (принимая этот термин в самом широком смыслѣ слова), был пояснен, как мы видѣли, на предыдущих страницах довольно разнообразными примѣрами, и таких примѣров, если бы это было нужно, можно было бы привести несравненно больше. Жизнь сообществами, (мы это видѣли), дает возможность самым слабым насѣкомым, самым слабым птицам и самым слабым млекопитающим, защищаться против нападеній самых ужасных хищников из среды птиц и животных или же охранять себя от них; она обезпечивает им долголѣтіе; она дает возможность виду — выкармливать свое потомство с наименьшей ненужной растратой энергіи и поддерживать свою численность, даже при очень слабой рождаемости; она позволяет стадным животным совершать переселенія и находить себѣ новыя мѣстожительства. Поэтому, хотя и признавая вполнѣ, что сила, быстрота, предохранительная окраска, хитрость и выносливость к холоду и голоду, упоминаемые Дарвином и Уоллэсом, дѣйствительно представляют качества, которыя дѣлают особь или вид наиболѣе приспособленными при нѣкоторых извѣстных обстоятельствах,— мы вмѣстѣ с тѣм утверждаем, что общительность является величайшим преимуществом в борьбѣ за существованіе при всяких каких бы то ни было, природных обстоятельствах. Тѣ виды, которые волей или неволей отказываются от нея, обречены на вымираніе; тогда как животныя, умѣющія наилучшим образом об'единяться, имѣют наибольшія шансы на выживаніе и на дальнѣйшую эволюцію, хотя бы они и оказались ниже других в каждой из особенностей, перечисленных Дарвином и Уоллэсом, за исключеніем только умственных способностей. Высшія позвоночныя, и в особенности человѣческій род, служат лучшим доказательством этого утвержденія. Что же касается до умственных способностей, то каждый дарвинист согласится с Дарвином в том, что онѣ представляют наиболѣе могущественное орудіе в борьбѣ за существованіе и наиболѣе могущест-

нный фактор дальнѣйшей эволюціи; он согласится также и тѣм, что умственныя способности, еще болѣе всѣх остальных, условливаются в своем развитіи общественною жизнью.

зык, подражаніе другим и накопленный опыт — необходиые элементы для развитія умственных способностей, и именно х бывают лишены животныя не общественныя. Потому-то ы и находим, что на вершинѣ различных классов стоят такія ивотныя, как муравьи и термиты, попугаи, обезьяны, у котоых высоко развиты как умственныя способности, так и общиельность. "Наиболѣе приспособленными", наилучше приспообленными для борьбы со всѣми враждебными элементами, казываются, таким образом, наиболѣе общительныя животныя, – так что общительность можно принять главным фактором волюціи, как непосредственно, потому что он обезпечивает лагосостояніе вида, вмѣстѣ с уменьшеніем безполезной раtраты энергіи, так и косвенно, потому что он благопріятствует осту умственных способностей.

Кромѣ того, очевидно, что жизнь сообществами была бы овершенно невозможна без соотвѣтствующаго развитія обцественных чувств и в особенности если бы извѣстное колективное чувство справедливости (начало нравственности) не азвивалось и не обращалось в привычку. Если бы каждый ндивидуум постоянно злоупотреблял своими личными преимуцествами, а остальныя не заступались бы за обиженнаго, никакая общественная жизнь не была бы возможна. Поэтому, у всѣх общительных животных, в большей или меньшей степени, развивается чувство справедливости. Как бы ни было велико разстояніе, с котораго прилетѣли ласточки или журавли, и тѣ и другіе возвращаются, каждый и каждая, к тому гнѣзду, которое было выстроено или починено ими в предыдущем году. Если какой-нибудь лѣнивый (или молодой) воробей пытается овладѣть гнѣздом, которое вьет его товарищ, или даже украдет из него нѣсколько соломинок, вся мѣстная группа воробьев вмѣшивается в дѣло против лѣниваго товарища; и, очевидно, что если бы подобное вмѣшательство не было общим правилом, то сообщества птиц для гнѣздованія были бы невозможны.

Отдѣльныя группы пингвинов имѣют свои мѣста для отдыха и свои мѣста для рыбной ловли, и не дерутся из-за них. Стада рогатаго скота в Австраліи имѣют каждое свое опредѣленное мѣсто, куда оно неизмѣнно, изо дня в день, отправляется на отдых, и т. д. *).

Мы располагаем очень большим количеством непосредственных наблюденій, говорящих о том согласіи, которое господствует среди гнѣздующих сообществ птиц, в поселеніях грызунов, в стадах травоядных, и т. д.; но, с другой стороны, нам извѣстны лишь весьма немногія общительныя животныя, которыя постоянно ссорились бы между собою, как это дѣлают крысы в наших погребах, или же моржи, которые дерутся из-за мѣста на солнечном пригрѣвѣ на занимаемом ими берегу. Общительность, таким образом, кладет предѣл физической борьбѣ и дает мѣсто для развитія лучших нравственных чувств. Высокое развитіе родительской любви во всѣх рѣшительно классах животных, не исключая даже львов и тигров, — достаточно общеизвѣстно. Что же касается до молодых птиц и млекопитающих, которых мы постоянно видим в общеніи друг с другом, то в их сообществах получает дальнѣйшее развитіе уже симпатія, а не любовь. Оставляя в сторонѣ дѣйствительно трогательные факты взаимной привязанности и состраданія, которые наблюдались, как среди домашних животных, так и среди диких, содержавшихся в неволѣ, — мы располагаем достаточным числом хорошо удостовѣренных фактов, свидѣтельствующих о проявленіи чувства состраданія среди диких животных на свободѣ. Макс Перти и Л. Бюхнер собрали не мало таких фактов **). Разсказ Вуда о том, как одна ласка явилась, чтобы

---

*) Haygarth, "Buch Life in Australia", стр. 58. То же относилось до буйволов.

**) Приведу лишь нѣсколько примѣров: раненый барсук был унесен другим барсуком, внезапно явившимся на помощь; наблюдали крыс, которыя кормили двух слѣпых товарищей ("Seelen leben der Thiere", стр. 64, seg.). Брэму самому удалось видѣть двух ворон, кормивших в дуплѣ дерева третью ворону, которая была ранена, и ея раны были нанесены нѣсколькими недѣлями раньше ("Hausfreund, 1874, 715; Buchner "Lieb", 203.). Blyth видѣл индійских ворон, которыя кормили двух или трех слѣпых товарок, и т. д.

поднять и унести с собой пострадавшаго товарища, пользуется вполнѣ заслуженной популярностью *). К тому же разряду фактов относится извѣстное наблюденіе капитана Стансбюри, во время путешествія его по высокому плоскогорію Юдта, в Скалистых горах, цитируемое Дарвином. Стансбюри видѣл слѣпого пеликана, котораго кормили, и при том хорошо кормили, другіе пеликаны рыбой, принося ее из за сорока пяти верст **). Или же, Г. А. Уэддель, во время своего путешествія по Боливіи и Перу, неоднократно наблюдал, что, когда стадо вигоней преслѣдуется охотниками, сильные самцы прикрывают отступленіе стада, нарочно отставая, чтобы охранять отступающих. Что же касается фактов о выраженіи состраданія животными к их раненым сотоварищам, то о них постоянно упоминается зоологами, изучавшими жизнь природы. Подобные факты—совершенно естественны. Состраданіе необходимо развивается при общественной жизни. Но состраданіе, в свою очередь, указывает на значительный общій прогресс в области умственных способностей и чувствительности. Оно является первым шагом на пути к развитію высших нравственных чувств и, в свою очередь, становится могущественным фактором дальнѣйшей эволюціи.

Если взгляды, развитые на предыдущих страницах, правильны, то естественно возникает вопрос: на сколько они согласуются с теоріей о борьбѣ за существованіе в том видѣ, как она была развита Дарвином, Уоллэсом и их послѣдователями? И я вкратцѣ отвѣчу теперь на этот важный вопрос. Прежде всего ни один натуралист не усумнился в том, что идея о борьбѣ за существованіе, проведенная через всю органическую природу, представляет величайшее обобщеніе нашего вѣка. Жизнь есть борьба; и в этой борьбѣ выживают наиболѣе приспособленные. Но если поставить вопрос: "каким оружіем

---

*) J. C. Woad, "Man and Beast", стр. 344. Вуд был натуралист, котораго популярныя книги пользуются в Англіи широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью.

**) L. H. Morgan, "The American Beaver", 1868 стр. 272; Дарвин "Происхожденіе Человѣка", гл. IV.

ведется главным образом эта борьба? и "кто в этой борьб
оказывается наиболѣе приспособленным"? то отвѣты на эт
два вопроса будут совершенно различны, смотря по тому, ка
кое значеніе будет придано двум различным сторонам это
борьбы: прямой борьбѣ за пищу и безопасность между отдѣл
ными особями, и той борьбѣ, которую Дарвин назвал "мет
форическою", т. е. борьбѣ, очень часто совмѣстной, против не
благопріятных обстоятельств. Никто не станет отрицать, чт
в предѣлах каждаго вида имѣется нѣкоторая степень состя
занія из-за пищи, хотя бы по временам. Но вопрос заклю
чается в том,—доходит ли это состязаніе до предѣлов, допус
каемых Дарвином, или даже Уоллэсом? и играло ли оно в эво
люціи животнаго царства ту роль, которая ему приписывается

Идея, которую Дарвин проводит через всю свою книгу
происхожденіи видов, есть, несомнѣнно, идея о существовані
настоящаго состязанія *), борьбы, в предѣлах каждой живот
ной группы, из-за пищи, безопасности и возможности оставит
послѣ себя потомство. Он часто говорит об областях, пере
полненных животной жизнью до крайних предѣлов и из тако
переполненія он выводит неизбѣжность состязанія, борьбы
между обитателями. Но если мы станем искать в его книг
дѣйствительных доказательств такого состязанія, то мы должны
признать что достаточно убѣдительных доказательств—нѣт
Если мы обратимся к параграфу, озаглавленному: "борьба з
существованіе —наиболѣе суровая между особями и разновид
ностями одного и того же вида", то мы не найдем в нем тог
обилія доказательс и примѣров, которые мы привыкли нахо
дить во всякой работѣ Дарвина. В подтвержденіе борьбы межд
особями одного и того же вида, не приводится под вышеупом
янутым заголовком ни одного примѣра: она принимается ка
аксіома; состязаніе же между близкими видами животных под
тверждается лишь пятью примѣрами, из которых во всяко

---

*) Дарвин употребляет слово „Competition, которое по-французски при
ходится переводить словом competition, а по-русски большею частью перево
дится **соревнованіе** или **соперничество**. В данном случаѣ, слово **состязані**
лучше, мнѣ кажется, передает дарвиновское competition.

Автор.

случаѣ, один (относящійся к двум видам дроздов) оказывается по позднѣйшим наблюденіям сомнительным *). Но если мы станем искать дальнѣйших подробностей с цѣлью убѣдиться, на сколько уменьшеніе однаго вида дѣйствительно обусловливается возрастаніем другого вида, то мы найдем, что Дарвин, со своей обычной прямотой, говорит слѣдующее:

"Мы можем догадываться (dimly see) почему состязаніе должно быть особенно сурово между родственными формами, заполняющими почти одно и то же мѣсто в природѣ, но вѣроятно ни в одном случаѣ мы не могли бы с точностью опредѣлить, почему один вид одержал побѣду над другим в великой битвѣ жизни".

Что же касается Уоллеса приводящаго, в своем изложеніи дарвинизма тѣ же самые факты, но под слегка видоизмѣненным заголовком (Борьба за существованіе между близко родственными животными и растеніями часто бывает наиболѣе сурова"), то он дѣлает нижеслѣдующее замѣчаніе, дающее вышеприведенным фактам совершенно иное освѣщеніе. Он говорит (курсив мой):

---

*) Один вид ласточек, как утверждают, вызвал уменьшеніе численности одного другого вида ласточек в Сѣверной Америкѣ; недавнее увеличеніе в Шотландіи числа дроздов, больших рябинников (T. viscivorus), повело к уменьшенію числа пѣвчих дроздов; бурая крыса заняла мѣсто черной крысы в Европѣ; в Россіи маленькіе тараканы вездѣ вытѣснили своих болѣе крупных сородичей; и в Австраліи привозныя ульевыя пчелы быстро истребляют туземных, маленьких, безжалых пчел. Два другіе случая, но относящіеся уже к прирученным животным, упомянуты в предшествующем параграфѣ. Приводя тѣ же факты, А. Р. Уоллес, замѣчает в сноскѣ, по поводу Шотландских дроздов: "Проф. А. Ньютон, однако, сообщает мнѣ что эти виды не сталкиваются между собой таким образом, как сказано ("Darwinism", стр. 34). Что же касается до бурой крысы то извѣстно, что, вслѣдствіе ея земноводных привычек, она обыкновенно водится в низко лежащих помѣщеніях человѣческих жилищ (в подвалах, водосточных трубах и т. п.), а также на берегах каналов и рѣк; она пускается в отдаленныя переселенія, собираясь для этого безчисленными стадами. Черная же крыса, напротив, предпочитает помѣщаться в самих людских жилищах, под полами, а также в конюшнях и амбарах. Она, таким образом, подвергается в гораздо большей степени опасности быть истребленной человѣком; и поэтому нельзу утверждать, с какой бы то ни было степенью увѣренности, чтобы черная крыса истреблялась, или вытѣснялась, путем лишенія пищи, бурою крысою, а не изводилась человѣком.

"В нѣкоторых случаях, несомнѣнно, ведется дѣйствительная война между двумя видами, при чем болѣе сильный вид убивает болѣе слабые; но это вовсе не является необходимостью, и могут быть случаи, когда виды, болѣе слабые физически, могут одержать верх, вслѣдствіе своей способности к болѣе быстрому размноженію, большей выносливости по отношенію к враждебным климатическим условіям, или большей хитрости, помогающей им избегать нападеній со стороны их общих врагов".

Таким образом, в подобных случаях, то, что приписывается состязанію, борьбѣ, может быть вовсе не состязаніем и борьбою. Один вид вымирает вовсе не потому, что другой вид истребил его или выморил, отнявши у него средства пропитанія. а потому, что он не смог хорошо приспособиться к новым условіям, тогда как другому виду удалось это сдѣлать. Выраженіе "борьба за существованіе", стало быть, употребляется здѣсь опят-таки в переносном смыслѣ и, может быть, другого смысла не имѣет. Что же касается до дѣйствительнаго состязанія из-за пищи между особями одного и того же вида, которое Дарвин поясняет в другом мѣстѣ примѣром взятым из жизни рогатаго скота в Южной Америкѣ во время засухи, то цѣнность этого примѣра значительно уменьшается тѣм, что он взят из жизни прирученных животных. Бизоны, при подобных обстоятельствах, переселяются, с цѣлью избѣжать состязанія из за пищи.

Как бы ни была сурова борьба между растеніями—а она вполнѣ доказана — мы можем только повторить относительно ея замѣчаніе Уоллэса, "что растенія живут там, гдѣ могут", тогда как животныя в значительной мѣрѣ имѣют возможность сами выбирать себѣ мѣстожительство. И мы снова себя спрашиваем: "До каких же размѣров дѣйствительно существует состязаніе, борьба, в предѣлах каждаго животнаго вида? На чем основано это предположеніе.

То же самое замѣчаніе приходится мнѣ сдѣлать относительно того "косвеннаго" аргумента в пользу дѣйствительности суроваго состязанія и борьбы за существованіе в предѣлах каждаго вида, который можно вывести из истребленія переходных разновидностей" так часто упоминаемаго Дарвином.

Как извѣстно, Дарвина долгое время смущало затрудненіе, которое он видѣл в отсутствіи длинной цѣпи промежуточных форм между близко-родственными видами; и извѣстно, что он нашел разрѣшеніе этого затрудненія в предположенном им истребленіи этих промежуточных форм *). Однако, внимательное чтеніе различных глав, в которых Дарвин и Уоллэс говорят об этом предметѣ, вскорѣ приводит к заключенію, что слово "истребленіе", употребляемое ими, вовсе не имѣет в виду дѣйствительнаго истребленія; то замѣчаніе, которое Дарвин сдѣлал относительно смысла его выраженія: "борьба за существованіе", очевидно прилагается в равной мѣрѣ и к слову "истребленіе". Послѣднее никоим образом не может быть понимаемо в его прямом значеніи, но только в "метафорическом", переносном смыслѣ.

Если мы отправимся от предположенія, что данная площадь переполнена животными до крайних предѣлов ея вмѣстимости, и что вслѣдствіе этого между всѣми ея обитателями ведется обостренная борьба из за насущных средств существованія — при чем каждое животное вынуждено бороться против всѣх своих сородичей, чтобы добыть себѣ дневное пропитаніе,— тогда появленіе новой и успѣшной разновидности несомнѣнно будет состоять во многих случаях (хотя не всегда) в появленіи таких индивидуумов, которые смогут захватить болѣе, чѣм приходящуюся им по справедливости долю средств существованія; результатом тогда дѣйствительно было бы то, что подобныя особи обрекли бы на недоѣданіе, как первоначальную родительскую форму, не усвоившую новой разновидности. так и всѣ тѣ переходныя формы, которыя не обладали бы новою особенностью в той же степени, как они. Весьма возможно, что

---

*) "Можно было бы, замѣтить", писал он в "Происхожденіи Видов" начало VI-й главы), "что там, гдѣ нѣсколько близко-сродных видов живут на той же самой территоріи, мы необходимо должны были бы находить теперь многія промежуточныя формы... По моей теоріи, эти сродные виды произошли от общаго прародителя; и во время процесса их видоизмѣненія, каждый приспособился к условіям жизни в своей области, и замѣстил и истребил первоначальную прародительскую форму, равно как и всѣ промежуточныя формы между своим прежним и теперешним состояніем". (стр. 134, 6-го англ. изд.). См. также стр. 137 и 296 (весь параграф о "вымираніи").

спервоначала Дарвин понимал появленіе новых разновидност
именно в таком видѣ; по крайней мѣрѣ, частое употребле
слова "истребленіе" производит такое впечатлѣніе. Но
как и Уоллэс, знали природу черезчур хорошо чтобы не у
дать, что это вовсе не единственно возможный и необход
мый исход.

Если бы физическія и біологическія условія данной
верхности, а также пространство, занимаемое данным видом,
образ жизни всѣх членов этого вида оставались всегда не
мѣнными, тогда внезапное появленіе новой разновидност
дѣйствительно, могло бы повести к недоѣданію и истрблен
всѣх тѣх особей, которые не усвоили бы в достаточной мѣ
новую черту, характеризующую новую разновидность.
именно подобной комбинаціи условій, подобной неизмѣняемос
мы не видим в природѣ. Каждый вид постоянно стремит
к расширенію своего мѣстожительства, и переселенія в новы
мѣстожительства являются общим правилом, как для быстр
летающей птицы, так и для медлительной улитки. Затѣм
каждом данном пространствѣ земной поверхности постоян
совершаются физическія измѣненія, и характерною черто
новых разновидностей среди животных, в громадном числ
случаев — пожалуй, в большинствѣ — бывает вовсе не п
явленіе новых приспособленій для выхватыванія пищи изо р
сородичей — пища является лишь одним из сотни разнообра
ных условій существованія,—но, как сам Уоллэс показал
прекрасном параграфѣ, "о расхожденіи характеров" (Darv
nism, стр. 107), началом новой разновидности бывает образо
ваніе новых привычек, передвиженіе в новыя мѣстожительств
и переход к новым видам пищи. Во всѣх этих случаях н
произойдет никакого истребленія, даже будет отсутствоват
борьба за пищу, так как новое приспособленіе послужит
облегченію соперничества, если послѣднее дѣйствительно суще
ствовало, и, тѣм не менѣе, при этом тоже получится, спуст
нѣкоторое время, отсутствіе переходных звеньев, как резуль
тат простого выживанія тѣх, которые наилучше приспособ
лены к новым условіям — и совершится это так же несомнѣнно
как если бы происходило предполагаемое гипотезой истреб

леніе первоначальной формы. Едва ли нужно добавлять, что если мы, вмѣстѣ с Спенсеромъ, вмѣстѣ со всѣми ламаркистами и с самим Дарвином, допустим измѣняющее вліяніе среды на живущіе в ней виды,—а современная наука все болѣе и болѣе движется в этом направленіи, — то окажется еще менѣе надобности в гипотезѣ истребленія переходных форм.

Значеніе переселеній и послѣдующей изоляціи групп животных для появленія и закрѣпленія новых разновидностей, а в концѣ концов и новых видов, на которыя указал Мориц Вагнеръ, вполнѣ было признано впослѣдствіи самим Дарвином.

Позднѣйшія же изысканія еще болѣе подчеркнули важность этого фактора, и они указали также, каким образом обширность территоріи, занимаемой данным видом — этой обширности Дарвин вполнѣ основательно придавал большое значеніе для появленія новых разновидностей — может быть соединена с изоляціею отдѣльных частей даннаго вида, в силу мѣстных геологических перемѣн или возникновенія мѣстных преград. Входить здѣсь в обсужденіе всего этого обширнаго вопроса было бы невозможно, но нѣскольких замѣчаній будет достаточно, чтобы пояснить соединенное дѣйствіе таких вліяній. Извѣстно, что части даннаго вида нерѣдко переходят к новому роду пищи. Бѣлки, напримѣр, если случится неурожай на шишки в лиственичных лѣсах, переходят в сосновые боры и эта перемѣна пищи производит извѣстные физіологическіе эффекты в организмѣ этих бѣлок. Если это измѣненіе привычек будет непродолжительно, — если в слѣдующем же году будет опять изобиліе шишек в темных лиственичных лѣсах, то никакой новой разновидности бѣлок, очевидно, не образуется. Но если часть обширнаго пространства, занимаемаго бѣлками, начнет измѣнять свой физическій характер — скажем вслѣдствіе смягченія климата, или высыханія, при чем обѣ эти причины будут способствовать увеличенію площади сосновых боров, в ущерб лиственичным, лѣсам, — и если нѣкоторыя другія условія будут содѣйствовать тому, чтобы часть бѣлок держалась на окраинах области, тогда получится новая разновидность, т. е. зарождающійся новый вид бѣлок; но появленіе этой

разновидности не будет сопровождаться рѣшительно ничѣм таким, что могло бы заслужить значеніе истребленія среди бѣлок. Каждый год нѣсколько большая пропорція бѣлок этой новой, лучше приспособленной, разновидности будет выживать по сравненію с другими, и промежуточныя звенья будут вымирать с теченіем времени, из года в год, вовсе не будучи обрекаемы на голодную смерть своими мальтузіанскими конкурентами. Именно подобные процессы и совершаются на наших глазах, вслѣдствіе великих физических измѣненій, происходящих на обширных пространствах Центральной Азіи вслѣдствіе высыханія, которое идет там со времени ледниковаго періода..

Возьмем другой примѣр. Доказано геологами, что современная дикая лошадь (Equus Przewalskii) есть результат медленнаго процесса эволюціи, совершавшагося в теченіе позднѣйших частей третичнаго и всего четверичнаго (ледниковаго и послѣледниковаго) періода; но что в теченіе этого длиннаго ряда столѣтій предки теперешней лошади не оставались на каком - нибудь одном опредѣленном пространствѣ земнаго шара. Напротив того, они странствовали по Старому и Новому Свѣту, и по всѣм вѣроятіям вернулись в концѣ концов, вполнѣ видоизмѣненные, к тѣм самым пастбищам, которыя они когда-то оставили в теченіе своих многих переселеній *). Из этого ясно, что если мы не находим тепер в Азіи всѣх промежуточных звеньев между современной дикой лошадью и ея азіатскими по-третичными предками, это вовсе не значит, чтобы промежуточныя звенья были истреблены. Подобнаго истребленія никогда не происходило. Даже никакой особенно-высокой смертности могло не быть среди прародительских видов нынѣшней лошади: особи, принадлежавшія к промежуточным разновидностям и видам, умирали при самых обычных условіях —

*) Согласно изслѣдованіям г-жи Маріи Павловой, которая спеціально изучала этот предмет, ранніе предки теперешней лошади переселились из Азіи в Африку, оставались там нѣкоторое время, и возвратились опять назад в Азію. Будет-ли это двойное переселеніе подтверждено, или не будет, — во всяком случаѣ остается внѣ всякаго сомнѣнія факт прежняго распространенія предков нашей лошади по Азіи, Африкѣ и Америкѣ.

часто даже среди изобилія пищи — их остатки разсыпаны теперь в нѣдрах земли по всему земному шару.

Короче говоря, если мы вдумаемся в этот предмет и внимательно перечитаем то что сам Дарвин писал о нем, мы увидим, что если уже употреблять слово "истребленіе" в связи с переходными разновидностями, то его слѣдует употреблять в метафорическом, переносном смыслѣ. Что же касается до "соперничества", или "состязанія" (competition), то это выраженіе также постоянно употреблялось Дарвином (см. напр. главу "об угасаніи"), скорѣе как образ, или как способ выраженія не придавая ему значенія дѣйствительной борьбы за средства существованія между двумя частями одного и того же вида. Во всяком случаѣ отсутствіе промежуточных форм не составляет аргумента в пользу интенсивной борьбы и состязанія. В дѣйствительности, главным аргументом для доказательства остраго состязанія из-за средств существованія,— соревнованія, продолжающагося непрестанно в предѣлах каждаго животнаго вида, является, по выраженію проф. Геддса, "арифметическій аргумент", заимствованный у Мальтуса.

Но этот аргумент ничего подобнаго не доказывает. С таким же правом мы могли бы взять нѣсколько сел в югу-восточной Россіи, обитатели которых не терпѣли недостатка в пищѣ, но вмѣстѣ с тѣм никогда не имѣли никаких санитарных приспособленій; и замѣтивши что за послѣдніе семьдесят или восемьдесят лѣт средняя рождаемость достигала у них 60-ти на 1000, а между тѣм населеніе за это время нисколько не увеличилось,—мы могли бы придти к заключенію, что между обитателями этих деревень идет чрезвычайно обостренная борьба за пищу. В дѣйствительности же окажется что населеніе не возрастает по той простой причинѣ, что одна треть новорожденных умирает каждый год, не достигнув шести-мѣсячнаго возраста; половина дѣтей умирает в теченіе слѣдующих четырех лѣт, и из каждой сотни родившихся только семнадцать достигают двадцати-лѣтняго возраста. Таким образом, новые пришельцы в мірѣ уходят из него раньше, чѣм достигают возраста, когда они могли бы стать конкурентами. Очевидно,

что если нѣчто подобное может происходить в людской средѣ, то тѣм болѣе вѣроятно оно среди животных. И дѣйствительно, в мірѣ пернатых уничтоженіе яиц идет в таких колоссальных размѣрах, что в началѣ лѣта яйца составляют главную пищу нѣскольких видов животных; не говоря уже о бурях и наводненіях, истребляющих милліоны гнѣзд в Америкѣ и в Азіи, и о внезапных перемѣнах погоды, от которых массами гибнут молодые особи у млекопитающих. Каждая буря, каждое наводненіе, каждое посѣщеніе птичьяго гнѣзда крысою, каждая внезапная перемѣна температуры уничтожают тѣх соперников, которые кажутся столь страшными в теоріи.

Что же касается до фактов чрезвычайно быстраго размноженія лошадей и рогатаго скота в Америкѣ, а также свиней и кроликов в Новой Зеландіи, с тѣх пор, как европейцы ввезли их в эти страны, и даже диких животных, ввезенных из Европы (гдѣ количество их уменьшается человѣком, а вовсе не соперничеством), то они, повидимому, скорѣе противорѣчат теоріи избыточнаго населенія. Если лошади и рогатый скот могли с такой быстротой размножиться в Америкѣ, то это просто доказывает, что как бы ни были в то время безчисленны бизоны и другія жвачныя в Новом Свѣтѣ, его травоядное населеніе все-таки было далеко ниже того количества, которое могло бы прокормиться в преріях. Если милліоны новых пришельцев все-таки находили достаточно пищи, не заставляя голодать прежнее населеніе прерій, мы скорѣе должны придти к заключенію, что европейцы нашли в Америкѣ не излишек, а недостаточное, количество травоядных. И у нас имѣются серьезныя основанія думать, что такая недостаточность животнаго населенія представляет естественное положеніе вещей на поверхности всего земного шара, за немногими, и то временными, исключеніями из этого общаго правила. Дѣйствительно, наличное количество животных на данном пространствѣ земли опредѣляется вовсе не высшею продовольственной способностью этого пространства, а тѣм, что оно представляет каждый год при наименѣе благопріятных условіях. Так что, вслѣдствіе одной этой причины, состязаніе, борьба из за пищи едва-ли может быть нормальным

условіем жизни; но помимо этого есть еще другія причины, которыя в свою очередь низводят животное населеніе еще ниже этого невысокаго уровня. Если мы возьмем лошадей (также и рогатый скот), которыя всю зиму проводят на подножном корму в степях Забайкалья, то мы найдем всѣх их очень исхудалыми и истощенными в концѣ зимы. Это истощеніе, впрочем, оказывается результатом не недостатка в кормѣ, так как под тонким слоем снѣга вездѣ имѣется трава в изобиліи, причина его лежит в трудности добыванія травы из под снѣга, а эта трудность одинакова для всѣх лошадей. Кромѣ того, ранней весною обыкновенно бывает гололедица, и если она продолжится нѣсколько дней под ряд, то лошади приходят еще в большее изнуреніе. Но вслѣд за тѣм часто наступают бураны, мятели, и тогда животныя, уже ослабѣвшія, вынуждены бывают оставаться по нѣсколько дней совершенно без корма, вслѣдсвіе чего онѣ падают в очень больших количествах. Потери в теченіе весны бывают так велики, что, если весна отличалась особою суровостью, онѣ не могут быть пополнены даже новым приплодом —тѣм болѣе, что в с ѣ лошади бывают истощены, и жеребята родятся слабыми. Количество лошадей и рогатаго скота всегда остается, таким образом, гораздо ниже того уровня, на котором оно могло бы держаться, если бы не было этой спеціальной причины—холодной и бурной весны: в продолженіе всего года имѣется пища в изобиліи: ее хватило бы на количество животных, в пять или десять раз большее чѣм то, которое существует в дѣйствительности, а между тѣм животное населеніе степей возрастает чрезвычайно медленно. Но лишь буряты, владѣльцы скота и табунов, начинают дѣлать, хотя бы самые незначительныя запасы сѣна в степи, и открывают к ним доступ во время гололедицы или глубоких снѣгов, как немедленно замѣчается увеличеніе их стад и табунов. Почти в таких же условіях находятся почти всѣ живущія на свободѣ травоядныя животныя и многіе грызуны Азіи и Америки, а потому мы с увѣренностью можем утверждать, что их численность понижается не путем соперничества и взаимной борьбы; что ни в какое время года им не приходится бороться из-за пищи; и что если они никогда не размножаются до степени перенаселенія, то

причина этого лежит в климатѣ, а не во взаимной борьбѣ из-за пищи.

Значеніе в природѣ естественных препятствій к излишнему размноженію, и в особенности их отношеніе к гипотезѣ соревнованія, повидимому, никогда еще не принимались в разсчет в должной мѣрѣ. Об этих препятствіях, или точнѣе, об нѣкоторых из них, упоминается мимоходом, но до сих пор их воздѣйствіе не разбиралось в подробности. Между тѣм, если сравнить дѣйствительное воздѣйствіе естественных причин на жизнь животных видов, с возможным воздѣйствіем соперничества внутри вида, мы тотчас же должны признать, что послѣднее не выдерживает никакого сравненія с предыдущим. Так, например, Бэтс упоминает о просто невообразимом количествѣ крылатых муравьев, которые гибнут, когда роятся. Мертвыя или полумертвыя тѣла огненных муравьев (Myrmica saevissima), нанесенныя в рѣку во время шторма "представляли валик в дюйм или два высоты и такой же ширины, при чем этот валик тянулся без перерыва на протяженіи нѣскольких миль у края воды" *). Миріады муравьев были таким образом уничтожены, среди природы, которая могла бы прокормить в тысячу раз больше муравьев, чѣм их жило тогда в этом мѣстѣ. Д-р Альтум, нѣмецкій лѣсничій, который написал очень поучительную книгу о животных, вредящих нашим лѣсам, также дает много фактов, указывающих на огромную важность естественных препятствій чрезмѣрному размноженію. Он говорит, что ряд бурь, или же холодная и туманная погода во время отраиванья сосновой моли (Bombyx pini) уничтожает ее в невѣроятных количествах, и весной 1871 года вся эта моль исчезла сразу, вѣроятно уничтоженная рядом холодных ночей **) Много подобных примѣров можно было бы привести

*) "The Naturalist on the River Amazons". ("Натуралист на Амазонкѣ"), том II, стр. 85, 95 англ. изданія. То же самое я видѣл однажды на южном берегу Англіи, и вообще такое явленіе довольно обыкновенно.

**) Dr. B. Altum, "Waldebeschadigungen durch Thiere und Gegenmittel" (Берлин, 1880), стя. 207 и слѣд.).

относительно насѣкомых разных частей Европы. Д-р Альтум также упоминает о птицах, пожирающих сосновую моль, и об огромном количествѣ яиц этого насѣкомаго, уничтожаемых лисицами; но он добавляет, что паразитныя грибки, нападающіе на нее періодически, оказываются гораздо болѣе ужасными врагами моли, чѣм какая бы то ни было птица, так как они уничтожают моль сразу на огромном пространствѣ. Что же касается до различных видов мышей (Mus sylvaticus, Arvicola arvalis, и A. agrestis), то Альтум, приведя длинный список их врагов, замѣчает: "Однако, самыми страшными врагами мышей являются не другія животныя, а тѣ внезапныя перемѣны погоды, которыя случаются почти каждый год". Если морозы и теплая погода начинают чередоваться, они уничтожают их в безчисленных количествах; "одна такая внезапная перемѣна погоды может из многих тысяч мышей оставить в живых всего нѣсколько особей". С другой стороны, теплая зима, или зима наступающая постепенно, дает им возможность размножаться в угрожающей пропорціи не взирая ни на каких врагов; так было в 1876 и 1877 годах *). Соперничество оказывается, таким образом, по отношенію к мышам, совершенно ничтожным фактором, в сравненіи с погодой. Факты такого же рода даны тѣм же автором и относительно бѣлок.

Что же касается птиц, то всѣм нам хорошо извѣстно, как онѣ страдают от внезапных перемѣн погоды. Мятели позднею весною так же гибельны для птиц на диких мѣстах Англіи (moors), как и в Сибири; и г. Диксону приходилось видѣть красных тетеревов **), доведенных до того исключительно-суровыми зимними холодами, что они в больших количествах покидали дикія мѣста "и нам извѣстны случаи, когда их ловили на улицах Шефильда. Продолжительная сырая погода", — прибавляет он, — "почти также гибельна для них".

С другой стороны, заразныя болѣзни, которыя посѣщают по временам большинство животных видов, уничтожают их в

*) Dr. B. Altum, то же сочиненіе, стр. 13 и 187.

**) Lagopus scoticus, Res Grouse.

таких количествах, что потери часто не могут быть пополнен[illegible] в теченіе многих лѣт, даже среди наиболѣе быстро размножа[illegible]ющихся животных. Так, например, в сороковых годах суслик[illegible] внезапно исчезли в окрестностях Сарепты, в юго-восточной Рос[illegible]сіи, вслѣдствіе какой-то эпидеміи, и в теченіе многих лѣт [illegible] этой мѣстности нельзя было встрѣтить ни одного суслика. Прошло много лѣт, раньше чѣм они размножились по-преж[illegible]нему *).

Подобных фактов, из которых каждый уменьшает значеніе придаваемое соперничеству и борьбѣ внутри вида, можно был[illegible] бы привести множество **). Конечно, можно было бы отвѣтить на них словами Дарвина, — что, тѣм не менѣе, каждо[illegible] органическое существо "в какой-нибудь період своей жизни в продолженіи какого-нибудь времени года, в каждом поколѣні[illegible] или по временам, должно бороться за существованіе и претерпѣвать великое истребленіе", и что лишь наиболѣе приспособленные переживают подобные періоды тяжелой борьбы з[illegible] существованіе. Но если бы эволюція животнаго міра была основана исключительно, или даже преимущественно, на переживаніи наиболѣе приспособленных в періоды бѣдствій; если б[illegible] естественный подбор был ограничен в своем воздѣйствіи періодами исключительной засухи, или внезапных перемѣн температуры, или наводненій, — то регресс был бы общим правилом в животном мірѣ. Тѣ, которые переживают голод, или суровую эпидемію холеры, оспы или дифтерита, свирѣпствующих в тѣх размѣрах, которыя наблюдаются в нецивилизованных странах, вовсе не являются ни наиболѣе сильными, ни наиболѣе здоровыми, ни наиболѣе разумными. Никакой прогресс не мог бы основаться на подобных переживаніях, — тѣм болѣе, что всѣ пережившіе обыкновенно выходят из испытанія с подорванным здоровьем, подобно тѣм забайкальским лошадям, о которых мы упоминали выше, или экипажам арктических судов, или гарнизонам крѣпостей, вынужденным жить в теченіе нѣскольких мѣсяцев на половинных раціонах, и по прекраще-

*) А. Беккер, в "Bulletin de la Societe des Naturalistes de Moscou 1889, стр. 625.

**) См. Приложеніе IX.

нiи осады выходящим с разбитым здоровьем и с проявляющейся впослѣдствiи склонностью к совершенно ненормальной смертности. Все, что естественный подбор может сдѣлать в перiоды бѣдствiй, сводится к сохраненiю особей, одаренных наибольшею выносливостью в перенесенiи всякаго рода лишенiй. Такова и есть роль естественнаго подбора среди сибирских лошадей и рогатаго скота. Они, дѣйствительно, отличаются выносливостью; они могут питаться, в случаѣ необходимости, полярной березой; они могут противостоять холоду и голоду. Но за то сибирская лошадь может нести только половину того груза, который без напряженiя несет европейская лошадь; ни одна сибирская корова не дает половины того количества молока, которое дает джерсейская корова, и ни один туземец не цивилизованных стран не выдержит сравненiя с европейцами. Такiе туземцы могут легче выносить голод и холод, но их физическiя силы гораздо ниже сил хорошо-питающагося европейца, а их умственный прогресс совершается с отчаянной медленностью. "Зло не может порождать добра", как писал Чернышевскiй в замѣчательном очеркѣ, посвященном дарвинизму *).

К счастью, состязанiе не составляет общаго правила, ни для животнаго мiра, ни для человѣчества. Оно ограничивается, среди животных, извѣстными перiодами, и естественный подбор находит лучшую почву для своей дѣятельности. Лучшiя условiя для прогрессивнаго подбора создаются устраненiем состязанiя, путем взаимной помощи и взаимной поддержки **). В великой борьбѣ за существованiе — за наиболѣе возможную полноту и интенсивность жизни, при наименьшей ненужной растратѣ энергiи — естественный подбор постоянно выискивает пути, именно с цѣлью избѣжать, насколько возможно, состязанiя. Муравьи об'единяются в гнѣзда и племена; они дѣ-

---

*) "Русская Мысль", № 9, 1888. Происхожденiе теорiи благотворности борьбы за жизнь", Стараго Трансформиста.

**) "Один из самых обычных способов, которыми дѣйствует естественный подбор," говорит Дарвин, "это — приспособленiе нѣкоторых особей даннаго вида к нѣсколько различному образу жизни, вслѣдствiе чего они могут захватить еще не захваченныя мѣста в природѣ" (Происхожденiе Видов, гл. VI) — другими словами — избѣгнут состязанiя.

лают запасы, воспитывают для своих нужд "коров" — и таким образом избѣгают состязанія; и естественный подбор выбирает из всѣх муравьев тѣ виды, которые лучше умѣют избѣгать внутренняго состязанія, с его неизбѣжными пагубными послѣдствіями. Большинство наших птиц медленно перекочевывает к югу, по мѣрѣ наступленія зимы, или же онѣ собираются безчисленными сообществами и предпринимают далекія путешествія, — и таким образом избѣгают состязанія. Многіе грызуны впадают в спячку, когда наступает время возможнаго состязанія, а другія породы грызунов запасаются на зиму пищей и собираются вмѣстѣ обширными поселеніями, дабы имѣть необходимую защиту во время работы. Олени, когда оленій мох засыхает внутри материка, переселяются по направленію к морю. Буйволы пересѣкают огромные материки ради изобилія пищи. А колонія бобров, когда они черезчур расплодятся на рѣкѣ, раздѣляется на двѣ части: старики уходят вниз по рѣкѣ, а молодые идут вверх, для того, чтобы избѣжать состязанія. А если, наконец, животныя не могут ни впасть в спячку, ни переселиться, ни сдѣлать запасов пищи, ни сами выращивать потребную пищу, как это дѣлают муравьи, — тогда они поступают, как синицы (прекрасное описаніе см. у Уоллэса, ("Darwinism" гл. V); а именно: они переходят к новому роду пищи — и, таким образом, опять-таки избѣгают состязанія *).

"Избѣгайте состязанія! Оно всегда вредно для вида, и у вас имѣется множество средств избѣжать его!" Такова тенденція природы, не всегда ею вполнѣ осуществляемая, но всегда ей присущая. Таков лозунг, доносящійся до нас из кустарников, лѣсов, рѣк, океанов. "А потому об'единяйтесь — практикуйте взаимную помощь! Она представляет самое вѣрное средство для обезпеченія наибольшей безопасности, как для каждаго в отдѣльности, так и для всѣх вмѣстѣ; она является лучшей гарантіей для существованія и прогресса физическаго, умственнаго и нравственнаго". Вот чему учит нас Природа; и этому голосу Природы вняли всѣ тѣ животныя, которыя достигли наивысшаго положенія в своих соотвѣтственных классах. Это-

*) См. Приложеніе X.

му же велѣнію Природы подчинился и человѣк — самый первобытный человѣк — и лишь вслѣдствіе этого он достиг того положенія, которое мы занимаем теперь. В справедливости этого читатель убѣдится из послѣдующих глав, посвященных взаимной помощи в человѣческих обществах.

ГЛАВА. III

Взаимная помощь среди дикарей.

Предполагаемая война каждаго против всѣх. — Родовое происхожденіе человѣческаго общества. — Позднее появленіе отдѣльной семьи. — Бушмены и Готтентоты. — Австралійцы. Папуасы. — Эскимосы, Алеуты. — Черты жизни дикарей, с затрудненіем понимаемыя европейцами. — Понятіе о справедливости у Даяков. — Обычное право.

Громадную роль, которую играет взаимная помощь и взаимная поддержка в эволюціи животнаго міра, мы бѣгло разсмотрѣли в предыдущих двух главах. Теперь нам предстоит бросить взгляд на роль, которую тѣ же факторы играли в эволюціи человѣчества. Мы видѣли, как незначительно число животных видов, ведущих одинокую жизнь, и как, напротив того, безчисленно количество тѣх видов, которые живут сообществами, об'единяясь в цѣлях взаимной защиты, или для охоты и накопленія запасов пищи, ради воспитанія потомства, или — просто для наслажденія жизнью сообща. Мы видѣли также, что, хотя между различными классами животных, различными видами или даже различными группами того же вида, происходит не мало борьбы, но, вообще говоря, в предѣлах группы и вида господствуют мир и взаимная поддержка; при чем тѣ виды, которые обладают наибольшим умѣніем об'единяться и избѣгать состязанія и борьбы, имѣют и лучшіе шансы на переживаніе и дальнѣйшее прогрессивное развитіе. Такіе виды процвѣтают, в то время, как виды, чуждые общительности, идут к упадку.

Очевидно, что человѣк являлся бы противорѣчіем всему тому, что нам извѣстно о природѣ, если бы он представлял

исключеніе из этого общаго правила: если бы существо столь беззащитное, каким был человѣк на зарѣ своего существованія, нашло бы для себя защиту и путь к прогрессу не во взаимной помощи, как другія животныя, а в безразсудной борьбѣ из-за личных выгод, не обращающей никакого вниманія на интересы всего вида. Для всякаго ума, освоившагося с идеею о единствѣ природы, такое предположеніе покажется совершенно недопустимым. А между тѣм, несмотря на его невѣроятность и нелогичность, оно всегда находило сторонников. Всегда находились писатели, глядѣвшіе на человѣчество, как пессимисты. Они знали человѣка, болѣе или менѣе поверхностно, из своего личнаго ограниченнаго опыта, в исторіи они ограничивались знаніем того, что разсказали нам лѣтописцы, всегда обращавшіе вниманіе, главным образом, на войны, на жестокости, на угнетеніе; и эти пессимисты приходили к заключенію, что человѣчество представляет собою не что иное, как слабо связанное сообщество существ, всегда готовых драться между собою, и лишь вмѣшательством какой-нибудь власти удерживаемых от всеобщей свалки.

Гоббс стоял на такой точкѣ зрѣнія; и хотя нѣкоторые из его преемников в XVIII-м вѣкѣ пытались доказать, что ни в какую пору своего существованія, — даже в самом первобытном періодѣ — человѣчество не жило в состояніи непрерывной войны, что человѣк был существом общественным, даже в "естественном состояніи", и что скорѣе отсутствіе знаній, чѣм природныя скверныя наклонности, довели человѣчество до всѣх ужасов, которыми отличалась его прошедшая историческая жизнь, — но многочисленные послѣдователи Гоббса продолжали тѣм не менѣе утверждать, что так-называемое "естественное состояніе" было ни чѣм иным, как постоянной борьбой между индивидуумами, случайным образом столпившимися под импульсами их звѣриной природы. Правда, со времени Гоббса наука сдѣлала кое-какіе успѣхи, и теперь у нас под ногами болѣе твердая почва, чѣм была во времена Гоббса, или Руссо.

Но философія Гоббса по сію пору имѣет достаточно поклонников, и в послѣднее время создалась цѣлая школа писателей,

которые, вооружившись не столько идеями Дарвина, сколько его терминологiей, воспользовались послѣдней для аргументацiи в пользу взглядов Гоббса на порвобытнаго человѣка; им удалось даже придать этой аргументацiи какое-то подобiе научной внѣшности. Гексли, как извѣстно, стал во главѣ этой школы, и в статьѣ, напечатанной в 1888 году, он изобразил первобытных людей чѣм-то в родѣ тигров или львов, лишенных каких бы то ни было этических понятiй, не останавливающихся ни пред чѣм в борьбѣ за существованiе, — вся жизнь которых проходила в "постоянной дракѣ". "За предѣлами ограниченных и временных семейных отношенiй, Гоббсовская война каждаго против всѣх была, говорил он, нормальным состоянiем их существованiя" *).

Но раз уже замѣчено было, что главная ошибка Гоббса, а также и философов XVIII-го вѣка, заключалась в том, что они представляли себѣ первобытный род людской в формѣ маленьких бродячих семей, на подобiе "ограниченных и временных" семейств болѣе крупных хищных животных. Между тѣм, теперь положительно установлено, что подобное предположенiе совершенно невѣрно. Конечно, у нас нѣт прямых фактов, свидѣтельствующих об образѣ жизни первых человѣкообразных существ. Даже время перваго появленiя таких существ еще в точности не установлено, так как современные геологи склонны видѣть их слѣды уже в плiоценовых и даже в мiоценовых отложенiях третичнаго перiода. Но мы имѣем в своем распоряженiи косвенный метод, который дает нам возможность освѣтить до извѣстной степени даже этот отдаленный перiод. Дѣйствительно, в теченiе послѣдних сорока лѣт сдѣланы были очень тщательныя изслѣдованiя общественных учрежденiй у самых низших рас, и эти изслѣдованiя раскрыли в теперешних учрежденiях первобытных народов слѣды болѣе древних учрежденiй, давно уже исчезнувших, но тѣм не менѣе оставивших несомнѣнные признаки своего существованiя. Мало-по-малу, цѣлая наука, посвященная эмбрiологiи человѣческих учрежденiй, была создана трудами Бахофена, Мак-

*) "Nineteenth Century", Февраль 1888, стр. 165.

Ленанна, Моргана, Эдуарда Б. Тэйлора, Мэна, Поста, Ковалевскаго и мн. др. И эта наука установила теперь, внѣ всякаго сомнѣнія, что человѣчество начало свою жизнь не в формѣ небольших одиноких семей.

Семья не только не была первобытной формой организаціи, но, напротив, она является очень поздним продуктом эволюціи человѣчества. Как бы далеко мы не восходили вглубь палеоэтнологіи человѣчества, мы вездѣ находим людей, живших тогда сообществами, группами, подобными стадам высших млекопитающих. Очень медленная и продолжительная эволюція потребовалась для того, чтобы довести эти сообщества до организаціи рода или клана, которая в свою очередь должны была подвергнуться другому", тоже очень продолжительному процессу эволюціи, прежде чѣм могли появиться первые зародыши семьи, полигамной или моногамной. Сообщества, банды, роды, племена — а не семьи — были, таким образом, первобытной формой организаціи человѣчества и его древнѣйших прародителей. К такому выводу пришла этнологія послѣ тщательных кропотливых изслѣдованій. В сущности этот вывод могли бы предсказать зоологи, так как ни одно из высших млекопитающих, за исключеніем весьма немногих плотоядных и немногих, несомнѣнно вымирающих, видов обезьян (оранг-утанов и горилл), не живет мелкими семьями, изолированно бродящими по лѣсам. Всѣ остальныя живут сообществами. И Дарвин так прекрасно понял, что изолированно живущія обезьяны никогда не смогли бы развиться в человѣкоподобныя существа, что он был склонен разсматривать человѣка происходящим от какого-нибудь сравнительно слабаго, но непремѣнно общительнаго вида обезьян, в родѣ чимпанзе, а не от болѣе сильнаго но не общительнаго вида, в родѣ гориллы *). Зоологія и палеоэтнологія приходят таким образом к одинаковому заключенію, что древнѣйшей формой общественной жизни была группа, племя, а не семья. Первыя человѣческія сообщества просто были дальнѣйшим развитіем тѣх сообществ, которыя составляют самую сущность жизни высших животных **).

**) "The Descent of Man", конец II гл., стр. 63 и 64, 2-го изданія.

**) Нѣкоторые антропологи, вполнѣ раздѣляющіе вышеизложенные

Если перейти теперь к положительным данным, то мы увидим, что самые ранніе слѣды человѣка, относящіеся к ледниковому или раннему послѣ-ледниковому періоду, дают несомнѣнныя доказательства того, что человѣк уже тогда жил сообществами. Очень рѣдко случается найти одинокое каменное орудіе, даже из древнѣйшаго, палеотическаго періода; напротив того, гдѣ бы ни находили одно или два кремневых орудія, там всегда находили вскорѣ и другія, почти всегда в очень больших количествах. Уже в тѣ времена, когда люди жили еще в пещерах, или укрывались под нависшими скалами, вмѣстѣ с исчезнувшими с тѣх пор млекопитающими, и едва умѣли выдѣлывать кремневые топоры самаго грубаго вида, они уже были знакомы с выгодами жизни сообщества. Во Франціи, в долинах притоков Дордони, вся поверхность скал в нѣкоторых мѣстах покрыта пещерами служившими убѣжищем палеотическому человѣку *). Иногда пещерныя жилища расположены этажами и несомнѣнно болѣе напоминает гнѣзда колоній ласточек, чѣм логовища хищных животных. Что же касается до кремневых орудій, найденных в этих пещерах, то, по выраженію Леббока, "без преувеличенія можно сказать, что они — безчисленны". То же самое справедливо относительно всѣх других палеотических стоянок. Судя по изысканіям Ларте, обитатели округа Ориньяк, в южной Франціи, устраивали уже родовые пиры при погребеніи своих умерших. Таким образом

взгляды на человѣка, тѣм не менѣе иногда утверждают, что обезьяны живут полигамическими семьями, под предводительством "сильнаго и ревниваго самца". Я не знаю, насколько подобное утвержденіе опирается на сосовершенно достовѣрных наблюденіях. Но та страница в 'Жизни животных' Брэма, на которую обыкновенно ссылаются, едва-ли может считаться особенно доказательной. Она составляет часть его общаго описанія обезьян; но его-же болѣе подробныя описанія отдѣльных видов, или противорѣчат такому выводу, или же не подтверждают его. Даже относительно мартышек (Cercopithecus) Брэм положительно утверждает, что "онѣ почти всегда живут группами и очень рѣдко семьями" (Франц. изд. т. I, стр. 59). Что же касается других видов, то уже самое количество их групп, в которых всегда имѣется много самцов, дѣлает предположеніе о "полигамической семьѣ" болѣе чѣм сомнительным. Очевидно требуются дальнѣйшія наблюденія.

---

*) Lubbock. "Prehistoric Times", 5-е изданіе, 1890.

люди жили сообществами, и у них проявлялись зачатки родоваго религіознаго обряда, уже в ту, чрезвычайно отдаленную, эпоху.

То же самое подтверждается, еще большим обиліем доказательств, относительно позднѣйшаго періода каменнаго вѣка. Слѣды неолитическаго человѣка встрѣчаются в таких громадных количествах, что по ним можно было, в значительной мѣрѣ, возстановить весь его образ жизни. Когда ледяной покров (который должен был простираться от полярных областей вплоть до середины Франціи, Германіи и Россіи, и покрывал Канаду, а также значительную часть территоріи, занимаемой теперь Соединенными Штатами) начал таять, то поверхности, освободившіяся от льда, покрылись сперва топями и болотами, а позднѣе — безчисленными озерами *). Озера заполняли в ту пору всѣ углубленія и расширенія в долинах, раньше чѣм воды промыли себѣ тѣ постоянныя русла, которыя в послѣдующую эпоху стали нашими рѣками. И, куда бы мы ни обратились теперь, в Европѣ, Азіи или Америкѣ, — мы находим, что берега безчисленных озер этого періода, — который по справедливости слѣдовало бы назвать Озерным періодом — покрыты слѣдами неолитическаго человѣка. Эти слѣды так многочисленны, что можно лишь удивляться густотѣ населенія в ту эпоху. На террасах, которыя теперь обозначают берега древних озер, "стоянки" неолитическаго человѣка близко слѣдуют одна за другой, и на каждой из них находят каменныя орудія в таких количествах, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія в том, что в продолженіе очень долгаго времени, эти мѣста были обитаемы довольно многочисленными племенами людей. Цѣлыя мастерскія кремневых орудій, которыя, в свою очередь, свидѣтельствуют о количествѣ рабочих, собиравшихся в одном мѣстѣ, были открыты археологами.

Слѣды болѣе поздняго періода, уже характеризуемаго упо-

---

*) Большинство геологов спеціально изучавших ледниковый період, принимают теперь такое распространеніе ледяного покрова. (Русская Геологическая Съемка держится такого взгляда по отношенію к Россіи, и большинство германских спеціалистов поддерживают его по отношенію к Германіи. Обледенѣніе большей части центральнаго проскогорія во Франціи неизбѣжно будет признано французскими геологами, когда они вообще обратят больше вниманія на ледниковыя отложенія.

требленіем глиняных издѣлій, мы имѣем в так называемых "кухонных отбросах" Даніи. Как извѣстно, эти кучи раковин от 5-ти до 10-ти футов толщиною, от 100 до 200 футов в ширину, и в 1000 и болѣе футов в длину, так распростанены в нѣкоторых мѣстах морского побережья Даніи, что долгое время их считали естественными образованіями. А между тѣм онѣ состоят исключительно из таких матеріалов, которые так или иначе употреблялись человѣком", и онѣ до такой степени переполнены продуктами человѣческаго труда, что Леббок в теченіе всего лишь двух-дневнаго пребыванія в Мильгаардѣ нашел 191 кусков каменных орудій и четыре обломка глиняных издѣлій *). Самые размѣры и распространенность этих куч кухонных отбросов доказывают, что в теченіе многих и многих поколѣній по берегам Даніи основались сотни небольших племен или родов, которые без всякаго сомнѣнія жили также мирно между собою, как живут теперь обитатели берегов Огненной Земли, которые также набрасывают теперь подобныя же кучи раковин и всяких отбросов**).

Что же касается до свайных построек Швейцаріи, представляющих дальнѣйшую ступень на пути к цивилизаціи, онѣ дают еще лучшія доказательства того, что их обитатели жили обществами и работали сообща.

Извѣстно, что уже в каменном вѣкѣ, берега Швейцарских озер были усѣяны рядами деревень, состоявших каждая из нѣскольких хижин, построенных на платформѣ, поддерживаемой без

*) "Prehistoric Times", стр. 232 и 242.

**) Кухонные остатки, т. е. кучи отбросов, около сажени высоты и футов сто в длину, которыя лежат на слоях извѣстнаго холма в Хэстингсѣ (Hostings), впереди трещины в скалѣ, гдѣ нѣкогда обитали неолитическіе люди, принадлежат к той же категоріи. Они были тщательно просѣяны и разслѣдованы г. Льюис Абботтом. Онѣ состоят исключительно из выѣденных раковин, костей и обломков кремневых орудій, — эти послѣднія в таких количествах, что посѣтивши эти кучи вмѣстѣ с г. Абботтом послѣ сильнаго дождя, мы собрали в час около 100 обломанных скребков и ножей, которые выбрасывались дикарями в кучу, впереди их жилья, за негодностью. Эти кучи интересны еще в том отношеніи, что в них нѣт орудій, которыя могли бы разсматриваться как оружіе для военных дѣйствій или даже для охоты за крупными звѣрями.

численными сваями, вбитыми в дно озера. Не менѣе двадцати четырех деревень, из которых большинство принадлежало к каменному вѣку, было открыто за послѣдніе годы на берегах Женевскаго озера, тридцать двѣ на Констанцком озерѣ, сорок шесть на Нефшательском, и т. д.; и каждая из них свидѣтельствует о громадном количествѣ труда, выполненнаго сообща — не семьей, а цѣлым родом. Нѣкоторые изслѣдователи предполагают даже, что жизнь этих обитателей озер была в замѣчательной степени свободна от воинственных столкновеній; и предположеніе это весьма вѣроятно, если принять в соображеніе жизнь тѣх первобытных племен, которыя теперь еще живут в подобных же деревнях, построенных на сваях по берегам морей.

Мы видим, таким образом, даже из предыдущаго краткаго очерка, что, в концѣ концов, наши свѣдѣнія о первобытном человѣкѣ вовсе не так скудны, и что они во всяком случаѣ скорѣе опровергают, чѣм подтверждают, предположенія Гоббса. Сверх того, они могут быть пополнены в значительной мѣрѣ, если обратиться к прямому наблюденію таких первобытных племен, которыя в настоящее время стоят еще на том же уровнѣ цивилизаціи, на каком стояли обитатели Европы в до-историческія времена.

Что эти первобытныя племена, которыя существуют теперь, вовсе не представляют, — как утверждали нѣкоторые ученые, — выродившихся племен, которыя когда-то были знакомы с болѣе высокой цивилизаціей, но утратили ее — уже было вполнѣ доказано Эд. Б. Тэйлором и Дж. Леббоком. Впрочем, к аргументам, приводившимся против теоріи вырожденія, можно прибавить еще нижеслѣдующій. За исключеніем немногих племен, которыя держатся в малодоступных горных странах, так- называемые "дикари" занимают пояс, который окружает болѣе или менѣе цивилизованныя націи, преимущественно на тѣх оконечностях наших материков, которыя большею частью сохранили до сих пор, или-же недавно еще носили характер ранней по-ледниковой эпохи. Сюда принадлежат эскимосы и их сородичи Гренландіи, Арктической Америки и Сѣверной Сибири, а в Южном полушаріи — австралійскіе туземцы, папу-

асы, обитатели Огненной Земли, и, отчасти, бушмены; при чем в предѣлах пространства, занятаго болѣе или менѣе цивилизованными народами, подобныя первобытныя племена встрѣчаются только в Гималаях, в нагорьях юго-восточной Азіи и на Бразильском плоскогоріи. Не должно забывать, при этом, что ледниковый період закончился не сразу на всей поверхности земного шара; он до сих пор продолжается в Гренландіи. Вслѣдствіе этого, в ту пору, когда приморскія области Индійскаго океана, Средиземнаго моря, или Мексиканскаго залива уже пользовались болѣе теплым климатом, и в них развивалась болѣе высокая цивилизація, — громадныя территоріи в Средней Европѣ, Сибири и Сѣверной Америкѣ, а также Патагоніи, в Южной Африкѣ, Юго-восточной Азіи и Австраліи, оставались еще в условіях ранняго послѣ-ледниковаго періода, которыя дѣлали их необитаемыми для цивилизованных націй жаркаго и умѣреннаго пояса. В эту пору, названныя области представляли нѣчто в родѣ теперешних ужасных "урманов" сѣверо-западной Сибири, и их населеніе, не доступное для цивилизаціи и не затронутое ею, удерживало характер ранняго послѣ-ледниковаго человѣка. Только позднѣе, когда высыханіе сдѣлало эти территоріи болѣе пригодными для земледѣлія, стали онѣ заселяться болѣе цивилизованными пришельцами; и тогда часть прежних обитателей была ассимилирована новыми засельщиками, тогда как другая часть отступала все дальше и дальше в направленіи к приполярным странам и осѣла в тѣх мѣстах, гдѣ мы теперь их находим. Территоріи, обитаемыя ими в настоящее время, сохранили по сію пору, или до очень недавняго времени сохраняли в физическом отношеніи, около-ледниковый характер; а искусства и орудія их обитателей до сих пор еще не вышли из неолитическаго періода; и, несмотря на расовыя различія и на пространства, которыя раздѣляют их друг от друга, образ жизни и общественныя учрежденія этих племен поразительно схожи между собою.

Мы можем, поэтому, разсматривать этих "дикарей", как остатки ранняго послѣ-ледниковаго населенія, занимавшаго то, что теперь представляет цивилизованную область.

Первое, что поражает нас, как только мы начинаем изу-

чать первобытные народы, это — сложность организацiи брачных отношенiй, под которою они живут. У большинства из них, семья, в том смыслѣ, как мы ее понимаем, существует только в зачаточном состоянiи. Но в то же время "дикари" вовсе не представляют из себя "мало-связанных между собою скопищ мужчин и женщин, сходящихся безпорядочно, под влiянiем мутных капризов". Всѣ они подчиняются, напротив извѣстной организацiи, которую Льюис Морган описал в ея типичных чертах и назвал "родовою" или кланною, организацiей *).

Излагая вкратцѣ этот очень обширный предмет, мы можем сказать, что в настоящее время нѣт болѣе сомнѣнiя в том, что человѣчество в началѣ своего существованiя прошло чрез стадiю брачных отношенiй, которую можно назвать "ком-

*) Bachofen, "Das Mutterecht", Stuttgart, 1861; Lewis H. Morgan, "Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization"; New York, 1877; Mac Lennan, "Studies in Ancient History", 1-я серiя, новое изданiе, 1886; 2-я серiя, 1896; L. Fison и A. W. Howitt, "Kamilaroi and Kurnai", Helbourne. Эти четыре писателя, — по очень вѣрному замѣчанiю Giraud Teulon, — исходя из различных фактов и различных общих идей и употребляя различные методы, пришли к тому же самому выводу. Бахофену мы обязаны тѣм, что он установил понятiе о материнской семьѣ и о наслѣдованiи через мать. Моргану — за изслѣдованiе системы родства в родѣ, у малайцев и туранцев, а также за очень умный очерк главных фаз человѣческой эволюцiи: Мак-Леннану за изслѣдованiе экзогамiи, т. е. женитьбы внѣ своего рода; а Физону и Ховитту — за установленiе "куадро", т. е. схемы родовых брачных соотношенiй в Австралiи. И изслѣдованiе всѣх четырех сводится к установленiю родового происхожденiя семьи. Когда Бахофен впервые обратил вниманiе на материнскую семью, в своей работѣ, составившей эпоху в наукѣ, а Морган описал родовую (клановую) организацiю, при чем оба пришли к заключенiю, что эти учрежденiя имѣли почти всеобщее распространенiе и утверждали, что брачные законы лежат в самой основѣ послѣдовательных ступеней эволюцiи человѣчества, — их обвинили в преувеличенiи. Однако, самыя тщательныя изысканiя цѣлаго ряда изслѣдователей, изучавших древнее право, доказали, что во всѣх расах человѣчества есть слѣды прохожденiя ими чрез такiя же ступени развитiя брачных обычаев, каковые мы наблюдаем в настоящее время среди нѣкоторых дикарей. Смотри работы таких авторов, как Post, Dargun, Ковалевскiй, Lubbock и их многочисленные послѣдователи, как Lippert, Mucke и др.

мунальным браком"; то есть, мужчины и женщины, цѣлыми родами, жили между собою как мужья с женами, обращая весьма мало вниманія на кровное родство. Но, несомнѣнно также и то, что нѣкоторыя ограниченія этих свободных отношеній между полами были налагаемы уже в очень раннем періодѣ. Брачныя отношенія вскорѣ были запрещены между сыновьями одной матери и ея сестрами, ея внучками и ея тетками. Позднѣе такія отношенія были запрещены между сыновьями и дочерями одной и той же матери, а затѣм вскорѣ послѣдовали и другія ограниченія. Развилась мало-по-малу идея рода (gens), который обнимал собою всѣх дѣйствительных, или предполагаемых, потомков от одного общаго корня (скорѣе, — всѣх, об'единенных в одну родовую группу таким предполагаемым родством.) А когда род размножался, от подраздѣленія на нѣсколько родов, из которых каждый дѣлился в свою очередь на классы (обыкновенно, на четыре класса), и брак разрѣшался лишь между извѣстными, точно-опредѣленными классами. Подобную стадію можно наблюдать еще теперь между туземцами Австраліи, говорящими Камиларойским языком. Что же касается до семьи, то ея первые зародыши появились в родовой организаціи. Женщина, которая была захвачена в плѣн, во время войны с каким-нибудь другим родом, и прежде принадлежала бы цѣлому роду, в болѣе поздній період удерживалась за собой тѣм, кто взял ее в плѣн, при соблюденіи извѣстных обязательств по отношенію к роду. Она могла быть помѣщена им в отдѣльной хижинѣ, послѣ того как она заплатила извѣстнаго рода дань роду, и таким образом могла основать в предѣлах рода отдѣльную семью, появленіе которой, очевидно, открывало собой новую фазу цивилизаціи. Но ни в каком случаѣ жена, клавшая это основаніе патріархальной семьѣ, не могла быть взята из своего рода. Она должна была происходить из чужого рода.

Если мы примем во вниманіе, что эта сложная организація развилась среди людей, стоявших на самой низшей из извѣстных нам ступеней развитія, и что она поддерживалась в сообществах, не знавших ни какой другой власти, кромѣ власти общественнаго мнѣнія, мы сразу поймем, как глубоко должны

были корениться общественные инстинкты в человѣческой природѣ, даже на самых низших ступенях ея развитія. Дикарь, который мог жить при такой организаціи, подчиняясь по собственной волѣ ограниченіям, которыя постоянно сталкивались с его личными пожеланіями, конечно не был похож на звѣря, лишеннаго каких бы то ни было этических принципов и не знающаго узды для своих страстей. Но этот факт становится еще болѣе поразительным, если принять во вниманіе неизмѣримо отдаленную древность родовой организаціи.

В настоящее время извѣстно, что первобытные семиты, Гомеровскіе греки, до-историческіе римляне, германцы Тацита, древніе кельты и славяне, всѣ прошли чрез період родовой организаціи, очень близко сходной с родовой организаціей австралійцев, краснокожих индѣйцев, эскимосов и других обитателей "пояса дикарей" *).

Таким образом мы должны допустить одно из двух: или эволюція брачных обычаев шла по каким-нибудь причинам в одном и том же направленіи у всѣх человѣческих рас, или же зачатки родовых ограниченій развились среди нѣкоторых общих предков, бывших родоначальниками семитов, арійцев, полинезійцев и т. д. прежде чѣм эти предки диференцировались в отдѣльныя расы, и что эти ограниченія поддерживались вплоть до настоящаго времени среди рас, давно уже отдѣлившихся от общаго корня. Обѣ альтернативы в равной степени указывают, однако, на поразительную устойчивость этого учрежденія — такую устойчивость, которой не могли разрушить никакія посягательства на нее личности, в теченіе многих десятков тысячелѣтій. Но самая стойкость родовой организаціи показывает, насколько ложен тот взгляд, в силу котораго первобытное человѣчество изображается в видѣ безпорядочнаго ско-

*) О семитах и арійцах см. в особенности проф. Максима Ковалевскаго, "Первобытное право", Москва 1886 и 1887 гг. А также его Стокгольмскія лекціи ("Tableu des origines et de l'evolution de la famille et la propriete", Stockholm, 1890), представляющія превосходный обзор всего вопроса. См. также A. Post, "Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit", Oldenburg, 1875.

пища индивидуумов, подчиняющихся одним лишь собственным страстям и пользующихся каждый своею личною силою и хитростью, чтобы одержать верх над всѣми другими. Необузданный индивидуализм — явленіе новѣйшаго времени, но он вовсе не был свойствен первобытному человѣчеству *).

Переходя теперь к существующим в настоящее время дикарям, мы можем начать с бушменов, стоящих на очень низкой ступени развитія — настолько низкой, что они не имѣют даже жилищ, и спят в норах, вырытых в землѣ, или просто под прикрытіем легких щитов из трав и вѣтвей, защищающих их от вѣтра. Извѣстно, что когда европейцы начали селиться на их территоріи и истребили громадныя дикія стада краснаго звѣря, пасшіяся до того времени на равнинах, бушмены начали красть рогатый скот у поселенцев, — и тогда эти пришельцы начали против бушменов отчаянную войну, и стали истреблять их со звѣрством, о котором я предпочитаю не разсказывать здѣсь. Пятьсот бушменов было истреблено таким образом в 1774 году; в 1808—809 годах, союз фермеров истребил их три тысячи, и т. д. Их отравляли, как крыс,

---

*) Мы не можем заняться здѣсь обсужденіем вопроса о происхожденіи брачных ограниченій. Замѣчу только, что раздѣленіе на группы, подобное описанному Морганом у гавайцев, существует у птиц: молодые выводки живут вмѣстѣ, отдѣльно от родителей. Подобное же раздѣленіе можно прослѣдить и у нѣкоторых млекопитающих. Что же касается до послѣдующаго запрещенія брачных отношеній между братьями и сестрами, то оно возникло, вѣроятно, не вслѣдствіе соображеній о дурном вліяніи кровнаго родства, каковыя соображенія одва-ли вѣроятны, а скорѣе из стремленія продупредить легко-возникающую близость в слишком раннем возрастѣ. При тѣсном сожительствѣ в одном помѣщеніи подобное ограниченіе становилось положительно необходимым, и оно вполнѣ согласно с предосторожностями, принимаемыми дикарями, чтобы отдѣлять мужскую молодежь в особый "длинный дом" под надзором воспитателей. Должно также замѣтить, что вообще, при обсужденіи происхожденія новых обычаев, должно имѣть в виду, что дикари, подобно нам, имѣют своих "мыслителей" и ученых знахарей, колдунов, лѣкарей, пророков — познанія и идеи которых превосходят общій уровень массы. Об'единенные в тайные союзы (другая, почти универсальная черта), эти знахари, конечно, могли оказывать огромное вліяніе и устанавливать обычаи, полезность которых еще не сознана была большинством рода.

выставляя отравленное мясо этим доведенным до голода людям, или пристрѣливали, как звѣрей, прятявшись в засадѣ за трупом подброшеннаго животнаго; их убивали при всякой встрѣчѣ *). Таким образом, наши свѣдѣнія о бушменах, полученныя в большинствѣ случаев от тѣх самых людей, которые истребляли их, не могут отличаться особенной дружелюбностью.

Тѣм не менѣе мы знаем, что, во время появленія европейцев, бушмены жили небольшими родами, которые иногда соединялись в федераціи; что они охотились сообща и дѣлили между собою добычу без драки и ссор; что они никогда не бросали своих раненых и выказывали сильную привязанность к сотоварищам. Лихтенштейн разсказывает чрезвычайно трогательный эпизод об одном бушменѣ, который едва не потонул в рѣкѣ и был спасен товарищами. Они сняли с себя свои звѣринныя шкуры, чтобы прикрыть его, и сами дрожали от холода: они обсушили его, растирали его пред огнем и смазывали его тѣло теплым жиром, пока, наконец, не возвратили его к жизни. А когда бушмены нашли в лицѣ Іогана Вандервальта человѣка, обращавшагося с ними хорошо, они выражали ему свою признательность проявленіями самой трогательной привязанности **). Бурчелль и Моффат изображают их добросердечными, вѣрными своим обѣщаніям и благодарными ***),—все качества, которыя могли развиться, лишь будучи постоянно практикуемы в предѣлах рода. Что же касается до их любви к дѣтям, то достаточно напомнить, что когда европееец хотѣл заполучить себѣ бушменку в рабство, он по-

---

*) Col. Collins, в "Philip's Researches in South Africa", London 1828. Цитаты даны у Вайца (Waitz, "Anthropologie der Naturvolker", т. II, с. 334).

**) Lichtenstein, "Reisen im Sudlichen Africa, II, стр. 92, 97. Berlin, 1881,

---

***) Waltz, "Anthopologie der Naturvolker", II, стр. 335 seg. См. также Fritsch, "Die Eingeboren Africo", Breslau, 1872, стр. 386 и слѣд.; и "Drei Jahre in Sud-Africa". Также W. Bleck, "A Brief Adcount of Bushmen Folklore, Cayetown, 1875.

хищал ея ребенка; мать всегда являлась сама и становилась рабыней, чтобы раздѣлить участь своего дитяти *).

Та же самая общительность встрѣчается у готтентотов, которые немногим провосходят бушменов по развитію. Леббок говорит об них как о "самых грязных животных", и они, дѣйствительно, очень грязны. Все их одѣяніе состоит из повѣшенной на шею звѣриной шкуры, которую носят, пока она не распадется в куски; а их хижины состоят из нѣскольких жердей, связанных концами и покрытых цыновками, при чем внутри хижин нѣт ровно никакой обстановки. Хотя они держат быков и овец и, кажется, были знакомы с употребленіем железа, уже до встрѣчи с европейцами, тѣм не менѣе они до сих пор стоят на одной из самых низких степеней человѣческаго развитія. И все же европейцы, которые были близко знакомы с их жизнью, с великой похвалою отзывались об их общительности и готовности помогать друг другу. Если дать что-нибудь готтентоту, он тотчас же дѣлит полученное между всѣми присутствующими — обычай, который как извѣстно, поразил также Дарвина у обитателей Огненной Земли. Готтентот не может ѣсть один, и как бы он ни был голоден, он подзывает прохожих и дѣлится с ними своей пищей. И когда Кольбен выразил по этому поводу свое удивленіе, ему отвѣтили "таков обычай у готтентотов". Но этот обычай свойствен не одним готтентотам: это—почти повсемѣстный обычай". Кольбен, хорошо знавшій готтентотов и не обходившій молчаніем их недостатков, не может нахвалиться их родовою нравственностью.

"Данное ими слово — для них священно", — пишет он. "Они совершенно не знакомы с испорченностью и вѣроломством Европы". "Они живут очен мирно и рѣдко воюют со своими сосѣдями". Они "полны мягкости и добродушія во взаимных отношеніях. Одним из величайших удовольствій для готтентотов является обмѣн подарками и услугами". По своей

---

*) Elisee Reclus, "Geographie Universelle", XIII, 475.

честности, по быстротѣ и точности отправленія, по цѣломудрію, готтентоты превосходят всѣ, или почти всѣ, другіе народы“ *).

Ташар (Tachart), Барроу (Barrow) и Муди (Moodie) **) вполнѣ подтверждают слова Кольбена. Нужно только замѣтит, что когда Кольбен писал о готтентотах, что ”во взаимных своих отношеніях они—самый дружелюбный, самый щедрый и самый добродушный народ, какой когда-либо существовал на землѣ“ (I, 332),—он дал опредѣленіе, которое с тѣх пор постоянно повторяется путешественниками при описаніи самых разнообразных дикарей. Когда европейцы впервые сталкивались с какими-нибудь первобытными расами, они обыкновенно изображали их жизнь карикатурным образом; но стоило умному человѣку прожить среди них болѣе продолжительное время, и он уже описывал их как ”самый кроткій“ или ”самый благородный“ народ на земном шарѣ. Совершенно тѣми же самыми словами, самые достойные довѣрія путешественники характеризуют остяков, самоѣдов, эскимосов, даяков, алеутов, папуасов и т. д. Я также помню, что подобные же отзывы мнѣ приходилось читать о тунгусах, о чукчах, об индѣйцах Сіу, и нѣкоторых других племенах дикарей. Самое повтореніе подобной похвалы уже говорит нам больше, чѣм цѣлые томы спеціальных изслѣдованій.

Туземцы Австраліи стоят по развитію не выше своих южноафриканских братьев. Их хижины имѣют тот же характер и очень часто они довольствуются даже простым щитом или ширмой из хвороста, для защиты от холодных вѣтров. В пищѣ они не отличаются разборчивостью: в случаѣ нужды они пожирают совершенно разложившуюся падаль, а когда случится голод, то иногда прибѣгают и к людоѣдству. Когда австралійскіе туземцы впервые были открыты европейцами, то оказалось, что они не имѣли никаких других орудій, кромѣ сдѣланных самым грубым образом из камня или кости. Нѣкоторыя племена не имѣли даже лодок и были совершенно незна-

---

*) P. Kolben, “The Present Sate of the Cape of Good Hoye”, перевод с нѣмецкаго Medley, London, 1731, том I, стр. 59, 71, 333, 336, etc.

**) Цитируется у Waitz, “Antropologie”, т. II, с. 335 и слѣд.

комы с мѣновой торговлей. А между тѣм, послѣ тщательнаго изученія их привычек и обычаев, оказалось, что у них существует та самая выработанная родовая организація, о которой говорилось выше *).

Территорія, на которой они живут, обыкновенно бывает подѣлена между различными родами, но область на которой каждый род производит охоту или рыбную ловлю, остается в общественном владѣніи, и продукты охоты и ловли идут всему роду **). Роду же принадлежат орудія охоты и рыбной ловли. Ѣда происходит сообща. Подобно многим дикарям, австралійскіе туземцы держатся извѣстных правил относительно сезонов, когда разрѣшается сбор различных видов камеди и трав***. Что же касается до их нравственности вообще, то лучше всего привести здѣсь слѣдующіе отвѣты, данные Лумгольцем, миссіонером, жившим в Сѣверном Квинсландѣ, на запросы Парижскаго антропологическаго общества ****):

"Чувство дружбы им знакомо; оно развито очень сильно, Слабые пользуются общественной помощью; за больными очень хорошо смотрят: их никогла не бросают на произвол судьбы и не убивают. Племена эти — людоѣды, но они очен рѣдко ѣдят членов собственнаго племени (если не ошибаюсь — только тогда, когда убивают их по религіозным мотивам). Дѣтоубійство практикуется ими с общаго согласія. Со стариками обращаются очень хорошо и никогда не убивают их. У них нѣт ни религіи, ни идолов, а существует страх смерти. Брак— полигамическій.

---

*) Туземцы, живущіе на сѣверѣ от Сиднея и говорящіе на языкѣ Камиларои, наиболѣе изслѣдованы в этом отношеніи, благодаря капитальной работѣ Lorimer Fison и A. W. Howitt, "Komilaroi and Kurnai", Melbourne, 1880 См. также, A. W. Howitt, "Further Note on the Australian Class Systems", в "Journal of the Anthropological Institute", 1889, т. XVIII, стр. 31; в послѣдней из указанных работ доказывается широкое распространеніе той же организаціи по всей Австраліи.

**) "The Folklore, Manenrs etc., of Australian Aborigines", Adtlaide, 1879, стр. 11.

***) Grey, "Journals of Two Expeditions of Discovery in North-West and Western Australia", London, 1841, том II, стр. 237, 298.

****) "Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1888, том XI, стр. 652. Я привожу отвѣты в сокращеніи.

Ссоры, возникающія в предѣлах рода, рѣшаются путем дуэлей на деревянных мечах и с деревянными же щитами. Рабства не существуют; обработки земли—никакой; глиняных издѣлій не имѣется, одежды — нѣт, за исключеніем передника, носимаго иногда женщинами. Род состоит из двух сот человѣк, раздѣленных на четыре класса мужчин и четыре класса женщин; брак допускается только между обычными классами, но никогда не в предѣлах самаго рода".

Относительно, папуасов, близко-родственных австралійцам, мы имѣем свѣдительство Г. Л. Бинка, жившаго в Новой Гвинеѣ, преимущественно в Geellwinck Bay, с 1871 по 1883 год. Приводим сущность его отвѣтов на тѣ же вопросы *).

"Папуасы — общительны и весьма веселаго нрава, они много смѣются. Скорѣе робки, чѣм храбры. Дружба довольно сильна между членами разных родов, и еще сильнѣе в предѣлах одного и того же рода. Папуас часто выплатит долги своего друга, с условіем, что послѣдній уплотит этот долг, без процентов его дѣтям. За больными стариками присматривают; стариков никогда не покидают и не убивают, — за исключеніем рабов, которые долго болѣли. Иногда с'ѣдают военнопленных. Дѣтей очень ласкают и любят..

Старых и слабых военноплѣнных убивают, а остальных продают в рабство. У них нѣт ни религіи, ни богов, ни идолов, ни каких бы то ни было властей; старѣйшій член семьи является судьей. В случаѣ прелюбодѣянія, (т. е. нарушенія их брачных обычаев), виновник платит штраф, часть котораго идет в пользу "негоріи" (общины). Земля состоит в общем владѣніи, но плоды земли принадлежат тому, кто их выростил. Папуасы имъют глиняную посуду и знакомы с мѣновой торговлей, при чем, согласно выработавшемуся обычаю, купец дает им товары, а они возвращаются по домам и приносят туземныя произведенія, в которых нуждается купец; если же не могут добыть нужных произведеній, то возвращают купцу

---

*) "Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1888, том XI, стр. 386.

его европейскій товар *). Папуасы "охотятся за головами", т. е. практикуют кровавую месть. Впрочем "иногда",—говорит Финш, — "дѣло передается на разсмотрѣніе Намототскаго раджи, который заканчивает дѣло наложеніем виры".

Когда с папуасами хорошо обращаются, то они очен добродушны. Миклухо-Маклай высадился, как извѣстно, на восточном берегу Новой Гвинеи, в сопровожденіи лишь одного только матроса, прожил там цѣлых два года среди племен, считавшихся людоѣдами, и с грустью разстался с ними; он обѣщал вернуться к ним, и сдержал слово, — и прожил снова год при чем за все время у него не было с туземцами никакого столкновенія. Правда, он держался правила, никогда — ни под каким предлогом — не говорить им неправды и не дѣлать обѣщаній, которых он не мог выполнить Эти бѣдныя созданія, не умѣющія даже добывать огня и потому тщательно поддерживающія огонь в своих хижинах, живут в условіях первобытнаго коммунизма, не имѣя никаких начальников, и в их поселках почти никогда не бывает ссор, о которых стоило бы говорить Они работают сообща — ровно столько, сколько нужно для добыванія пищи на каждый день; они сообща воспитывают своих дѣтей; а по вечерам наряжаются, как можно кокетливѣе, и предаются пляскам. Подобно всѣм дикарям, они страстно любят пляски, представляющія своего рода родовыя мистеріи. В каждой деревнѣ имѣется своя "барла", или "балай" — "длинный" или "большой" дом — для холостых, в котором бывают общественныя собранія и обсуждаются общественныя дѣла, — опять-таки черта общая почти всѣм обитателям островов Тихаго океана, а также эскимосам, краснокожим индѣйцам и т. д. Цѣлыя группы деревень находятся в дружественных отношеніях между собою и навѣщают друг друга цѣлым обществом.

К несчастью, между деревнями нерѣдко возникает вражда, — не из-за "излишней густоты населенія", или "обостреннаго

---

*) Точно таким же образом практикуется мѣновая торговля с папуасами в Каймани-бей, которые пользуются репутаціей высокой честности. "Не случалось еще, чтобы папуас нарушил свое обѣщаніе", — говорит Finsch ("Neuguinea und seine Bewohner", Bremen, 1865, стр. 829).

соревнованія“ и тому подобных измышленій нашего меркантильнаго вѣка, а, главным образом вслѣдствіе суевѣрія. Как только кто - нибудь заболѣл, собираются его друзья и родственники и тщательнѣйшим образом обсуждают вопрос, — кто мог бы быть виновником болѣзни? При этом перебирают всѣх возможных врагов, каждый кается в самых мелких своих ссорах, и наконец — истинная причина болѣзни найдена. Ее наслал такой-то враг из сосѣдней деревни — а потому рѣшают произвести на эту деревню набѣг. Вслѣдствіе этого, ссоры обыкновенны, даже между береговыми деревнями, не говоря уже о живущих в горах людоѣдах, которых считают настоящими колдунами и врагами, — хотя при ближайшем знакомствѣ оказывается, что они ничѣм не отличаются от своих сосѣдей, живущих по морскому побережью *).

Много поразительных страниц можно было бы написать о гармоніи, господствующей в деревнях полинезійских обитателей на островах Тихаго океана.

Но они стоят уже на нѣсколько высшей ступени цивилизаціи, а потому мы возьмем дальнѣйшія примѣры из жизни обитателей дальняго Сѣвера. Прибавлю только, прежде чѣм покинуть южное полушаріе, что даже обитатели Огненной Земли, пользовавшіеся такой плохой репутаціей, начинают выступать в болѣе благопріятном свѣтѣ, по мѣрѣ того, как мы лучше знакомимся с ними. Нѣсколько Французских миссіонеров, живущих среди них ”не могут пожаловаться ни на один враждебный поступок“. Они живут родами, по 120-ти и 150-ти душ, и так же практикуют первобытный коммунизм, как и папуасы. Они все дѣлят между собою и очень хорошо обращаются со стариками. Польный мир господствует между этими племенами *).

У эскимосов и их ближайших сородичей тлинкентов, коло-

---

*) “Извѣстія Русскаго Географическаго Общества” 1880, стр. 161 и слѣд. Немного найдется книг посвященных путешествіям, которыя давали бы лучшее представленіе о мелочах повседневной жизни дикарей, как эти отрывки из записной книжки Миклухи-Маклая.

**) L. F. Martial, в “Mission Scientifique au Cap Horn”. Paris, 1883, том I, стр. 183—201.

шей и алеутов мы находим наиболѣе близкое подобіе того, чѣм был человѣк во время ледниковаго періода. Употребляемыя им орудія едва отличаются от орудій древняго каменнаго вѣка, и нѣкоторыя из этих племен до сих пор еще не знакомы с искусством рыбной ловли: они просто убивают рыбу острогой *) Они знакомы с употребленіем желѣза, но добывают его только от европейцев, или же находят в остовах караблей послѣ крушенія. Их общественная организація отличается полною первобытностью, хотя они уже и вышли из стадіи, "коммунальнаго брака", даже с его "классовыми" ограниченіями Они живут уже семьями, но семейныя узы еще слабы, так как по-временам у них происходит обмѣн жен и мужей **). Семьи, однако, остаются обединенными в роды, — да иначе и быть не может. Как могли бы они выдержать тяжелую борьбу за существованіе, если бы не об'единили своих сил самым тѣсным образом? Так они и поступают, при чем родовыя узы всего тѣснѣе там, гдѣ борьба за жизнь наиболѣе тяжела, а именно — в сѣверо-восточной Гренландіи. Живут они обыкновенно в "длинном домѣ", в котором помѣщается нѣсколько семейств, отдѣленных друг от друга небольшими перегородками из рваных мѣхов, но с общим для всѣх коридором. Иногда такой дом имѣет форму креста и в таких случаях в центрѣ его помѣщается общій очаг. Германская экспедиція. которая провела зиму возлѣ однаго из таких "длинных домов" могла убѣдиться, что за всю арктическую зиму "мир не был нарушен ни одною ссорою, и никаких споров не возникало из-за пользованія этим тѣсным пространством". Выговор, или даже недружелюбныя слова не допускаются иначе как в законной формѣ смѣшливой пѣсни (nith — song) ***) которую женщины поют

---

*) Экспедиція капитана Тольма в Восточную Гренландію.

**) В Австраліи наблюдалось, что цѣлые роды обмѣниваются женами, с цѣлью предотвращенія какого-либо бѣдствія (Post, "Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts", 1890, стр. 342). Большее проявленіе братских чувств, стало-быть является у них специфическим средством против бѣдствій.

***) Dr. H. Rink, "The Eskimo Tribes", стр. 26, ("Meddeleser om Grönland", том XI, 1887).

хором. Таким образом, тѣсное сожительство и тѣсная взаимная зависимость достаточны для поддержанія из вѣка-в-вѣк того глубокаго уваженія к интересам сообщества, которым отличается жизнь эскимосов. Даже в болѣе обширных эскимосских общинах "общественное мнѣніе является настоящим судебным учрежденіем, при чем обычное наказаніе состоит в том, что провинившагося стыдят перед всѣми" *).

В основѣ жизни эскимосов лежит коммунизм. Все, добываемое путем охоты или рыбной ловли, принадлежит всему роду. Но у нѣкоторых племен, особенно на Западѣ, под вліяніем датчан, начинает слагаться частная собственность. Они, однако, употребляют довольно оригинальное средство, чтобы ослабить неудобства, возникающія из накопленія богатства отдѣльными лицами, которое вскорѣ могло бы разрушить их родовое единство. Когда эскимос начинает сильно богатѣть, он созывает всѣх своих сородичей на пиршество, и когда гости насытятся, он раздаривает им все свое богатство. На рѣкѣ Юконѣ, в Аляскѣ, Далль видѣл, как одна алеутская семья раздала таким образом десят ружей, десят полных мѣховых одежд, двѣсти ниток бус, множество одѣял, десять волчьих шкур, двѣсти бобровых шкур и пятьсот горностаевых. Затѣм они сняли с себя свои приздничныя одежды, отдали их и, одѣвшись в старые мѣха, обратились к своим сородичам с краткою рѣчью, говоря, что хотя теперь они стали бѣднѣе каждаго их гостей, за то они пріобрѣли их дружбу. *)

Подобныя раздачи богатств стали, повидимому, укорени-

---

*) Dr. Rink, loc. cit., стр. 24. Европейцы, выросшіе в уваженіи к римскому праву, рѣдко бывают в состояніи понять силу родовой власти. "В самом дѣлѣ, пишет Ринк,—можно сказать не в видѣ исключенія, а как общее правило, что бѣлый человѣк, хотя бы он прожил десять или болѣе лѣт среди эскимосов, уѣдет от них не обогатив себя познаніями о традиціонных идеях, на которых зиждется их общественный строй. Бѣлый человѣк, будет ли это миссіонер или купец, всегда держится догматическаго мнѣнія, что самый вульгарный европеец все же лучше самаго выдающагося туземца". — «The Eskimo Tribes», стр. 31.

**) Dall, «Alaska and its Resourses», Cambridge, U. S., 1870.

вшимся обычаем у эскимосов и практикуются в извѣстную пору, каждый год, послѣ предварительной выставки всего того, что было пріобрѣтено в теченіе года.*). Онѣ представляют, повидимому очень древній обычай возникшій одновременно с первым появленіем личнаго богатства, как средство возстановленія равенства между сородичами, нарушавшагося обогащеніем отдѣльных лиц. Періодическіе передѣлы земель и періодическое прощеніе всѣх долгов, существовашіе в историческія времена у многих различных народов (семитов, арійцев и т. д.) были, вѣроятно, пережитком этого стариннаго обычая. Обычай погребенія с покойником или уничтоженія на его могилѣ всего его личнаго имущества, — который мы находим у всѣх первобытных рас,—должен, повидимому, имѣть тоже самое происхожденіе. В самом дѣлѣ, в то время, как все принадлежавшее покойнику лично, сожигается или же разбивается на его могилѣ, тѣ вещи, которыя принадлежали ему совмѣстно со всѣм его родом, как, напримѣр, общинныя лодки, сѣти и т. п., оставляются в цѣлости. Уничтоженію подлежит только личная собственность. В болѣе позднюю эпоху этот обычай становится религіозным обрядом: ему дается мистическое толкованіе, и уничтоженіе предписывается религіею, когда общественное мнѣніе, одно, оказывается уже не в силах настоять на обязательном для всѣх соблюденіи обычая. И наконец, дѣйствительное уничтоженіе замѣняется символическим обрядом, т. е., — на могилѣ сжигают простыя бумажныя модели, или изображенія имущества покойника (как дѣлается в Китаѣ), или же на могилу несут имущество покойника и приносят его об ратно в дом по окончаніи погребальной церемоніи; в этой формѣ обычай до сих пор сохранился, как извѣстно, между

---

*) О. Веніяминов и Даль наблюдали этот обычай в Аляскѣ, Якобсен в Игнитокѣ, в окрестностях Берингова пролива. Джильбер Спрот (Sproat) упоминает о существованіи его среди ванкуверских индѣйцев; а доктор Ринк, описывая періодическія выставки, о которых мы упомянули, прибавляет: "главное употребленіе накопленнаго личнаго богатства состоит в періодической его раздачѣ". Он также упоминает (loc. cit. стр 31) об уничтоженіи имущества для той же цѣли" (т. е. для поддержанія равенства).

европейцами, по отношенію к мечам, крестам и другим знакам общественнаго отличія. *)

О высоком уровнѣ племенной нравственности эскимосов довольно часто упоминается в общей литературѣ. Тѣм не менѣе, слѣдующія замѣтки о нравах алеутов,—близких сородичей эскимосов, — не лишены интереса, тѣм болѣе, что онѣ могут служить хорошим поясненіем нравственности дикарей вообще. Онѣ принадлежат перу чрезвычайно выдающогося человѣка, русскаго миссіонера Веніяминова, который написал их послѣ десятилѣтняго пребыванія среди алеутов и тѣснаго общенія с ними. Я сокращаю их, удерживая по-возможности собственныя выраженія автора.

Выносливость,— писал он,—их отличительная черта, и она, поистинѣ, колоссальна. Они не только ходят купаться каждое утро в покрытое льдом море, и стоят затѣм, нагіе, на берегу, вдыхая морозный воздух, но их выносливость, даже при тяжелой работѣ и недостаточной пищѣ,—превосходит все, что только можно вообразить. Если случится недостаток пищи, алеут прежде всего заботится о своих дѣтях; он отдаст им все, что имѣет, а сам голодает. Они не склонны к воровству, как это уже было замѣчено первыми русскими пришельцами. Не то, чтобы они никогда не воровали; каждый алеут признается, что он когда-нибудь уворовал что-нибудь, но всегда это какой-нибудь пустяк, и все это носит совершенно ребяческій характер. Привязанность у родителей к дѣтям очень трогательная, хотя она никогда не выражается в ласках или словами. Алеут с трудом рѣшается дать какое-нибудь обѣщаніе, но, раз давши, он сдержит его во что бы то ни стало. (Один алеут подарил Веніаминову связку вяленой рыбы, но, при спѣшном отъѣздѣ, она была забыта на берегу, и алеут унес ее обратно домой. Случая отправить ее Веніаминову не представилось вплоть до января, а, между тѣм, в ноябрѣ и декабрѣ среди этих алеутов была большая недостача в съѣстных припасах. Но голодающіе алеуты не дотронулись до подаренной уже рыбы. и в январѣ она была послана по назначенію.) Их нравсвенный кодекс и разнообразен и суров. Так, напримѣр, считается постыдным: бояться неизбѣжной смерти; просить пощады у врага; умереть не убив ни одного врага; быть изобличенным в воровствѣ; опрокинуться с лодки в гавани; бояться выѣхать в море в бурную погоду; лишиться сил раньше других товарищей, если случится недостаток пищи в длинном пути; обнаружить жадность во время дѣлежа добычи,—при чем, дабы устыдить такого жаднаго товарища, остальныя, отдают ему свои доли. Постыдным считается выболтать общественную тайну своей женѣ; будучи вдвоем па охотѣ, не предложить лучшую долю своему товарищу; хвастать своими подвигами, а в особенности вымышленными; ругаться со зло-

*) См. Приложеніе XII-ое.

бою; также—просить милостыню; ласкать свою жену в присутствіи других и танцовать с ней; торговаться самолично: продажа всегда должна быть сдѣлана через третье лицо, которое и опредѣляет цѣну. Для женщины считается постыдным: не умѣть шить и вообще неумѣло исполнять всякаго рода женскія работы; не умѣть танцовать; ласкать мужа и дѣтей или даже говорить с мужем в присутствіи посторонних *).

Такова нравственность алеутов, и дальнѣйшее подтвержденіе сказаннаго легко было бы заимствовать из их сказок и легенд. Прибавлю только, что когда Веніямимов писал свои "Записки" (в 1840 году), среди алеутов, — представлявших населеніе в 60,000 человѣк, за шестьдесят лѣт совершено было только одно убійство, а за сорок лѣт, среди 1800 алеутов, не было совершено ни одного уголовнаго преступленія. Это, впрочем, не покажется странным, если вспомнить, что всякаго рода брань и грубыя выраженія абсолютно неизвѣстны в жизни алеутов. Даже их дѣти никогда не дерутся между собой и не оскорбляют друг друга словесно. Самым сильным выраженіем в их устах являются фразы в родѣ: "твоя мать не умѣет шить" или "твои отец — кривой" **).

Многія черты в жизни дикарей остаются, однако, загадкой для европейцев. В подтвержденіе высокаго развитія родовой солидарности у дикарей и их добрых взаимных отношеній можно было бы привести какое угодно количество самых достовѣрных показаній. А между тѣм, не менѣе достовѣрно и то, что тѣ же самые дикари практикуют дѣтоубійство, что они

---

*) Веніаминов. "Записки об округѣ Уналашкѣ", 3 тома, Спб., 1840. Отрывки из этих записок даны по-англійски в книгѣ Далля "Alaska".— Подобное же описаніе нравственности австралійских туземцев очень схожее с предыдущим, было дано в англійской "Nature", том 42, стр. 369.

**) Замѣчательно, что нѣсколько писателей (Миддендорф, Шренк, О. Финш) описывали других обитателей Сѣвера, — остяков и самоѣдов — почти в таких же выраженіях. Даже когда они напьются пьяны, ссоры между ними бывают незначительны. "За цѣлое столѣтіе совершено было только одно убійство в тундрѣ", писал Миддендорф: „их дѣти никогда не дерутся между собой", "можно оставить в тундрѣ на цѣлый год предмет, даже съѣстные припасы и спиртные напитки, и никто не тронет их" и т. д. Так говорят эти три знатока Сѣвера. Gilber Sproat "никогда не видѣл, чтобы подрались два трезвых туземца", из племени индѣйцев Ахт на островѣ Ванкувера". "Ссоры между их дѣтьми также рѣдки", говорит Ринк (loc cit.) и т. д.

в нѣкоторых случаях убивают своих стариков и что всѣ они слѣпо повинуются обычаю кровавой мести. Мы должны, поэтому, попытаться об'яснить одновременное существованіе таких фактов, которые для европейскаго ума кажутся на первый взгляд совершенно несовмѣстимыми.

Мы только-что упомянули о том, как алеут будет голодать цѣлыми днями и даже недѣлями, отдавая все с'ѣдобное своему ребенку; как мать-бушменка идет в рабство, чтобы не разлучаться со своим ребенком, и можно было бы заполнить цѣлыя страницы описаніем дѣйствительно нѣжных отношеній, существующих между дикарями и их дѣтьми. У всѣх путешественников постоянно попадаются подобные факты. У одного вы читаете о нѣжной любви матери; у другого разсказывается об отцѣ, который бѣшено мчится по лѣсу, неся на своих плечах ребенка, ужаленнаго змѣей; или какой-нибудь миссіонер повѣствует об отчаяніи родителей при потерѣ ребенка, котораго он же спас от принесенія в жертву тотчас же послѣ рожденія; или же вы узнаете, что "дикарки"-матери обыкновенно кормят дѣтей до четырех-лѣтняго возраста, и что, на Ново-Гебридских островах, в случаѣ смерти особенно-любимаго ребенка, его мать или тетка убивает себя, чтобы ухаживать за своим любимцем на том свѣтѣ *, и т. д. без конца.

Подобные факты упоминаются во множествѣ; а потому, когда мы видим, что тѣ же самые любящіе родители практикуют дѣтоубійство, мы необходимо должны признать, что такой обычай (каковы бы ни были его позднѣйшія видоизмѣненія) возник под прямым давленіем необходимости, как результат чувства долга по отношенію к роду и ради возможности выращивать уже подрастающих дѣтей. Вообще говоря, дикари вовсе "не плодятся без мѣры", как выражаются нѣкоторые англійскіе писатели. Напротив, они принимают всякаго рода мѣры для умѣньшенія рождаемости. Именно в этих видах существует у них цѣлый ряд самых разнообразных ограни-

*) Свидѣтельство Gilla'а приводимое в Gerland und Waitz „Anthropologie der Naturvolker", т. 5, стр. 641 См. также стр. 636—640 того же сочиненія, гдѣ приводится много примѣров отцовской и сыновней любви.

ченій, которыя европейцам, несомнѣнно, показались бы даже излишне-стѣснительными, и, тѣм не менѣе, строго соблюдаются дикарями. Но при всем том, первобытные народы не в силах выкармливать всѣх рождающихся дѣтей и тогда они прибѣгают к дѣтоубійству. Впрочем, не раз было замѣчено, что как только им удается увеличить свои обычныя средства существованія, они тотчас же перестают прибѣгать к этому средству; вообще, родители очень неохотно подчиняются этому обычаю, и при первой возможности прибѣгают ко всякаго рода компромисам, лишь бы сохранить жизнь своих новорожденных. Как уже было прекрасно указано моим другом Эли Реклю *), они выдумывают ради этого счастливые и несчастные дни рожденія, чтобы пощадить хотя жизнь дѣтей, рожденных в счастливые дни; они всячески пытаются отложить умерщвленіе на нѣсколько часов и потом говорят, что если ребенок уже прожил сутки, ему суждено прожить всю жизнь **). Им слышатся крики маленьких дѣтей, будто бы доносящіеся из лѣса,, и они утверждают, что если послышится такой крик, он предвѣщает несчастіе для цѣлаго рода, а так как у них нѣт ни спеціалистов по "производству ангелов", ни "яслей", которыя помогали бы им отдѣлываться от дѣтей, то каждый из них содрагается пред необходимостью выполнить жестокій приговор, и потому они предпочитают выставить младенца в лѣс, чѣм отнять у него жизнь насильственным образом. Дѣтоубійство поддерживается, таким образом, недостатком знаній, а не жестокостью; и вмѣсто пичканья дикарей проповѣдями, миссіонеры сдѣлали бы гораздо лучше если бы слѣдовали примѣру Веніаминова, который ежегодно, до глубокой старости, переплывал Охотское море на плохонькой шкунѣ, для посѣщенія тунгусов и камчадалов, или же путешествовал на собаках среди чукчей, снабжая их хлѣбом и принадлежностями для охоты. Таким образом ему дѣйстви-

*) "Les Primitifs,,. Paris, 1889.

**) Gerland, loc. cit. 5, 636.

тельно удалось совершенно вывести дѣтоубійство *).

То же самое справедливо и по отношенію к тому явленію, которое поверхностные наблюдатели называют отцеубійством. Мы только-что видѣли, что обычай умерщвленія стариков вовсе не так широко распространен, как это разсказывали нѣкоторые писатели. Во всѣх этих разсказах много преувеличенія; но несомнѣнно, что такой обычай встрѣчается, временно, почти у всѣх дикарей и в таких случаях он об'ясняется тѣми же причинами, как и умерщвленіе дѣтей. Когда старик "дикарь" начинает чувствовать, что он становится бременем для своего рода; когда каждое утро он видит, что достающуюся ему долю пищи отнимают у дѣтей, — а малютки, вѣдь, не отличаются стоицизмом своих отцов и плачут, когда они голодны; когда каждый день молодым людям приходится нести его на своих плечах по каменистому побережью или чрез дѣвственный лѣс, — у дикарей, вѣдь, нѣт ни кресел на колесах для больных, ни бѣдняков, чтобы возить такія кресла, — тогда старик начинает повторять то, что и до сих пор говорят старики-крестьяне в Россіи: "чужой вѣк заѣдаю, — пора на покой!" И он идет на покой. Он поступает так же, как в таких случаях поступает солдат. Когда спасеніе отряда зависит от его дальнѣйшаго движенія вперед, а солдат не может дальше идти, и знает, что должен будет умереть, если останется позади, он умоляет своего лучшаго друга оказать ему послѣднюю услугу, прежде чѣм отряд двинется вперед. И друг дрожащими руками разряжает ружье в умирающее тѣло. Так поступают и дикари. Старик дикарь просит для себя смерти; он сам настаивает на исполненіи этой послѣдней своей обязанности по отношенію к своему роду. Он получает сперва согласіе своих сородичей на это. Тогда он сам роет для себя могилу и приглашает всѣх сородичей на послѣдній прощальный пир. Так в свое время, поступил его отец, —

*) Я слышал это от него самаго, в 1864 году, на Амурѣ, когда он был епископом Охотским и Кмчнтским, прежде чѣм стать митрополитом Московским.

теперь его черед, и он дружественно прощается со всѣми, прежде чѣм разстаться с ними. Дикарь до такой степени считает подобную смерть выполненіем обязанности по отношенію к своему роду, что он не только отказывается, чтобы его спасали от смерти (как это разсказывает Моффатт), но даже не признает такого избавленія, если бы оно было совершено. Так, когда одна женщина, которая должна была умереть на могилѣ своего мужа, (в силу обряда, упоминутаго раньше), была спасена от смерти миссіонерами и увезена ими на остров, — она убѣжала от них ночью, переплыла широкій пролив и явилась к своему роду, чтобы умереть на могилѣ *). Смерть, в таких случаях, становится у них вопросом религіи. Но, вообще говоря, дикарям настолько противно бывает проливать кровь, иначе, как в битвѣ, что даже в этих случаях, ни один из них не возмет на себя убійство, а потому они прибѣгают ко всякаго рода окольным путям, которых европейцы не понимали и совершенно ложно истолковывали. В большинствѣ случаев, старика, рѣшившагося умереть, оставляют в лѣсу, выдѣлив ему болѣе чѣм должную ему долю из общественнаго запаса. Сколько раз, развѣдочным партіям в полярных экспедиціях случалось поступать точно так же, когда онѣ не в силах были болѣе везти заболѣвшаго товарища. "Вот тебѣ провизія. Проживи еще нѣсколько дней! Быть может, откуда-нибудь придет неожиданная помощь.

Западно-европейскіе ученые, встрѣчаясь с такими фактами, оказываются рѣшительно неспособными понять их; они не могут примирить их с фактами, свидѣтельствующими о высоком развитіи родовой нравственности, и потому предпочитают набросить тѣнь сомнѣнія на абсолютно-надежныя наблюденія, касающіяся послѣдней, вмѣсто того, чтобы искать об'ясненія для совмѣстнаго существованія двоякаго рода фактов: высокой родовой нравственности, и рядом с нею — убійства престарѣлых родителей и новорожденных дѣтей. Но если бы тѣ же самые европейцы, в свою очередь, разсказали дикирю, что

*) Erskine цитируемый у Gerland und Waitz, «Anthropologie dtr Naturvolkerc», том 5, стр. 640

люди, чрезвычайно любезные, привязанные к своим дѣтям и настолько впечатлительные, что они плачут, когда видят несчастье, изображаемое на сценѣ театра, живут в Европѣ бок-о-бок с такими лачугами, гдѣ дѣти мрут прямо-таки от недостатка пищи, — то дикарь тоже не понял бы их. Я помню, как тщетно я старался об'яснить моим пріятелям-тунгусам нашу цивилизацію, построенную на индивидуализмѣ; они не понимали меня и прибѣгали к самым фантастическим догадкам. Дѣло в том, что дикарь, воспитанный в идеях родовой солидарности, практикуемой во всѣх случаях, худых и хороших, точно так же неспособен понять "нравственнаго" европейца, не имѣющаго никакого понятія о такой солидарности, как и средній европеец не способен понять дикаря. Впрочем, если бы нашему ученому пришлось прожить среди полуголоднаго рода дикарей, у которых всей наличной пищи не хватило бы даже для прокормленія одного человѣка на нѣсколько дней, тогда он, может быть, понял бы, чѣм дикари руководятся в своих поступках. Равным образом, если бы дикарь пожил среди нас и получил наше "образованіе", он, может быть, понял бы наше европейское бездушіе по отношенію к ближним и наши Королевскія комиссіи, занимающіяся вопросом о предупрежденіи различных легальных форм дѣтоубійства, практикуемых в Европѣ *) "В каменных домах, сердца становятся каменныя", — говорят русскіе крестьяне, но дикарю все-таки пришлос бы пожить сперва в каменном домѣ.

Подобныя же замѣчанія можно было бы сдѣлать и относительно людоѣдства. Если принять во вниманіе всѣ факты, которые выяснились недавно, во время разсужденій об этом вопросѣ в Парижском Антропологическом Обществѣ, а также многія случайныя замѣтки, разбросанныя в литературѣ о "дикарях", мы обязаны будем признать, что людоѣдство было

---

*) В Англіи широко практикуется отдача внѣбрачных дѣтей в деревню, женщинам, которыя спеціально занимаются этим ремеслом, и положительно морят несчастных дѣтей голодом и холодом. Смертность у этих "дѣтских фермерш" — ужасная. Около того времени, когда я писал эти строки, засѣдала особая Королевская комиссія для разслѣдованія этого вопроса. Конечно она ни к чему не привела.

вызвано настоятельною необходимостью; и что только под вліяніем предразсудков и религіи, оно развилось до тѣх ужасных размѣров, каких оно достигло на островах Фиджи или в Мексикѣ. Извѣстно, что, вплоть до настоящаго времени, многіе дикари бывают вынуждены иногда питаться падалью почти совершенно разложившеюся, а в случаях совершеннаго отсутствія пищи, нѣкоторым из них приходилось разрывать могилы и питаться человѣческими трупами, даже во время эпидеміи. Такого рода факты вполнѣ удостовѣрены. Но если мы перенесемся мысленно к условіям, которыя приходилось переносить человѣку во время ледниковаго періода, в сыром и холодном климатѣ, не имѣя в своем распоряженіи почти ни какой растительной пищи; если мы примем в разчет страшныя опустошенія, производимыя по сію пору цынгой среди голодающих полудиких народов, и вспомним, что мясо и свѣжая кровь были единственными извѣстными им укрѣпляющими средствами, мы должны будем допустить, что человѣк, который сперва был зерноядным животным, стал плотоядным во время ледниковаго вѣка. Конечно, в то время вѣроятно было изобиліе всякаго звѣря; но извѣстно, что звѣри часто предпринимают большія переселенія в арктических областях *), и иногда совершенно исчезают на нѣсколько лѣт из данной территоріи. В таких случаях человѣк лишался последних средств пропитанія. Мы знаем, далѣе, что даже европейцы, во время подобных тяжелых испытаній, прибѣгали к каннибализму: немудрено, что прибѣгали к нему и дикари. Вплоть до настоящаго времени они, повременам, бывают вынуждены с'ѣдать трупы своих покойников, а в прежнія времена они, в таких случаях, вынуждены были с'ѣдать и умирающих. Старики умирали тогда, убѣжденные, что своей смертью они оказывают послѣднюю услугу своему роду. Вот почему нѣкоторыя племена приписывают каннибализму божественное происхожденіе, представляя его, как нѣчто, внушенное повелѣніем посланника с неба.

Позднѣе каннибализм потерял характер необходимости и

---

*) Олени, напримѣр, в Чукотской землѣ, постоянно перекочевывают.

обратился в суевѣрное "переживаніе". Враговъ надо было съѣдать, чтобы унаслѣдовать их храбрость; потом, в болѣе позднюю эпоху, для той же цѣли съѣдалось уже одно только сердце врага, или его глаз. В то же время, среди других племен, у которых развилось многочисленное духовенство и выработалась сложная миѳологія, были придуманы злые боги, жаждущіе человѣческой крови, и жрецы требовали человѣческих жертв для умилостивленія богов. В этой религіозной фазѣ своего существованія каннибализм достиг наиболѣе возмутительных своих форм. Мексика является хорошо извѣстным в этом отношеніи примѣром, а на Фиджи, гдѣ король мог съѣсть любого из своих подданных, мы также находим могущесттвенную касту жрецов, сложную теологію *), и полное развитіе неограниченной власти королей. Таким образом, каннибализм, возникшій в силу необходимости, сдѣлался в болѣе поздній період религіозным учрежденіем, и в этой формѣ он долго существовал, послѣ того, как давно уже исчез среди племен, которыя, несомнѣнно, практиковали его в прежнія времена, но не достигли теократической стадіи развитія. То же самое можно сказать относительно дѣтоубійства и оставленія на произвол судьбы престарѣлых родителей. В нѣкоторых случаях эти явленія также поддерживались, как пережиток старых времен, в видѣ религіозно хранимой традиціи прошлаго.

В заключеніе я упомяну еще об одном чрезвычойно важном и повсемѣстном обычаѣ, который также дал повод в литературѣ к самым ошибочным заключеніям. Я имѣю в виду обычай кровавой мести. Всѣ дикари убѣждены, что пролитая кров должна быть отомщена кровью. Если кто-нибудь был убит, то убійца тоже должен умереть; если кто-нибудь был ранен и пролита была его кровь, то кровь нанесшаго рану тоже должна быть пролита. Никаких исключеній из этого правила не допускается: оно распространяется даже на животных; если охотник пролил кровь—убивая медвѣдя, или бѣлку,—его кровь тоже должна быть пролита, по возвращеніи его сохоты. Таково

*) W. T. Pritchard, "Polynesian Reminiscenece", London, 1886, стр. 363.

понятіе дикарей о справедливости — понятіе, до сих пор удержавшееся в Западной Европѣ по отношенію к убійству.

Покуда оскорбитель и оскорбленный принадлежат к тому же самому роду, дѣло рѣшается очень просто: род и потерпѣвшее лицо сами рѣшают дѣло *). Но когда преступник принадлежить к другому роду и этот род, по каким-либо причинам, отказывает в удовлетвореніи, тогда оскорбленный род берет на себя отмщеніе. Первобытные люди смотрят на поступки каждаго в отдѣльности, как на дѣло всего его рода, получившее одобреніе рода, а потому они считают весь род отвѣтсвенным за дѣянія каждаго его члена. Вслѣдствіе этого отмщеніе может упасть на любого члена того рода, к которому принадлежит обидчик **). Но часто случается, что месть превзошла обиду. Имѣя в виду нанести только рану, мстители могли убить обидчика, или же ранить его тяжелѣе, чѣм предполагали; тогда получается новая обида, другой стороны, которая требует от нея новой родовой мести; дѣло затягивается таким образом без конца. А потому первобытные законодатели очень ста-

---

*) Замѣчательно, однако, что в случаѣ произнесенія родом смертнаго приговора, никто не берет на себя роль палача. Всякій, бросая свой камень, или свою стрѣлу, или нанося свой уд[illegible] топором, тщательно избѣгает нанести смертельный удар. В болѣе [illegible]днюю эпоху жрец будет убивать осужденнаго священным ножом; а [illegible]це позднѣе, это будет дѣлать король, пока, наконец, не изобрѣтут наемнаго палача. См. глубокія замѣчанія по этому поводу в извѣстном трудѣ Bastian'a, "Dtr Mensch in derGesdhichte", т. III, Die Blutrache, стр. 1—36. Пережиток этого обычая из родового быта, как сообщает мнѣ профессор E.Nys, сохранился при военных казнях вплоть до нашего времени. В серединѣ XIX-го вѣка принято было заряжать ружья двѣнадцати солдат назначенных для разстрѣливанія, одинадцатью пулями и одним холостым зарядом. Дѣлалось это для того чтобы солдаты не знали кому достался холостой заряд, и потому каждый из них мог успокоить свою встревоженную совѣсть, думая, что холостой заряд был у него, и что он, таким образом но был в числѣ убійц.

**) В Африкѣ, да и в других мѣстностях, существует широко-распространенный обычай, согласно которому при обнаруженіи воровства, ближайшій род возвращает стоимость украденной вещи и затѣм сам стрѣливанія одиннадцатью пулями и одним холостым зарядом. Дѣлалось т. I, стр. 77.

рательно устанавливали точныя границы возмездія: око за око, зуб за зуб и кровь за кровь *).

Замѣчательно, однако, что у большинства первобытных народов подобные случаи кровавой мести несравнено рѣже чѣм можно было бы ожидать; хотя у нѣкоторых из них они достигают совершенно ненормальнаго развитія, особенно среди горцев, загнанных в горы иноземными пришельцами, как, например, у горцев Кавказа и в особенности у даяков на Борнео. У даяков — по словам нѣкоторых современных путешественников — дѣло дошло до того, что молодой человѣк не может ни жениться, ни быть объявленным совершеннолѣтним, прежде чѣм он принесет хоть одну голову врага. Так, по крайней мѣрѣ, разсказывается, со всѣми подробностями, в одной англійской книгѣ **). Оказывается, однако, что свѣдѣнія, сообщаемыя в этой книгѣ, до крайности преувеличены. Во всяком случаѣ, то, что англичане называют "охота за головами", представляется в совершенно ином свѣтѣ, когда мы узнаем, что предполагаемый "охотник" вовсе не "охотится" и даже не руководится личным чувством мести. Он поступает со-образно тому, что считает нравственным обязательством по отношенію к своему роду, а потому поступает точно так же, как европейскій судья, который, подчиняясь тому же, очевидно, ложному началу: "кровь за кровь", отдает осужденнаго им убійцу в руки палача. Еба — и даяк и наш судья — испытали бы даже угрызенія совѣсти, если бы из чувства состраданія пощадили убійцу. Вот почему даяки, внѣ этой сферы убійств, совершаемых под вліяніем их понятій о справедливости, оказываются, по единогласному свидѣтельству всѣх, кто хорошо

---

*) См. сочиненіе проф. М. Ковалевскаго, "Современный обычай и древній закон", Москва, 1885, т. II, которое содержит много очень важных соображеній по этому вопросу.

**) Carl Beck, "The Head-Hunters of Borneo", Lendon, 1881. —Мнѣ, однако, говорил Сэр Гюг Лоу, долгое время бывшій губернатором Борнео, что утвержденія Бокка страшно преувеличены. Вообще он говорил о даяках с такой же симпатіей, как и Ида Пфейфер. Позволю себѣ прибавить, что Мэри Кингслей говорит в своей книгѣ о Западной Африкѣ с такой же симпатіей о туземном племени фанов, которых раньше изображали как самых "ужасных каннибалов".

познакомился с ними, чрезвычайно симпатичным народам. Сам Карл Бокк, который дал такую ужасную картину "охоты за головами", пишет об них.

«Что касается до нравственности даяков, то я должен отвести им высокое мѣсто в ряду других народов... Грабежи и воровство совершенно неизвѣстны среди них. Они также отличаются большой правдивостью... Если я не всегда успѣвал добиться от них «всей правды», — все же я никогда не слыхал от них ничего, кромѣ правды. К сожаленію, нельзя сказать того же о малайцах» (стр. 209 и 210).

Свидѣтельство Бокка вполнѣ подтверждается Идой Прейффер. "Я вполнѣ поняла", — писала она, — "что с удовольствіем продолжала бы путешествовать среди них. Я обыкновенно находила их честными, добрыми и скромными... в гораздо большей степени, чѣм какой-либо из других, извѣстных мнѣ, народов" *). Штольце, говоря о даяках, употребляют почти тѣ же самыя выраженія. Даяки обыкновенно имѣют по одной только женѣ и хорошо обращаются с нею. Они очень общительны и каждое утро весь род отправляется большими партіями на рыбную ловлю, на охоту или на огородныя работы. Их деревни состоят из больших хижин, в каждой из которых помѣщается около дюжины семейств, а иногда и нѣсколько сот человѣк, при чем всѣ они живут между собою очень миролюбиво. Они с большим уваженіем относятся к своим женам и очень любят своих дѣтей; когда кто-нибудь заболѣвает — женщины ухаживают за ним по-очереди. Вообще они очень умѣрены в пищѣ и питьѣ. Таковы даяки в своей дѣйствительной повседневной жизни.

Приводить дальнѣйшіе примѣры из жизни дикарей, значило бы только повторять, еще и еще, то что уже сказано. Куда бы мы ни обратились, вездѣ мы находим тѣ же общительные нравы, тот же мірской дух. И когда мы пытаемся проникнуть в мрак былых вѣков, мы видим в них ту родовую жизнь и тѣ же, хотя бы и очень первобытные, союзы людей взаимной поддержки. Поэтому Дарвин был совершенно прав,

*) Ida Pfeifer, "Meine zweite Weltreise" Wien, 1856, том I, стр. 116 и слѣд. См. также, Mulltr and Temminck, "Dutch Possessions in Archipelagie India", цитируемое Э. Реклю в "Geograpie Universelle", том XIII·

когда видѣл в общественных качествах человѣка главную дѣятельную силу его дальнѣйшаго развитія, а вульгаризаторы Дарвина совершенно не правы, когда утверждают противное.

"Сравнительная слабость человѣка и малая быстрота его движеній, — писал он, — а также недостаточность его природнаго вооруженія и т. д., болѣе чѣм уравновѣшивались, — во-первых, его умственнными способностями (которыя, как замѣтил Дарвин в другом мѣстѣ, развивались главным образом, или даже исключително, в интересах общества); и во-вторых, его общественными качествами, в силу которых он подавал помощь своим собратьям и получал ее от них" *).

В восемнадцатом вѣкѣ было в ходу идеализировать "дикарей" и жизнь "в естественном состояніи". Теперь же люди науки впали в противоположную крайность, в особенности с тѣх пор, как нѣкоторые из них, стремясь доказать животное происхожденіе человѣка, но не будучи знакомы с общественностью животных, начали обвинять дикаря во всевозможных воображаемых "скотских" наклонностях. Очевидно, однако, что такое преувеличеніе еще болѣе ненаучно, чѣм идеализація Руссо. Первобытный человѣк не может считаться ни идеалом добродѣтели, ни идеалом "дикости". Но у него есть одно качество, выработанное в нем и укрѣпленное самыми условіями его тяжкой борьбы за существованіе: он отождествляет свое собственное существованіе с жизнью своего рода; и без этого качества человѣчество никогда не достигло бы того уровня, на котором оно находится теперь.

Первобытные люди, как мы уже сказали выше, до такой степени отождествляют свою жизнь с жизнью своего рода, что каждый из их поступков, как бы он ни был незначителен сам по себѣ, разсматривается, как дѣло всего рода. Все их поведеніе управляется цѣлым безконечным рядом устных правил благопристойности, которыя являются плодом их общаго опыта относительно того что слѣдует считать добром или злом — т. е., что полезно или вредно для их собственнаго рода. Конечно,

---

*) "Descent of Man", 2-е изд. стр. 63,64.

умозаключенія, на которых основаны их правила благопристойности, бывают иногда чрезвычайно нелѣпы. Многія из них имѣют свое начало в суевѣріях. Вообще, что бы дикарь ни дѣлал, он видит одни только ближайшія послѣдствія своих поступков; он не может предвидѣть их косвенныя и болѣе отдаленныя послѣдствія; но в этом он только усиливает ошибку, в которой Бентам упрекал цивилизованных законодателей. Мы можем находить обычное право дикарей нелѣпым, но они подчиняются его предписаніям, как бы они ни были для них стѣснительными. Они подчиняются им даже болѣе слѣпо, чѣм цивилизованный человѣк. Обычное право дикаря — это его религія; это — самое свойство его жизни. Мысль о родѣ всегда присутствует в его умѣ; а потому самоограниченіе и самопожертвованіе в интересах рода — самое обыкновенное явленіе. Если дикарь нарушил которое-нибудь из мелких правил, установленных его родом, женщины преслѣдуют его своими насмѣшками. Если же нарушеніе имѣет болѣе серьезный характер, тогда его день и ночь мучит страх, что он накликал несчастье на весь род, пока род не снимет с него его вины. Если дикарь случайно ранил кого-нибудь из своего собственнаго рода, и таким образом совершил величайшее из преступленій, он становится совершенно несчастным человѣком: он убѣгает в лѣса и готов покончить с собой, если род не снимает с него вину, причинивши ему какую-нибудь физическую боль, или проливши нѣкоторое количество его собственной крови *). В предѣлах рода все дѣлится сообща; каждый кусок пищи раздѣляется между всѣми присутствующими; даже, если дикарь находится один в лѣсу, он не начнет ѣсть, не прокричав трижды приглашеніе всякому, кто может его услышать и пожелает раздѣлить с ним пищу **)

Короче говоря, в предѣлах рода, правило: “каждый за

---

*) См. Bastian, “Der Mensch in der Geschichte”, том III, стр. 7. Также Grey, loc. cit., стр. 238.

**) Миклухо-Маклай, в указанном сочиненіи. Такой-же обычай существует у готтентотов.

всѣх" царствует безусловно, до тѣх пор, пока возникновеніе отдѣльной семьи не начнет разрушать родового единства. Но это правило не распространяется на сосѣдніе роды или племена, даже если они вступили в союз для взаимной защиты. Каждое племя или род представляет отдѣльную единицу. Как у млекопитающих и у птиц, территорія не остается нераздѣльной, а распредѣляется между отдѣльными племенами, и за исключеніем военнаго времени, эти границы свято соблюдаются. Вступая на территорію сосѣдей, каждый должен показать, что он не имѣет дурных намѣреній и чѣм громче он возвѣщает о своем приближеніи, тѣм болѣе он пользуется довѣріем; если же он входит в дом, то должен оставить свой топор у входа. Но ни один род не обязан дѣлится своей пищей с другими родами: он волен дѣлится, или нѣт. Вслѣдствіе этого, вся жизнь первобытнаго человѣка распадается на два рода отношеній, и ее слѣдует разсматривать с двух различных этических точек зрѣнія: отношенія в предѣлах рода и отношенія внѣ его; при чем (подобно нашему международному праву) "международное" право сильно отличается от обычнаго родового права. Вслѣдствіе этого, когда дѣло доходит до войны между двумя племенами, самыя возмутительныя жестокости по отношенію к врагам могут разсматриваться, как нѣчто заслуживающее высокой похвалы. Такое двойственное пониманіе нравственности проходит, впрочем, чрез всю эволюцію человѣчества, и оно сохранилось вплоть до настоящаго времени. Мы, европейцы, кое-что сдѣлали, — не очень-то много, во всяком случаѣ, — чтобы избавиться от этой двойной нравственности; но нужно также сказать, что если мы, до извѣстной степени, распространили наши идеи солидарности — по крайней мѣрѣ в теоріи — на цѣлую націю и отчасти также на другія націи, мы в то же самое время ослабили узы солидарности в предѣлах наших націй, и даже в предѣлах самой нашей семьи.

Появленіе отдѣльных семей внутри рода неизбѣжным образом нарушало установившееся единство. Семья — особняк — неизбѣжно ведет к отдѣльной собственности и к накопленію личнаго богатства. Мы видѣли однако, как эски-

мосы стремятся предотвратить неудобства этого новаго элемента в родовой жизни.

В дальнѣйшем развитіи человѣчества тоже стремленіе принимает новыя формы; и прослѣдить различныя бытовыя учрежденія (деревенскія общины, гильдіи и т. п.). при помощи которых народныя массы стремились поддержать родовое единство, вопреки вліяніям, стремившимся его разрушить, составило-бы одно из самых поучительных изслѣдованій. С другой стороны, первые зародыши познанія, появившіяся в чрезвычайно отдаленныя времена, когда они еще сливались с колдовством, также сдѣлались в руках личности силою, которую можно было направлять против интересов рода. Эти зародыши знаній держались тогда в большом секретѣ и передавались одним лиш посвященным, в тайных обществах колдунов, шаманов и жрецов, которыя мы находим у всѣх рѣшительно порвобытных племен. Кромѣ того, в то же время, войны и набѣги создали военную власть, а также касту воинов, которых союзы и "клубы" мало-по-малу пріобрѣтали громадную силу. Но при всем том никогда ни в какой період жизни человѣчества, войны не были нормальным условіем жизни. В то время, как войны истребляли друг друга, а жрецы прославляли эти убійства, народныя массы продалжали жить обыденной жизнью и отправлять обычную свою повседневную работу. И прослѣдить эту жизнь масс, изучить средства, при помощи которых онѣ поддерживали свою общественную организацію, основанную на их понятіях о равенствѣ, взаимопомощи и взаимной поддержкѣ — т. е. на их обычном правѣ, — даже тогда, когда онѣ были подчинены самой свирѣпой теократіи или автократіи в государствѣ, — изучить эту сторону развитія человѣчества — самое главное в настоящее время для истинной науки о жизни.

ГЛАВА IV.

Взаимная помощь среди варваров.

Великія переселенія. — Возникавшая необходимость новой организаціи. — Деревенская община. — Общинная работа. — Судебная процедура. — Между-родовое право. — Поясненія, заимствованныя из теперешней жизни. — Буряты. — Кабилы. — Кавказскіе горцы. — Африканскіе племена.

Изучая первобытных людей, нельзя не удивляться развитію общительности, которую человѣчество проявляло с самых первых шагов своей жизни. Слѣды человѣческих обществ были найдены в остатках каменнаго вѣка, как позднѣйшаго, так и древнѣйшаго; а когда мы начинаем изучать современных дикарей, образ жизни которых не отличается от образа жизни человѣка в позднѣйшем каменном вѣкѣ (неолитическом періодѣ), мы находим, что эти дикари связаны между собой чрезвычайно древнею родовою организаціею, которая дает им возможность комбинировать свои слабыя индивидуальныя силы, наслаждаться жизнью сообща и подвигаться вперед в своем развитіи. Человѣк, таким образом, не представляет исключенія в природѣ. Он также подчинен великому началу взаимной помощи, которая обезпечивает наилучшіе шансы выживанія только тѣм, кто оказывает друг другу наибольшую поддержку в борьбѣ за существованіе. Таковы были заключенія, к которым мы пришли в предыдущих главах.

Как только однако, мы переходим к высшей стадіи цивилизаціи и обращаемся к исторіи, которая уже может разсказать нам кое-что об это стадіи, мы бываем поражены той борьбой и тѣми столкновеніями, которыя разсказывает нам исторія. Старыя узы, повидимому, совершенно порваны. Племена воюют с племенами, одни роды с другими, индивидуумы с индивидуумами; и из этой хаотической борьбы враждебных сил человѣчество выходит раздѣленным на касты порабощенное деспотами, распавшееся на отдѣльныя государства, которыя всегда готовы вступить в войну одно против другого. И вот,

перелистывая такую исторію человѣчества, философ-пессимист с торжеством приходит к заключенію, что война и угнетеніе являются истинной сущностью человѣческой природы; что войнолюбивые и хищническіе инстинкты человѣка могут быть, в извѣстных предѣлах, обузданы только какою-нибудь могучею властью, которая путем силы водворила бы мир и таким образом дала бы возможность немногим людям, подготовлять лучшую жизнь для человѣчества в грядущія времена.

А, между тѣм, стоит только подвергнуть повседневную жизнь человѣка в теченіе историческаго періода разсмотрѣнію болѣе тщательному, как это и было сдѣлано за послѣднее время многими серьезными изслѣдователями человѣческих учрежденій, и жизнь эта немедленно получает совершенно иную окраску. Оставляя в сторонѣ предвзятыя идеи большинства историков и их видимое пристрастіе к драматическим сторонам исторіи, мы видим, что сами документы, которыми они обыкновенно пользуются, по существу таковы, что в них преувеличивается та часть человѣческой жизни, которая отдавалась на борьбу, и севершенно не дается должной оцѣнки мирной работѣ человѣчества. Ясные и солнечные дни теряются из виду, ради описанія бурь и шквалов. Даже в наше время, громоздкія лѣтописи, которыя мы припасаем для будущаго историка в нашей прессѣ, наших судах, наших правительственных учрежденіях и даже в наших беллетристических произведеніях и поэзіи, страдают той же односторонностью. Они передадут потомству самыя подробныя описанія каждой войны, каждаго сраженія и схватки, каждаго спора и акта насилія, они сохранят эпизоды всякого рода индивидуальных страданій; но в них едва-ли сохранятся какіе-либо слѣды безчисленных актов взаимной поддержки и самопожертвованія, которые каждый из нас знает из личнаго опыта; в них почти не обращается вниманія на то, что составляет истинную сущность нашей повседневной жизни — наши общественные инстинкты и нравы. Неудивительно, поэтому, если лѣтописи прошлых времен оказались такими несовершенными. Лѣтописцы древности неизмѣнно заносили в свои сказанія всѣ мелкія войны и всякаго рода бѣдствія постигавшія их современников; но они не обра-

щали никакого вниманія на жизнь народных масс, хотя именно массы занимались больше всего мирным трудом, в то время как немногіе предавались возбужденіям борьбы. Эпическія поэмы, надписи на памятниках, мирные договоры, — словом, почти всѣ историческіе документы носят тот же характер: они имѣют дѣло с нарушеніями мира, а не с самим миром. Вслѣдствіе этого, даже тѣ историки, которые приступали к изученію прошлаго с наилучшими намѣреніями, безсознательно рисовали изуродованное изображеніе того времени, которое они стремились изобразить; и для того, чтобы возстановить дѣйтвительное отношеніе между борьбой и единеніем, мы обязаны теперь заняться детальным анализом мелких фактов и блѣдных указаній, случайно сохранявшихся в памятниках прошлаго; об'яснить их с помощью сравнительной этнологіи; и, послѣ того как мы столько наслышались о том, что раздѣляло людей — возсоздать камень за камнем тѣ общественныя учрежденія, которыя об-единяли их.

Вѣроятно, уже недалеко то время, когда всю исторію человѣчества придется написать сызнова, в новом направленіи, принимая в разсчет оба сейчас указанныя теченія человѣческой жизни и оцѣнивая роль, которую каждое из них сыграло в эволюціи. Но, пока такой труд будет совершен, мы можем уже воспользоваться громадною подготовительною работою, выполненною в послѣдніе годы и дающею уже возможность возстановить, хотя в общих чертах, это второе теченіе, долго остававшееся в пренебреженіи. Из тѣх періодов исторіи, которые изучены лучше других, мы можем уже набросать нѣсколько картин жизни народных масс, с цѣлью — показать, какую роль в теченіе этих періодов, играла взаимная помощь. При этом, краткости ради, мы не обязаны непремѣнно начинать с египетской, или даже греческой и римской исторіи, потому что в дѣйствительности эволюція человѣчества не имѣла характера неразрывной цѣпи событий. Нѣсколько раз случалось так, что цивилизація обрывалась в данной мѣстности, у данной расы и начинались снова в ином мѣстѣ, среди иных рас. Но каждое ея новое возникновеніе начиналось всегда с того же

родового быта, который мы видѣли сейчас у дикарей. Так что, если взять послѣднее возникновеніе нашей теперешней цивилизаціи, — с того времени, когда она началась заново, в первых столѣтіях нашей эры, среди тѣх народов, которых римляне называли "варварами", — мы будем имѣть полную гамму эволюціи, начиная с родового быта и кончая учрежденіми нашего времени. Этим картинам и будут посвящены послѣдующія страницы.

Ученые еще не согласились между собою насчет тѣх причин, которыя около двух тысяч лѣт тому назад двинули цѣлые народы из Азіи в Европу и выходили великія переселенія варваров, положившія конец Западно-Римской имперіи. Географу, однако, естественно представляется одна возможная причина, когда он созерцает развалины нѣкогда густо-населенных городов в теперешних пустынях Средней Азіи, или же изслѣдует старыя русла рѣк, нынѣ исчезнувших, и остатки озер, нѣкогда громадных, которыя нынѣ свелись чуть не до размѣров небольших прудов. Причина эта — высыханіе: совсѣм недавнее высыханіе, продалжающееся и понынѣ, с быстротой, которую мы раньше считали невозможным допустить *).

*) Безчисленные слѣды пост-пліоценовых озер, в настоящее время исчезнувших, мы находим по всей центральной, западной и сѣверной Азіи. Раковины тѣх же самых видов, которые теперь живут в Каспійском морѣ, разсѣяны в недавних отложеніях, на поверхности почвы: на востокѣ — на разстояніи пол-пути к Аральскому озеру, сѣверѣ — до Казани. Слѣды заливов Каспійскаго моря, которые раньше принимались за старые русла Аму-Дарьи, пересѣкают Туркменскую территорію. Конечно, необходимо принять во вниманіе періодическія колебанія в количествѣ осадков. Но при всем том высыханіе — очевидно, и оно прогресирует с быстротой, которой геологи раньше не ожидали. Даже в сравнительно богатых влагой частях юго-западной Сибири, судя по ряду достовѣрных с'емок, опубликованных Ядринцевым, оказывается, что на участкѣ земли, бывшем восемьдесят пять лѣт тому назад дном одного из озер Чанской группы, теперь расположились деревни; в то же время другія озера той же самой группы, пятьдесят лѣт тому назад покрывавшія сотни квадратных верст, теперь обратились просто в пруды. Короче говоря, высыханіе сѣверо-западной Азіи идет таким темпом, который должно измѣрять столѣтями, вмѣсто тѣх громадных геологических единиц времени, к которым мы прибѣгали раньше. См. мою статью «The Dissication of Asia», в «Geographical Jeurnal» Лондонскаго Географическаго Общества», 1903.

С подобным явленіем человѣк не мог бороться. Когда обитатели сѣверо-западной Монголіи и восточнаго Туркестана увидѣли, что вода уходит от них, им не оставалось другого выхода, как спуститься вдол широких долин, ведущих к низменностям и тѣснить на запад обитателей этих низменностей *). Племя за племенем таким образом вытѣснялось в Европу, вынуждая другія племена двигаться и передвигаться в теченіе цѣлаго ряда столѣтій на запад, или же обратно на восток, в поисках за новыми, болѣе или менѣе постоянными мѣстами жительства. Расы смѣшивались с расами во время этих переселеній, аборигены — с пришельцами, арійцы — урало-алтайцами; и ничего не было бы удивительнаго, если бы общественныя учрежденія, которыя об'единяли их у себя на родинѣ, совершенно рухнули во время этого наслоенія различных рас друг на друга, совершавшагося тогда в Европѣ и Азіи. Но эти учрежденія не были разрушены: они только подвергались такому видоизмѣненію, какого требовали новыя условія жизни.

Общественная организація тевтонов, кельтов, скандинавов, славян и других народов, когда они впервые пришли в соприкосновеніе с римлянами, находилась в переходном состояніи. Их родовые союзы, основанные на дѣйствительной или же на предполагаемой общности происхожденія, прослужили для об'единенія их в теченіе многих тысячелѣтій. Но подобные союзы отвѣчали своей цѣли только до тѣх пор, пока в предѣлах самого рода не появлялось отдѣльных семейств. Однако-же, в силу указанных выше причин, отдѣльныя патріархальныя семьи медленно, но неудержимо создавались среди родоваго быта, и их появленіе, в концѣ концов, очевидно, вело к индивидуальному накопленію богатств и власти, к их наслѣдственной передачѣ в семьѣ и к разложенію рода. Частыя переселенія и сопровождавшія их войны могли только ускорить распаденіе родов на отдѣльныя семьи, а разсѣиваніе племен во время переселеній и их смѣшеніе с чужеземцами

---

*) Цѣлыя цивилизаціи, оказывается, исчезли в эту пору, как это доказывается теперь замѣчательными отрытіями сдѣланными в Монголіи, на Охронѣ и в Люкчунской впадинѣ (Дм. Клеменц) и около Лоб-Нора (Sven-Hedin).

представляли как раз тѣ условія, которыми облегчалось распаденіе прежних союзов, основанных на узах родства. Варварам, — т. е. тѣм племенам, которых римляне называли "варварами". и которых, слѣдуя классификаціи Моргана, я буду называть тѣм же именем, в отличіе от первобытных племен, или "дикарей", — предстояло, таким образом, одно из двух: либо дать своим родам разбиться на слабо-связанныя между собою группы семейств, из которых наиболѣе богатыя семьи (в особенности тѣ, у которых богатство соединялось с функціями жреца, или с военной славой) захватили бы власть над остальными; или же — отыскать какую-нибудь новую форму общественнаго строя, основаннаго на каком-нибудь новом началѣ.

Многія племена были не в силах сопротивляться раздробленію: они разсѣялись и были потеряны для исторіи. Но болѣе энергичныя племена не распались: они вышли из испытанія, выработавши новый общественный строй, — деревенскую общину, — которая и продолжала об'единять их в теченіе слѣдующих пятнадцати или даже болѣе вѣков. У них выработалось представленіе об общей территоріи земли, пріобрѣтенной ими и защищаемой их общими усиліями, и это представленіе заступило мѣсто угасавшаго уже представленія об общем происхожденіи. Их боги постепенно потеряли свой характер предков и получали новый — мѣстный, территоріальный характер. Они становились божествами или впослѣдствіи святыми данной мѣстности; "З е м л я" отождествлялась с ея обитателями. Вмѣсто прежних союзов по крови выростали земельные союзы, и этот новый строй, очевидно, представлял много удобств при данных условіях. Он признавал независимость семьи и даже усиливал эту независимость, так как деревенская община отказывалась от всяких прав на вмѣшательство в то, что происходило внутри самой семьи; он давал также гораздо больше свободы личной иниціативѣ; он не был по существу враждебен союзам между людьми различнаго происхожденія, а между тѣм он поддерживал необходимую связь в дѣйствіях и в мыслях общинников; и наконец, он был достаточно силен чтобы противостоять властолюбивым на-

клонностям меньшинства, слагавшагося из колдунов жрецев и профессіональных или прославившихся воинов. Вслѣдствіе этого этот новый строй стал первичной клѣточкой всей будущей общественной жизни, и у многих народов деревенская община сохранила этот характер вплоть до настоящаго времени.

Теперь уже извѣстно — и едва ли кѣм-либо оспаривается, — что деревенская община вовсе не была отличительной чертой славян или древних германцев. Она была распространена в Англіи, как в саксонскій, так и в нормандскій періоды, и удерживалась мѣстами вплоть до девятнадцатаго вѣка *); она же являлась основой общественной организаціи древней Шотландіи, древней Ирландіи и древняго Уэльса. Во Франціи, общинное владеніе и общинный передѣл пахотной земли деревенским мірским сходом держались, начиная с первых столѣтій нашей эры, до времен Тюрго, нашедшаго мірскіе сходы "через-чур шумными", а потому и начавшаго уничтоженіе их. В Италіи, община пережила римское владычество и возродилась послѣ паденія римской имперіи. Она являлась общим правилом среди скандинавов, славян, финов (pittaya, и, вѣроятно, в kihlakunta) у куров и у ливов. Деревенская община в Индіи — в прошлом и в настоящем, арійская и не арійская, — хорошо извѣстна, благодаря сдѣлавшим эпоху в этой области трудам сэра Гэнри Мэна; а Эльфинстон описал ее у афганцев. Мы находим ее также в монгольском "улусѣ", в кабильском-thaddart"ѣ в яванской dessa, в малайской cota или tofa и под разнообразными наименованіями, в Абисиніи, в Суданѣ,

*) Если я придерживаюсь, по отношенію к Англіи, мнѣній, (называя лишь современных спеціалистов) Нассе, Ковалевскаго и Виноградова, а не мнѣній F. Seebohm'a (Denman Ross может быть упомянут лишь для полноты), то это не только потому, что взгляды вышеназванных трех писателей основаны на глубоком знаніи предмета, и при том согласны между собою, но также в виду их превосходнаго знакомства с деревенской общиной вообще — знакомства, отсутствіе котораго сильно чувствуется в замѣчательном в других отношеніях трудѣ Seebohm'a. То же самое замѣчаніе можно сдѣлать в усиленной степени и относительно изящных прозведеніи Russel de Coulonges'a, котораго нмѣнія и страстныя истолкованія древних текстов не находят иных сторонников, кромѣ его самого.

во внутренней Африкѣ, у туземных племен обѣих Америк и у всѣх мелких и крупных племен на островах Тихаго океана. Одним словом, мы не знаем ни одной человѣческой расы, ни одного народа, которые не прошли бы в извѣстном періодѣ через деревенскую общину. Уже один этот факт опровергает теорію, в силу которой деревенскую общину в Европѣ старались представить порожденіем крѣпостного права. Она сложилась гораздо ранѣе крѣпостного права, и даже представляет универсальный фазис эволюціи человѣческаго рода, естественное перерожденіе родовой организаціи, — по крайней мѣрѣ у всѣх тѣх племен, которыя играли или до настоящаго времени играют какую-нибудь роль в исторіи *).

---

*) Литература о деревенской общинѣ настолько обширна, что мы ограничимся здѣсь указаніем на немногія работы. Так, работы Sir Henry Maine'a, F. Seebohm'a и Walte'r «Das olte Wallis» (Bonn,1859), являются хорошо извѣстными и широко распространенными источниками для Шотландіи, Ирландіи и Уэльса. Для Франціи можно указать: P. Viollet, «Precis de l'histoire du droit francais: Droit prive», 1886, и нѣкоторыя из его монографій в «Bibliothique de l'Ecole des Chartes»; Babeaл «Le Village sous l'ancien regime» (»мір» в XVIII-м вѣкѣ), 3-е изд., 1887; Bonnemere, Doniol и др. Для Италіи и Скандинавіи главныя работы переименованы в Лавелэ «Первобытная собственность» (нѣмецкій перевод K. Bucher'a) Для финнов: Rein's «Forelasningar «, I, 15; Koskinen, «Finische Geschichte», 1874, и различныя монографіи. Для Лифландіи и Курландіи см. статью проф. Лучицкаго в «Сѣверном Вѣстникѣ» 1891 года. Для Тевтонов, помимо общественных работ таких авторов, как Maurer, Sohm («Altdeutsche Reichs und Gerichts-Verfassungs»), см. также Dahn («Urzeit», Volkerwanderung», «Langobardische Studien»); Janssen, Wilh. Arnolde и др. Для Индіи, помимо таких авторов, как H. Maine и писателей, которых он указывает, см. также Sir John Phear's «Aryan Villag». Для Россіи и южных славян см. работы Кавелина, Посникова, Соколовскаго, Ковалевскаго, Ефименко, Иванишева, Клауса и т. д. (Обширный библіографическій указатель, до 1880 года, дан в Общ.). Общіе выводы см. помимо Loveleye, «Propriete», Morgan's, «Ancient Society», Lippert's, «Kulturgeschichte», Post, Dargun и т. д., а также лекціи М. Ковалевскаго («Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de propriete», Stockholm, 1890; имѣется и в русском изданіи). Должно упомянуть также о многих спеціальных монографіях, список которых дан в работах P. Viollet «Droit prive» и «Droit public». Относительно других см. нижеслѣдующія примѣчанія.

Деревенская община представляла собою естественно-выросшее учрежденіе, а потому полнаго однообразія в ея построеніи не могло быть. Вообще говоря, она являлась союзом семей, считавших себя происходящими от одного общаго корня и владѣвших сообща извѣстной территоріей. Но у нѣкоторых племен, при извѣстных обстоятельствах, семьи чрезвычайно разрастались, прежде чѣм от них почковались новыя семьи; в таких случаях, пять шесть или семь поколѣній продолжали жить под одной кровлей или внути одной загороди, владѣя сообща хозяйством и скотом и собираясь для ѣды перед общим очагом. Тогда слагалось то, что извѣстно в этпологіи под именем "недѣленой семьи" или "недѣленаго домохозяйства", какія мы до сих пор встрѣчаем по всему Китаю, в Индіи, в южно-славянской "Задругѣ" и случайно находим в Африкѣ, в Америкѣ, Даніи, Сѣверной Россіи, в Сибири ("семейскіе") и Западной Франціи *). У других племен, или же при других обстоятельствах, которыя еще в точности не опредѣлены, семьи не достигали таких больших размѣров; внуки, а иногда и сыновья, выходили из домохозяйства тотчас по вступленіи в брак, и каждый из них клал начало своей собственной ячейкѣ. Но как дѣленыя, так и не дѣленыя семьи, как тѣ, которыя селились вмѣстѣ, так и тѣ которыя селились врозь, по лѣсам, всѣ онѣ соединялись в деревенскія общины; нѣсколько деревень

---

*) Нѣкоторые авторитетные ученые склонные разсматривать недѣленую семью, как переводную стадію между родом и деревенской общиной, и несомѣнно, что в очень многих случаях деревенскія общины выростали из таких недѣленных семей. Тѣм не менѣе, я считаю недѣленую семью фактом пного порядка. Мы находим ее и внутри рода; с другой стороны, мы не можем утверждать, что недѣленыя семьи существовали когда-нибудь не принадлежа в то же время к роду, или деревенской общинѣ, или к «Gau». Я представляю себѣ, что раннія деревенскія общины медленно возникали непосредственно из родов, и состояли, согласно расовым и мѣстным обстоятельством, или из нѣскольких недѣленых семей, или же из недѣленых и простых семей одновременно или же (в особенности в случаях образованія новых поселеній) лишь из одних простых семей. Если этот взгляд правилен, то мы не имѣем права установлять такую серію: ряд, недѣленая семья, деревенская община, — так как второй член рода не имѣет той же этнологической цѣнности, как два других. См. Приложеніе XIII-е

соединялись в роды, или племена, а нѣсколько родов об'единялись в конфедераціи. Таков был общественный строй, который развился среди так-называемых "варваров", когда они начали осѣдать на болѣе или менѣе постоянное жительство в Европѣ.

Долгая эволюція потребовалась на то, чтобы род стал признавать отдѣльное существованіе в нем патріархальной семьи, живущей в отдѣльной хижинѣ; но, даже послѣ такого признанія, род, все-таки, вообще говоря, еще не признавал личнаго наслѣдованія собственности. Тѣ немногія вещи, которыя могли принадлежать лично индивидууму, или уничтожались на его могилѣ, или погребали вмѣстѣ с ним. Деревенская община, напротив того, вполнѣ признала частное накопленіе богатства в предѣлах семьи и наслѣдственную его передачу. Но богатство понималось исключительно в формѣ движимаго имущества, включая сюда скот, орудія и посуду, оружіе и жилой дом, который, "подобно всѣм вещам, могущим быть уничтоженными огнем", причислялся к той же категоріи *). Что же касается до частной поземельной собственности, то деревенская община не признавала и не могла признать ничего подобнаго и, говоря вообще, не признает такого рода собственности и по настоящее время. Земля была общей собствен ностью всего рода или цѣлаго племени, и сама деревенская община владѣла своею частью родовой территоріи лиш до тѣх пор, пока род или племя — точных границ здѣсь нельзя установить — находил нужным новаго распредѣленія деревенских участков. Так как расчистка земли из-под лѣса и распашка цѣлины в большинствѣ случаев производились цѣлыми общинами, или по крайней мѣрѣ об'единенным трудом нѣскольких семей, — всегда с разрѣшенія общины, то вновь очищенные участки оставались за каждой семьей на четыре на двѣнадцать, на двадцать лѣт, послѣ чего они уже разсматривались как части пахатной земли, принадлежащей всей общинѣ. Частная собственность или "вѣчное" владѣніе зем-

---

*) Stobbe, «Beitrage zur Geschichte des deutschen Rechtes», стр. 62.

лею были так же несовмѣстимы с основными понятіями и религіозными представленіями деревенской общины, как ранѣе они были несовмѣстимы с понятіями родового быта, так что потребовалось продолжительное вліяніе римскаго права и христіанской церкви, — которая вскорѣ восприняла законы языческаго Рима, чтобы освоить варваров с возможностью частной земельной собственности *). Но даже тогда, когда такая собственность или владѣніе на неопредѣленное время было признано, собственник отдѣльнаго участка оставался в то же время совладѣльцем общинных пустошей, лѣсов и пастбищ. Мало того, мы постоянно видим, в особенности в исторіи Россіи, что когда нѣсколько семейств, дѣйствуя совершенно порознь, завладѣвали какой-нибудь землей, принадлежавшей племенам, на которых они смотрѣли как на чужаков, семьи захватчиков вскорѣ об'единялись между собой и образовывали деревенскую общину, которая в третьем или четвертом поколѣніи уже вѣрила в общность своего происхожденія. Сибирь по сію пору полна таких примѣров.

Цѣлый ряд учрежденій, отчасти унаслѣдованных от родового періода, начал теперь выработываться на этой основѣ общиннаго кладѣнія землей, и продолжал вырабатываться за тѣ долгіе ряды столѣтій, которые потребовались, чтобы подчинить варваров власти государств, организованных по римскому или византійскому образцу. Деревенская община была не только союзом для обезпеченія каждому справедливой доли в пользованіи общинною змлею; она была также союзом для общей обработки земли, для взаимной поддержки во всевозможных формах, для защиты от насилія и для дальнѣйшаго развитія знаній, національных уз и нравственных понятій; при чем каждое измѣненіе в юридических, военных, образователь-

*) Немногіе слѣды частной земельной собственности, встрѣчающіеся в раннем варварском періодѣ, находятся лишь у таких племен (батаны, франки в Галліи), которые, в теченіе, нѣкотораго времени находились под вліяніем императорскаго Рима. См. Inama-Sternegg, «Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland», т. I, 1878. Также, Besser, «Neubruch nach dem alteren deutschen Recht», стр. 11—12, цит. у Ковалевскаго, «Современный обычай и древній закон», Москва, 1886., I, 134.

ных или экономических правах общины рѣшалось всѣми — мірском сходѣ деревни, на родовом вѣкѣ, или на вѣкѣ конфедераціи. Община, будучи продолженіем рода, унаслѣдовала всѣ его функціи. Она представляла universitas, "мір" в себѣ самой.

Охота сообща, рыбная ловля сообща, и общественная обработка насажденій фруктовых деревьев, были общим правилом при старых родовых порядках. Общественная обработка полей стала таким же правилом в деревенских общинах варваров. Правда, что прямых свидѣтельств в этом направленіи мы имѣем очень мало, и что в древней литературѣ мы находим всего нѣсколько фраз у Діодора и у Юлія Цезаря, относящихся к обитателям Липарских островов, одному из кольто-иберійских племен, и к свевам. Но за то нѣт недостатка в фактах, доказывающих, что общинная обработка земли практиковалась у нѣкоторых германских племен, у франков и у древних шотландцев, ирландцев и валлійцев (Welsh) *). Что же касается до позднѣйших пережитков общественной обработки, то они — просто безчисленны. Даже в совершенно романизированной Франціи общинная пахота была обычным явленіем всего каких-нибудь двадцать пять лѣт тому назад в Морбиганѣ (Бретан) **). Старинный Уэльскій cyvar, или сборный плуг, мы находим, напр., на Кавказѣ, а общинная обработка земли, отведенной в пользованіе сельскаго святилища, представляет обычное явленіе у кавказских племен, наименѣе затронутых цивилизаціей ***); подобные же факты постоянно встрѣчаются среди русских крестьян. Кромѣ того, хорошо извѣстно, что многія племена Бразиліи, центральной Америки и Мексики обрабатывали свои поля сообща, и что тот же обычай широко распространен по сію пору среди малайцев, в Новой Каледоніи,

---

*) Haurer'a «Harkgenossenschaft»; Lamprech'a, «Wirthschaft und Recht der Franken zur zeit der Volksrechte», в «Historischer Taschenbuch», 1883 и Seebohm,a, «The English Village Cohhunity», гл. VI, VII и IX.

**) Letorneau, в «Bulletin de la Sodiate d'Anthropologies», 1888, том XI, стр. 476.

***) Walter, «Das alte Wallis», стр 323; Дм. Бакрадзе, и Н. Худадов в «Записках Кавказскаго Географическаго Общ.» т. XIV, часть I.

у нѣкоторых негритянских племен и т. д. *). Короче говоря общинная обработка земли представляет такое обычное явленіе у многих арійских, урало-алтайских, монгольских, негритянских, краснокожих индѣйских, малайских и мелинезійских племен, что мы должны смотрѣть на нее, как на всеобщую — хотя и не единственно возможную — форму первобытнаго земледѣлія ⁑).

Нужно помнить, однако, что общинная обработка земли еще не влечет за собою необходимо общиннаго потребленія. Уже в родовом бытѣ мы часто видим, что, когда лодки, нагруженныя фруктами или рыбой, возвращаются в деревню, то привезенная в них пища раздѣляется между отдѣльными хижинами и "длинными домами" (в которых помѣщаются или нѣсколько семейств, или молодежь), при чем пища приготовляется отдѣльно у каждаго очага. Обычай садиться за трапезу в болѣе узком кругу родственников или сотоварищей, таким образом, проявляется уже в раннем періодѣ родовой жизни. Даже пищевые продукты, выращенные сообща, обыкновенно дѣлились между домохозяевами, послѣ того, как часть их была отложена в запас для общиннаго пользованія. Впрочем, традиція общественных пиров благочестиво сохранялась.

При всяком удобном случаѣ, как напр., в дни, посвященные поминовенію предков, во время религіозных празднеств, при началѣ и по окончаніи полевых работ, а также по поводу таких событій, как рожденіе дѣтей, свадьбы и похороны, община собиралась, на общественный пир. Даже в настоящее время, в Англіи, мы находим пережиток этого обычая, хорошо извѣст-

---

*) Bankroft «Native Races»; Waitz, «Anthropologies», III, 423; Montrozier, в «Bull. Soc. d'Anthropologie», 1070; Post, «Studien» и т. д.

⁑) Работы Oru, Luro, Laudes и Sylvestre о деревенской общинѣ в Аннамѣ, доказывающія, что она имѣла там тѣ же формы, как и в Германіи или Россіи, упоминаются в критической статьѣ Jobbe-Duval'a в «Nouvelle Revue historique de droit francais et etranger», октябрь и декабрь, 1896 Хорошая работа о деревенской общинѣ в Перу, до установленія власти ников, была сдѣлана Heinrich Cunow («Die Soziale Verfassung des Inka-Reich», Stuttgart, 1896). в этой работѣ описаны общинное владѣніе землей и общинная обработка земли.

ный под именем "послѣ жатвенной вечери" (**harvest supper**): он удержался дальше всѣх таких обычаев.

Даже долгое время послѣ того, как поля перестали обрабатываться сообща, всей общиной, мы видим, что нѣкоторыя земледѣльческія работы продолжают выполняться міром. Нѣкоторая часть общинной земли до сих пор во многих мѣстах обрабатывается сообща в цѣлях помощи неимущим, а также для образованія общинных запасов, или же для употребленія продуктов подобнаго труда во время религіозных празднеств. Ирригаціонные каналы и арыки роются и чинятся сообща. Общинные луга косятся міром; и одно из самых вдохновляющих зрѣлищ представляет русская деревенская община во время такого покоса, когда мужчины соперничают друг с другом в широтѣ размаха косы и быстротѣ косьбы, а женщины ворошат скошенную траву и собирают ее в копны; мы видим здѣсь, чѣм мог бы быть, и чѣм должен был бы быть людской труд. Сѣно в таких случаях, дѣлится между отдѣльными домохозяевами, и очевидно, что никто не имѣет права брать сѣно из стога у своего сосѣда, без разрѣшенія; но ограниченіе этого общаго правила, встрѣчаемое у осетин на Кавказѣ, очень поучительно: как только начнет куковать кукушка, возвѣщая о наступленіи весны, которая вскорѣ одѣнет всѣ луга травой, каждый получает право брать из сосѣдскаго стога, сколько ему нужно сѣна для прокормленія своего скота *). Таким образом, снова утверждаются древнія общинныя права, как бы для того, чтобы доказать, насколько неограниченный индивидуализм противорѣчить человѣческой природѣ.

Когда европеец-путешественник высаживается на каком-нибудь островкѣ Тихаго океана и, увидав вдали группу пальмовых деревьев, направляется к ней, его обыкновенно поражает открытіе, что маленькія деревушки туземцев соединены между собой дорогами, которыя вымощены крупными камнями и вполнѣ удобны для босоногих туземцев, — во многих отноше-

*) М. Ковалевскій «Современный обычай и древній закон», I, 115.

ніях онѣ напоминают "старыя дороги" в Швейцарских горах. Подобныя дороги были проложены "варварами" по всей Европѣ, и надо постранствовать по диким, мало населенным странам, лежащим в дали от главных линій международных сообщеній, чтобы понять размѣры той колоссальной работы, которую выполнили варварскія общины, чтобы побѣдить дикость необозримых лѣсных и болотистых пространств, какія представляла из себя Европа около двух тысяч лѣт тому назад. Отдѣльныя семьи, слабыя и без нужных орудій, никогда не смогли бы побѣдить дикую тайгу. Лѣс и болота побѣдили бы их. . Однѣ только деревенскія общины, работая сообща, могли осилить эти лѣса, эти засасывающія трясины и безграничныя степи. Ггубыя дороги и гати, паромы и деревянные мосты, которые зимой снимались и строились снова послѣ весенняго половодья окопы и частоколы, которыми обносились деревни, земляныя крѣпостцы, небольшія башни и вышки, которыми бывала усыпана территорія — все это было дѣлом рук деревенских общин. А когда община разросталась, начинался процесс ея почкованія. На нѣкотором разстояніи от первой выростала новая община и таким образом шаг за шагом лѣса и степи подпадали под власть человѣка. Весь процесс созиданія европейских націй был в сущности плодом такого почкованія деревенских общин. Даже в настоящее время, русскіе крестьяне, если только они не совсѣм задавлены нуждой, переселяются общинами, миром поднимают цѣлину и міром же сообща роют себѣ землянки, а потом строят дома, когда селятся в бассейнѣ Амура или же в Канадѣ. Даже англичане, в началѣ колонизаціи Америки, возвращались к старой системѣ: они селились и жили общинами *).

Деревенская община была главным оружіем варваров в их тяжелой борьбѣ с враждебной природой. Она также являлась связью, которую варвары противоставляли угнетенію со стороны наиболѣе ловких и сильных, стремившихся усилить

---

*) Palfry, «History of New England», II, 13; цит. у Maine'a, «Village Communities», 1876, стр. 201 американскаго изданія.

свою власть в тѣ тревожныя времена. Воображаемый "варвар" — человѣк, сражающійся и убивающій людей из-за пустяков — так же мало существовал в дѣйствительности, как и "кровожадный" дикарь наших книжников. Дѣйствительный варвар, напротив того, в своей жизни подчинялся цѣлому сложному ряду учрежденій, проникнутых внимательным отношеніем к тому, что может быть полезным или же пагубным для его племени или конфедераціи, при чем установленія этого рода благовѣйно передавались из поколѣнія в поколѣніе в стихах и пѣснях, в пословицах и трех-стишіях (тріадах), в изрѣченіях и наставленіях, Чѣм болѣе мы изучаем этот період, тѣм болѣе убѣждаемся мы в тѣснотѣ уз, связывавших людей в их общинах. Всякая ссора, возникавшая между двумя односельчанами, разсматривалась, как дѣло, касающееся всей общины — даже оскорбительныя слова, которыя вырвались во время ссоры, разсматривались, как оскорбленіе общины и ея предков. Подобныя оскорбленія надо было окупить извиненіями и легкою пенею в пользу обиженнаго и в пользу общины *). Если же ссора заканчивалась дракой и ранами, то человѣк присутствовавшій при этом и не вмѣшавшійся для прекращенія ссоры, разсматривался, как если бы он сам нанес причиненныя раны ‡).

Юридическая процедура была проникнута тѣм же духом. каждый спор, прежде всего отдавался на разсмотрѣніе посредников, или третейских судей, и в большинствѣ случаев разрѣшался ими, так как третейскій суд играл чрезвычайно важную роль в варварском обществѣ. Но если дѣло было слишком серьезно и не могло быть разрѣшено посредниками, оно отдавалось на обсужденіе мірского схода, который был обязан "найти приговор", и произносил его всегда в условной формѣ: т. е. "обидчик должен выплатить такое то возмездіе обиженному, если обида будет доказана," обида-же доказывалась, или отри-

---

*) Konigswarter, «Etudes ,sur le developpement des sosietes humanes» Paris, 1850.

‡) Таков, по крайней мѣрѣ, закон у калмыков, обычное право которых имѣет чрезвычайно близкое сходство с законами тевтонцев древних славян и других.

цалась, шестью или двѣнадцатью лицами, которые подтверждали или отрицали факт обиды под присягою; к Божьему суду прибѣгали только в том случаѣ, если оказывалось противорѣчіе между двумя составами со-присягателей обѣих тяжущихся сторон. Подобная процедура, остававшаяся в силѣ болѣе чѣм двѣ тысячи лѣт, достаточно говорит сама за себя; она показывает насколько тѣсны были узы, связывавшія между собой всѣх членов общины. При том, нужно помнить, что кромѣ своего нравственнаго авторитета, мірской сход не имѣл никакой другой силы, чтобы привести свой приговор в исполненіе. Единственной возможной угрозой непокорному было бы об'явленіе его изгоем, находящимся внѣ закона; но даже и эта угроза была обоюдо-острым оружіем. Человѣк, недовольный рѣшеніем мірского схода, мог заявить, что он выходит из своего рода и присоединяется к другому роду, — а это была ужасная угроза, так как, по общему убѣжденію, она непремѣнно навлекала всевозможныя несчастія на род, который мог совершить несправедливость по отношенію к одному из своих сочленов *).

Сопротивленіе справедливому рѣшенію, основанному на обычном правѣ, было просто невообразимо", по очень удачному выраженію Генри Мэна, так как "закон, нравственность и факт представляли в тѣ времена нѣчто нераздѣльное" **). Нравственный авторитет общины был настолько велик, что даже в гораздо болѣе позднюю пору, когда деревенскія общины подпали уже в подчиненіе феодальным владѣльцам, онѣ тѣм не менѣе удерживали за собой юридическую власть; онѣ только предоставляли владѣльцу, или его представителю, "находить" вышеупомянутые условные приговоры, в согласіи с обычным правом, которое он клялся сохранить в чистотѣ, при чем ему предоставлялось взимать в свою пользу ту пеню (fred), которая прежде взыскивалась в пользу общины ***). Но в теченіе долгаго времени сам феодальный владѣлец, если он являлся совладѣль-

---

*) Этот обычай до сих пор сохранился у многих африканских и других племен.

**) Village Communities, стр. 65—68 и 199.

***) В теченіе всего періода, вира (wehrgeld) платилась в возмездіе за обиду обиженному; пеня же (fred) платилась общинѣ, а впослѣдствіи ея

общинных пустошей и выгонов, подчинялся в общинных дѣлах рѣшеніем общины. Принадлежал ли он к дворянству, или духовенству, он обязан был подчинятся рѣшенію мірскаго схода —"Wer daselbst Wasser und Weid genusst, muss gehorsam ein" — "кто пользуется здѣсь правом на воду и пастбища, тот должен повиноваться", — говорит одно старинное изрѣченіе. Даже когда крестьяне стали рабами феодальных владѣльцев, — послѣдніе обязаны были являться на мірской сход, если сход вызывал их *).

В своих представленіях о правосудіи варвары очевидно недалеко ушли от дикарей. Они также считали, что всякое убійство должно повлечь за собой смерть убійцы; что нанесеніе раны должно быть наказано нанесеніем точь-в-точь такой же раны, и что обиженная семья обязана сама исполнить приговор, произнесенный в силу обычнаго права, т. е. убить убійцу, или одного из его сородичей, или же нанести извѣстнаго рода рану обидчику, или одному из его ближних. Это было для них священной обязанностью, долгом по отношенію к предкам, который должен быть выполнен вполнѣ открыто, а никоим образом втайнѣ и получить возможно широкую огласку. Поэтому, самыя вдохновенныя мѣста саг и всѣх вообще произведеній эпической поэзіи посвящены прославленію того, что тогда считалось правосудіем, т. е. родовой мести. Сами боги присоединялись в таких случаях к смертным и помогали им.

Впрочем, преобладающей чертой правосудія варваров является уже, с одной стороны, стремленіе ограничить количество лиц, которыя могут быть вовлечены в войну двух родов из-за кровавой мести, а с другой стороны, — стремленіе устранить звѣрскую идею о необходимости отплачивать кровью за

замѣстителю — барину, епископу, королю — за нарушеніе мира, как повинная перед мѣстными богатыми (или святыми) общины.

*) Muarer («Geschidhte der Markverfassung», § 29, 97) держится вполнѣ опредѣленнаго взгляда по этому вопросу. Он утверждает, что «всѣ члены общины... а равным образом свѣтскіе и духовные властелины, часто бывавшіе также отчасти совладѣльцами (Markberechtigte), и даже люди посторонніе общинѣ были подчинены ея юрисдикціи» (стр. 312); мѣстами такого рода представленія были в силѣ вплоть до XV-го столѣтія

кровь и ранами за раны, и желаніе установить систему вознагражденій обиженному за обиды. Своды "варварских" законов, которые представляли собранія постановленій обычнаго права, записанных для руководства судей — "сначала допускали, затѣм поощряли и, наконец, требовали" замѣны кровавой мести вознагражденіем, как это замѣтил Кенигсвартер *). Но представлять эту систему судебнаго возмездія за обиды, как систему штрафов, которые давали, будто бы, богатому человѣку carte blanche т. е. полное право поступать, как ему вздумается, — доказывает совершенное непониманіе этого учрежденія. Вира, т. е. Wergeld, выплачивавшаяся обиженному, совершенно отлична от небольшого штрафа или fred *), выплачивавшаяся общинѣ или ея представителю; и вира обыкновенно назначалась такая высокая за всякаго рода насиліе, что, конечно, она не могла являться поощреніем для подобнаго рода проступков. В случаѣ убійства, вира обыкновенно превышала все возможное имущество убійцы.

"Восемнадцать раз восемнадцать коров"—таково вознагражденіе у осетин, не умѣющих считать свыше восемнадцати; у африканских племен вира за убійство достигает 800 коров, или 100 верблюдов с их приплодом, и только у болѣе бѣдных племен она спускается до 416 овец *). Вообще, в громадном большинствѣ случаев, виру за убійство невозможно было уплатить, так что убійцѣ оставалось одно: убѣдить, своим раскаяніем, обиженную семью, чтобы она усыновила его. Даже теперь, на Кавказѣ, когда родовая война из-за кровавой мести заканчивается мировою, обидчик прикасается губами к груди старшей женщины в родѣ, и становится таким образом "молочным братом" всѣх мужчин обиженной

---

*) Konigswarter, loc. cit., стр. 50; J. Thrupp, «Historical Law Tracts», London, 1843, стр. 106 .

**) Konigswarter указал, что «fred» возникла из жертвоприношеній, которыя обидчик дѣлал для умилостивленія предков. Позднѣе она уплачивалась общинѣ за нарушеніе мира; а еще позднѣе — судьѣ, королю, или помѣщнику, когда они присвоили себѣ права, прежде принадлежавшія общинам.

***) Post, «Baustine» и «Afrikanische Jurisprudenz», Oldenburg, 1887, т. I, стр. 64 и слѣд.; Ковалевскій, loc. cit., II, 164—189.

семьи *). У нѣкоторых африканских племен убійца должен отдать свою дочь, или сестру, в замужество одному из членов семьи убитаго; и во всѣх таких случаях он становится, послѣ этого, членом семьи, мнѣніе котораго выслушивается во всѣх важных семейных дѣлах *).

Кромѣ того, варвары не тогько не относились с пренебреженіем к человѣческой жизни, но они вовсе не знали тѣх ужасающих наказаній, которыя были введены позднѣе свѣтским и духовным законодательством, под римским и византійским вліяніями.

Если право саксов назначало смертную казнь довольно легко, даже за поджог и вооруженный грабеж, то другіе варварскіе кодексы прибѣгали к ней только в случаях предательства по отношенію к своему роду и святотатства по отношенію к общинным богам, видя в смертной казни единственное средство умилостивить богов.

Все это, очевидно, очень далеко от предполагаемой "нравственной распущенности" варваров. Напротив того, мы не можем не любоваться глубоко-нравственными началами, которыя были выработаны древними деревенскими общинами и которыя нашли себѣ выраженіе в уэльских трехстишіях, в легендах о королѣ Артурѣ, в ирландских комментаріях (Брегон) *), в старых германских легендах и т. д., а также до сих пор выражаются в поговорках современных варваров. В своем введеніи к "The Story of Burnt Njal" Джордж Дазент очень вѣрно охарактеризовал слѣдующим образом качества нормана, как они опредѣляются на основаніи саг:

---

*) Ѳ. Миллер и М. Ковалевскій «В герных общинах Кабарды», в «Вѣстникѣ Европы» апрѣль, 7884 г.; у шнхсевенов Муганской степи родо-"выя войны из-за кровавой мести всегда заканчиваются браком представителей двух враждебных сторон (Марков, в приложеніи к «Запискам Кавказскаго Географическаго Общества», т. XIV, часть I, стр. 21.

*) Post, в «Afrikanische Jurisprudenz», дает ряд фактов, иллюстрирующих представленія и справедливости, кровопившіяся у африканских варваров. То же самое можно сказать о всѣх серьезных изслѣдованіях в области обычнаго права. варваров.

**) См. превосходную главу «Le droit de Viele Irlande» (также «Le Haut Nord»), профессора E. Nys, в «Etudes de droit international et de droit yolitique», Bruzelles, 1896.

"Открыто и мужественно дѣлать предстоящее ему дѣло, не страшась ни враговъ, ни недруговъ, ни судьбы... быть свободным и отважным во всѣх своих поступках; быть ласковым и щедрым по отношенію к друзьям и сородичам; быть отважным и грозным по отношенію к врагам (т. е. к тѣм, кто подпал под закон кровавой мести), но даже и по отношенію к ним выполнять всѣ должныя обязанности... Не нарушать перемирія, не быть передатчиком и клеветником. Не говорить за глаза о человѣкѣ ничего такого, чего не посмѣл бы сказать в его присутствіи. Не прогонять от своего порога человѣка, ищущаго пищи или крова, хотя бы он был даже твоим врагом" *).

Такими же, или даже болѣе возвышенными принципами проникнута вся уэльская эпическая поэзія и тріады. Поступать "с кротостью и по принципам безпристрастія", по отношенію к людям, без различія будут ли они врагами или друзьями, и исправлять причиненное зло"—таковы высшія обязанности человѣка; "зло — смерть, добро — жизнь", восклицает поэт-законодатель *). "Мір был бы нелѣпым, если бы соглашенія, сдѣланыя на словах, не почитались",—говорит закон Брегона. А смиренный мордвин-шаманист, восхваливши подобныя же качества, прибавляет, в своих принципах обычнаго права, что "между сосѣдями корова и подойник—общее достояніе', что корову надо доить для себя и для того, кто может попросить молока"; что тѣло ребенка краснѣет от удара, но лицо того, кто бьет ребенка—краснѣет от стыда" *), и т. д. Можно было бы наполнить много страниц изложеніем подобных же нравственных начал, которыя "варвары" не только выражали, но которым слѣдовали.

Здѣсь необходимо упомянуть еще одну заслугу древних

---

*) George Dasent, "The Story of Burnt Njal", Введеніе, стр. XXXV.

**) "Das alte Wallis", стр. 345—350.

***) Майковъ, "Очерки юридическихъ, обычаевъ у мордвы", в "Запискахъ Русскаго Географическаго Общества", по отдѣленію этнографіи, 1886 г., стр. 236, 257.

деревенских общин. Это то, что онѣ постепенно расширяли круг лиц, солидарно связанных между собою. В період, о котором мы говорим, не только роды федерировались в племена, но и племена, в свою очередь, даже хотя бы и различнаго происхожденія, об'единялись в конфедераціи. Нѣкоторые союзы были настолько тѣсны, что, например, вандалы, оставшіеся на мѣстѣ, послѣ того, как часть их конфедераціи ушла на Рейн, а оттуда перешла в Испанію и Африку, в теченіе сорока лѣт охраняли общинныя земли и покинутыя деревни своих союзников; они не завладѣвали ими до тѣх пор, пока не убѣдились, чрез особых посланцев, что их союзники не намѣрены болѣе возвратиться. У других варваров мы встрѣчаем, что земля обрабатывалась одною частью племени, в то время, как другая часть сражалась на границах их общей территоріи или за ея предѣлами. Что же касается до лиг между нѣсколькими племенами, то они представляли самое обычное явленіе. Сикамбры об'единились с херусками и свевами; квады с сарматами; сарматы с аланами, карпами и гуннами. Позднѣе мы видим также, как понятіе о націях постепенно развивается в Европѣ, гораздо раньше, чѣм что либо в родѣ государства начало слагаться гдѣ бы то ни было в той части материка, — которая была занята варварами. Эти націи — так как невозможно отказать в имени націи Меровингской Франціи, или же Россіи одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка, — эти націи были, однако об'единенны между собою ничѣм иным, как единством языка и молчаливым соглашеніем их маленьких республик, избирать своих князей (военных защитников и судей) из одной только опредѣленной семьи.

Войны конечно были неизбѣжны; переселенія неизбѣжно влекут за собой войну, но уже Генри Мэн, в своем замѣчательном трудѣ о племенном происхоженіи международнаго права, вполнѣ доказал, что "человѣк никогда не был ни так свирѣп, ни так глуп, чтобы подчиняться такому злу, как война, не употребивши нѣкоторых усилій, чтобы предотвратить его".

Он показал также, как велико было "число древних учрежденій обличавших намѣреніе предупредить войну, или найти для нея

какую-нибудь альтернативу *). В сущности, человѣк, вопреки обычным предположеніям, такое не войнолюбивое существо, что, когда варвары, наконец, осѣли на своих мѣстах, они быстро утратили навык к войнѣ, — так быстро, что вскорѣ должны были завести особых военных вождей, сопровождаемых особыми Scholae или дружинами, для защиты своих сел от возможных нападеній. Они предпочитали мирный труд войнѣ, и самое миролюбіе человѣка было причиной спеціализаціи военнаго ремесла, при чем в результатѣ этой спеціализаціи получилось впослѣдствіи рабство и всѣ войны "государственнаго періода" в исторіи человѣчества.

Исторія встрѣчается с большими затрудненіями в своих попытках возстановить учрежденія варварскаго періода. На каждом шагу историк находит блѣдныя указанія на то или другое учрежденіе, которых он не может об'яснить при помощи одних лишь исторических документов. Но прошлое тотчас же озаряется ярким свѣтом, как только мы обращаемся к учрежденіям многочисленных племен, до сих пор еще живущих под таким общественным строем, который почти тождествен со строем жизни наших предков, варваров. Тут мы встрѣчаем такое обиліе матеріалов, что затрудненіе является в выборѣ, так как острова Тихаго океана, степи Азіи и плоскогорія Африки оказываются настоящими историческими музеями, заключающими образчики всѣх возможных промежуточных стадій, пережитых человѣчеством при переходѣ от родового быта дикарей к государственной организаціи. Разсмотрим нѣсколько таких образчиков.

Если мы возьмем, напримѣр, деревенскія общины монголобурят, в особенности тѣх которые живут в Кудинской степи, на верхней Ленѣ, и болѣе других избѣжали русскаго вліянія, то мы имѣем в них довольно хорошій образчик варваров в переходном состояніи, от скотоводства к земледѣлію **). Эти буряты

*) Henry Maine, "International Law", London, 188, стр. 11—13; E. Nys, "Les origines du driot international", Bruxelles 1894.

**) Русскій историк, казанскій профессор Щаповъ, который был вы-

до сих пор живут "недѣлеными" семьями", т. е.. хотя каждый сын послѣ женитьбы уходит жить в отдѣльную юрту, но юрты по крайней мѣрѣ трех поколѣній находятся внутри одной изгогоди, и недѣленая семья работает сообща на своих полях и владѣет сообща своими недѣлеными домохозяйствами, скотом, а также "телятниками" (небольшія огороженныя пространства, на которых сохраняется мягкая трава для выкормки телят). Обыкновенно каждая семья собирается для ѣды в своей юртѣ; но когда жарится мясо, то всѣ члены недѣленаго домохозяйства, от двадцати до шестидесяти человѣк, пируют вмѣстѣ. Нѣсколько недѣленых семей, живущих в одном урочище, а также меньшаго размѣра семьи поселившіяся в том же мѣстѣ (в большинствѣ случаев онѣ представляют остатки недѣленых семей, разбившихся по какой-нибудь причинѣ), составляют улус, или деревенскую общину. Нѣсколько улусов составляют "род"—вѣрнѣе племя,—а всѣ сорок шесть "родов" Кудинской степи об'единены в одну конфедерацію. В случаѣ надобности, вызываемой тѣми или другими специалными нуждами, нѣсколько "родов" вступают в меньшіе но болѣе тѣсные союзы. Эти буряты не признают частной поземельной собственности — землей в л а д ѣ ю т у л у с ы сообща, или точнѣе ею владѣет вся конфедерація, и в случаѣ необходимости происходит передѣл земли между различными улусами на сходѣ всего рода, а между сорока шестью родами на вѣчѣ конфедераціи. Слѣдует замѣтить, что та же самая организація существует у всѣх 250,000 бурят Восточной Сибири, хотя они уже болѣе трехсот лѣт находятся под властью Россіи и хорошо знакомы с русскими порядками.

Несмотря на все сказанное, имущественное неравенство быстро развивается у бурят, особенно с тѣх пор, как русское правительство начало придавать преувеличенное значеніе избираемым бурятами "тайшам" (князьям), которых оно считает отвѣтственными сборщиками податей и представителями конфедераціи в их административных и даже коммерческих сноше-

слан в 1862 году в Сибирь, дал хорошее описаніе их учрежденій в "Извѣстіях Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества", том Ѵ. 1874.

ніях с русскими. Таким образом открываются многочисленные пути к обогащенію немногих, идущему рука-об-руку с обѣднѣніем массы, вслѣдствіе захвата русскими бурятских земель. Тѣм не менѣе у бурят, особенно Кудинских, держится обычай (а обычай — сильнѣе закона), согласно которому, если у семьи пал скот, то болѣе богатыя семьи дают ей нѣсколько коров и лошадей, на поправку. Что же касается бѣдняков, безсемейных, то они ѣдят у своих сородичей; бѣдняк входит в юрту, занимает — по праву, а не из милости — мѣсто у огня и получает свою долю пищи, которая всегда самым добросовѣстным образом дѣлится на равныя части; спать он остается там, гдѣ ужинал. Вообще, русскіе завоеватели Сибири были настолько поражены коммунистическими обычаями бурят, что они назвали их "братскими" и доносили в Москву: "у них все сообща; все, что у них есть, они дѣлят между всѣми". Даже в настоящее время, когда Кудинскіе буряты продают свою пшеницу, или посылают свой скот для продажи русскому мяснику, всѣ семьи улуса или даже рода ссыпают пшеницу в одно мѣсто и сгоняют скот в одно стадо, продавая все оптом, как бы принадлежащим одному лицу. Кромѣ того, каждый улус имѣет свой запасный хлѣбный магазин для ссуд на случай надобности, свои общинныя печи, чтобы печь хлѣб (four banal Французских общин) и своего кузнеца, который, подобно кузнецу в индійских селах *), будучи членом общины, никогда не получает платы за работу в предѣлах общины. Он должен выполнять всю нужную кузнечную работу даром, а если он употребит свои часы досуга на выдѣлку чеканных посебренных желѣзных пластинок, служащих у бурят для украшенія одежды, то при случаѣ он может продать их женщинѣ из другого рода, но женщинѣ, принадлежащей к его собственному роду, он может только подарить их. Купля-продажа вовсе не может имѣть мѣста в предѣлах общины, и это правило соблюдается так строго, что когда какая-нибудь зажиточная бурятская семья нанимает работника, он должен быть взят из другого рода, или же из русских; замѣчу, что такой обычай насчет купли-продажи

---

*) Sir Henry Main's "Vilage Communities", New York, 1876 стр. 193—196.

существует не у одних бурят: он так широко распространен между современными варварами, — арійцами и урало-алтайцами — что он должен был быть всеобщим у наших предков.

Чувство единенія в предѣлах конфедераціи поддерживается общими интересами всѣх родов, их общими вѣчами и их празднествами, которыя обыкновенно происходят в связи с вѣчами. То же самое чувство поддерживается, впрочем, и другим учрежденіем, — племенной охотой, аба, которая очевидно представляет отголосок очень отдаленнаго прошлаго. Каждую осень всѣ сорок шесть Кудинских родов сходятся для такой охоты, добыча которой дѣлится потом между всѣми семьями. Кромѣ того, время от времени созывается національная аба, для утвержденія чувства единства у всей бурятской націи. В таких случаях. всѣ бурятскіе роды, разбросанные на сотни верст к востоку и к западу от озера Байкала, обязаны выслать спеціально для этой цѣли своих выбранных охотников. Тысячи людей собираются на такую національную охоту, при чем каждый привозит провизіи на цѣлый мѣсяц. Всѣ доли провизіи должны быть равны, а потому, прежде чѣм сложить вмѣстѣ всѣ запасы, каждая доля взвѣшивается выборным старшиной (непремѣнно— "от руки"; вѣсы были бы профанаціей древняго обычая).

Вслѣд за тѣм, охотники раздѣляются на отряды по двадцати человѣк в каждом, и начинают охоту, согласно заранѣе установленному плану. В таких національных охотах вся бурятская нація переживает эпическія традиціи того времени, когда она была об'единена в одну могущественную лигу. Могу также прибавить, что подобныя же охоты — обычное явленіе у краснокожих индѣйцев и у китайцев на берегах Уссури (kada) *).

В кабилах, образ жазни которых был так хорошо описан

*) Назаров, "Сѣверно-Уссурійскій край". Спб., 1887, стр. 65.

двумя французскими изслѣдователями *).мы имѣем представителей варваров, подвинувшихся нѣсколько дальше в своем земледѣліи. Их поля орошаются арыками, удобряются и вообще хорошо воздѣланы, а в гористых областях каждый кусок удобной земли обрабатывается заступом. Кабилы пережили не мало превратностей в своей исторіи; они слѣдовали нѣкоторое время мусульманскому закону о наслѣдованіи, но не могли примириться с ним, и лѣт полтораста тому назад вернулись к своему прежнему родовому обычному праву. Вслѣдствіе этого, землевладѣніе имѣет у них смѣшанный характер и частная земельная собственность существует на ряду с общинным владѣніем. Во всяком случаѣ, основой теперешняго общественнаго строя является деревенская община (thaddart), которая обыкновенно состоит из нѣскольких недѣленых семей (kharoubas), признающих общность своего происхожденія, а также из нѣскольких, меньшаго размѣра, семей чужаков. Деревни группируются в роды, или племена, (arch); нѣсколько родов составляют конфедерацію (thak'ebilt); и наконец нѣсколько конфедерацій иногда слагаются в лигу, — главным образом для цѣлей вооруженной защиты.

Кабилы не знают никакой другой власти, кромѣ своей djemmaa, или мірского схода деревенской общины. В нем принимают участіе всѣ взрослые мужчины, и они собираются для этого, или прямо под открытым небом, или же в особом зданіи, имѣющем каменныя скамьи. Рѣшенія djemmaa, очевидно должны быть приняты единогласно, т. е. обсужденіе продолжается до тѣх пор, пока всѣ присутствующіе согласятся принять извѣстное рѣшеніе, или подчиниться ему. Так как в деревенской общинѣ не бывает такой власти, которая могла бы заставить меньшинство подчиняться рѣшенію большинства, то система единогласных рѣшеній практиковалась человѣчеством вездѣ, гдѣ только существовали деревенскія общины, и практикуется по сю пору там, гдѣ онѣ продолжают существовать, т. е. у нѣскольких сот милліонов людей на всем пространствѣ земного шара. Кабильская djemmaa сама назначает свою исполнительную власть — старшину, писаря и казна-

*) Hanoteau et Letourneau, "La Kabylie", 3 volumes, Paris, 1883.

чея; она сама раскладывает подати и завѣдует распредѣленіем общинных земель, равно как и всякими общеполезными работами. Значительная часть работ производится сообща: дороги, мечети, фонтаны, оросительные каналы, башни для защиты от набѣгов, деревенскія ограды и т. п., — все это строится деревенской общиной, тогда как большія дороги, мечети болѣе крупных размѣров и большіе базары являются дѣлом цѣлаго рода. Многіе слѣды общинной обработки земли существуют до сих пор, и дома продолжают строится всѣм селом, или же с помощью всѣх мужчин и женщин своего села. Вообще, к "помочам" прибѣгают чуть ли не ежедневно, для обработки полей, для жатвы, для построек и т. п. Что же касается ремесленных работ, то каждая община имѣет своего кузнеца, которому дается часть общинной земли и он работает для общины; когда подходит время пахоты, он обходит всѣ дома и чинит плуги и другія земледѣльческія орудія безплатно, выковать же новый плуг считается благочестивым дѣлом, которое не может быть вознаграждаемо деньгами, или вообще какой-либо платой.

Так как у кабилов уже существует частная собственность, то среди них, очевидно есть и богатые, и бѣдные. Но, подобно всѣм людям, живущим, в тѣсном общеніи и знающим, как и откуда начинается обѣдненіе, они считают бѣдность такою случайностью, которая может посѣтить каждаго. "От сумы да от тюрьмы не отказывайся" — говорят русскіе крестьяне; кабилы прилагают к дѣлу эту поговорку, и в их средѣ нельзя подмѣтить ни малѣйшей разницы в обращеніи между бѣдными и богатыми; когда бѣдняк созывает "помочь" — богач работает на его полѣ, совершенно так же, как бѣдняк работает в подобном же случаѣ на полѣ богача *). Кромѣ того, djemmaa

---

*) При созывѣ "помочи", міру полагается какое-нибудь угощеніе. Один из моих кавказских друзей разсказывал мнѣ, что в Грузіи, когда бѣдняк нуждается в "помочи" он берет у богача одну или двух овец для приготовленія такого угощенія, а община, помимо своего труда, приносит еще столько провизіи, чтобы бѣдняк мог уплатить сдѣланный для угощенія долг. Подобный же обычай существует также и у мордвинов.

отводит извѣстные сады и поля, иногда воздѣлываемые сообща для пользованія бѣднѣйших членов общины. Много подобных обычаев сохранилось до сих пор. Так как болѣе бѣдныя семьи не в состояніи покупать для себя мяса, то оно регулярно покупается на суммы, составляющіяся из штрафных денег, из пожертвованій в пользу djemmaa, или из платы за пользованіе общинным бассейном для выжимки оливковаго масла, и это мясо распредѣляется поровну между тѣми, кто по бѣдности не в состояніи купить его для себя. Точно также, когда какая-нибудь семья убивает овцу и быка не в базарный день, деревенскій глашатай выкрикивает об этом по всѣм улицам, чтобы больные люди и беременныя женщины могли получить сколько им нужно мяса.

Взаимная поддержка проходит красной нитью по всей жизни кабилов, и если один из них, во время путешествія за предѣлами родной страны, встрѣчает другого кабила в нуждѣ, он обязан прійти к нему на помощь, хотя бы и рисковал для этого собственным имуществом и жизнью; если же такая помощь не была оказана, то djemmaa человѣка, пострадавшаго от подобнаго эгоизма, может жаловаться, и тогда djemmaa эгоиста тотчас же вознаграждает потерпѣвшаго. В данном случаѣ мы наталкиваемся, таким образом, на обычай, хорошо извѣстный всякому, изучавшему средневѣковыя купеческія гильдіи. Всякій чужеземец, являющійся в кабильскую деревню, имѣет право зимой на убѣжище в домѣ, а его лошади могут пастись в теченіе суток на общинных землях. В случаѣ нужды, он может, впрочем, разсчитывать на безграничную поддержку. Так, во время голода 1867 — 1868 годов, кабилы принимали и кормили всякаго, без различія происхожденія, кто только искал убѣжища в их деревнях. В области Деллис собралось не менѣе 12.000 человѣк, пришедших не только со всѣх сторон Алжиріи, но даже из Марокко, при чем кабилы кормили их всѣх. В то время, как по всей Алжиріи люди умирали с голода, в кабильской землѣ не было ни одного случая голодной смерти; кабильскія djemmaa, лишая себя часто самаго необходимаго, организовали помощь, не прося никакого пособія от правительства и не жалуясь на обремененіе; онѣ смотрѣли на это, как на свою естественную

обязанность. И в то время, как среди европейских колонистов принимались всевозможныя полицейскія мѣры, чтобы предотвратить воровство и безпорядки, никакой подобной охраны не потребовалось на кабильской территоріи: djemmaa не нуждались ни в защитѣ, ни в помощи извнѣ *).

Я могу лишь в кратцѣ упомянуть о двух других чрезвычайно интересных чертах кабильской жизни: а именно, об институціи, именуемой anaya, имѣющей цѣлью охрану в случаѣ войны колодцев, оросительных арыков, мечетей, базарных площадей и нѣкоторых дорог, и об институціи cof, о которой я скажу ниже. В anaya мы собственно имѣем цѣлый ряд установленій, стремящихся уменьшить зло, причиняемое войной, и предупреждать войны. Так, базарная площадь— anaya, в особености, если она находится близ границы и служит мѣстом, гдѣ встрѣчаются кабилы с чужеземцами; никто не смѣет нарушать мира на базарѣ, и если возникают безпорядки, они тотчас же усмиряются самими же чужестранцами собравшимися в городѣ. Дорога, по которой ходят деревенскія женщины к фонтану за водой, также считается anaya в случаѣ войны и т. д. Что же касается до cof'а то это установленіе представляет широко-распространенную форму ассоціаціи, в нѣкоторых отношеніях сходной с средневѣковыми Burgschaften или Gegilden, а также представляет общество, существующее, как для взаимной защиты, так и для различных цѣлей, умственных, политических, религіозных, нравственных и т. д., которыя не могут быть удовлетворены территоріальною организаціею общины, рода или конфедераціи. Cof не знает территоріальных ограниченій; он набирает своих членов в различных деревнях, даже среди чужеземцев, и он оказывает своим со-членам защиту во всевозможных случаях жизни. Вообще, он является попыткой дополненія территоріальной группировки, группировкою внѣ-территоріальною, в цѣ-

*) Hanoteau et Letourneau, "La Kabylie", II, 58. То же самое уважаніе к чужеземцам является общим правилом у монголов. Монгол, отказавшій в убѣжищѣ чужеземцу, платит полную виру, в случаѣ чужеземец пострадал вслѣдствіе отказа в гостепріимствѣ (Bastian, "Der Mensh in der Geschichte", III, 231).

лях дать выраженіе взаимному сродству всякаго рода стремленій за предѣлами данной территоріи. Таким образом, свободныя международныя ассоціации вкусов и идей, которыя мы считаем одним из лучших проявленій нашей современной жизни, берут свое начало из древняго варварскаго періода.

Жизнь кавказских горцев дает другой ряд чрезвычайно поучительных примѣров того же рода. Изучая современные обычаи осетин — недѣленыя семьи, их общины и их юридическія понятія — профессор М. Ковалевскій, в замѣчательной работѣ, "Современный обычай и древнее право", мог шаг за шагом сравнивать их с подобными же установленіями древних варварских законов и даже имѣл возможность подмѣтить первоначальное нарожденіе феодализма. У других кавказских племен мы иногда находим указанія на способы зарожденія деревенской общины, в тѣх случаях, когда она не была родовою, а выростала из добровольнаго союза между семьями разнаго происхожденія. Такой случай, наблюдался, например, недавно, в хевсурских деревнях, обитатели которых принесли клятву "общности и братства" *). В другой части Кавказа, в Дагестанѣ, мы видим рост феодальных отношеній между двумя племенами, при чем оба остаются в то же время сложенными в деревенскія общины, сохраняя даже слѣды родовых "классов" таким образом, мы имѣем в этом случаѣ живой примѣр тѣх форм, которыя принимало завоеваніе Италіи и Галліи варварами. Побѣдители лезгины, покорившіе нѣсколько грузинских и татарских деревень в Закатальском округѣ, не подчинили эти деревни власти отдѣльных семей; они организовали феодальный клан, состоящій теперь из 12.000 домохозяев в трех деревнях и владѣющій сообща не менѣе чѣм двадцатью грузинскими и татарскими деревнями. Завоеватели

---

*) Н. Худадов, "Замѣтки о хевсурах", в "Записках Кавказскаго Географич. Общ., XIV, I, Тифлис, 1890, стр. 68. Они также дали клятву не жениться на дѣвушках, принадлежащух к их собственному союзу, проявив таким образом замѣчательный возврат к древним родовым установленіям.

раздѣлили свою собственную землю между своими родами, а роды в свою очередь подѣлили ее на равныя части между семьями; но они не вмѣшиваются в дѣла djemmaa своих данников, которые до сих пор практикуют обычай, упоминаемый Юліем Цезарем, а именно: djemmaa рѣшает ежегодно, какая часть общинной территоріи должна быть обработана, и эта земля раздѣляется на участки, по количеству семей, при чем самые участки распредѣляются по жребію. Слѣдует замѣтить, что хотя пролетаріи не являются рѣдкостью среди лезгин,—живущих при системѣ частной поземельной собственности и общаго владѣнія рабами *)—они очень рѣдки среди крѣпостных грузин, продолжающих держать свою землю в общинном владѣніи. Что же касается до обычнаго права кавказских горцев, то оно очень схоже с правом лангобардов и салических франков, при чем нѣкоторыя его постановленія бросают новый свѣт на юридическую процедуру варварскаго періода. Отличаясь очень впечатлительным характером, обитатели Кавказа употребляют всѣ усилія, чтобы ссоры не доходили до убійства; так, напр., у хевсуров дѣло скоро доходит до обнаженных мечей; но если выбѣжит женщина и бросит кусок полотна, служащій ей женским головным убором, шашки тотчас же спускаются в ножны и ссора прекращается. Головной убор женщины в данном случаѣ anaya. Если ссора не была прекращена во-время и кончилась убійством, то вира, налагаемая на убійцу, бывает так значительна, что виновник будет разорен на всю жизнь, если его не усыновит семья убитаго; если же он прибѣгнул к кинжалу в мелкой ссорѣ и нанес раны, он навсегда теряет уваженіе своих сородичей. Во всѣх возникающих ссорах веденіе дѣла поступает в руки посредников: они выбирают судей из среды своих сородичей,—шесть в маловажных дѣлах и от десяти до пятнадцати в дѣлах болѣе серьезных,—и русскіе наблюдатели свидѣтельствуют об абсолютной неподкупности судей.

---

*) Дм. Бакрадзе, "Замѣтки о Закатальском округѣ", в тѣх же "Записках", XIV, I, стр. 264. "Сборный плуг" представляет обычаое, как среди лезгин, так и среди осетин.

Клятва имѣет такое значеніе, что люди, пользующіеся общим уваженіем, освобождаются от нея,—простое утвержденіе совершенно достаточно, тѣм болѣе, что в важных дѣлах хевсур никогда не поколеблется признаться в своей винѣ (я имѣю в виду, конечно, хевсура, еще не затронутаго цивилизаціей). Клятва, главным образом, сохраняется для таких дѣл, как споры об имуществѣ, в котором, кромѣ простого установленія фактов, требуется еще извѣстнаго рода оцѣнка их. В подобных случаях, люди, которых утверждѣніе повліяет рѣшающим образом на разрѣшеніе спора, дѣйствуют с величайшей осмотрительностью. Вообще можно сказать, что варварскія общества Кавказа отличаются честностью и уваженіем к правам сородичей.

Различныя африканскія племена представляют такое разнообразіе в высшей степени интересных обществ, стоящих на всѣх промежуточных ступенях развитія, начиная с первобытной деревенской общины и кончая деспотическими варварскими монархіями, что я должен оставить всякую мысль дать хотя бы главные результаты сравнительнаго изученія их учрежденій *). Достаточно сказать, что, даже при самом жестоком деспотизмѣ королей, мірскіе сходы деревенских общин и их обычное право остаются полноправными в широком кругѣ всяких дѣл. Закон государственный позволяет королю отнять жизнь у любого подданнаго, просто из каприза, или даже для удовлетворенія прожорливости, но обычное право народа продолжают сохранять ту же сѣть учрежденій, служащих для цѣлей взаимной поддержки, которая существует среди других варваров или же существовала у наших предков. А у нѣкоторых, наиболѣе благопріятно-поставленных племен (в Борну, Угандѣ, Абиссиніи) и особенно у богосов, нѣкоторыя требованія обычнаго права одухотворены дѣйствительными изящными и утонченными чувствами.

---

*) См. Post, "Afrikanische Jurisprudenz", Eldtnburg, 1887; Munzinger, Ueber das Recht und Sitten der Bogos", Wirterthur, 1859; Casalis, "Les Bassoutos", Paris, 1859; Macleon "Kofir Laws and Custoutos", Mount Coke, 1858 и мн. др.

Деревенскія общины туземцев обѣих Америк носили тот же характер. Бразильскіе тупи, когда они были открыты европейцами, жили в "длинных домах", занятых цѣлыми родами, которые сообща воздѣлывали свои зерновые посѣвы и маніоковыя поля. Арани, подвинувшіеся гораздо дальше на пути цивилизаціи, обрабатывали свои поля сообща; также и укаги, которые, оставаясь при системѣ первобытнаго коммунизма и "длинных домов", научились проводить хорошія дороги и в нѣкоторых областях домашняго производства *) не уступали ремесленникам ранняго періода средневѣковой Европы. Всѣ они жили повинуясь тому же обычному праву, образчики котораго были даны на предыдущих страницах.

На другом концѣ міра мы находим малайскій феодализм, который, однако, оказался безсильным искоренить негарію, т. е. деревенскую общину, с ея общинным владѣніем по крайней мѣрѣ частью земли, перераспредѣленіем ея между негаріями цѣлаго рода **). У альфурусов Минегасы мы находим общинную трехпольную систему обработки земли; у индѣйскаго племени уайандотов (Wyandots) мы встрѣчаем періодическое перераспредѣленіе земли всѣм родом; равным образом, во всѣх тѣх частях Суматры, гдѣ мусульманское право еще не успѣло вполнѣ разрушить старый родовой строй, мы находим недѣленую семью (suca) и деревенскую общину (kota), сохраняющую свои права на землю, даже в таких случаях, когда часть ея была расчищена без разрѣшенія со стороны общины ***). Но сказать это, значить сказать, вмѣстѣ с тѣм, что всѣ обычаи, служащіе для взаимной защиты и для предупрежденія родовых войн из-за кровавой мести и вообще всякаго рода войн, обычаи, на которые мы вкратцѣ указали выше, как на типичные обычаи для общины, также существуют и в данном случаѣ. Мало того: чѣм полнѣе сохранилось об-

---

*) Waitz, III, 423 seq

**) Post, "Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familien Rechts", Oldenburg, 1889, стр. 270 seq.

***) Powell, "Annual Report of the Bureau of Ethnography": Waschington, 1881, цит. у Post'a "Studien", стр. 290; Bastian's "Inselgruppen in Oceanien", 1883, стр. 88.

щинное владѣніе, тѣм лучше и мягче нравы. De-Stuers положительно утверждает, что вездѣ, гдѣ деревенская община была менѣе подавлена завоевателями, наблюдается меньшее неравенство матеріальнаго благосостоянія, и самыя предписанія кровавой мести отличаются меньшей жестокостью; и наоборот, вездѣ, гдѣ деревенская община была окончательно разрушена, "жители страдают от невыносимаго гнета со стороны деспотических правителей" *). И это вполнѣ естественно. Так что, когда Waitz замѣтил, что тѣ племена, которыя сохранили свои родовыя конфедераціи, стоят на высшем уровнѣ развитія и обладают болѣе богатою литературою, чем тѣ племена, у которых эти узы разрушены, он высказал именно то, что можно было предвидѣть заранѣе.

Приводить дальнѣйшіе примѣры, значило бы уже повторяться -- так поразительно походять друг на друга варварскія общины, не взирая на разность климатов и рас. Один и тот же процесс эволюціи совершался во всем человѣчествѣ, с удивительным однообразіем. Когда, разрушаемый изнутри отдѣльной семьей, а извнѣ—разчлененіем переселявшихся родов и необходимостью для них принимать в свою среду чужаков, родовой строй начал разлагаться, на смѣну ему выступила деревенская община, основанная на понятіи об общей территоріи. Этот новый строй, выросшій естественным путем из предыдущаго родового строя, позволил варварам пройти через самый смутный період исторіи, не разбившись на отдѣльныя семьи, которыя неизбѣжно погибли бы в борбѣ за существованіе. При новой организаціи развились новыя формы обработки земли; земледѣліе достигло такой высоты, которая большинством населенія земнаго шара не была превзойдена вплоть до настоящаго времени; ремесленное домашнее производство достигло высокой степени совершенства. Дикая природа была побѣждена, чрез лѣса и болота были проложены дороги и пустыня заселилась деревнями, отроившимися от материнских общин. Рынки, укрѣпленные города, церкви,— выросли среди пустынных лѣсов и равнин. Мало-по-малу стали вырабатываться представленія о болѣе широких союзах, распространявшихся на цѣлыя племена и на группы пле-

*) De Stuers, цитируемый у Waitz'a, т. V., стр. 141.

мен различных по своему происхожденію. Старыя представленія о правосудіи, сводившіяся просто к мести, медленным путем подверглись глубокому видоизмѣненію, и идея исправленія нанесеннаго ущерба заняла мѣсто идеи об отомщеніи. Обычное право, которое по сію пору остается законом повседневной жизни для двух третей человѣчества, если не болѣе, выработалось понемногу при этой организаціи, равно как и система обычаев, стремившихся к предупрежденію угнетенія масс меньшинством, силы котораго росли по мѣрѣ того, как росла возможность личнаго накопленія богатств. Такова была новая форма, в которую вылилось стремленіе масс к взаимной поддержкѣ. И прогресс—экономическій, умственный и правственный—котораго достигло человѣчество при этой новой народной формѣ организаціи, был так велик, что когда, позднѣе, начали слагаться государства, они просто завладѣли, в интересах меньшинства, всѣми юридическими, экономическими и административными функціями, которыя деревенская община уже отправляла на пользу всѣм.

ГЛАВА V.

Взаимная помощь в средневѣковом городѣ.

Рост власти в варварском обществѣ.—Рабество в деревнях.—Возстаніе укрѣпленных городов: их освобожденіе; их партіи.—Гильдіи.—Двойственное происхожденіе свободнаго средневѣковаго города.—Его автономная юрисдикція и самоуправленіе.—Почетное положеніе, занятое трудом.—Торговля, производимая гильдіями и городом.

Общительность и потребность во взаимной помощи и поддержкѣ настолько прирождены человѣческой природѣ, что мы не находим в исторіи таких времен, когда бы люди жили врозь, небольшими обособленными семьями, борющимися между собою из-за средств к существованію. Напротив, современныя изслѣдованія доказали, как мы это видѣли в двух преды-

дущих главах что, с самых ранних времен своей до-исторической жизни, люди собирались уже в роды, которые держались вмѣстѣ идеей об единствѣ происхожденія всѣх членов рода и поклоненіем их общим предкам. В теченіе многих тысячелѣтій родовой строй служил для обединенія людей, хотя в нем не имѣлось рѣшительно никакой власти, чтобы сдѣлать его принудительным. Эта бытовая организація наложила глубокую печать на все послѣдующее развитіе человѣчества; и когда узы общаго происхожденія стали ослабѣвать, вслѣдствіе частых и далеких переселеній, при чем развитіе отдѣльной семьи в предѣлах самого рода также разрушало древнее родовое единство,—тогда новая форма обединенія, основанная на земельном началѣ,—т. е. деревенская община,—была вызвана к жизни общественным творчеством человѣка. Это установленіе, в свою очередь, послужило для об'единенія людей в продолженіе многих столѣтій, давая им возможность развиват болѣе и болѣе свои общественныя учрежденія и вмѣстѣ с тѣм способствуя им пройти чрез самыя мрачные періоды исторіи, не разбившись на ничѣм не связанныя между собою сборища семей и индивиуумов; благодаря ему, они смогли сдѣлать дальнѣйшіе шаги в своей эволюціи и выработать цѣлый ряд второстепенных общественных учрежденій, из которых многія дожили вплоть до настоящаго времени. Мы видѣли это в предыдущих двух главах. Теперь-же нам предстоит прослѣдить дальнѣйшее развитіе той же, всегда присущей человѣку, склонности ко взаимной помощи. Взявши деревенскія общины так-называемых варваров, в тот період, когда они вступали в новый період цивилизаціи, послѣ паденія западной римской имперіи, мы должны теперь изучить тѣ новыя формы, в которыя вылились общественныя потребности масс в теченіе средних вѣков, в особенности — поскольку онѣ нашли себѣ выраженіе в средневѣковых гильдіях и в средневѣковом городѣ.

Так-называемые варвары первых столѣтій нашей эры, так же как и многія монгольскія, африканскія, арабскія и т. п. племена, до сих пор находящіяся в той же стадіи развитія, не только не походили на кровожадных животных, с которыми их часто сравнивают, но напротив, неизмѣнно предпочитали мир

войнѣ. За исключеніем немногих племен, которыя во время великих переселеній были загнаны в безплодныя пустыни или на высокія нагорья и таким образом вынуждены были жить періодическими набѣгами на своих болѣе счастливых сосѣдей, — за исключеніем этих племен, громадное большинство германцев, саксов, кельтов, славян и т. д., как только они осѣли на своих новозавоеванных землях, немедленно вернулись к сохѣ, или заступу, и к своим стадам. Самые ранніе варварскіе кодексы уже изображают нам общества, состоящія из мирных земледельческих общин, а вовсе не из безпорядочных орд людей, находящихся в безпрерывной войнѣ друг с другом. Эти варвары покрыли занятыя ими страны деревнями и фермами *); они расчищали лѣса, строили мосты чрез дикіе потоки, прокладывали гати чрез болота и колонизировали совершенно необитаемую до того пустыню; рискованныя же военныя занятія они предоставляли братствам, scholae, или дружинам безпокойных людей, собиравшихся вокруг временных вождей, которые переходили с мѣста на мѣсто, предлагая своею страсть к приключеніям, свое оружіе и знаніе военнаго дѣла для защиты населенія, желавшаго одного: чтобы ему предоставили жить в мирѣ. Отряды таких воителей приходили и уходили, ведя между собою родовыя войны из-за кровавой мести; но главная масса населенія продолжала пахать землю, обращая очень мало вниманія на своих мнимых вождей, пока они не нарушали независимости деревенских общин **). И эта масса новых засельщиков Европы выработала теперь системы землевладѣнія и способы обработки земли, которые до сих пор остаются в силѣ и в употребленіи у сотен милліонов людей. Они выработали

---

*) W. Arnold, в его «Wanderungen und Ansiedelungen der deutschen Stamme», стр. 431, утверждает даже, что половина распахиваемой в современной Германіи земли была поднята в період времени между шестым и девятым вѣком. Того же мнѣнія держится и Nitzsch («Geschchte des deutschen Volkes», Leipzig, 1883, том I).

**) Leo и Botta, «Histoire d'Italie», Французск. изд. 1844, т. I, стр. 37); Костомаров, «Начало единодержавія на Руси», статьи в «Вѣстникѣ Европы».

свою систему возмездія за причиненыя обиды, вмѣсто древней родовой кровавой мести; они научились первым ремеслам; и, укрѣпивши свои деревни частоколами, земляными городками и башнями, куда можно было скрываться в случаѣ новых набѣгов, они вскорѣ предоставили защиту этих башен и гордков тѣм, кто из войны сдѣлал себѣ ремесло.

Именно это миролюбіе варваров, а отнюдь не их будто бы войнолюбивые инстинкты, стало, таким образом, источником их послѣдовавшаго затѣм порабощенія военными вождями. Очевидно, что самый образ жизни вооруженных братств давал дружинникам гораздо больше случаев к обогащенію, чѣм их могло представлятся хлѣбопашцам, жившим мирною жизнью в своих земледельческих общинах. Даже теперь мы видим, что вооруженные люди по временам предпринимают флибустьерскія экспедиціи, чтобы перестрелять африканских матабэлов и отнять у них их стада, хотя матабэлы стремятся лишь к миру и готовы купить его, хотя бы дорогой цѣной; и очевидно, что в старину дружинники не отличались большею добросовѣстностью, чѣм современные филибустьеры. Так пріобрѣтали они скот, желѣзо (имѣвшее в то время чрезвычайно высокую цѣнность *) и рабов; хотя большая часть награбленнаго добра растрачивалась тут же, в тѣх достославных пирах, которые воспѣвает эпическая поэзія — все же нѣкоторая часть оставалась и служила для дальнѣйшаго обогащенія. В то время было еще множество невоздѣланной земли, и не было недостатка в людях, готовых обрабатывать ее лишь бы только достать необходимый скот и орудія. Цѣлыя села, доведенныя до нищеты болѣзнями, падежами скота, пожарами или нападеніями новых пришельцев, бросали свои дома и шли вразброд, в поисках за

---

*) За кражу простого ножа назначался штраф в 15 solidi, а за кражу желѣзных частей мельницы штраф в 45 solidi (см. Lampresct'a, «Wirthchaft und Redht der Franken», в Raumer's «Historiches Taschenbuch», 1883, стр. 52). Согласно закону Рипаріев, меч, копье и желѣзныя латы воина равнялись цѣнности по крайной мѣрѣ 25 коров или 2 годами работы свободнаго человѣка. Одна лишь кираса, согласно Салическому закону (Desmichels, цит, у Michelet). оцѣнивалась в 36 бушелей пшеницы.

новыми мѣстами для поселенія. В Россіи, по настоящее время, села бредут вроз по тѣм же причинам. И вот, если кто-нибудь из hirdmen'ов, т. е. старших дружинников, предлагал выдавать крестьянам нѣсколько скота для начала новаго хозяйства, желѣза для плуга, а не со и самый плуг, а также свою защиту от набѣгов и грабежей, и если он об'являет, что настолько-то лѣт новые посельщики будут свободны от всяких платежей, прежде чѣм начать выплату долга, то переселенцы охотно садились на его землю. А впослѣдствіи, когда, послѣ упорной борьбы с недородами, наводненіями и лихорадками, эти піонеры начинали уплачивать свои долги, они легко попадали в крѣпостную зависимость у защитника территоріи. Богатства, несомнѣнно, накоплялись этим путем, а за богатством всегда слѣдует власть *). Но все таки, чѣм больше мы проникаем в жизнь тѣх времен — шестого и седьмого столѣтій нашей эры, — тѣм болѣе мы убѣждаемся, что для установленія власти меньшиства потребовался, помимо богатства и военной силы, еще один элемент. Это был элемент закона и права, — желаніе масс сохранить мир и установить то, что онѣ считали правосудіем; и это желаніе дало вождям дружин, — королям, герцогам, князьям и т. п. — ту силу, которую они пріобрѣли двумя или тремя столѣтіями позже. Та же идея правосудія ,выросшая в родовом періодѣ, но понимаемаго теперь как должное возмездіе за причиненную обиду, прошла красной нитью чрез исторію всѣх послѣдовавших установленій; и в значительно большей мѣрѣ, чѣм военная или экономическія причины, она послужила основой, на которой развилась власть королей и феодальных владѣтелей.

---

*) Главное богатство вождей, в продолженіе долгаго времени, заключалось в их земельных владѣніях, заселенных отчасти плѣнными рабами, но преимущественно вышеуказанным нами способом. О преисхожденіи собственности см. Inama Stenegg, «Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland», в Schmoller's «Forschungen», т. I, 1878; F. Dahn'a «Urgeschichte der germanischen und romanischen Volker», Berlin, 1881; Maurer'a «Dorfverfassung»; Guisot, «Essais sur l'histoire de France»; Maine'a «Village Community»; Botta, «Histoire d'Italie»; и работы Seebohm'a, Виноградова, J. R. Green'a и т. д.

Дѣйствительно, главною заботою варварских деревенских общин было тогда (как и теперь, у современных нам народов, стоящих на той же ступени развитія), быстрое прекращеніе семейных войн из-за кровавой мести, которыя могли возникнуть вслѣдствіе ходячих в то время представленій о правосудіи. Как только возникала ссора между двумя общинниками, в нее немедленно вступалась община, и мірской сход, выслушавши дѣло, назначал размѣр виры (wergeld), т. е. возмездія, которое слѣдовало выплатить пострадавшему, или его семьѣ, а равным образом и размѣр пени (fred) за нарушеніе мира, которая уплачивалась общинѣ. Внутри самой общины раздоры легко улаживались таким путем. Но когда являлся случай кровавой мести между двумя различными племенами, или двумя конфедераціями племен, тогда — несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся для предупрежденія подобных войн *, — трудно было найти такого посредника или знатока обычнаго права, котораго рѣшеніе было бы пріемлемо обѣими сторонами, по довѣрію к его беспристрастію и знакомству с древнѣйшими законами.

Затрудненіе это еще болѣе осложнялось тѣм, что обычное право различных племен и конфедерацій не одинаково опредѣляло размѣры виры в различных случаях. Вслѣдствіе этого явился обычай брать судью из среды таких семей, или таких родов, которые были извѣстны сохраненіем древняго закона во всей чистотѣ, знаніем пѣсен, стихов, саг и т. д., при помощи которых закон удерживался в памяти; и сохраненіе закона таким путем стало своего рода искусством, "мистеріей", тщательно передаваемой из поколѣнія в поколѣніе в извѣстных семьях. Так, в Исландіи и в других скандинавских странах на всяком Allthing, или національном вѣчѣ, lovsogmathr (сказитель прав) распѣвал на память все обычное право, для поученія собравшихся; а в Ирландіи, как извѣстно, существовал особый класс людей, имѣвших репутацію знатоков древних преданій, и вслѣдствіе это пользовавшихся боль-

---

*) См. Sir Henry Maine's «International Law», London, 1888.

шим авторитетом в качествѣ судей *). Затѣм, когда мы находим в русских лѣтописях извѣстіе, что нѣкоторыя племена сѣверо-западной Россіи, видя все возраставшіе безпорядки, происходившіе от того, что "род возста на род", обратились к норманским варягам (varingiar) и просили их стать судьями и начальниками дружин; когда мы видим далѣе князей, выбираемых неизмѣнно в теченіе слѣдующих двух столѣтій из одной и той же норманской семьи, мы должны признать, что славяне допускали в этих норманах лучшее знакомство с законами того обычнаго права, которое различные славянскіе роды признавали для себя подходящим. В этом случаѣ, обладаніе рунами, служившими для записи древних обычаев, являлось положительным преимуществом на сторонѣ норманов; но в других случаях имѣются нѣкоторыя указанія на то, что за судьями обращались к "старшему" роду, т. е. к вѣтви, считавшейся материнскою, и что рѣшенія этих судей считались самыми справедливыми **). Наконец, в болѣе позднюю, пору, мы видим явную склонность выбирать судей из среды христіанскаго духовенства, которое в то время еще придерживалось основного, теперь забытаго, принципа христіанства,—что месть не составляет акта правосудія. В то время христіанское духовенство открывало свои церкви, как мѣста убѣжища для людей, убѣгавших от кровавой мести, и оно охотно выступало в качествѣ посредников в уголовных дѣлах, всегда противясь старому родовому началу—"жизнь за жизнь и рана за рану".

Одним словом, чѣм глубже мы проникаем в исторію ранних установленій, тѣм меньше мы находим основаній для военной теоріи происхожденія власти. Судя по всему, даже та власть, которая позднѣе стала таким источником угнетенія, имѣла свое происхожденіе в мирных наклонностях масс.

---

*) «Andient Laws of Ireland», введеніе; E. Nys, «Etudes de droit International», том I, 1896, стр. 86 seg. Среди осетин посредники из трех древнѣйших деревень пользуются особенно высокой репутаціей (М. Ковалевскій, «Современный обычай и древній закон», Москва, 1886, том II, стр. 217).

**) Позволительно думать, что это представленіе (связанное с представленіем о tanistry, играло важную роль в жизни даннаго періода; но историческія изслѣдованія до сих пор еще не коснулись этого явленія.

Во всѣх случаях суда, пеня (fred), которая часто доходила до половины размѣра виры (wergeld), поступала в распоряженіе мірского схода или вѣча, и с незапамятных времен она употреблялась для производства работ, служивших для общей пользы и защиты. До сих пор она имѣет то же назначеніе (возведеніе башен) у кабалов и у нѣкоторых монгольских племен; и мы имѣем прямыя историческія свидѣтельства, что даже гораздо позднѣе судебныя пошлины, в Псковѣ и в нѣкоторых французских и германских городах, шли на поправку городских стѣн *). Поэтому, совершенно естественно было, чтобы штрафы вручались судьям, которые, в свою очередь, обязаны были поддерживать дружину вооруженных людей, содержавшуюся для защиты территоріи, а также обязаны были приводить приговоры в исполненіе. Это стало всеобщим обычаем в восьмом и девятом вѣкѣ, даже в тѣх случаях, когда судьей был выборный епископ. Таким образом появлялись зачатки соединенія в одном лицѣ того, что мы теперь называем исполнительною и судебною властью. Но власть герцога, короля, князя и т. п. строго ограничивалась этими двумя функціями. Он вовсе не был правителем народа— верховная власть все еще принадлежала вѣчу; он не был даже начальником народной милиціи, так как, когда народ брался за оружіе, он находился под начальством отдѣльнаго, также выбраннаго вождя, который не был подчинен королю, или князю, но считался равным ему **). Король или князь являлся полновластным господином лиш в своих личных вотчинах. Фактически, в языкѣ варваров, слово konung, koning или

---

*) В хартіи города Сэн-Кантена, относящейся к 1002 году, было ясно установлено, что выкупы за дома, обреченные на разрушеніе за преступленія владѣльцев шли на поддержаніе городских стѣн. Такое же употребленіе назначалось для Ungeld в германских горах. В Псковѣ штрафы вносились и хранились в соборѣ, и из этого штрафного фонда производились издержки на поддержаніе городских стѣн.

**) Sohm, «Frankische Rechts und Gerichtsverfassung» стр. 23; также Nitzsch, «Geschichte des deutschen Volkes», I, 78. То же было и в русских вольных городах. Ср. Сергѣевич, «Вѣче и Князь»; Костомаров, «Начало единодержавія»; Бѣляев и т. д.

cyning—синоним латинскаго rex,—не имѣло другого значенія, как только временнаго вождя, или предводителя отряда людей. Начальник флотиліи судов, или даже отдѣльнаго пиратскаго судна, был также konung, и вплоть до настоящаго времени завѣдующій рыбной ловлей в Норвегіи называется Not-kong — "король сѣтей" *). Почтенія, которым впослѣдствіи стали окружать личность короля, в то время еще не существовало, и тогда как измѣннический поступок по отношенію к роду наказывался смертью, за убійство короля накладывалась вира, при чем король лиш оцѣнивался во столько то раз выше обыкновеннаго вольнаго человѣка **). А когда король Кну (или Канут) убил одного из своих дружинников, то сага изображает его, созывающим дружинников на сходку (thing), во время которой он стал на колѣни, умоляя о прощеніи. Ему простили его вину, но лишь послѣ того, когда он согласился уплатить виру, в девять раз болѣе обычной виры, при чем из этой виры одну треть получал он сам, за потерю своего дружинника, одна треть была отдана родственникам убитаго и одна треть (в видѣ fred)—дружинѣ ***). В сущности, нужно было, чтобы совершилась полнѣйшая перемѣна в ходящих понятіях, под вліяніем церкви и изученія римскаго права, прежде чем идея о святой неприкосновенности начала прилагаться к личности короля.

Я вышел бы, однако, за предѣлы настоящих очерков, если бы захотѣл прослѣдить постепенное развитіе власти из

---

*) См. превосходныя замѣчанія по этому вопросу в работѣ Augustin Thierry, «Letters sur l'histoire de France», письмо 7-е. С этой точки зрѣнія очень поучительны переводы у варваров нѣкоторых частей библіи.

**) Согласно англо-саксонскому закону, — в 36 раз болѣе, чѣм за дворянина. По кодексу Ротари, убійство короля наказывалось, впрочем, смертью; но это нововведеніе (помимо римскаго вліянія) было внесено в 642 году в Ломбардскій закон, — как указали Leo и Botta — с цѣлью защитить короля от послѣдствій кровавой мести. Так как король в то время обязан был выполнять свои собственныя рѣшенія, (точно так же, как раньше род был выполнителем собственных приговоров), и казнил сам, то его надо было охранить особым постановленіем, тѣм болѣе, что до Ротари нѣсколько королей было убито один за другим (Leo и Botta, I. c., I, 66-90.

***) Kaufmann, «Deutsche Geschichte», т. I. «Die Germanen der Urzeit», стр. 133.

вышеуказанных элементов. Такіе историки, как Грин и г-жа Грин для Англіи, Огюстен Тьерри, Мишле и Люшер для Франціи, Кауфман, Янссен и даже Нич для Германіи, Лео и Ботта для Италіи, Бѣляев, Костомаров и их послѣдователи для Россіи, и многіе другіе, подробно разказали об этом. Они показали, как населеніе, вполнѣ свободное и только соглашавшееся "кормить" извѣстное количество своих военных защитников, постепенно впадало в крѣпостную зависимость от этих покровителей; как отдача себя под покровительство церкви, или феодальнаго владѣльца (commendation) становилась тяжелою необходимостью для свободных граждан, будучи единственною защитою от других феодальных грабителей; как замок каждаго феодальнаго владѣльца и епископа становился разбойничьим гнѣздом,—словом, как вводилось ярмо феодализма—и как крестовые походы, освобождая всѣх кто носил крест, дали первый толчок к народному освобожденію. Но нам нѣт надобности здѣсь разсказывать все это, так как главная наша задача—прослѣдить тепер работу построительнаго генія народных масс, в их учрежденіях, служивших дѣлу взаимной помощи.

В то самое время, когда, казалось, послѣдніе слѣды свободы исчезали у варваров, и Европа, подпавшая под власть тысячи мелких правителей, шла прямо к установленію таких теократій и деспотических государств, какія обыкновенно слѣдовали за варварской стадіей в предыдущія эпохи цивилизаціи, или же шла к созданію варварских монархій, какія мы тепер видим в Африкѣ,—в это самое время жизнь в Европѣ приняла новое направленіе. Она пошла по направленію, подобному тому, которое однажды уже принято было цивилизаціей в городах древней Греціи. С единодушіем, которое кажется нам тепер почти непонятным, и которое очень долгое время дѣйствительно не понималось историками, городскія поселенія, вплоть до самых маленьких посадов, начали свергать с себя иго своих свѣтских и духовных господ. Укрѣпленное село возстало против замка феодальнаго владѣльца: сперва

оно свергло его власть, затѣм—напало на него и, наконец, разрушило его. Движеніе распространялось от одного города к другому; в скором времени в нем приняли участіе всѣ европейскіе города, и менѣе чѣм в сто лѣт свободные города возникли на берегах Средиземнаго, Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, Атлантическаго океана и у фіордов Скандинавіи; у подножья Аппенин, Альп, Шварцвальда, Грамніанских и Карпатских год; в равнинах Россіи, Венгріи, Франціи и Испаніи. Вездѣ вспыхивало то же самое возстаніе, имѣвшее вездѣ однѣ и тѣ же черты, вездѣ приводившее к одним и тѣм же результатам

В каждом мѣстечкѣ, гдѣ только люди находили, или думали найти нѣкоторую защиту в своих городских стѣнах, они вступали в "со-присягательства" (co-jurations) "братства" и "дружества", об'единенныя одною общею идеею, и смѣло шли навстрѣчу новой жизни взаимной помощи и свободы. И они успѣли в осуществленіи своих стремленій настолько, что в триста или четыреста лѣт вполнѣ измѣнился самый вид Европы. Они покрыли страну прекрасными, роскошными зданіями, являвшимися выраженіем генія свободных союзов свободных людей, зданіями, которых мы до сих пор не превзошли по красотѣ и выразительности; они оставили в наслѣдіе послѣдующим поколѣніям всѣ искусства и всѣ ремесла, и вся наша современная цивилизація, со всѣми достигнутыми ею и ожидаемыми в будучем успѣхами, представляет лишь дальнѣйшее развитіе этого наслѣдія. И когда мы теперь стараемся опредѣлить, какія силы произвели эти великіе результаты, мы находим их—не в геніи индивидуальных героев, не в мощной организаціи больших государств и не в политических талантах их правителей, но в том же самом потокѣ взаимной помощи и взаимной поддержки, работу котораго мы видѣли в деревенской общинѣ и который ожился и обновился в средніе вѣка новаго рода союзами,—гильдіями, вдохновленными тѣм же духом,—но отлился уже в новую форму.

В настоящее время хорошо извѣстно, что феодализм не повлек за собой разложенія деревенской общины. Хотя фео-

далам и удалось наложить ярмо крѣпостного труда на крестьян и присвоить себѣ тѣ права, которыя раньше принадлежали деревенской общинѣ (подати, выморочныя имущества, налоги на наслѣдства и браки), крестьяне, тѣм не менѣе, удержали за собой два основных общинных права: общинное владѣніе землей и собственные суды. В былыя времена, когда король посылал своего фогта (судья) в деревню, крестьяне встрѣчали послѣдняго с цвѣтами в одной рукѣ и оружіем в другой, и задавали ему вопрос—какой закон намѣрен он примѣнять: тот ли, который он найдет в деревнѣ, или тот, который он принес с собой? В первом случаѣ ему вручали цвѣты и принимали его, а во втором—вступали с ним в бой *). Теперь же крестьянам приходилось принимать судью, посылаемаго королем или феодальным владѣльцем, так как не принять его они не могли; но они все-таки сохраняли юрисдикцію мірского схода и сами назначали шесть, семь, или двѣнадцать судей, которые дѣйствовали совмѣстно с судьею феодальнаго владѣльца в присутствіи мірского схода, в качествѣ посредников или лиц, "находящих приговор". В большинствѣ случаев, королевскому или феодальному судьѣ не оставалось даже ничего другого, как только подтвердить рѣшеніе общинных судей и получить обычный штраф (fred). Это драгоцѣнное право собственной юрисдикціи, которое в то время влекло за собой и право на собственную администрацію и на собственное законодательство, сохранилось среди всѣх столкновеній, и войн, и даже законники, которыми окружил себя Карл Великій, не могли уничтожить это право: они были вынуждены подтвердить его. В то же самое время, во всѣх дѣлах, касавшихся общинных владѣній, мірской сход удерживал за собой верховное право и, как было показано Маурером, он часто требовал подчиненія себѣ со стороны самого феодальнаго владѣльца, в дѣлах, касавшихся земли. Самое сильное развитіе феодализма не могло сломить этого сопротивленія; деревенская община твердо держалась за свои права; и когда, в девятом и десятом столѣтіях, нашествія норма-

*) Dr. F. Dahn, «Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker», Berlin, 1881, т. I, 96.

нов, арабов и венгерцев ясно показали, что военныя дружины в сущности не в силах охранять страну от набѣгов,—по всей Европѣ крестьяне начали укрѣплять свои поселенія каменными стѣнами и крѣпостцами. Тысячи укрѣпленных центров были воздвигнуты тогда, благодаря энергіи деревенских общин; а раз вокруг общин воздвиглись стѣны, и в этом новом святилищѣ создались новые общіе интересы,—жители быстро поняли, что теперь, за своими стѣнами, они могуть сопротивляться не только нападеніям внѣшних врагов, но и нападеніям внутренних врагов, т. е. феодальных владѣльцев. Тогда новая, свободная жизнь начала развиваться внутри этих укрѣпленій. Родился средневѣковый город *).

Ни один період исторіи не служил лучшим подтвержденіем созидательных сил народа, чѣм девятый и одинадцатый вѣк, когда укрѣпленныя деревни и торговыя мѣстечки, представлявшія своего рода "оазисы в феодальном лѣсу", начали освобождаться от ярма феодалов и медленно вырабатывать

---

*) Если я таким образом придерживаюсь взглядов, давно уже защищаемых Maurer'ом («Geschichte der Stadteverfassung in Deutschland», Erlangen, 1869), то дѣлаю это потому, что он вполнѣ доказал таким образом непрерывность эволюціи от деревенской общины к средневѣковому городу, и что, только держась его взглядов, можно об'яснить себѣ универсальность городского общиннаго движенія. Sovigny, Eichhorn и их послѣдователи несомнѣнно доказали, что традиціи римской municipia никогда не исчезали вполнѣ. Но они не приняли в расчет періода деревенских общин, пережитаго варварами, прежде чѣм у них появились какіе-нибудь города. Факт то, что гдѣ бы человѣчество ни начинало снова цивилизацію, — было ли то в Греціи, Римѣ, или в средней Европѣ, — оно проходило чрез тѣже самыя стадіи: род, деревенскую общину, свободный город, и государство, при чем каждая из этих стадій естественным образом развилась из предыдущей. Конечно, опыт каждой предшествующей цивилизаціи никогда не утрачивался вполнѣ. Греція (сама находившаяся под вліяніем восточных цивилизацій) воздѣйствовала на Рим, а Рим оказал вліяніе на нашу цивилизацію; но каждая из цивилизаціи имѣла одно и то же начало — род. И точно так же, как мы не можем сказать, чтобы наши государства были продолженіями римскаго государства, мы не можем также утверждать, что средневѣковые города Европы (включая Скандинавію и Россію); были продолженіями римских муниципій. Они были продолженіями общины варваров, на которыя до извѣстной степени вліяли традиціи римских городов.

будущую организацію города. К несчастью, историческія свѣдѣнія об этом періодѣ отличаются особенною скудностью: нам извѣстны его результаты, но очень мало дошло до нас о том, какими средствами эти результаты были достигнуты. Под защитою своих стѣн, городскія вѣча—иныя совершенно независимо, другія же под руководством главных дворянских или купеческих семей—завоевали и утвердили за собой право выбора военнаго защитника города (defensor municiyii) и верховнаго судьи, или, по крайней мѣрѣ, право выбырать между тѣми, кто из'являл желаніе занять это мѣсто. В Италіи молодыя коммуны постоянно изгоняли своих защитников (defensores или domini), при чем общинам приходилось даже сражаться с тѣми, которые не соглашались добровольно уйти. То же самое происходило и на востокѣ. В Богеміи, как бѣдные так богатые (Bohemicae gentis magni et parvi, nobiles et ignobiles) одинаково принимали участіе в выборах *); а вѣча русских городов регулярно сами избирали своих князей—всегда из одной и той же семьи, Рюриковичей,—вступали с ними в договоры (ряду) и выгоняли князя, если он вызывал неудовольствіе **). В то же самое время, в большинствѣ городов Западной и Южной Европы было стремленіе назначать в начествѣ защитника (defensor) епископа, котораго избирал сам город; при чем епископы так часто стояли первыми в защитѣ городских привилегій (иммунитетов) и вольностей, что многіе из них, послѣ смерти, были признаны святыми или спеціальными покровителями разных городов. Св. Утельред в Винчестерѣ, св. Ульрек в Аугсбургѣ, св. Вольф-

*) M. Kovalevsky, «Modern Customes and Ancient Laws of Russia» (Ichester Lectures, London, 1891, лекція 4-я).

**) Потребовалось не мало изысканій, прежде чѣм был надлежащим образом установлен этот характер так называемаго удѣльнаго періода, работами Бѣляева («Разсказы из русской исторіи»), Костомарова («Начало единодержавія на Руси») и в особенности проф. Сергѣевича («Вѣче и Князь»). Англійскіе читатели могут найти нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого періода в вышеупомянутой работѣ М. Ковалевскаго, в Rambaud «History of Russia», и в кратком резюме, сдѣланном автором в статьѣ «Russia» в изданіи «Chambers's Encyclopoedia» девяностых годов.

ганг в Ратисбонѣ, св. Хериберк в Кельнѣ, св. Адальберт в Прагѣ, и т. д., и множество аббатов и монахов стали святыми своих городов, за то, что защищали народныя права *). И при помощи этих новых защитников, свѣтских и духовных, граждане завоевывали для своего вѣча полныя права на независимую юрисдикцію и администрацію **).

Весь процесс освобожденія подвигался понемногу, благодаря непрерывному ряду незамѣтных актов преданности общему дѣлу, совершаемых людьми, выходившими из среды народных масс—неизвѣстными героями, самыя имена которых не сохранились в исторіи. Поразительное движеніе, извѣстное под названіем "Божьяго мира" (treuga Dei), при помощи котораго народныя массы стремились положить предѣл безконечным родовым войнам из-за кровавой мести, продолжавшимся в средѣ знатных фамилій, зародилось в юных вольных городах, при чем епископы и граждане пытались распространить на дворянство тот мир, который они установили у себя, внутри своих городских стѣн ***). Уже в этом періодѣ торговые города Италии, и в особенности Амальфи (который имѣл выборных консулов с 844 года и часто мѣнял своих

---

*) Ferrari «Histoire des revolutions d'Italie» I, 257; Kalsen, «Die deutschen Stadte in Mittelalter», т. I (Halle, 1891).

**) См. превосходныя замѣчанія G. L. Gomme относительно Лондонскаго вѣча («The Literature of Lecal Institutions», London, 1886, стр. 76). Должно однако замѣнить, что в королевских городах вѣче никогда не достигало той степени независимости, которую оно пріобрѣло в других мѣстностях. Несомнѣнно даже, что Москва и Париж были выбраны князьями и церковью, как колыбели будущей королевской или царской власти в государствѣ, потому именно, что в них не было традицій вѣча, которое привыкло бы дѣйствовать во всѣх дѣлах в качествѣ верховной власти.

***) A. Luchaire «Les Communes francaises»; также Kluskohn, «Geschichte des Gottesfreiden», 1857; L. Semichon, «La paiz et la treve de Dieu», 2 т., Paris, 1869, пытался представить общинное движеніе исходящим из этой институціи. Но в дѣйствительности treuga Dei, подобно лигѣ, возникшей при Людовикѣ Толстом для защиты от разбойничавшаго дворянства и норманских нашествій, было вполнѣ народным движеніем. Единственный историк, упоминающій о послѣдней лигѣ — а именно Vitalis, —описывает ее, как «народную общину» («Considerations sur l'histoire de France», в т. IV Aug. Thierry «Oeuvres,», Paris, 1868, стр. 191 и прим.).

дожей в десятом вѣкѣ *), выработали обычное морское и торговое право, которое позднѣе стало образцом для всей Европы; Равенна выработала в ту же пору свою ремесленную организацію, а Милан, который первую свою революцію произвел в 980 году, стал крупным торговым центром, при чем его ремесла пользовались полной независимостью уже с одиннадцатого вѣка **). То же можно сказать относительно Брюгге и Гентэ, а также нѣскольких французских городов, в которых Mahl или forum (вѣче) стало совершенно независимым учрежденіем ***). И уже в теченіе этого періода началась работа артистическаго украшенія городов произведеніями архитектуры, которым мы удивляемся понынѣ, и которыя громко свидѣтельствуют об интеллектуальном движеніи, совершившемся в ту пору. "Почти по всему міру были тогда возобновлены храмы",—писал в своей хроникѣ Рауль Глабер, и нѣкоторые из самых чудных памятников средневѣковой архитектуры относятся к этому періоду: удивительная древняя церковь Бремена была построена в девятом вѣкѣ; собор святого Марка в Венеціи был закончен постройкой в 1071 году, а прекрасный собор в Пизѣ—в 1063 году. В сущности, умственное движеніе, которое описывалось под именем Возрожденія двѣнадцатого вѣка****) и Раціонализма двѣнадцатого вѣка*****) и было предшественником реформаціи, берет свое начало в этом періодѣ, когда большинство городов представляло еще простыя кучки небольших деревенских общин, обнесенных одною общею стѣною.

Но еще один элемент, кромѣ деревенской общины, требовался, чтобы придать этим зарождавшимся центрам свободы и просвѣщенія единство мысли и дѣйствія и ту могу-

*) Ferrari, I. 252, 263, etc

**) Perrens, «Histoire de Florence», I. 188; Ferrari, l. c., I, 283.

***) Aug. Thierry, «Essai sur l'histoire du Tiers Etat», Paris, 1875, стр. 414, примѣч.

****) F. Rocquain, «La Renaissande au XII-e siecle», в «Etudes sur l'histoire de France», Paris, 1875, стр. 55—117.

*****) Н. Костомаров, «Раціоналисты XII-го столѣтія».

чую иниціативу, которыя создали их силу в двѣнадцатом и тринадцатом вѣкѣ. При возраставшем разнообразіи в занятіях, ремеслах и искусствах и увеличеніи торговли с далекими странами, требовалась новая форма единенія, которой еще не давала деревенская община, и этот необходимый новый элемент был найден в гильдіях. Много томов было написано об этих союзах, которые, под именем гильдій, братств, дружеств, минне, артелей в Россіи, еснафов в Сербіи и Турціи, амкари в Грузіи и т. д., получили такое развитіе в средніе вѣка и сыграли такую важную роль в дѣлѣ освобожденія городов. Но историкам пришлось проработать болѣе шестидесяти лѣт над этим вопросом, прежде чѣм была понята универсальность этого учрежденія и его истинный характер. Только теперь, когда напечатаны были и изучены сотни гильдейских статутов и опредѣлена их звязь с римской collegia и еще болѣе древними союзами в Греціи и Индіи *), мы можем с полною увѣренностью утверждать, что эти братства являлись лишь дальнѣйшим развитіем тѣх же самых принципов, воздѣйствіе которых мы видѣли уже в родовом строѣ и в деревенской общинѣ.

Ничто не может лучше обрисовать эти средневѣковыя братства, чѣм тѣ временныя гильдіи, которыя возникали на торговых кораблях. Когда ганзейскій корабль, вышедшій в море, пройдет, бывало, первый пол-дня по выходѣ из порта, капитан (Schiffer) обыкновенно собирал на палубѣ весь экипаж и пассажиров и обращался к ним, по свидѣтельству одного современника, со слѣдующей рѣчью:

"Так как мы теперь находимся в волѣ Бога и волн",— говорил он,—"то всѣ мы должны быть теперь равны друг другу. И так как мы окружены бурями, высокими волнами, морскими разбойниками и другими опасностями, то мы должны поддерживать строгій порядок, дабы довести наше путешествіе до

---

*) Очень интересные факты о всеобщности гильдіи можно найти в трудѣ Rev. J. M. Lambert'a, «Two Thousand Years of Guild Life» Hulle, 1891. О грузинских амкари см. Егіазоров «Гогодскіе цехи» (Организація закавказских амкари) в «Записках Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества», XIV, 2, 1891.

благополучнаго конца. Поэтому мы должны помолиться о попутном вѣтрѣ и добром успѣхѣ и, согласно морскому закону, избрать тѣх, которыя займут судейскія мѣста (Shoffen — stellen). Вслѣд затѣм экипаж выбирал фогта и четырех scabini, которые и становились судьями. В концѣ плаванія фогт и scabini слагали с себя обязанности и обращались к экипажу с слѣдующей рѣчью:—"Все, что случилось на кораблѣ мы должны простить друг другу и считать как бы мертвым (todt und ab sein lassen). Мы судили по справедливости и в интересах правосудія. Поэтому просим вас всѣх, во имя честнаго правосудія, забыть всякую злобу, какую можете питать друг на друга и поклясться на хлѣбѣ и соли,что не будете вспоминать о прошлом с враждой. Но если кто-нибудь считает себя обиженным, то пусть он обратится к ландфогту (судьѣ на сушѣ) и до заката просит у него правосудія". По высадкѣ на берег всѣ взысканные в пути штрафы (fred) передавались портовому фогту для раздачи бѣдным" *).

Этот простой расказ, быть может, лучше всего характеризует дух средневѣковых гильдій. Подобныя организаціи возникали повсюду, гдѣ только появилась група людей, об'единенных каким-нибудь общим дѣлом: рыбаков, охотников, странствующих купцов, строителей, осѣдлых ремесленников и т. д. Как мы видѣли, на кораблѣ имѣлась уже морская власть, в руках капитана; но ради успѣха общаго предпріятія, всѣ собравшіеся на кораблѣ, богатые и бѣдные, хозяева и экипаж, капитан и матросы, соглашались быть равными в своих личных отношеніях,—соглашались быть просто людьми, обязанными помогать один другому,—и обязывались разрѣшать всѣ могущія возникнуть между ними несогласія при помощи судей, избранных всѣми ими. Точно также, когда нѣкоторое количество ремесленников—каменщиков, плотников, каменотесов и т. п.—собиралось вмѣстѣ, для постройки, скажем, собора, то, хотя всѣ они являлись гражданами города, имѣвшаго свою политическую организацію, и хотя каждый из них,

**) I. D. Wunderer's «Reisenbericht» в Fichards «Frankfurter Archiv», II 245; цит. у Janssen, «Geschichte des deutschen Volkes», I, 355.

кромѣ того, принадлежал к своему цеху, тѣм не менѣе, сойдясь на общем предпріятіи—на дѣлѣ, которое они знали лучше других, они соединялись еще в организацію, скрѣпленную болѣе тѣсными, хотя и временными узами: они основывали гильдію, артель, для постройки собора *). Мы видим то же самое и в настоящее время, в кабильском cof **): у кабилов есть своя деревенская община, но она оказывается недостаточной для удовлетворенія всѣх политических, коммерческих и личных потребностей об'единенія, вслѣдствіе чего устанавливается другое, болѣе тѣсное, братство, в формѣ cof'а.

Что же касается до братскаго характера средневѣковых гильдій, то для выясненія его можно воспользоваться любым гильдейским статутом. Если взять, например, skraa какой-нибудь древней датской гильдіи, мы прочтем в ней, во-первых, что в гильдіи должны господствовать общія братскія чувства; затѣм идут правила относительно само-юрисдикціи в гильдіи в случаѣ ссоры между двумя гильдійскими братьями или же между братом и посторонним; и наконец, перечисляются общественныя обязанности братьев. Если у брата сгорит дом, если он потеряет свое судно, или пострадает во время богомолья, то всѣ братья должны прійти на помощь ему. Если брат опасно заболѣет то два брата должны пребывать у его постели, пока не минует опасность, а если он умрет, то братья должны похоронить его—не маловажная обязанность в тѣ времена частых эпидемій—и проводить его до церкви и до могилы. Послѣ смерти брата, если оказывалось необходимым, они обязаны были позаботиться о его дѣтях; очень часто вдова становилась сестрою в гильдіи ***).

Вышеуказанныя двѣ главныя черты встрѣчаются в каждом из братств, основанных для какой бы то ни было цѣли. Во всѣх случаях члены именно так относились друг к другу

---

*) Dr. Leonard Ennen, «Der Demzu Koln», Historische Einleitung, Koln, 1871, стр. 46, 50.

**) См. предыдущую главу.

***) Kefed Ancher, «On gomle Danske Gilder og deres Undergang», Copenhagen, 1785, Статуты гильдіи Кну (Каната).

и называли друг друга братьями и сестрами *); в гильдіи всѣ были равны. Гильдіи сообща владѣли нѣкоторою собственностью (скотом, землей, зданіями, церквями или "общими сбереженіями"). Всѣ братья клялись позабыть всѣ прежнія родовыя столкновенія из-за кровавой мести; и, не налагая друг на друга невыполнимаго обязательства никогда больше не ссориться, они вступали в соглашеніе, чтобы ссора никогда не переходила в семейную вражду, со всѣми послѣдствіями родовой мести, и чтобы за разрѣшеніем ссор братья не обращались ни к какому иному суду, кромѣ гильдейскаго суда самих братьев. В случаѣ же если брат вовлекался в ссору с посторонним для гильдіи лицом, то братья были обязаны поддерживать брата во что бы то ни стало; был ли он справеливо или несправедливо обвинен в нанесеніи обиды, братья должны были оказать ему поддержку и стараться довести дѣло до миролюбиваго рѣшенія. Если только насиліе, совершенное братом не было тайным—в послѣднем случаѣ он был бы внѣ закона—братство стояло за него **). Если родственники обиженнаго человѣка хотѣли немедленно мстить обидчику новым нападѣніем, то братство снабжало его люшадью для побѣга, или же лодкой, парой весел, ножом и сталью для высѣканія огня; если он оставался в городѣ, его повсюду сопровождали для охраны двѣнадцать братьев; а тѣм временем, братство всячески старалось устроить примиреніе (composition). Когда дѣло доходило до суда, братья шли в суд, чтобы клятвенно подтвердить правдивостѣ показаній обвиняемаго; если же суд находил его виновным,

---

*) О положеніи женщин в гильдіях см. вступительныя замѣчанія г-жи Toulmin Smith к работѣ ея отца, «English Guilds». Один из Кэмбриджских статутов (стр. 281), относящійся к 1503 году, положительно говорит об этом в слѣдующей фразѣ: «настоящій статут составлен по общему согласію всѣх братьев и сестер гильдіи Всѣх Святых».

**) В средніе вѣка, только тайное нападеніе разсматривалось, как убійство. Кровавая месть, совершаемая открыто, при дневном свѣтѣ, считалась актом правосудія; убійство в ссорѣ не было убійством, если только нападающій выказывал готовность раскаяться и загладить совершенное им зло Глубокіе слѣды этого различія до сих пор сохранялись в современном уголовном правѣ, особенно в Россіи («убійство в запальчивости и раздраженіи»).

они не давали ему впасть в полное разореніе или попасть в рабство, вслѣдствіе невозможности уплатить присужденную виру; они всѣ участвовали в уплатѣ виры, совершенно так же, как это дѣлал в древности весь род. Только в том случаѣ, если брат обманывал довѣріе своих собратьев по гильдіи, или даже других лиц, он изгонялся из братства "с именем негоднаго" (tha scal han meales af brodrescap met nidings nafn *).

Таковы были руководящія идеи этих братств, которыя постепенно распространялись на всю средневѣковую жизнь. Дѣйствительно, нам извѣстны гильдіи, возникавшія среди людей всѣх возможных профессій: гильдіи рабов **), гильдіи свободных граждан и гильдіи смѣшанныя, состоявшія из рабов и свободных граждан; гильдіи, организованныя для спеціальных цѣлей—охоты, рыбной ловли или данной торговой експедиціи, распадавшіяся, когда спеціальная цѣль была достигнута, и гильдіи, существовавшія в теченіе столѣтій, в данном ремеслѣ или отрасли торговли. И по мѣрѣ того, как жизнь выдвигала все большее и большее разнообразіе цѣлей, соотвѣственно росло и разнообразіе гильдій. Вслѣдствіе этого, не только торговцы, ремесленники, охотники и крестьяне об'единялись в гильдіи, но мы находим гильдіи священников, живописцев, учителей в народных школах и в университетех, гильдіи для сценической постановки "Страстей Господних", для постройки церкви, для развитія "мистеріи" данной школы искуства или ремесла, гильдіи для спеціальных развлеченій—даже гильдіи нищих, палачей и проституток, при чем всѣ эти гильдіи были организованы по тому же двойному принципу собственной юрисдикціи и взаимной поддержки ***). Что же касается до Рос-

---

*) Kofod Ancher, I, т. Эта старая небольшая книга заключает в себѣ много таких свѣдѣній, которыя были упущены из виду позднѣйшими изыскателями.

**) Онѣ сыграли крупную роль в возстаніях рабов и нѣсколько раз под ряд подвергались запрещенію во второй половинѣ девятаго вѣка. Конечно, королевскія запрещенія оставались мертвой буквой.

***) Средневѣковые итальянскіе живописцы были также организованы в гильдіи, которыя в болѣе позднюю эпоху стали художественными академіями. Если итальянское искусство той эпохи носит на себѣ такой яркій отпечаток индивидуальности, что мы даже теперь можем распознать раз-

сіи, то мы имѣем положительныя свидѣтельства, указывающія, что самое дѣло созиданія Россіи было настолько же дѣлом рыболовных, охотничьих и промышленных артелей, сколько и результатом почкованія деревенских общин. Вплоть до настоящаго дня Россія покрыта артелями *).

Уже из вышеприведенных замѣчаній видно, насколько ошибочен был взгляд ранних изслѣдователей гильдій, когда они считали сущностью этого учрежденія годовое празднество, обыкновенно устраиваемое гильдіей. В дѣйствительности, общая трапеза всегда бывала в самый день, или на другой день послѣ того, когда происходило избраніе старшин, обсужденіе нужных измѣненій в уставах и очень часто обсужденіе тѣх ссор, которыя возникали между братями **); наконец, в этот день ино-

---

личныя школы Падуи, Бассано, Тревизы, Вероны и т. д., хотя всѣ эти города находились под вліяніем Венеціи, то этим мы обязаны — по замѣчанію J. Paul Richter — тому факту, что живописцы каждаго города принадлежали к отдѣльной гильдіи, поддерживавшей дружественныя отношенія с гильдіями других городов, но жившей самостоятельной жизнью. Древнѣйшій извѣстный гильдейскій статут — Веронскій, — помѣчен 1303-м годом, но очевидно скопирован с какого-нибудь болѣе древняго статута. В обязанности членов входили, по словам статута: «братская помощь в нуждѣ всякого рода», «гостепріимство чужеземцам, проѣзжающим через город, ибо таким образом можно получить свѣдѣнія о дѣлах, которыя желательно узнать», и «обязанность — оказывать помощь людям, впавшим в старческое одряхлѣніе». («Nineteenth Sentury», ноябрь 1890 и август 1892).

---

*) Главныя работы об артелях указаны мною и статьѣ «Russia», стр. 84, в 9-м изданіи «Encyclopoedia Britannica».

**) См., например, тексты Кэмбриджских гильдій, приводимые Toulmin Smith ("English Guilds", London, 1870, стр. 274—276), из которых видно, что "всеобщій и главный день" был вмѣстѣ с тѣм и "избирательным днем"; см. также Ch. M. Clode, "The Erly History of the Guild of the Merchant Tailers", London, 1888, I ,45; и мн. др. О возобновленіи присяги на вѣрность гильдіи см. сагу Jomsviking, упоминаемую в работѣ Pappenheim'a "Altdanische Schutzgilden", Breslau, 1885 стр. 67. — Весьма вѣроятно, что, когда началось преслѣдованіе гильдій, многія из них занесли в свои статуты лишь день общей трапезы и благочестивыя обязанности членов гильдіи намекнув лишь в самых общих выраженіях о юридических функціях гильдій. — Вопрос: "кто будет моим судьей?" не имѣет теперь никакого значенія, с тѣх пор как государство присвоило своей бюрократіи организацію правосудія; но он имѣл первостепенное значеніе в средніе

гда возобновляли присягу на вѣрность гильдіи. Общая трапеза, подобно пиру на древнем родовом мірском сходѣ,—mahl или malum,—или бурятской "аба", или приходскому празднику и пиру по окончаніи жатвы, служила просто для утвержденія братства. Она символизировала тѣ времена, когда все было в общем владѣніи рода. В этот день, по крайней мѣрѣ, все принадлежало всѣм; всѣ садились за один и тот же стол, всѣм подавалась одна и та же пища. Даже в гораздо болѣе поздній період обитатели богадѣльни одной из Лондонских гильдій садились в этот день за общій стол, рядом с богатым альдерменом. Что же касается до различія, которое нѣкоторые изслѣдователи пытались установить между старыми саксонскими "гильдіями миролюбія" (frith guild) и так называемыми "общительными" или "религіозными" гильдіями, то относительно этого можно сказать, что всѣ онѣ были гильдіями миролюбія в вышеуказанном смыслѣ *), и всѣ онѣ были религіозны в том смыслѣ, в каком деревенская община или город, поставленные под покровительство спеціальнаго святого, являются соціальными и религіозными. Если институція гильдій получила такое обширное распространеніе в Азіи, Африкѣ и Европѣ, если она просуществовала тысячелѣтія, снова и снова возникая всякій раз, когда сходныя условія вызывали ее к жизни, то это об'ясняется тѣм, что гильдія представляла собою нѣчто гораздо большее, чѣм простая ассоціація для совмѣстной ѣды, или для хожденія в церковь в извѣстный день, или для устройства похорон на общій счет. Она отвѣчала глубоко-вкорененной потребности человѣческой природы; и она совмѣщала в себѣ всѣ тѣ аттрибуты, которые впослѣдствіи государство присвоило своей бюрократіи и полиціи и еще многое другое. Гильдія была ассоціацией для взаимной поддержки, "дѣ-

---

вѣка, тѣм болѣе, что собственная юридикція обозначала и самоуправленіе. Должно, впрочем, замѣтить, что перевод саксонскаго и датскаго выраженія: "guild-bretherea" или "brodrae" — латинским словом convivii также послужил к возникновенію вышеуказаннаго смѣшенія.

---

*) См. прекрасныя замѣчанія о frith-guild в работѣ J. R. Green и г-жи Green, в "The Conqest of England", London, 1883, стр. 229—230.

лом и совѣтом", во всѣх обстоятельствах и во всѣх случайностях жизни; и она была организаціей для утвержденія правосудія, с тѣм, однако, отличіем в данном отношеніи от государства, что в дѣло суда она вводила человѣческій, братскій элемент, вмѣсто элемента формальнаго, являющагося существенной характерной чертой государственнаго вмѣшательства. Даже когда он появлялся пред гильдейским судом, гильдейскій брат был судим людьми, которыя знали его хорошо, стояли с ним рядом при совмѣстной работѣ, сидѣли не раз за общей трапезой и вмѣстѣ исполняли всякія братскія обязанности: он отвѣчал пред людьми равными ему и дѣйствительными братьями, а не пред теоретиками закона, или защитниками чьих-то иных интересов *).

Очевидно, что учрежденіе, так прекрасно приспособленное для удовлетворенія нужд единенія, не лишая при том индивидуума его иниціативы должно было расширяться, расти и укрѣпляться. Затрудненіе было только в том, чтобы найти такую форму, которая позволяла бы союзам гильдій федерироваться между собою, не входя в столкновеніе с союзами деревенских общин, и об'единила бы и тѣ и другіе в одно гармоническое цѣлое. И когда подобная форма комбинаціи была найдена—в свободном городѣ,—и ряд благопріятных обстоятельств дал городам возможность заявить и утвердить свою независимость, они выполнили это с таким единством мысли, которое может вызывать удивленіе, даже в наш вѣк желѣзных дорог, телеграфов и прессы. Сотни хартій, которыми города утвердили акт своего об'единенія, дошли до нас, и во всѣх этих хартіях утверждаются однѣ и тѣ же руководящія идеи, —несмотря на беконечное разнообразіе подробностей, зависѣвших от большей или меньшей полноты освобожденія. Вездѣ город организовывался, как двойная федерація—небольших деревенских общин и гильдій.

"Всѣ принадлежащіе к содружеству города, — так говорится, например, в хартіи, выданной в 1188 году гражданам города Эр (Aire) Филиппом, графам Фландрским, — "обѣщались и подтвердили клятвой, что они

*) См. приложеніе XIV-е.

будут помагать друг другу, как братья, во всем полезном и честном; что если один обидит другого, словом или дѣлом, то обиженный не будет мстить, ни сам, ни его сородичи.. он принесет жалобу, и обидчик заплатит должное возмездіе за обиду, согласно рѣшенію, произнесенному двѣнадцатью выборным судьями, дѣйствующими к качествѣ посредников. И если обидчик или обиженный, послѣ третьяго предостереженія, не подчинится рѣшенію посредников, он будет исключен из содружества, как порочный человѣк и клятвопреступник" *).

"Каждый из членов общины будет вѣрен своим соприсягавшим и будет подавать им помощь и совѣт, согласно тому, что ему подскажет справедливость", так говорится в Амьенской и Аббевильской хартіях. — "Всѣ будут помагать друг другу каждый по мѣрѣ своих сил, в границах общины, и не допустят, чтобы один брал что-либо у другого общинника или один заставлял другого платить какіе-нибудь поборы (contributions)", читаем мы в хартіях Суассона, Компьеня, Санлиса и многих других городов того же типа **).

"Коммуна" — писал Жильбер де-Ножан — —есть присяга во взаимной помощи (mutui adjutori conjuratio"... Новое и отвратительное слово. Благодаря ей крѣпостные (capica sensi) освобождается от всякой крѣпостной зависимости; благодаря ей, они освобождаются от платы тѣх поборов которые обыкновенно всегда платились крѣпостными"***).

Та же самая освободительная волна прокатилась в двѣнадцатом вѣкѣ по всей Европѣ, захватывая как богатые, так и самые бѣдные города. И если мы можем сказать, что вообще говоря, первыми освободились итальянскіе города, многіе еще в одиннадцатом, а нѣкоторые и в десятом вѣкѣ), то мы всетаки не можем указать центра, из котораго распространилось бы это движеніе. Очень часто маленькій посад, гдѣ-нибудь в центральной Европѣ, становился во главѣ движенія своей области, и большіе города принимали его хартію за образец для себя. Так, напр., хартія маленькаго городка Лорриса (Lorris) была принята 83-ю городами в юго-восточной Франціи, а хартія Бомана (Beaumont) послужила образцом болѣе, чѣм для пятисот городов и городков в Бельгіи и во Франціи. Города сплошь да рядом отправляли спеціальных депутатов

*) "Recueil des ordonnances des rois de Frande", т. XII, 562; цит. у Aug. Thierry в "Considerations sur l'histoire de France", стр. 196, изданіе в 12-ую долю листа.

**) A. Luchaire, "Les Communes francaises", стр. 45—46.

***) Guilbert de Nogent, "De ivta sua", цит. у Luchaire, там же, стр. 14.

в сосѣдній город, чтобы получить копію с его хартіи, и на основаніи ея вырабатывали собственную конституцію. Впрочем, города не довольствовались простым списываніем хартій друг у друга: они составляли свои хартіи, в соотвѣтствіи с уступками, которыя им удалось вырвать у своих феодальных владѣльцев; и в результатѣ, как замѣтил один историк, хартіи средневѣковых коммун отличаются таким же разнообразіем, как и готическая архитектура их церквей и соборов. Та же руководящая идея во всѣх,—так как собор символизировал союз прихода и гильдіи в вольном городѣ—и то же безконечно-богатое разнообразіе в деталях.

Самым существенным пунктом для освобождавшагося города была собственная юрисдикція, которая влекла за собой и собственную администрацію. Но город не был просто "автономной" частью государства—подобныя двусмысленныя слова еще не были изобрѣтены в то время,—он составлял государство само по себѣ. Он имѣл право об'являть войну и заключать мир, право заключать федераціи и вступать в союзы со своими сосѣдями. Он был самодержавным в своих собственных дѣлах и не вмѣшивался в чужія. Верховная политическая власть могла находиться всецѣло в руках демократическаго вѣча (форума), как это было, напримѣр, в Псковѣ, гдѣ вѣче посылало и принимало посланников, заключало договоры, призывало и изгоняло князей, или вовсе обходилось без них цѣлые десятки лѣт; или же высшая политическая власть была передана в руки нѣскольких знатных, купеческих или даже дворянских семей, или же она была захвачена ими, как это бывало в сотнях городов Италіи и Средней Европы. Но принцип всегда оставался тот же: город являлся государством, и—что, пожалуй, еще болѣе замѣчательно—когда власть в городѣ бывала узурпирована торговою аристократіею или даже дворянством, внутренняя жизнь города и демократизм его повседневных отношеній терпѣли от этого мало ущерба: онѣ мало зависѣли от того, что можно назвать политическою формою государства.

Секрет этого кажущагося противорѣчія, заключается в том, что средневѣковый город не был централизованным госу-

дарством. В теченіе первых столѣтій своего существованія, город едва ли можно было назвать государством, поскольку дѣло шло об его внутреннем строѣ, так как средніе вѣка вообще так же чужды были нашей современной централизаціи функцій, как и нашей территоріальной централизаціи: каждая группа имѣла тогда свою долю верховной власти.

Обыкновенно город был раздѣлен на четыре квартала или же на пять, шесть или семь "концов" (секторов), расходившихся от центра. При этом, каждый квартал или конец, в общем, представлял извѣстный род торговли или ремесла, преобладавшій в нем, хотя в то же время в каждом кварталѣ или концѣ, могли жить люди, занимавшіе различные общественныя положенія и предававшіеся различным занятіям—дворянство, купцы, ремесленники и даже полу-крѣпостные. Каждый конец, или квартал представлял, однако, совершенно независимую единицу. В Венеціи каждый остров представлял независимую политическую общину, которая имѣла свою организацію ремесла и торговли, свою торговлю солью (покупаемую для своих граждан), свою собственную юрисдикцію и администрацію и свой собственный форум; поэтому избраніе всею Венеціею того или другого дожа ничего не измѣняло во внутренней независимости каждой из этих единичных общин *). В Кельнѣ, жители раздѣлялись на Geburshaften и Heimshaften (viciniae) т. е. сосѣдскія гильдіи, образованіе которых относится к французскому періоду, и каждая из этих гильдій имѣла своего судью (Burrichter) и обычных двѣнадцать выборных засѣдателей (Sshoffen) своего фогта и своего greve, или начальника гильдейской милиціи *). Исторія древняго Лондона, до завоеванія,—говорить Грин,—является исторіей "извѣстнаго числа маленьких групп, разсѣянных на пространствѣ, окруженном городскими стѣнами, при чем каждая группа

*) Lebret, "Histoire de Venise", I, 393, Также Marin, цит. у Leo Botta, в "Histoire d'Italie". франц. изд., т. I, 500..

*) Д-р W. Arnold, "Verfassungsgeschichte der deutschen Freistadte", 1854, т. II, 227 и слѣд.; Ennen, "Geschichte der Stadt Koeln", т. I, стр. 228—229, а также самые документы, опубликованные Энненом и Эккертом.

сама по себѣ развивалась, со своими учрежденіями, гильдіями, юрисдикціей, церквями и т. д., и только мало-по-малу эти группы об-единялись в муниципальный союз" *). А когда мы обращаемся к лѣтописям русских городов, Новгорода и Пскова, которыя отличаются, и тѣ и другія, обиліем чисто-мѣстных подробностей, мы узнаем, что и "концы" в свою очередь состояли из независимых "улиц", из которых каждая, хотя и была преимущественно населена рабочими извѣстнаго ремесла, тѣм не менѣе имѣла среди своих жителей также и купцов и землевладѣльцев, и составляла отдѣльную общину. Улица несла общую отвѣтсвенность за всѣх своих членов в случаѣ преступленія, она обладала собственной юрисдикціей и администраціей, в лицѣ "уличанских старост", имѣла собственную печать, (символ государственной власти), и в случаѣ нужды собиралось уличанское вѣче: у нея была, наконец, своя собственная милиція, выбранные ею священники, и она имѣла свою собственную коллективную жизнь и свои коллективныя предпріятія **).

Таким образом средневѣковый город являлся двойною федераціею: всѣх домохозяев, об'единенных в небольшіе территоріальные союзы—улицу, приход, конец,—и отдѣльных личностей; об'единенных общею клятвою в гильдіи, сообразно их профессіям. Первая федерація была плодом деревенско-общиннаго происхожденія города; вторая же была плодом послѣдующаго роста, вызваннаго новыми условіями.

Главною задачею средневѣковаго города было обезпеченіе свободы, самоуправленія и мира; главною же основою городской жизни, как мы сейчас увидим, когда будем говорить о ремесленных гильдіях, являлся труд. Но "производство" не поглощало всего вниманія средневѣковаго экономиста. Своим практическим умом он понимал, что надо гарантировать "потребленіе", чтобы производство было возможно, а потому обезпеченіе "всеобщей потребности в пищѣ и помѣщеніи, для бѣд-

---

*) J. R. Green, "Conyuest of England", 1883, стр. 453.
**) Бѣляев, "Разсказы из Русской исторіи", т. II III.

ных и для богатых" (gemeine notduzft und gemach armer und richer) *) было основным началом для каждаго города. Скупать пищевые продукты и другіе предметы первой необходимости (уголь, дрова и т. п.). прежде чѣм они попадут на рынок, или скупать их при особенно благопріятных условіях, недоступных для других — словом, preempcio, — совершенно воспрещалось. Все должно было идти сперва на рынок и там быть предоставлено для покупки всѣм, вплоть до того времени, когда звон колокола возвѣстит о закрытіи рынка. Только тогда мог мелочной торговец покупать оставшіеся продукты, но и в этом случаѣ, его прибыль должна была быть "честной прибылью" **). Кромѣ того, если хлѣбник, по закрытіи рынка, покупал зерно оптом, то каждый гражданин имѣл право потребовать для себя извѣстное количество этого зерна (около половины полу-мѣры) по оптовой цѣнѣ, если он заявил подобное требованіе до окончательнаго заключенія торга' но, равным образом, и каждый хлѣбопекарь мог пред'явить подобное же требованіе, если горожанин покупал рожь для перепродажи. Чтобы смолоть зерно, достаточно было привезти его на городскую мельницу, гдѣ оно бывало смолото в свой черед, по опредѣленной цѣнѣ; хлѣб же можно было печь в four banal, т. е. в общинной печи ***). Одним словом, если город тер-

---

*) W. Gramich, "Verfassungs und Verwaltungsgeschichte der Stadt Wurzburg im 13 fis zum 1 5Jahrhundert, Wurzburg, 1884, стр. 34.

**) Когда судно доставляло груз каменнаго угля в Вюрцбург, то в первые восем дней уголь мог быть продаваем только в розницу, при чем каждая семья могла купить не болѣе пятидесяти корзин. Оставшійся послѣ этого груз мог быть продан оптом, но в мелочной продажѣ скупщику разрѣшалась лишь честная (zittliche) прибыль; безчестная же (unzittliche) прибыль строго воспрещалась (Gramich, I, т.)). То же самое было и в Лондонѣ ("Liber albus", цит. у Ochenkowski, "England's wirthschaftliche Entwickeugnl", Jena, 1879, стр. 161) и, в сущности, повсемѣстно.

***) См. Fagnier, "Etudes sur l'industrie et la classe industrielle o Paris ou XIII-me et XIV-mt siecle", Paris, 1877 стр. 155 и слѣд. Едва нужно добавлять, что налог на хлѣба, а также на пиво, налагался лишь послѣ тщательных изслѣдованій относительно количества хлѣба и пива, которое может быть получено из даннаго количества зерна. В Амьенских архивах сохранились замѣтки о подобных изслѣдованіях (A. de Calonne, I. c., стр. 77, 93). См. также относительно Лондона (Ochenkewski, стр. 165).

пѣл нужду, то от нея терпѣли, болѣе или менѣе, всѣ, но помимо подобных несчастій, пока существовали свободные города, в их стѣнах никто не мог умереть от голода, как это, к несчастью, черезчур часто случается в наше время.

Впрочем, всѣ эти правила относятся уже к позднѣйшим періодам жизни городов; так как в началѣ своей жизни вольные города обыкновенно сами закупали всѣ пищевые продукты для потребленія горожан. Документы, недавно опубликованные Чарльзом Гроссом, содержат совершенно опредѣленныя данныя на этот счет и подтверждают его вывод, что прибывавшіе в город грузы пищевых продуктов "покупались особыми городскими чиновниками, от имени города, и затѣм распредѣлялись между горожанами—купцами, при чем никому не позволялось покупать товары, выгруженные в портѣ, покуда муниципальныя власти не откажутся купить их. Таков—прибавляет Гросс,—был, повидимому, общераспространенный пріем в Англіи, в Ирландіи, в Уэльсѣ и в Шотландіи" *). Даже в шестнадцатом столѣтіи мы видим, что в Лондонѣ производилась общинная покупка зерна, "для удобства и выгоды во всяких видах Города и Палаты Лондона и всѣх Граждан и Жителей его, насколько это от нас зависит",—как писал мэр в 1565 году **). В Венеціи, вся торговля зерновым хлѣбом, как теперь хорошо извѣстно, находилась в руках города; а "кварталы", по полученіи зернового хлѣба из управленія, которое завѣдывало ввозом, должны были разослать по домам всѣх граждан квартала количество, приходившееся на долю

*) Ch. Gross, "The Guild Merchant", Oxford, 1890, I, 135. Приводимые автором документы доказывают, что подобная же практика существовала в Ливерпулѣ (II, 148—150), в Waterford'ѣ в Ирландіи, в Neath'ѣ в Уэльсѣ, в Linlithgow и Turso в Шотландіи. Тексты Гросса показывают также, что покупки производились не только для распространенія между гражданами купцами, но и "для всѣх граждан и общинников" (стр. 136, примѣчаніе), или как говорится в уставѣ Торсо, относящемся к XVII столѣтью: "должно доводить до свѣдѣнія купцов, ремесленников и жителей названнаго города, что они могут имѣть свою долю (в закупках), сообразно их нуждам и достаткам.

**) "The Early History of the Guild of Merchant Taylors" by Charles M. Clode, London, 1881, I, 361, приложеніе 10: а равным образом и слѣдующее приложеніе, показывающее, что подобныя же закупки дѣлались и в 1546 году.

каждаго *). Во Франціи, город Амьем закупал соль и распредѣлял ее между всѣми гражданами по покупной цѣнѣ *); и даже в настоящее время мы встрѣчаем во многих французских городах halles, которыя раньше были муниципальными депо для ссыпки зерна и соли *). В Россіи, это также было обычным явленіем в Новгородѣ и Псковѣ.

Надо сказать, что весь вопрос об общинных покупках для потребленія граждан, и о способах, какими совершались эти закупки, до сих пор не получил еще должнаго вниманія со стороны историков; но там и сям встрѣчаются очень поучительные факты, проливающіе новый свѣт на этот вопрос. Так, среди документов Гросса имѣется устав города Кильненни, относящійся к 1367 году, и из этого документа мы узнаем, как устанавливались цѣны на товары. "Купцы и матросы",—говорит Гросс,—"должны были под присягою показать покупную цѣну своих товаров и издержки сдѣланныя на перевозку. Тогда мэр города и два добросовѣстных назначали цѣну named the price), по которой товары должны были продаваться. "То же правило соблюдалось и в Торсо для товаров, приходивших "с моря или с суши". Этот способ "назначенія цѣны" так хорошо согласуется именно с тѣми представленіями о торговлѣ, которыя преобладали в средніе вѣка, что он должен был быть во всеобщем ходу. Установленіе цѣны третьим лицом было очень древним обычаем; и для всякаго рода обмѣна в предѣлах города несомнѣнно прибѣгали также очень часто к опредѣленію цѣн, не продавцом или покупателем, а третьим лицом,—"добросовѣстным". Но этот порядок вещей отодвигаес нас к еще болѣе раннему періоду исторіи торговли, а именно

---

*) Cibrario. "Les conditns economiques de l'Italie au temps de Dante", Paris, 1865, стр. 44.

**) O. de Calone, "Lavie municipale au XV-me siecle dans le Nord de la France" Paris, 1880 стр. 12—16. В 1485 году город дозволил вывезть в Антверпен нѣкоторое количество зернового хлѣба, "так как жители Антверпена всегда были готовы сдѣлать пріятное купцам и гражданам Амьена (ibid., стр. 75—77 и тексты.)

***) O. Babeau, "La ville sous l'andien regime", Paris, 1880.

к тому времени, когда вся торговля главными продуктами велась цѣлым годом, и купцы были лиш коммисіонерами, довѣренными от города для продажи товаров, которыя город вывозил. Так, Ватерфордскій устав, также опубликованный Гроссом, говорить, что "всѣ товары, какого бы то ни было рода... должны быть покупаемы мэром и судебными приставами (balives), которые назначены общинными покупщиками (для города) в данное время, и должны быть распредѣлены между всѣми свободными гражданами города (за исключеніем только собственнаго добра свободных граждан и жителей)." Этот устав едва ли можно истолковывать иначе, как допустивши, что вся внѣшняя торговля города производилась его довѣренными агентами. Кромѣ того, у нас имѣется прямое свидѣтельство, что именно так было поставлено дѣло в Новгородѣ и Псковѣ. Господин Великій Новгород и Господин Великій Псков сами посылали свои купеческіе караваны в дальнія страны.

Нам извѣстно также, что почти во всѣх средневѣковых городах Средней и Западной Европы каждая ремесленная гильдія обыкновенно покупала сообща всѣ сырые продукты для своих братьев, и продавала продукты их работы чрез посредство выборных; и едва ли допустимо, чтобы внѣшняя торговля не велась тѣм же порядком,—тѣм болѣе, что как хорошо извѣстно историкам, вплоть до тринадцатаго вѣка, не только всѣ купцы даннаго города считались в чужой странѣ отвѣтственными, как корпорація, за долги, сдѣланныя кѣм-либо из них, но также и весь город был отвѣтственным за долги, сдѣланные каждым и его граждан-купцов. Только в двѣнадцатом и тринадцатом вѣкѣ Рейнскіе города вошли в спеціальные договоры, которыми уничтожалась эта круговая порука *). И наконец, мы имѣем замѣчательный Ипсвичскій документ, напечатанный Гроссом, из котораго видно что торговая гильдія этого города состояла из всѣх тѣх, кто числился свободными гражданами города и из'явил согласіе платить свой взнос (свою "hanse") в гильдію,

*) Ennen, «Geschichte der Stadt Koln» I, 491, 492, а также тексты.

при чем вся община обсуждала сообща, как лучше поддержать торговую гильдію и какія дать ей привилегіи. Торговая гильдія (the Merchant guild) Ипсвича является, таким образом скорѣе корпораціею довѣренных города, чѣм обыкновенною частною гильдіею.

Одним словом, чѣм болѣе мы знакомимся с средневѣковым городом, тѣм болѣе мы убѣждаемся, что он не был простою политическою организаціею для охраны извѣстных политических свобод. Он представлял попытку организаціи—в болѣе широком размѣрѣ, чѣм это было сдѣлано в деревенской общинѣ,—тѣснаго союза для цѣлей взаимной помощи и поддержки, для потребленія и производства, и для общительной жизни вообще,—не налагая для этого на людей оковы государства, но предоставляя наоборот полную свободу для проявленія созидательнаго генія каждой отдѣльной группы людей, в области искусства, ремесл, науки, торговли и политическаго строя. Насколько эта попытка была успѣшна, мы лучше всего увидим, разсмотрѣв в слѣдующей главѣ организацію труда в средневѣковом городѣ и отношенія городов к окружавшему их крестьянскому населенію.

ГЛАВА VI.

Взаимная помощь в средневѣковом городѣ.

(Продолженіе)

Сходства и различія между средневѣковыми государствами. — Ремесленныя гильдіи: аттрибуты государства в каждой из них. — Отношеніе города к крестьянам; попытки освободить их. — Феодальные владѣльцы. — Результаты, достигнутые средневѣковым городом: в области искусств, в области образованія. — Причины упадка.

Средневѣковые города не были организованы по какому-нибудь заранѣе намѣченному плану, в силу воли какого-нибудь посторонняго населенію законодателя. Каждый из этих городов был плодом естественнаго роста в полном смыслѣ этого слова: он был постоянно видоизмѣняющимся результатом борь-

бы между различными силами, снова и снова приспособлявшимися друг к другу, соотвѣтственно живой силѣ каждой из них, а также согласно случайностям борьбы и поддержкѣ, которую они находили в окружающей их средѣ. Вслѣдствіе этого, не найдется двух городов, которых внутренній строй и историческія судьбы были бы тождественны; и каждый из них, взятый в отдѣльности, мѣняет свое лицо из вѣка в вѣк. Но тѣм не менѣе, если окинуть широким взглядом всѣ города Европы, то мѣстныя и національныя различія отходят вдаль, и мы поражаемся существующим между всѣми ими удивительным сходством, хотя каждый из них развивался сам по себѣ, независимо от других и в иных условіях. Какой-нибудь маленькій городок на сѣверѣ Шотландіи, населенный бѣдными рабочими и рыбаками; или же богатый город Фландріи, с его міровою торговлею, роскошью, любовью к удовольствіям и одушевленною жизнью; итальянскій городок, разбогатѣвшій от сношеній с Востоком и вырабатывающій в своих стѣнах утонченную цивилизацію; и, наконец, бѣдный, главным образом занимающійся земледѣліем, город в болотно-озерной области Россіи, — повидимому, мало имѣют общаго между собою. А между тѣм, руководящія черты их организаціи и дух, которым они проникнуты, поражают своим семейным сходством.

Вездѣ мы находим тѣ же самыя федераціи маленьких общин, или приходов, и гильдій; тѣ же самыя "пригороды" вокруг города-матери; то же самое вѣче; тѣ же внѣшнія эмблемы независимости. Защитник (defensor) города, под различными наименованіями и в различных одѣяниях, представляет одну и ту же власть, защищая одни и тѣ же интересы; заготовка пищевых запасов, труд, торговля—организованы в тѣх же самых общих чертах; внутреннія и внѣшнія столкновенія ведутся из тѣх же побужденій; мало того, самые лозунги, выдвинутые во время этих столкновеній, и даже формулы, употребляемыя в городских лѣтописях, уставах, документах, оказываются тѣ же; и архитектурные памятники, будут ли они по стилю готическими, римскими или византійскими, выражают тѣ же самыя стремленія и тѣ же идеалы; они задуманы были

и строились тѣм же путем. Многія несходства оказываются просто различіями в возрастѣ двух городв, а тѣ несходства между парами городов, которыя имѣли реальный характер, повторяются в различных частях Европы, Единство руководящей идеи и одинаковыя причины зарожденія сглаживают различія, являющіяся результатом климата, географическаго положенія, богатства, языка и религіи. Вот почему мы можем говорить о средневѣковом городѣ вообще, как о вполнѣ опредѣленной фазѣ цивилизаціи; и хотя в высшей степени желательны изслѣдованія, указывающія на мѣстныя и индивидуальныя особенности городов, мы все же можем указать главныя черты развитія, которыя были общи всѣм им *).

Нѣт никакого сомнѣнія, что защита, которая обыкновенно повсемѣстно оказывалась торжищу, еще со времени ранней варварской эпохи, играла важную, хотя и не исключительную, роль в дѣлѣ освобожденія средневѣковых городов. Варвары ранняго періода не знали торговли внутри своих деревенских общин; они торговали лишь с чужестранцами, в из-

*) Литература указаннаго вопроса — огромна. Но не имѣется еще ни одной работы, которая бы разсматривала средневѣковый город в цѣлом. Для Французских общин классическими остаются до сих пор работы: Augustin Thierry: "Letters" и "Considerations sur l'histoire de France"; прекрасным дополненіем к ним является книга Ludhaire'a "Communes francaises", написанная в том же направленіи. Для городов Италіи можно указать нижеслѣдующія: превосходный труд Sismond ("Histoire des republiques italiennes du moyen age", Paris, 1826, 16 т.); Leo и Botta, "Исторія Италии", которой имѣется французскій перевод (3 больших тома); Ferrari "Revolutions d'Italie" и Hegel, "Geschichte der Stadteverfassung ni Italien". Эти сочиненія составляют главные источники общих свѣдѣній о городнх Италіи вообще Для Германіи мы имѣем: Maurer's "Stadteverfassung", Barthold's, Geschichte der deutschen Stadte", а из недавеых работ прекрасный труд Hegel'a, "Stadte und Gilden der germanischen Volker" (2 т. Leipzig, 1891) и д-ра Otto Kalsen's "Die deutschen Stadte im Mittelalter" (т., Halle, а также Janssen's "Geschichte des deutsches Volkes" (5 т., 1886), — выразим надежду что послѣдній из названных нами трудов будет переведен по-русски (французскій перевод появился в 1892 году). Для Белѣгіи можно указать: A. Walters, "Les Libertes sommunales" (Bruzelles, 1869—78, 3 т.), а для Россіи: труды Бѣляева, Костомарова и Сергѣевича. Наконец для Англіи мы имѣем превос-

вѣстных опредѣленных мѣстах и в извѣстные, заранѣе опредѣленные, дни. И чтобы чужестранец мог являться на мѣсто обмѣна не рискуя быть убитым в какой-нибудь войнѣ, ведшейся между двумя родами из-за кровавой мести, торжище всегда ставилось под особое покровительство всѣх родов. Оно было также неприкосновенно, как и мѣсто религіознаго поклоненія, под сѣнью котораго оно обыкновенно устраивалось. У кабилов до сих пор annaya, подобно тропинкѣ, по которой женщины носят воду из колодцев; ни на рынок, ни на тропинку нельзя появляться вооруженным, даже во время междуплеменных войн. В средневѣковыя времена рынок обыкновенно пользовался точно такою же защитою *). Родовая месть никогда не должна была преслѣдоваться на площади, гдѣ собирался народ для торговых цѣлей, а, равным образом, в извѣстном радіусѣ вокруг этой площади; и если в разношерстной толпѣ продавцев и покупателей возникала какая-нибудь ссора, ее слѣдовало предоставить на разбор тѣм, под покровительством которых находился рынок, т. е. суду общины, или же судьѣ епископа, феодальнаго владѣльца, или короля. Чужеземец, являвшійся с торговыми цѣлями, был гостем, и даже носил это имя. Даже феодальный барон, который, незадумываясь, грабил купцов на большой дорогѣ, относился с уваженіем к Weichbild, т. е. к шесту, который стоял на рыночной

ходную работу о городах в произведеніи г-жи J. R. Green "Cown Life in the Fifteenth Century" (т., Lodon, 1894). Кромѣ того имѣется большое количество хорошо извѣстных мѣстных исторій и нѣсколько превосходных работ по всеобщей и экономической исторіи, которыя я так часто упоминал в настоящей и предыдущих главах. Богатство литературы задлючается, однако, равным образом в отдѣльных, иногда превосходных изслѣдованіях по исторіи отдѣльных городов, особенно итальянских и германских; гильдій земельнаго вопроса; экономических принципов той эпохи; лиг между городами (Hansa); и общиннаго искусства. Невѣроятное обиліе свѣдѣній заключается в трудах этой второй категоріи, из которых в настоящей работѣ указаны только самыя важныя.

*) Кулишер, в превосходном очеркѣ первобытной торговли ("zeitschrift fur Volkerpsychologie"). т. X, 380), также указывает, что, согласно Геродоту Агриппеяне считались неприкосновенными, в виду того, что на их территоріи велась торговля между скифами и сѣверными племенами. Бѣглец считался священным на их территоріи, и сосѣди часто приглашали их быть посредниками. См. Приложеніе XV-е.

площади и на верхушкѣ котораго находился либо королевскій герб,либо перчатка либо образ мѣстнаго святого, или крест, смотря потому находился ли рынок под покровительством короля, мѣстной церкви или вѣча *).

Легко понять, каким образом собственная юрисдикція города могла развиться из спеціальной юрисдикціи рынка, когда таковая была уступлена, добровольно или нѣт, самому городу. И подобное происхожденіе городских вольностей, которое можно прослѣдить в очень многих случаях, неизбѣжно наложило свой отпечаток на их дальнѣйшее развитіе. Оно дало преобладаніе торговой части общины. Горожане, владѣвшіе в данное время домом в городѣ и бывшіе совладѣльцами городских земель, очень часто организовывали тогда торговую гильдію, и даже самая торговля велась повидимому в интересах всего города, его довѣренными, тѣм не менѣе торговая гильдія постепенно превратилась в своего рода привилегированную корпорацію. Она ревниво не допускала в свои ряды пришлое населеніе, которое начало стекаться в свободные города, и всѣ выгоды, получавшіяся от торговли, она удерживала в пользу немногих "семей" ("les familles", "старожилы"), которыя были гражданами во время провозглашенія городом своей независимости. Таким образом очевидно грозила опасность возникновенія торговой олигархіи. Но уже в десятом вѣкѣ, а еще болѣе того в одиннадцатом и двѣнадцатом столѣтіях, главныя ремесла также организовались в гильдіи,

*) Недавно возникли нѣкоторые споры относительно Weichbild и акона, относящагося к Weichbild, которое до сих пор остаются не раз'ясненными (сж. zopfl, "Altherthumer des deutschen Reichs und Rechts", III, 29; Kallsen, I, 316). Вышеприведенное об'ясненіе кажется мнѣ наиболѣе вѣроятным, но конечно, его слѣдует еще провѣрить дальнѣйшими разслѣдованіями. Очевидно также, что (употребляя шотландскій термин), "mercet cross", т. е. "торговый крест", должен был бы быть эмблемой церковной юрисдикціи, но мы находим его как в епископских городах, так и в тѣх, гдѣ верховная власть принадлежала вѣчу.

которыя и могли, в большинствѣ случаев, ограничить ол
гархическія тенденціи купцов.

Ремесленная гильдія, в тѣ времена, обыкновенно с
ма продавала произведенные ея членами товары и сообщ
покупала для них сырые матеріалы, при чем ея членами одн
временно состояли, как купцы, так и ремесленники. Вслѣ
ствіе этого, преобладаніе, полученное старыми ремесленным
гильдіями, с самаго начала вольной жизни городов, дало реме
ленному труду то высокое положеніе, которое он занимал впо
слѣдствіи в городѣ*). Дѣйствительно в средневѣковом го
родѣ ремесленный труд не являлся признаком низшаго об
щественнаго положенія; напротив, он носил слѣды того высо
каго уваженія, с каким к нему относились раньше, в дере
венской общинѣ. Ручной труд разсматривался в средневѣко
вых "мистеріях" (артелях, гильдіях), как благочестивый дол
по отношенію к согражданам, как общественная функці
(Amt), столь же почетная, как и всякая другая. Иде
"справедливости" по отношенію к общинѣ и "правды" по от
ношенію к производителю и к потребителю, которая показа
лась бы такой странной в наше время, тогда проникала вес
процесс производства и обмѣна. Работа кожевника, мѣд
ника, сапожника должна быт "правдивая", добросовѣстная
писали тогда. Дерево, кожа, или нитки употребляемыя ре

---

*) Относительно всѣх вопросов, касающихся торговой гильдіи, см. исчер
пывающую предмет работу: Ch. Gross, "The Guild Merchant" (Oxford, 1890
2 т.); а также замѣчанія г-жи Green в "Town Life in the Fifteenth Century"
т. II, гл. V, VIII, X; также обзор этого вопроса, сдѣланный A. Doren'ом
Schmoller's "Forschungen", т. XII. Если соображенія, указанныя в предыдущей
главѣ (согласно которым торговля вначалѣ была общинной), окажутся
правильными, тогда позволительно высказать гипотезу, что купецкая гиль
дія была корпораціею, которой поручалось веденіе торговли в интересах
цѣлаго города; и только постепенно эта корпорація превратилась в гильдію
купюов, торгующих для собственной прибыли; в то же время торговые
авантюристы ("merchant adventures") Англіи, новгородскіе "повольники"
marcati personati (личные купцы) итальянских городов являлись бы при
таком об'ясненіи, лицами, которым предоставлено было открывать на свой
страх банки и новыя вѣтви торговли кля личных выгод. Вообще, должно
замѣтить, что происхожденіе средневѣковаго города не может быть приписано одному какому-нибудь отдѣльному фактору. Он был результатом
многих факторов, дѣйствовавших в различных степенях.

месленниками должны быть "честными"; хлѣб должен быть выпечен "по совѣсти" и т. д. Перенесите этот язык в нашу современную жизнь, и он покажется аффектированным, неестественным; но он был совершенно естественным и лишенным всякой аффектаціи в то время, так как средневѣковый ремесленник производил не на неизвѣстнаго ему покупателя, он не выбрасывал своих товаров на невѣдомый ему рынок; он прежде всего, производил для братства людей, в котором всѣ знали друг друга, в которым всѣ были знакомы с техникой ремесла и, назначая цѣну продукту, каждый мог оцѣнить искусство, вложенное в производство даннаго предмета и затраченный на него труд. Кромѣ того, не отдѣльный производитель предлагал общинѣ товары для покупки, — их предлагала гильдія, а община, в свою очередь, предлагала братству об'единенных общин тѣ товары, которые вывозились ею и за качество которых она отвѣчала перед ними. При такой организаціи, для каждаго ремесла являлось дѣлом самолюбія не предлагать товаров низкаго качества, а техническіе недостатки или поддѣлки затрогивали всю общину, так как, по словам одного устава, "они разрушают общественное довѣріе" *). Производство, таким образом, являлось общественной обязанностью и было поставлено под контроль всей amitas, всего содружества, вслѣдствіе чего ручной труд. покуда существовали вольные города, не мог опуститься до того низменнаго положенія, до котораго он дошел теперь.

Различіе между мастерами и учеником, или между мастером и подмастерьем (compayne, Gesselle) существовало уже с самых времен основанія средневѣковых вольных родов; но вначалѣ это различіе было в возрастѣ и степени искусства, а не во власти и богатствѣ. Пробыв семь лѣт учеником и доказав свое знаніе и способности в данном ремеслѣ спеціально выполненною работою, ученик сам становился мастером. И только гораздо позднѣе, в шестнадцатом вѣкѣ, когда королевская

J) Ianssen, "Geschichte des deutschen Volkes", I, 315' Gramish, "Wurzb,urg;; и вообще любой сборник уставов.

власть уже разрушила городскую и ремесленную организацію, сдѣлалось возможным стать мастером просто по наслѣдству или в силу богатства. Но это была уже пора всеобщаго упадка средневѣковой промышленности и искусства.

В ранній, цвѣтущій період средневѣковых городов, в них не было много мѣста для наемнаго труда и для индивидуальных наемщиков. Работа ткачей, оружейников, кузнецов, хлѣбопеков и т. д. производилась для гильдіи и для города; когда в строительных ремеслах нанимались ремесленники со стороны, они работали, как временныя корпораціи (как это и в настоящее время наблюдается в русских артелях), труд которых оплачивался всей артели цѣликом. Работа на отдѣльнаго хозяина стала распространяться позднѣе; но и в этих случаях работник оплачивался лучше, чѣм он оплачивается, даже в Англіи, теперь и гораздо лучше, чѣм он оплачивался обыкновенно во всей Европѣ в первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Торольд Роджерс в достаточной степени ознакомил англійских читателей с этим фактом; но то же самое слѣдует сказать и о континентальной Европѣ, как это доказывается изслѣдованіями Фальке и Шеаберга, а также многими случайными указаніями. Даже в пятнадцатом столѣтіи каменщик, плотник или кузнец получал в Амьенѣ поденную плату в размѣрѣ четырех sols, соотвѣтствовавших 48-м фунтам хлѣба или ⅓ части маленькаго быка (Ьouvard). В Саксоніи, плата Gesellee в строительном ремеслѣ была такова, что выражаясь словами Фальке, рабочій мог купить на свой шестидневный заработок три овцы и пару сапог *). Приношенія рабочих (Geselle) в различных собо-

---

*) Falke, "Geschichtiche statistik", I, 373—393, и II, 66' цит. в Janssen's "Geschichte", I, 339; J. D. Blavignac, в "Comptes et depenses de la costruction du clocher de Saint-Nicholasa Fribourg en Suisse" приходит к подобному же заключенію. Для Амьена см. De Callone "VicM uniciyale" стр. 99 и Приложеніе. Для полной оцѣнки и графическаго изображенія средневѣковой заработной платы в Англіи, с переводом ея на стоимость хлѣба и мяса, см. прекрасную статью и таблицу кривых G. Steffan'a в журналѣ "Ninteenth Century" за 1891 год и его же Studier ofver lonsy stemet historia i England", Stockholm, 1895.

рах также являются свидѣтельством их сравнительной зажиточности, не говоря уже о роскошных приношеніях нѣкоторых ремесленных гильдій и об их расходах на празднества и пышныя процессіи *). Дѣйствительно, чѣм болѣе мы изучаем средневѣковые города, тѣм болѣе мы убѣждаемся что никогда труд не оплачивался так хорошо и не пользовался общим уваженіем, как в то время, когда жизнь вольных городов стояла на своей высшей точкѣ развитія.

Мало того. Не только многія стремленія наших современных радикалов были уже осуществлены в средніе вѣка, но даже многое из того, что теперь считается утопическим, принималось тогда, как нѣчто вполнѣ натуральное. Над нами смѣются, когда мы говорим, что работа должна быть пріятна; но по словам средневѣковаго Куттенберскаго устава, "каждый должен находит удовольствіе в своей работѣ и никто не должен, проводя время в бездѣліи (mit nichts thun), присваивать для себя то, что произведено прилежаніем и работой других, ибо законы должны быть щитом для огражденія прилежанія и труда⁑). И среди всѣх современных разговоров о восьмичасовом рабочем днѣ, не мѣшало бы вспомнить об уставѣ Фердинанда 1-го, относящемся к императорским каменноугольным копям; согласно этому уставу рабочій день рудокопа полагался в восемь часов, "как это ведется изстари" (wie vor Alters herkommen), а работа послѣ полудня субботы была совершенно запрещена. Болѣе продолжительный рабочій день был очень рѣдок, говорит Янссен, тогда как болѣе краткій случался довольно часто. По словам Роджерса, в Англіи, в пятнадцатом вѣкѣ, "рабочіе работали лишь 48 часов в недѣлю" ***).

*) Для того, чтобы привести хотя бы один примѣр из множества, находящихся в работах Shonberg и Falke укажу, например, что 16 сапожников рабочих (Schusterknechte) рейнскаго города Ксантера пожертвовали для возведенія иконостоса и алтаря в церкви 75 гульденов по подпискѣ и 12 гильденов из общаго ящика, при чем цѣнность денег в то время, согласно наиболѣе достовѣрным изслѣдованіям, превосходила в десять раз их теперешнюю цѣнность.

⁑) Приводится Janssen'ом, I. т. I, 343.

***) Thorold Rogers, "The Economical Interpretation of History", London, 1891, стр. 303.

Субботній полу-праздник который мы считаем современною побѣдою, был в сущности древним средневѣковым учрежденіем; это был банный день значительной части членов общины, а послѣ-обѣденное время по средам было банным временем для Geselle *). И хотя в то время еще не существовало школьных завтраков — вѣроятно потому, что дѣтей не посылали в школу голодными, — выдача денег на баню дѣтям, если этот расход был затруднителен для их родителей, представляла обычное явленіе в разных городах. Что же касается до рабочих конгрессов, то и они также были обычным явленіем в средніе вѣка. В нѣкоторых частях Германіи ремесленники одного и того же ремесла, но принадлежащіе к различным общинам, обыкновенно собирались ежедневно для обсужденія вопросов, относящихся к их ремеслу, для опредѣленія сроков ученичества, условій путешествія по своей странѣ, считавшагося тогда обязательным для всякаго рабочаго, заработной платы и т. д. В 1572 году, города принадлежавшіе к Ганзейскому союзу формально признали за ремесленниками право собираться періодически на конгрессы и принимать всякого рода резолюціи, поскольку послѣднія не будут противорѣчит городским уставам, опредѣлявшим качество товаров. Извѣстно, что такіе рабочіе конгрессы, отчасти международные (как и сама Ганза), были созваны хлѣбопеками, литейщиками, кожевниками, кузнецами, шпажниками и бочарами **).

Организація гильдій требовала, конечно, тщательнаго

---

*) Janssen, I. т. См. также Dr. Alwin Schultz, "Deutsches Leben im XIV und XV Jahrhundert", grosse Ausgabe, Wien, 1892, стр. 67 и слѣд. В Парижѣ длина рабочаго дня была, от семи до восьми часов зимою и до четырнадцато часов лѣтом в извѣстных ремеслах; в других же она была от восьми до девяти часов зимою, и от десяти до двѣнадцати лѣтом. По субботам и в двадцать пять других дней (Jours de commun de vile foire) всѣ работы кончались в 4 часа по-полудни. А по воскресеньям и в тридцать других праздничных дней вовсе не работали. В общем выходит, что средневѣковый рабочій работал меньше часов, чѣм современный рабочій (Dr. E. Martin Saint-Leon, "Histoire des corporations", стр. 121).

**) W. Stieda, "Hansische Vereinbarungen uber stadtisches Gewerbe im XIV und XV Jahrhundert", в "Hansische Geschichtsblatter", Jahrgang 1886 стр. 121; Chonberg, Wirthschaftlishe Bedeutung der zunfte"; а также отчасти Roscher.

адзора над ремесленниками со стороны гильдіи и для этой ѣли всегда назначались спеціальные присяжные. Замѣчаельно, однако, то обстоятельство, что пока города жили свободной жизнью, не слышно было жалоб на этот надзор; между ѣм, как, когда в дѣло вмѣшалось государство, и конфисковало обственность гильдій и разрушило их независимость в пользу обственной бюрократіи, жалобы становятся просто безчислеными *). С другой стороны, огромный прогресс в области сѣх искусств, достигнутый при средневѣковой гильдейской истемѣ, является наилучшим доказательством того, что система а не была препятствіем для развитія личной инициативы ‡).

ѣло в том, что средневѣковая гильдія, подобно средневѣковому риходу, "улицѣ" или "концу", не была корпораціею граждан, оставленных под контроль государственных чиновников; она ыла союзом всѣх людей, об'единенных данным производством, в состав ея входили: присяжные закупщики сырых продуктов. родавцы произведенных товаров и ремесленники — мастера, одмастерья ("compaynes") и ученики. Для внутренней рганизаціи даннаго производства собраніе этих лиц обладало ерховными правами, пока оно не затрогивало других гильдій, - в каком случаѣ дѣло переносилось на разсмотрѣніе гильдіи ильдій, т. е. города. Но, помимо указанных сейчас функцій, ильдія представляла еще и нѣчто другое. Она имѣла собвенную юрисдикцію, собственную военную силу; имѣла соб-

---

*) См. глубоко прочувствованныя замѣчанія Toulmin Smith'a об ограбніи гильдій королями, во введеніи г-жи Smith к "English Guilds".. Во ранціи аналогичное ограбленіе и уничтоженіе собственной юрисдикціи льдій началось с 1306 года, а окончательный удар был нанесен в 1382 ду (Fagniez, I. c. стр. 52—54).

‡) Адам Смит и его современники прекрасно знали, что именно они двергали осужденію, когда они писали против вмѣшательства государства торговлю и против торговых монологій, создаваемых государством.. К счастью, их послѣдователи, с безнадежным легкомысліем, свалили в одну чу средневѣковыя гильдіи и государственное вмѣшательство, не дѣлая зличія между эдиктом из Версали и гильдейским уставом. Едва ли нужно азывать, что экономисты, серьезно изучавшіе вопрос, как Shonberg (реістор хорошо извѣстнаго курса "Политической экономіи"), никогда не здали в подобную ошибку. Но вплоть до самаго недавняго времени расывчивые споры вышеуказаннаго типа сходили за экономическую ;;науку".

ственныя общія собранія, или вѣче, собственныя традиці
борьбы, славы и независимости и собственныя сношенія
другими гильдіями того же ремесла или занятія в других горо
дах. Одним словом, она жила полной органической жизнью
которая происходила от того что она обхватывала полность
всѣ жизненныя функціи. Когда город призывался к оружію
гильдія выступала как отдѣльный отряд (Schaar) вооруженна
принадлежащим ей оружіем, (а в болѣе позднюю эпоху —
собственными пушками, с любовью изукрашенными гильдіей)
под начальством ею же избранных начальников. Одним словом
гильдія была такая же независимая единица федераціи, како
была республика Ури или Женевы пятьдесят лѣт тому наза
в Швейцарской конфедераціи. В виду этого сравнивать гиль
діи с современными трэд-юніонами, или профессіональными со
юзами, лишенными всѣх аттрибутов государственной верховно
власти и сведенными к выполненію двух-трех второстепенны
функцій, — столь же неразумно, как сравнивать Флоренцію ил
Брюгге с какой-нибудь французской деревенской общиной, вла
чащей жалкое существованіе под гнетом наполеоновскаго ко
декса, или же с русским городом, управляющимся по городско
мы уложенію Екатерины II-ой. И тѣ, и другія имѣют свое
выборнаго голову, а послѣдній имѣет даже и ремесленные цехи
но разница между ними — вся та разница, какая существуе
между Флоренціей, с одной стороны, и какой-нибудь деревушко
Гусиные Ключи во Франціи или Царевококшайском, с другой; ил
же между Венеціанским дожем и современным деревенским мэром
снимающим шапку пред писцом господина суб-префекта.

Средневѣковыя гильдіи были в состояніи отстаивать сво
независимость; а когда, позднѣе, особенно в четырнадцато
вѣкѣ, вслѣдствіе нѣкоторых причин, на которыя мы сейча
укажем, старая городская жизнь начала претерпѣвать глубокі
измѣненія, тогда болѣе молодыя ремесла оказались достаточн
сильными, чтобы завоевать себѣ, в свою очередь, должную дол
в управленіи городскими дѣлами. Массы, соорганизованыя
"младшія" гильдіи, возстали, чтобы вырвать власть из ру
растущей олигархіи, и в большинствѣ случаев онѣ добилис
успѣха, — и тогда онѣ открывали новую эру расцвѣта воль

ных городов. Правда, в нѣкоторых городах возстаніе младших гильдій было потушено в крови, и тогда рабочим безпощадно рубили головы, как это было в 1306 году в Парижѣ и в 1371 году в Кельне. В таких случаях городскія вольности, послѣ такого пораженія, быстро приходили в упадок, и город подпадал под иго центральной власти. Но в большинствѣ городов было достаточно жизненных сил, чтобы выйти из борьбы обновленными и с запасом свѣжей энергіи *). Новый період юношескаго обновленія был тогда их наградой. В города вливалась волна новой жизни, которая и находила себѣ выраженіе в великолѣпных новых архитектурных памятниках, в новом періодѣ преуспѣянія, во внезапном прогрессѣ техники и изобрѣтеній и в новом интеллектуальном движеній, которое вскорѣ и повело к эпохѣ Возрожденія и Реформаціи.

Жизнь средневѣковаго города являлась цѣлым рядом тяжелых битв, которыя пришлось вести горожанам, чтобы добыть себѣ свободу и удержать ее.. Правда, во время этой суровой борьбы развилась крѣпкая и стойкая раса бюргеров; правда,

---

*) Во Франціи семь меньших искусств" устроили свою революцію в 1270—82 гг., и подробное описаніе ея результатов можно найти в работѣ Petrens ("Histoire de Florence", Paris, 1877, 3 тома) и в особенности в трудѣ Gino Capponi (Storia della republica di Firenze", 2-da edizione, 1876, I, 58—80; переведено на нѣмецкій язык); В Ліонѣ, напротив когда в 1402 году началось подобное же движеніе, оно было подавлено и ремесленники потеряли право выбирать собственных судей. В Роскотѣ подобное же движеніе происходило в 1313 году; в Цюрихѣ в 1336-м; в Бернѣ а в 1363-м в Брауншвейгѣ в 1374 году, а в слѣдующем году в Гамбургѣ; в Любекѣ в 1376—84 и т. д. См. Schmoller's, Strassburg's Bluthe"; Brentano, "Arbeitergilden der Gevenwart", 2 тома, Leipzig, 1871ffi72; E. Bain, "Merdhant and Craft Guilds", Aberdeen, 1887, стр. 26—47, 75 и т. д. Что-же касается до взглядов Gross'a на ту-жо борьбу в Англіи см. замѣчанія г-жи Green в ея "Town Life in the Fifteenth Century", II, 190—217; а также главу о рабочем вопросѣ, и вообще весь этот чрезвычайно интересный том указанной работы. Взгляды Бронтано на ремесленную борьбу, изложенные преимущественно в §§ III и IV его очерка "Об исторіи и развитіи гильдій" в "English guilds" Toulmin Smith'a, остаются классическими по этому вопросу, и далнѣйшія розысканія снова и снова подтверждали их.

что эта борьба воспитала любов и обожаніе родного города, и что великія дѣянія, совершенныя средневѣковыми общинами, вдохновлялись именно этою любовью. Но жертвы, которыя пришлось понести общинам в борьбѣ за свободу, были, тѣм не менѣе, очень тяжелы, и выдержанная общинами борьба внесла глубокіе источники раздоров в самую их внутреннюю жизнь. Очень немногіе города успѣли, благодаря стеченію благопріятных обстоятелств, добиться свободы сразу, при чем они, в большинствѣ случаев, так же легко и, потеряли ее. Громадному же большинству городов пришлось бороться по пятидесяти и по сто лѣт, а иногда и болѣе, чтобы добиться перваго признанія своих прав на свободную жизнь, и еще другую сотню лѣт, пока им удалось поставить свою свободу на прочном основаніи: хартіи двѣнадцатаго вѣка были только первыми ступенями к свободѣ *) В дѣйствительности средневѣковый город оставался укрѣпленным оазисом среди страны, погруженной в феодальное подчиненіе, и ему приходилось силою оружія утвердить свое право на жизнь.

Вслѣдствіе причин, вкратцѣ указанных в предыдущей главѣ, каждая деревенская община постепенно подпала под иго какого-нибудь свѣтскаго или духовнаго властелина. Дом такого властелина мало-по-малу обратился в замок, а его собратьями по оружію становились теперь наихудшаго сорта авантюристы, всегда готовые грабить крестьян. Помимо барщины, т. е. трех дней в недѣлю, которые крестьяне должны были работать на господина, с них взыскивали теперь всякаго рода поборы за все : за право сѣять и жать, за право грустить или веселиться, за право жить, жениться, и умирать. Но хуже всего было то, что их постоянно грабили вооруженные люди, принадлежавшіе к дружинам сосѣдних феодалов, которые

*) Приведу лишь один примѣр: Камбрэ совершил свою первую революцію в 907 году и послѣ трех или четырех новых возмущеній, добился хартіи в 1076 году. Эта хартія отбиралась дважды (в 1107-м и 1138 году) и дважды давалась снова (1127-м и 1180-м году). В общем пришлось бороться 223 года, прежде чѣм была завоевана независимость. Ліону пришлось бороться с 1195-го по 1320-й год.

смотрѣли на крестьян, как на домочадцев их господина, а потому, если у них вспыхивала родовая война из-за кровавой мести с их владѣльцем — вымещали все на крестьянах, на их скотѣ и их посѣвах. А между тѣм, всѣ луга, всѣ поля, всѣ рѣки и дороги — все вокруг города и каждый человѣк, сидѣвшій на землѣ, были под властью какого-нибудь феодальнаго владѣльца.

Ненависть бюргеров к феодальным баронам нашла себѣ очень мѣткое выраженіе в редакціи нѣкоторых хартій, которыя они заставили своих баронов подписать. Генрих V, напримѣр, должен был подписать в хартіи, данной городу Шпейеру в 1111 году, что он освобождает бюргеров от "отвратительнаго и негоднаго закона о выморочном владѣніи, которым город был доведен до глубочайшей нищеты" — Von dem scheusslichen und nichtswurdigen Gesetze, welches gemein Budel genannt wird... (Kallsen, т. I, 307). В coutume города Байонны имѣются такія строки: "народ древнѣе господ. Народ, численностью своей превосходящій другія сословія, желая мира, создал господ для обузданія и усмиренія могущественных", и. т. д. (Giry "Etablissements de Reuen", т. I, 117, цит. у Luchaire, стр. 24). Хартія, предлеженная для подписанія королю Роберту, не менѣе характерна. Его заставили сказать в ней: "Я не буду захватывать купцов, отнимать у них деньги или налагать на них выкуп. От Благовѣщенія до дня Всѣх Святых я не буду захватывать на лугах ни лошадей, ни кобыл, ни жеребят. Я не буду сожигать мельниц, и не буду грабить муку.... Я не буду оказывать покровительства ворам", и т. д. (Pfeister напечатал этот документ, воспроизведенный также у Luchaire). Хартія, "дарованная" Безансонским архіепископом в которой он должен был перечислить всѣ бѣдствія, причиненныя его правами на крѣпостное владѣніе, не менѣе характерна *). Много можно было бы привести таких примѣров.

Удержать свою свободу среди такого, окружавшаго их,

*) См. Tuetey, "Etude sur le droit municiyal... en Franche-Comte" в Memoires de la Societe demulation de Montbeliard", 2-я серія, т. II, 129 seq.

своеволія феодальных баронов, было бы невозможно, а потому вольные города были вынуждены начать войну внѣ своих стѣн. Горожане стали посылать своих эмиссаров, чтобы поднимать деревни и руководить их возстаніем; они принимали деревни в состав своих корпорацій; и наконец они начали прямую войну против дворянства. В Италіи, гдѣ деревни были густо усѣяны феодальными замками, война приняла героическіе размѣры и велась обѣими сторонами с суровым ожесточеніем. Флоренціи пришлось цѣлые семьдесят семь лѣт вести кровавыя войны, чтобы освободить свой contado от дворян; но когда борьба была побѣдоносно закончена (в 1181 году), все пришлось начинать сызнова. Дворянство собралось с силами и образовало свои собственныя лиги, в противовѣс лигам городов и, получая свѣжую поддержку, то от императора, то от папы, затянуло войну еще на 130 лѣт. То же самое произошло в Римѣ, в Ломбардіи,—по всей Итагіи.

Чудеса храбрости, смѣлости и настойчивости были совершены горожанами во время этих войн. Но луки и боевые топоры городских ремесленников не всегда брали верх над одѣтыми в латы рыцарями, и многіе замки выдерживали осаду, несмотря на замысловатыя осадныя машины и настойчивость осаждавших горожан. Нѣкоторые города,—как напр., Флоренція, Болонья и многіе другіе во Франціи, Германіи и Богеміи,—успѣли освободить окружающія их деревни, и замѣчательное благосостояніе и спокойствіе были им наградою за их усилія. Но даже в этих городах, а тѣм болѣе в городах менѣе могучих, или менѣе импульсивных, купцы и ремесленники, истощенные войной и ложно понимая свои собственныя выгоды, заключили с баронами мир, так сказать, продавши им крестьян. Они заставляли барона принять присягу на вѣрность городу; его замок сносился до основанія и он давал согласіе выстроить дом и жить в городѣ, гдѣ он становился теперь согражданином (com-bourgeois, con-cittadino); но взамѣн, он сохранял большинство своих прав над крестьянами, которые таким образом получали лишь частичное облегченіе от лежавшаго на них бремени. Горожане не поняли, что им слѣдовало дать равныя права гражданства

крестьянину, на котораго им приходилось полагаться в дѣлѣ снабженія города пищевыми продуктами; и вслѣдствіе этого непониманія, между горожанами и деревней образовалась с тѣх пор глубокая пропасть. В нѣкоторых случаях, крестьяне только перемѣнили владѣльцев, так как город выкупал права барона и продавал их по частям своим собственным гражданам *). Крѣпостная зависимость оставалась, таким образом, и только гораздо позднѣе, к концу тринадцатаго вѣка, революція младших ремесл положила ей конец; но уничтоживши личную крѣпостную зависимость, она в то же время отнимала у крестьян землю **). Едва-ли нужно прибавлять, что города вскорѣ почувствовали на себѣ роковыя послѣдствія такой близорукой политики: деревня стала врагом города.

Война против замков имѣла еще одно вредное послѣдствіе. Она втянула города в продолжительныя войны между собою—что и дало возможность сложиться у историков теоріи, бывшей в ходу до недавняго времени, согласно которой города потеряли свою независимость вслѣдствіе взаимной зависти и борьбы друг с другом. Особенно поддерживали эту теорію историки-имперіалисты, но она сильно поколеблена новѣйшими изслѣдованіями. Несомнѣнно, что в Италіи города воевали друг с другом с упорным ожесточеніем; но нигдѣ, кромѣ Италіи, междоусобія городов не принимали таких размѣров; да и в самой Италіи городскія войны, в особенности в раннем періодѣ, имѣли свои специальныя причины. Онѣ были (как это уже показали Сисмонди и Феррари) продолженіем войны против замков—неизбѣжным продолженіем борьбы свободнаго муниципальнаго и федеративнаго принципа про-

---

*) Это, повидимому, часто случалос в Италіи. В Швейцаріи Берн даже купил города Тун и Бургдогф.

**) Так, по крайней мѣрѣ, дѣло происходило в городах Тосканы (Флоренціи, Луккѣ, Тіеннѣ, Болоньѣ и т. д.), относительно которых наилучше изучены отношенія между городом и крестьянами. (Лучицкій, «Рабство и русскіе рабы во Флоренціи» в Кіевских университетских «Извѣстіях» за 1885 год; для этой работы Лучицкій использовал Rumehr's «Ursprung der Besitzlosigkeit der Colonien in Toscana», 1830). Но, вообще, вес вопрос об отношеніях между городами и крестьянством требует болѣе тщательнаго изученія.

тив феодализма, имперіализма и папства. Многіе города, освободившіеся только отчасти из-под власти епископа, феодальнаго владѣльца, или императора, были силою втянуты в борьбу против свободных городов дворянами, императором и церковью, политика которых сводилась к тому, чтобы не давать городам объединиться, и вооружать их друг против друга. Эти особливыя условія (отчасти отразившіяся на Германіи) объясняют, почему итальянскіе города, из которых один искал поддержки у императора для борьбы с папой, а другіе — у церкви для борьбы с императором, вскорѣ раздѣлились на два лагеря, Гибеллинов и Гвельфов, и почему то же раздѣленіе проявилось и внутри каждаго города *).

Огромный экономическій прогресс, достигнутый большинством итальянских городов, как раз в то время, когда эти войны были в самом разгарѣ **), и легкость с которою заключались союзы между городами, дают еще болѣе вѣрное понятіе о борьбѣ городов и еще болѣе подрывают вышеупомянутую теорію. Уже в 1130—1150 годах начали слагаться могущественныя городскія лиги; и немного лѣт спустя, когда Фридрих Барбаросса напал на Италію и, поддерживаемый дворянством и нѣсколькими отсталыми городами пошел на Милан, народный энтузіазм с силою пробудился во многих городах, под вліяніем народных проповѣдников. Кремона, Піаченца, Брешіа, Тортона и др. пришли на выручку; знамена гильдій Вероны, Падуи, Виченцы и Тревизы развѣвались вмѣстѣ в лагерѣ городов, против знамен императора и дворянства. В слѣдующем году образовалась Ломбардская лига, а лѣт через шестьдесят мы уже видим, что эта лига усилилась союзами со многими другими городами и представляет прочную организацію, хранящую половину своей военной казны в Генуѣ, а другую половину в Венеціи***). В Тосканѣ Флоренція

*) Обобщенія Феррари часто черезчур теоритичны, чтобы всегда быть правильными; но его взгляды на роль дворянства в городских войнах обоснованы на массѣ доставѣрных фактов.

**) Лишь города, упрямо стоявшіе за дѣло баронов, как, напр., Пиза или Верона, потеряли, благодаря этим войнам. Для многих же городов, сражавшихся на сторонѣ баронов, пораженіе было началом освобожденія и прогресса.

***) Ferrari, II, 18, 104 и слѣд. Leo и Botta, I, 432.

стояла во главѣ другой могущественной лиги, к которой принадлежали Лукка, Болонья, Пистойя и др. города, и которая играла важную роль в пораженіи дворянства в средней Италіи; болѣе же мелкія лиги были в то время самым обычным явленіем. Таким образом несомнѣнно, что хотя и существовало соперничество между городами, и не трудно было посѣять раздоры между ними, но это соперничество не мѣшало городам об'единяться для общей защиты своей свободы. Только позднѣе, когда города стали каждый маленьким государством, между ними начались войны, как это всегда бывает, когда государства начинают бороться между собою за верховное преобладаніе или из-за колоній.

Подобныя же лиги сформировались с подобною же цѣлью в Германіи. Когда, при наслѣдниках Конрада, страна стала ареною нескончаемых родовых войн из-за кровавой мести между баронами, города Вестфаліи образовали лигу против рыцарей, при чем одним из пунктов договора было обязательство никогда не давать взаймы денег рыцарю, который продолжал бы укрывать краденыя товары *). В то время, как "рыцари и дворянство жили грабежем и убивали, кого хотѣли", как говорится в Вормской Жалобѣ (Wormster Zern) рейнскіе города (Майнц, Кельн, Шпейер, Страссбург, и Базель) взяли на себя иниціативу образованія лиги, для преслѣдованія грабителей и поддержанія мира, которая вскорѣ насчитывала шестьдесят вошедших в союз городов. Позднѣе, лига Швабских городов, раздѣленных на три "мирных округа" (Аугсбург), Констанц и Ульм) преслѣдовала ту-же цѣль. И хотя эти лиги были сломлены **), онѣ продержались довольно долго, чтобы показать, что в то время, как предполагаемые миротворцы — короли, императоры и церковь — возбуждали раздоры и сами были безпомощны против разбойничавших рыцарей, толчок к возстановленію мира и к об'единенію исходил из городов. Города, — а не императоры, —

*) Joh. Falke, «Die Hansa als Deutsche See-und Handelsmacht», Berlin, 1863, стр. 31, 35.

**) Относительно Ахнена и Кельна имѣются прямыя указанія, что не кто иной, как епископы этих двух городов — один из них подкупленный врагами — открыли ворота города.

были единственными созидателями національнаго единства *).

Подобныя же федераціи, с однородными цѣлями, организовывались между деревнями, и теперь, когда Luchaire обратил вниманіе на это явленіе, можно надѣяться, что мы вскорѣ узнаем больше подробностей об этих федераціях. Нам извѣстно, что деревни об'единялись в небольшія федераціи в contado Флоренціи; также в подчиненных Новгороду и Псково областях. Что же касается Франціи, то имѣется положительное свидѣтельство о федераціи семнадцати крестьянских деревень, просуществовавшей в Ланнэ (Laonnais) в теченіе почти ста лѣт (до 1256г.) и упорно боровшейся за свою независимость. Кромѣ того, в окрестностях города Laon существовали три крестьянскія республики, имѣвшія присяжныя хартіи, по образцу хартій Лана и Суассона, — причем, так как их территоріи были смежными, онѣ поддерживали друг дгуга в освободительных войнах. Вообще Luchaire полагает, что многія подобныя федераціи возникли во Франціи в двѣнадцатом и тринадцатом вѣкѣ, но в большинствѣ случаев документальныя извѣстія о них утеряны. Конечно, не защищенныя, как города, стѣнами, деревенскія федераціи легко разрушались королями и баронами; но при нѣкоторых благопріятных обстоятельствах, когда онѣ находили поддержку в городских лигах, или защиту в своих горах, подобныя крестьянскія республики становились независимыми единицами Швейцарской Конфедераціи *).

,Что же касается до союзов, заключавшихся городами ради разных мирных цѣлей, то они были самым обычным явленіем. Сношенія, установившіяся в період освобожденія, когда города списывали друг у друга хартіи, не прерывались впослѣдствіи.

---

*) См. факты (хотя не всегда сопровождаемые вѣрными выводами), у Nitzsch, III, 133 и слѣд.; также Kallsen, I, 458 и т. д.

**) Об Коммунѣ Laonnais которую до розысканіи Melleville'a («Histoire dala Commune du Laonnais», Paris, 1853) смѣшивали с коммуной города Laon, см. Luchaire, стр. 75 и слѣд.; о ранних крестьянских гильдіях и послѣдующих союзах см. R. Wilman, «Die landlichen Schutzgilden Westphalien» в «zeitschrift fur Kulturgeschichte», neue Folge, т. III, цит в Henne-am-Rhyn, «Kulturgesdhichte», III, 249.

Иногда, когда судьи какого-нибудь германскаго города должны были вынести приговор в совершенно новом для них сложном дѣлѣ, и об'являли, что не могут подыскать рѣшенія (des Urtheiles nicht weise zu sein), они посылали делегатов в другой город с цѣлью подыскать подходящее рѣшеніе. То же самое случалось и во Франціи *). Мы знаем также, что Форли и Равенна взаимно натурализировали своих граждан и дали им полныя права в обоих городах.

Отдавать спор, возникшій между двумя городами, или внутри города, на рѣшеніе другой общинѣ, которую приглашали дѣйствовать в качествѣ посредника, было также в духѣ времени **). Что же касается до торговых договоров между городами, то они были самым обычным дѣлом***). Союзы для регулированія производства и об'ема бочек, употреблявшихся в торговлѣ вином, "селедочныя союзы" и т.д. были предшественниками большой торговой федераціи Фламандской Ганзы, а позднѣе — великой Сѣверо-Германской Ганзы. Исторія же этих двух обширных союзов позволила бы мнѣ наполнить еще многія страницы примѣрами федеративнаго духа, которым были проникнуты люди того времени. Едва ли нужно прибавлять, что, благодаря Ганзейским союзам, средневѣковые города сдѣлали больше для развитія международных сношеній, мореплаванія и морских открытій, чѣм всѣ государства первых семнадцати вѣков нашей эры.

Короче говоря, федераціи между маленькими земскими единицами, а равно и между людьми, об'единенными общими цѣлями в соотвѣтственныя гильдіи, а также федераціи между городами и группами городов — составляли самую сущность жизни и мысли в теченіе всего этого періода. Первые пять вѣков второй декады нашей эры (XI-й по XVI-й) могут, таким образом, быть разсматриваемы, как колоссальная попытка обез-

---

*) Lushaire, стр. 149.

**) Такіе два крупных города, как Майнц и Вормс, разрѣшили возникавшее между ними политическое столкновеніе при помощи посредников. Послѣ гражданской войны, вспыхнувшей в Аббевиллѣ, Амьенѣ выступил в 1231 году в качествѣ посредника (Lushaire, 149) и т. д.

***) См. например, W. Stieda, «Hansische Vereinbarungen», I. c., стр 114.

печить взаимную помощь и взаимную поддержку в крупных размѣрах, при помощи принципов федераціи и ассоціаціи, проводимых чрез всѣ проявленія человѣческоѣ жизни и во всевозможных степенях. Эта попытка в значительной мѣрѣ увѣнчалась успѣхом. Она об'единила людей, раньше того разединенных, она обезпечила им значительную свободу и удесятерила их силы. В ту пору, когда множество всяких вліяній воспитывали в людях партикуляризм, и было такое обиліе причин для раздоров, осрядно видѣть и отмѣтить, что у городов, разсѣянных по обширному континенту, оказалось так много общаго, и что они с такою готовностью об'единялись для преслѣдованія столь многих общин цѣлей. Правда, что в концѣ концов, они не устояли пред мощными врагами. Не проявивши достаточно широкаго пониманія принципа взаимной помощи, они сами надѣлали роковых ошибок. Но погибли они не от вражды друг к другу, и их ошибки не были слѣдствіем недостаточнаго развитія среди них федеративнаго духа.

Результаты новаго направленія, принятаго человѣческою жизнью в средневѣковом городѣ, были колоссальны. В началѣ одиннадцатаго вѣка города Европы представляли еще маленькія кучи жалких хижин, ютившихся вокруг низеньких, неуклюжих церквей, строители которых едва умѣли вывести арку; ремесла, сводившіяся главным образом к ткачеству и ковкѣ, были в зачаточном состояніи; наука находила себѣ убѣжище лишь в немногих монастырях. Но триста пятьдесят лѣт позже самый вид Европы совершенно измѣнился. Страна была усѣяна богатыми городами, и эти города были окружены широко-раскинувшимися, толстыми стѣнами, которыя были украшены вычурными башнями и воротами, представлявшими, каждая из них, произведенія искусства. Соборы, задуманные в грандіозном стилѣ и покрытые безчисленными украшеніями, поднимали к облакам свои высокія колокольни, при чем в их архитектурѣ проявлялась такая чистота формы и такая смѣлость воображенія, каких мы тщетно стремимся достигнуть в настоящее время. Ремесла и искусства поднялись до того совершенства, что даже теперь мы едва-ли можем похвалиться тѣм, чтобы мы во многом превзошли их, если только изобрѣтательный талант

работника и высокую законченность его работы ставить выше быстроты фабрикаціи. Суда свободных городов бороздили во всѣх направленіях сѣверное и южное Средиземное морѣ; еще одно усиліе — и они пересѣкут океан. На обширных пространствах благосостояніе заступило мѣсто прежней нищеты; выросло и распространилось образованіе. Выработался научный метод изслѣдованія, и положено было основаніе механики и физических наук; мало того, — подготовлены были всѣ тѣ механическія изобрѣтенія, которыми так гордится девятнадцатый вѣк! Таковы были волшебныя перемѣны, совершившіяся в Европѣ менѣе чѣм в четыреста лѣт. И тѣ потери, которыя понесла Европа, когда пали ея свободные города, можно оцѣнить лишь тогда, когда мы сравниваем семнадцатый вѣк с четырнадцатым, или даже тринадцатым. Благосостояніе, которым отличались Шотландія, Германія, равнины Италіи, — исчезло. Дороги пришли в упадок, города опустѣли, свободный труд превратился в рабство, искусства заглохли, даже торговля пришла в упадок *).

Если бы послѣ средневѣковых городов не осталось никаких письменных памятников, по которым можно было бы судить о блескѣ их жизни, если бы послѣ них остались одни только памятники их архитектурнаго искусства, которые мы находим разсѣянными по всей Европѣ, от Шотландіи до Италіи и от Героны в Испаніи до Бреславля на славянской территоріи, то и тогда мы могли бы сказать, что эпоха независимых городов была временем величайшаго расцвѣта человѣческаго ума в теченіе всей христіанской эры, вплоть до конца восемнадцатаго вѣка. Глядя, например, на средневѣковую картину, изображающую Нюренберг, с его десятками башен и высоких колоколен, носящих на себѣ, каждая из

*) Ср. Cosmo Innes, «Early Scottish History» и «Scotland in Middle Ages», цит. у Rev. Denton, I. c., стр. 68, 69; Lamprecht, «Deutsches wirthschaftliche Leben in Mittelalter», разсм. Schmoller в его Jahrbuch, т. XII; Sismondi, «Tableau de lagriculture toscane», стр. 226 и слѣд. Владенія Флоренціи можно было узнать сразу по их благоденствію.

них, печать свободнаго творческаго искусства, мы едва можем себѣ представить, чтобы всего за триста лѣт до этого, Нюренберг был только кучею жалких хижин. И наше удивленіе, растет, по мѣрѣ того, как мы вглядываемся в детали архитектуры и украшеній каждой из безчисленных церквей, колоколен, городских ворот и ратушей, разсѣянных по всей Европѣ, доходя на востокѣ до Богеміи и до мертвых теперь городов Польской Галиціи. Не только Италія, — эта мать искусства, — но вся Европа переполнена подобными памятниками. Чрезвычайно знаменателен, впрочем, уже тот факт, что из всѣх искусств архитектура — искусство по преимуществу общественное, — достигла в эту эпоху наивысшаго развитія. И дѣйствительно, такое развитіе архитектуры было возможно только как результат высоко-развитой общественности в тогдашней жизни.

Средневѣковая архитектура достигла такого величія не только потому, что она являлась естественным развитіем художественнаго ремесла; не только потому, что каждое зданіе и каждое архитектурное украшеніе были задуманы людьми, знавшими по опыту своих собственных рук, какіе артистическіе эффекты могут дать камень, желѣзо, бронза, или даже просто бревна и известка с галькою; не только потому, что каждый памятник был результатом коллективнаго опыта, накопленнаго в каждом художествѣ или ремеслѣ *), — средневѣковая архитектура была велика потому, что она являлась выраженіем великой идеи. Подобно греческому искусству, она возникала из представленія о братствѣ и единствѣ, воспиты-

---

*) John Ennett («Six Essays», London, 1891), дал нѣсколько превосходных страниц об этой сторонѣ средневѣковой архитектуры. Willis, в его приложеніи к «History of Inductive Sciendes», Whewell'я (I, 261—262), указал на красоту механических соотношеній в средневѣковых постройках. "Созрѣла, — говорит он, — новая декоративная конституція, не противорѣчащая и контролирующая, но содѣйствующая и гармонирующая с механической конституціей. Каждая часть, каждое лѣпное украшеніе становится опорой тяжести; и благодаря увеличенію числа опор, поддерживающих друг друга, и соотвѣтственнаго распредѣленія тяжести, глаз наслаждается устойчивостью структуры, не взирая на кажущуюся хрупность тонких отдѣльных частей". Трудно лучше охарактеризовать искусство, возникшее из общительной жизни города.

ваемых городом. Она обладала смѣлостью, которая могла быть пріобрѣтена лишь смѣлою борьбою и побѣдами; она дышала энергіею, потому что энергіей была проникнута вся жизнь города. Собор или городская ратуша символизировали организм, в котором каждый каменщик и каменотес являлись строителями, и средневѣковое зданіе представляет собою не замысел отдѣльной личности, над выполненіем котораго трудились тысячи рабов, исполняя урочную работу по чужой идеѣ; весь город принимал участіе в его постройкѣ. Высокая колокольня была частью величаваго зданія, в котором билась жизнь города, она не была посажена на не имѣющую смысла платформу, как парижское сооруженіе Эйфеля; она не была фальшивою каменною постройкою, возведенною с цѣлью скрыть безобразіе основной желѣзной структуры, как это сдѣлано было на Тоуэрском мосту, в Лондонѣ. Подобно аѳинскому Акрополю, собор средневѣковаго города имѣл цѣлью прославленіе величія побѣдоноснаго города; он символизировал союз ремесл; он был выраженіем чувства каждаго гражданина, который гордился своим городом, так как он был его собственное созданіе. Случалось, что совершив успѣшно свою вторую революцію младших ремесл, город начинал строить новый собор, с цѣлью выразить новое, глубже идущее и болѣе широкое единеніе, проявившееся в его жизни.

Наличныя средства, с которыми города начинали эти великія постройки, бывали большею частью несоразмѣрно малы. Кельнскій собор, например, был начат при ежегодной издержкѣ всего в 500 марок; дар в 100 марок был записан как крупное приношеніе *); даже когда работа подходила к концу, ежегодный расход едва доходил до 5,000 марок и никогда не превышал 14,000. Собор в Базелѣ был построен на такія же незначительныя средства. Но за то каждая корпорація жертвовала для их общаго памятника свою долю камня, работы и декоративнаго генія. Каждая гильдія выражала в этом памят-

*) Dr. L. Ennen, «Der Domzu Koln, seine Construction und Anstaltung», Koln, 1871.

никѣ свои политическіе взгляды, разсказывая в камнѣ или бронзѣ исторію города, прославляя принципы „Свободы, Равенства и Братства" *); восхваляя союдзников города и посылая в вѣчный огонь его врагов. И каждая гильдія выказывала свою любовь к общему памятнику, богато украшая его цвѣтными окнами, живописью, "церковными вратами, достойными быть вратами рая," — по выраженію Микель Анджело, — или же каменными украшеніями на каждом малѣйшей уголкѣ постройки *). Маленькіе города и даже самые маленькіе приходы **) соперничали в этого рода работах с большими городами, и соборы в Laon или Saint Ouen едва ли уступают Реймскому собору, Бременской ратушѣ или Бреславльской вѣчевой колокольнѣ. "Ни одна работа не должна быть начата коммуной, если она не была задумана в соотвѣтствіи с великим сердцем коммуны, слагающимся из сердец всѣх ея граждан, об'единенных одной общей волей," — таковы были слова городского Совѣта во Франціи; и этот дух проявляется во всѣх общинных работах, имѣющих общеполезное назначеніе, как, напримѣр, в каналах, террасах, виноградниках и фруктовых садах вокруг Флоренціи, или в оросительных каналах, пробѣгавших по равнинам Ломбардіи, в портѣ и водопроводѣ Генуи и, в сущности, во всѣх общественных постройках, предпринимавшихся почти в каждом городѣ ***).

Всѣ искусства сдѣлали подобные же успѣхи в средневѣковых городах, и наши теперешнія пріобрѣтенія в этой области в большинствѣ случаев являются лишь продолженіем того, что выросло в то время. Благосостояніе фламандских

*) Эти три статуи находятся среди наружных украшеній собора Парижской Богоматери.

*) Средневѣковые искусства, подобно греческому, не знало тѣх антикварных лавок, которыя мы именуем "Національными галлереями" или "Музеями". Картину рисовали, статую высѣкали, бронзовое украшеніе отливали, — чтобы помѣстить их в надлежащем для них мѣстѣ, в памятникѣ общиннаго искусства. Произвожденіе искусства жило здѣсь, оно было частью цѣлаго, оно придавало впечатлѣнію, производимому цѣлым.

**) Ср. J. Ennett's «Second Essay», стр. 36.

***) Sismund, IV, 172; XVI, 356. Великій канал, «Naviglio Grande», доставляющій воду из Тессино, был начат в 1179 году, т. е. послѣ завоеванія независимости, а закончен в XIII-м столѣтіи. О его послѣдующем упадкѣ см. у Сисмонди же, XVI, 355.

городов основывалось на выдѣлкѣ тонких шерстяных тканей, Флоренція в началѣ четырнадцатаго вѣка, до эпидеміи "черной смерти" (чумы), выдѣлывала от 70,000 до 100,000 кусков шерстяных издѣліи оцѣнивавшихся в 1,200,000 золотых флоринов *). Чеканка драгоцѣнных металлов, искусство отливки, художественная ковка желѣза — были созданіем средневѣковых гильдій (mysteries), которыя достигли в соотвѣтствующих областях всего, чего можно было достигнуть путем ручного труда, не прибѣгая к помощи могучаго механическаго двигателя. Ручного труда — и изобрѣтательности, так как, говоря словами Уэвелля, "Пергамент и бумага, печатаніе и гравировка, усовершенствованное стекло и сталь, порох, часы, телескоп, морской компас, реформированный календарь, десятичная система, алгебра, тригонометрія, химія, контрапункт (открытіе равнявшееся новому созданію в музыкѣ), — все это достояніе мы унаслѣдовали от той эпохи, которую так презрительно именуют періодом застоя". (History of Inductive Sciences, I, 252).

Правда, как замѣтил Уэвелль, ни одно из этих открытій не вносило какого-нибудь новаго принципа; но средневѣковая наука сдѣлала нѣчто большее, чѣм дѣйствительное открытіе новых принципов. Она подготовила открытіе всѣх тѣх новых принципов, которые извѣстны нам в настоящее время в области механических наук: она пріучила изслѣдователя наблюдать факты и дѣлать из них выводы. То была индуктивная наука, хотя она еще не вполнѣ уяснила себѣ значеніе и силу индукціи; и она положила основаніе как механики, так и физики. Франсис Бэкон, Галилей и Коперник были прямыми потомками Рождера Бэкона и Майкеля Скота, как паровая машина была прямым продуктом изслѣдованій об

*) В 1336 году в флорентинских начальных школах училос от 8.000 до 10.000 мальчиков и дѣвочек; от 1000 до 1200 мальчиков училось в семи средних школах, и от 550 до 600 студентов в четырех университетах. В тридцати рогодских госпиталях было свыше 1000 кроватей на населеніе в 90.000 чел. (Carponi II, 249, seq.). Авторитетные изслѣдователи не раз уже указывали, что, вообще говоря, образованіе стояло в ту эпоху на болѣе высоком уровнѣ, чѣм обыкновенно предполагалось. Такое замѣчаніе без всякаго сомнѣнія справедливо относительно демократическаго Нюренберга.

атмосферном давленіи, произведенных в итальянских университетах, и того математическаго и техническаго образованія, котором отличался Нюренберг.

Но нужно ли в самом дѣлѣ, еще распространяться и доказывает прогресс наук и искусств в средневѣковом городѣ? Не достаточно-ли просто указать на соборы в области искусства, и на итальянскій язык и поэму Данте в области мысли, чтобы сразу дать мѣру того, что создал средневѣковый город в теченіе четырех вѣков своего существованія?

Нѣт никакого сомнѣнія — средневѣковые города оказали громаднѣйшую услугу европейской цивилизаціи. Они помѣшали Европѣ дойти до теократических и деспотических государств, которыя создавались в древности в Азіи; они дали ей разнообразіе жизненных проявленій, увѣренность в себѣ, силу инициативы и ту огромную интеллектуальную и моральную энергію, которой она нынѣ обладает и которая является лучшей порукой в том, что эта цивилизація сможет отразить всякое новое нашествіе с Востока.

Но почему же эти центры цивилизаціи, попытавшіеся отвѣтить на такія глубокія потребности человѣческой природы и отличавшіеся такой полнотой жизни, не могли существовать еще далѣе? Почему же их охватила старческая дряблость в шестнадцатом вѣкѣ? и почему, послѣ того как они отразили столько внѣшних нападеній и сумѣли черпать новую энергію даже из своих внутренних раздоров, эти города, в концѣ концов, пали жертвой внѣшних нападеній и внутренных усобиц?

Различныя причины вызвали это паденіе, при чем нѣкоторыя из них имѣли свой корень в отдаленном прошлом, тогда как другія были результатом ошибок, совершенных самими городами. В концѣ пятнадцатаго вѣка в Европѣ начали возникать могущественныя государства, складывавшіяся по древне-римскому образцу. В каждой странѣ и в каждой области которы-нибудь из феодальных владѣльцев,болѣе хитры чѣм другіе, болѣе склонный к скопидомству, а часто и менѣе совѣстливый, чѣм его сосѣди, успѣвал пріобрѣсти в личное владѣніе болѣе богатыя вотчины, с большим количеством кре-

стьян в них, а также собрать вокруг себя большее количество рыцарей и дружинников, и скопить больше денег в своих сундуках. Такой барон, король,или князь обыкновенно выбирал для своего мѣстожительства деревни с выгодным географическим положеніем и еще не освоившіяся с порядками свободной городской жизни — Париж, Мадрид, Москва стояли в таких условіях — и при помощи крѣпостного труда он создавал здѣсь королевскій укрѣпленный город, в который он привлекал, щедрою раздачею деревень "в кормленіе", военных сподвижников, а также и купцов, пользовавшихся покровитель ством, которое он оказывал торговлѣ. Таким образом создавалось, в зачаточном состояніи, будущее государство, которое и начинало понемногу поглащать другіе такіе же центры. Законники, воспитанные на изученіи римскаго права, охотно стекались в такія города: упрямая и честолюбивая раса людей, выдѣлившихся из горожан и одинаково ненавидѣвших как высокомѣріе феодолов, так и проявленіе того, что они называли беззаконіем крестьянства. Уже самыя формы деревенской общины, неизвѣстныя их кодексам, самые принципы федерализма были ненавистны им, как наслѣдіе "варварства". Их идеал был цезаризм, поддерживаемый функціею народнаго одобренія и силою оружія, и они усердно работали для тѣх, на кого они полагались для осуществленія этого идеала *).

Христіанская церковь, раньше возстапая против римскаго права, а теперь обратившаяся в ого союзницу, работала в том же направленіи. Так как попыска образовать теократическую имперію в Европѣ, под главенством папы, не увѣнчались успѣхом, то болѣе интеллигентные и честолюбивые епископы начали оказывать теперь поддержку тѣм, кого они считали способными возстановить могущество царей Израиля и константинопольских императоров. Церковь обле-

---

*) Ср. превосходныя соображенія о сущности римскаго права, данныя L. Ranke, в »его «Weltgeschichte», т. IV, ч. 2, стр. 20—31; а также замѣчанія Sismondi о роли легистов в развитіи королевской власти («Histoire des Francais», Paris, 1826, VIII, 85—99. Народная ненависть против этих «Weise Doktoren und Beutelschneider des Volks» выразились в полной силѣ в XVI столѣтіи, в проповѣдях ранняго реформаціоннаго движенія.

кла возвышавшихся правителей своей святостью; она короновала их, как представителей Бога на земле, она отдала им на службу ученость и государственные таланты своих служителей; она принесла им свои благословенія и свои проклятія, свои богатства и тѣ симпатіи, которыя она сохранила среди бѣдняков. Крестьяне, которых города не смогли или отказались освободить, видя что горожане не в силах положить конец безконечным войнам между рыцарями — за которые крестьянам приходилось так дорого расплачиваться, — теперь возлагали свои надежды на короля, на императора, на великаго князя; и помогая им сокрушить могущество феодальных владѣтелей, они вмѣстѣ с тѣм, помогали им в установленіи централизованнаго государства. Наконец, нашествія монголов и турков, священная война против мавров в Испаніи, а равным образом и тѣ страшныя войны, которыя вскорѣ начались среди каждаго народа между выроставшими центрами верховной власти: Иль-де-Франсом и Бургундіей, Шотландіей и Англіей, Англіей и Франціей, Литвой и Польшей, Москвой и Тверью, и т. д., вели в концѣ концов, к тому же. Возникли могущественныя государства, и городам пришлось теперь вступать в борьбу, не только со благо-связанными между собою федераціями феодальных баронов или князей, но и с могуче-организованными центрами, имѣвшими в своем распораженіи цѣлыя арміи крѣпостных.

Но хуже всего было то, что возроставшіе центры единодержавія находили себѣ поддержку в тѣх усобицах, которыя возникали внутри самих городов. В основу средневѣкового города несомнѣнно была положена великая идея; но она была понята недостаточно широко. Взаимная помощь и поддержка не могут быть ограничены предѣлами небольшой ассоціаціи; онѣ должны распространяться на все окружающее, иначе окружающее поглотит ассоціацію и в этом отношеніи средневѣковый гражданин с самаго начала совершил громадную ошибку. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на крестьян и ремесленников, собиравшихся под защиту его стѣн, как на помощников, которые смогут внести свою долю в дѣло созиданія города, — что они сдѣлали в дѣйствительности, — "фамиліи"

старых горожан поспѣшили рѣзко отдѣлить себя от новых пришельцев. Первым предоставлялись всѣ благодѣянія общинной торговли и пользованія общинными землями, а вторым не оставляли ничего, кромѣ права свободно проявлять искусство своих рук. Город, таким образом, раздѣлился на "граждан", или "общинников" и на "обывателей" или "жителей" *). Торговля, носившая раннѣе общинный характер, стала теперь привилегіей купеческих и ремесленных фамилій, и слѣдующая ступень — переход к личной торговлѣ, или к привилегіям капиталистических, угнетательских компаній — трестов — стала неизбѣжной.

То же самое раздѣленіе возникло и между городом, в собственном смыслѣ этого слова, и окружающими его деревнями. Средневѣковыя коммуны пытались было освободить крестьян, но их войны против феодалов вскорѣ превратились, как уже сказано выше,, скорѣе в войны за освобожденіе самого города от власти феодалов, чѣм в войны за освобожденіе крестьян. Городская община оставила за феодалом его права над крестьянами, при условіи, чтобы он болѣе не причинял вреда городу и стал согражданином. Но дворянство, "воспринятое" городом и перенесшее свою резиденцію во внутрь городской ограды, внесло старыя свои фамильныя войны в предѣлы города. Оно не мирилось с мыслью, что дворяне должны подчиняться суду простых ремесленников и купцов, и оно продолжало вести на городских улицах свои старыя родовыя войны из-за кровавой мести. В каждом городѣ были теперь свои Колонны и Орсини, свои Оверштольцы и Визы. Извлекая большіе доходы из имѣній, которыя они успѣли удержать за собой, феодальныя владѣльцы окружили себя многочисленными кліентами и феодализировали нравы и обычаи самаго города, против старых гильдій и фамилій, феодалы стали предлагать обѣим партіям свои мечи и своих многочисленных прислуж-

---

*) Брентано вполнѣ оцѣнил губительные результаты борьбы между "старыми бюргерами" и новопришельцами. Мясковскій, в своей работѣ о деревенских общинах Швейцаріи, указал на то же в исторіи деревенских общин.

ников, чтобы рѣшать возникавшія столкновенія путем войны, вмѣсто того чтобы дать недовольству вылиться тѣми путями, которые, до тѣх пор, оно всегда находило, не прибѣгая к оружію.

Величайшею и самою роковою ошибкою большинства городов было также обоснованіе их богатства на торговлѣ и промышленности рядом с пренебрежительным отношеніем к земледѣлію. Таким образом, они повторили ошибку, уже однажды совершенную городами античной Греціи, и вслѣдствіе этого впали в тѣ же преступленія *). Но отчужденіе городов от земли, по-необходимости, вовлекло их в политику, враждебную земледѣльческим классам, которая стала особенно очевидной в Англіи, во времена Эдуарда III **), во Франціи, во времена жакерій (больших крестьянских возстаній), в Богеміи— в губитских войнах, и во время крестьянской войны в Германіи. С другой стороны, торговая политика вовлекла также городскія народоправства в отдаленныя предпріятія и развила страсть к обогащенію колоніями. Возникли колоніи, основанныя итальяскими республиками на юго-востокѣ, нѣмецкими — на востокѣ и славянскими (Новгородом и Псковом) — на дальнем сѣверо-востокѣ. Тогда понадобилось держать арміи наемников для колоніальных войн, затѣм этих наемников употребили и для угнетенія самих же горожан. Ради той же цѣли стали заключать займы в таких размѣрах, что они скоро оказали деморализующее вліяніе на граждан. Попасть во власть становилось очень выгодно, и внутреннія усобицы разростались все в больших размѣрах при каждых выборах, во время которых главную роль играла колоніальная политика в интересах немногих фамилій. Раздѣленіе между богатыми и бѣдными, между "лучшими" и "худшими" людьми, все расширялось, и в шестнадцатом вѣкѣ королевская власть нашла в каждом го-

*) Тогровля невольниками, захваченными на Востокѣ, безпрерывно продолжалась в итальянских республиках вплоть до XVстолѣтія. См. Cibrario, «Della schiavitu e del servaggio», 2 тома, Millan 1868; проф. Лучицкаго, "Рабство и русскіе рабы во Франціи в XIV и XV столѣтіях", в Кіевских университетских «Извѣстіях» за 1885 год.

**) J. R. Green's «History of the English Peoples», London, 1878, I, 455.

родѣ готовыхъ союзниковъ и помощниковъ среди бѣдняковъ, когда посулила имъ смирить богатыхъ.

Есть, однако, еще одна причина упадка коммунальныхъ учрежденій, болѣе важная и глубже лежащая, чѣмъ всѣ остальныя. Исторія средневѣковыхъ городовъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе поразительныхъ примѣровъ могущественнаго вліянія и д е й и о с н о в н ы х ъ н а ч а л ъ на судьбы человѣчества, а равнымъ образомъ и того что при коренномъ измѣненіи въ руководящихъ идеяхъ общества получаются совершенно новые, часто противоположные, результаты. Самодовѣріе и федерализмъ, верховная власть каждой отдѣльной группы, и построеніе политическаго тѣла отъ простого къ сложному—таковы были руководящія идеи одиннадцатого вѣка. Но съ того времени понятія подверглись совершенному измѣненію. Ученые легисты, изучавшіе римское право, и церковные прелаты, тѣсно об'единившіеся со времени Иннокентія III-го, успѣли парализовать идею,—античную греческую идею,—которая преобладала въ эпоху освобожденія городовъ и легла въ основаніе этихъ республикъ. Въ теченіе двухъ или трехъ столѣтій они стали учить съ амвона, съ университетской каѳедры и въ судахъ, что спасеніе людей лежитъ въ сильно централизованномъ государствѣ, подчиненномъ полубожеской власти одного, или немногихъ *); что о д и н ъ человѣкъ можетъ и долженъ быть спасителемъ общества, и что во имя общественнаго спасенія онъ можетъ совершать любое насиліе: жечь людей на кострахъ, убивать ихъ медленной смертью въ неописуемыхъ пыткахъ, повергать цѣлыя области въ самую отчаянную нищету. При этомъ, они не скупились на наглядные уроки въ крупныхъ размѣрахъ, и съ неслыханной жестокостью давали эти уроки вездѣ, куда лишь могли проникнуть мечъ короля или костеръ церкви. Вслѣдствіе этихъ ученій и соотвѣтственныхъ примѣровъ, постоянно повторяемыхъ и насильственно внѣдряемыхъ въ общественное сознаніе, самые умы людей начали принимать новый складъ. Граждане начали находить, что никакая власть не можетъ быть чрезмѣрной, никакое постепенное убійство—

*) Ср. теоріи, высказанныя Болоньскими законовѣдами, уже на конгрессѣ въ Roncaglio въ 1158 году.

черезчур жестоким, если дѣло идет об "общественной безопасности". И при этом новом направленіи умов, при этой новой вѣрѣ в силу единаго правителя, древнее федеральное начало теряло свою силу, а в вмѣстѣ с ним вымер и созидательный геній масс. Римская идея побѣдила, и при таких обстоятельствах централизованныя военныя государства нашли себѣ в городах готовую добычу.

Флоренція патнадцатаго вѣка представляет типичный образец подобной перемѣны. Раньше, народная революція бывала началом новаго, дальнѣйшаго прогресса. Теперь же, когда доведенный до отчаянія народ возстал, он уже болѣе не обладал созидательным творчеством, и народное движеніе не дало никакой свѣжей идеи. Вмѣсто прежних четырехсот представителей в общинном совѣтѣ, введена была тысяча представителей; вмѣсто прежних восьмидесяти членов синьоріи (signoria), в нее вошло сто членов. Но эта революція в числах не привела ни к чему. Народное недовольство все возростало, и послѣдовал ряд новых возмущеній. Тогда обратились за спасеніем к "тирану"; он прибѣг к избіенію возставших, но распаденіе общиннаго организма продолжалось. И когда, послѣ новаго возмущенія, флорентійскій народ обратился за совѣтом к своему любимцу—Іерониму Саванаролѣ—то монах отвѣтил: О, народ мой, ты знаеш, что я не могу входить в государственныя дѣла... Очисти свою душу, и если при таком расположеніи ума ты реформируеш город, тогда, народ Флоренціи, ты должен начать реформу во всей Италіи!" Маски, надѣвавшіяся во время гуляній на масляницѣ, и соблазнительныя книги были сожжены; был проведен закон о поддержаніи бѣдных и другой, направленный против ростовщиков,—но демократія Флоренціи оставалась тѣм же, чѣм была. Старый творческій дух исчез. Вслѣдствіе излишняго довѣрія к правительству, флорентинцы перестали довѣрять самим себѣ; они оказались неспособными обновить свою жизнь. Государству оставалось лишь войти и раздавить их послѣднія вольности.

И все-же поток взаимной помощи и поддержки не заглох в массах и продолжал струиться даже послѣ этого пораженія

вольных городов. Он поднялся снова с могучей силой, в отвѣт на коммунистическіе призывы первых пропагандистов реформаціи, и он продолжал существовать даже послѣ того, как массы, потерпѣвши неудачу в своей попыткѣ устроить жизнь так, как онѣ надѣялись устроить ее, вдохновленную реформированною религіею, подпали под власть единодержавія. Он струится даже тепер и ищет путей для новаго выраженія, которое уже не будет ни государством, ни средневѣковым городом, ни деревенской общиной варваров, ни родовым строем дикарей, но, отправляясь от всѣх этих форм, будет совершеннѣе всѣх их по глубинѣ и по широтѣ своих человѣчных начал.

ГЛАВА VII.

Взаимная помощь в современном обществѣ.

Народныя возмущенія в началѣ государственнаго періода. — Институціи взаимной помощи в настоящее время. — Деревенская община: ея борьба против государства, стремящагося ее уничтожить. —Обычаи, сохранявшіеся со времени періода деревенской общины и сохранившіеся в деревнях по настоящее время. — Швейцарія, Франція, Германія, Россія.

Склонность людей ко взаимной помощи имѣет такое отдаленное происхожденіе, и она так глубоко переплетена со всею прошлою эволюціею человѣческаго рода, что люди сохранили ее вплоть до настоящаго времени, несмотря на всѣ превратности исторіи. Эта склонность развилась, главным образом, в періоды мира и благосостоянія; но даже тогда, когда на людей обрушивались величайшія бѣдствія,—когда цѣлыя страны бывали опустошены войнами, и цѣлыя населенія их вымирали от нищеты, или стонали под ярмом тираніи,—та же склонность, та же потребность продолжала существовать в деревнях и среди бѣднѣйших классов городского населенія; она все-таки скрѣпляла их, и в концѣ концов, она оказывала воздѣйствіе даже

на то правящее, войнолюбивое и разоряющее меньшинство, которое относилось к этой потребности как к сантиментальному вздору. И всякій раз, когда человѣчеству приходилось выработать новую соціальную организацію, приспособленную к новому фазису его развитія, созидательный геній человѣка всегда черпал вдохновеніе и элементы для новаго выступленія на пути прогресса все из той же самой, вѣчно живой, склонности ко взаимной помощи. Всѣ новыя экономическія и соціальныя учрежденія, поскольку они являлись созданіем народных масс, всѣ новыя этическія системы и новыя религіи, — всѣ онѣ проходять из того же самого источника; так что этическій прогресс человѣческаго рода, если разсматривать его с широкой точки зрѣнія, представляется постепенным распространеніем начал взаимной помощи, от первобытнаго рода к агломератам людей, все болѣе и болѣе обширным, пока, наконец, эти начала не охватят все человѣчество, без различія вѣр, языков и рас.

Пройдя період родового быта и слѣдовавшій за ним період деревенской общины, европейцы выработали в средніе вѣка новую форму организаціи, которая имѣла за себя большое преимущество: она допускала большой простор для личной инициативы и в то же время в значительной мѣрѣ отвѣчала потребности человѣка во взаимной поддержкѣ. В средневѣковых городах была вызвана к жизни федерація деревенских общин, покрытая сѣтью гильдій и братств, и при помощи этой новой двойной формы союза были достигнуты огромные результаты в общем благосостояніи в промышленности, в искусствѣ, наукѣ и торговлѣ. Мы разсмотрѣли эти результаты довольно подробно в двух предыдущих главах, и также сдѣлали попытку об'яснить, почему, к концу пятнадцатаго вѣка, средневѣковыя республики,—окруженныя владѣніями враждебных феодалов, неспособныя освободить крестьян от крѣпостного ига и постепенно развращенныя идеями римскаго цезаризма,—неизбѣжно должны были сдѣлаться добычей растущих военных государств.

Однако, прежде чѣм подчиниться, на слѣдующія триста лѣт, всепоглощающей власти государства, народныя массы сдѣлали грандіозную попытку перестройки общества, сохраняя

при том прежнюю основу взаимной помощи и поддержки. Тепер хорошо уже извѣстно, что великое движеніе Реформаціи вовсе не было одним только возмущеніем против злоупотребленій католической церкви. Движеніе это выставило также и свой построительный идеал, и этим идеалом была—жизнь в свободных братских общинах, писанія и рѣчи проповѣдников ранняго періода. Реформаціи, находившія наибольшій отклик в народѣ, были пропитаны идеями экономическаго и соціальнаго братства людей.

Извѣстные "двѣнадцать пунктов" нѣмецких крестьян и подобные им символы вѣры, распространенные среди германских и швейцарских крестьян и ремесленников, требовали не только установленія права каждаго—толковать библію, согласно своему собственному разумѣнію, но заключали в себѣ также требованіе возврата общинных земель деревенским общинам и уничтоженія феодальных повинностей; при чем эти требованія всегда ссылались на "истинную" христіанскую вѣру, т. е. вѣру человѣческаго братства. В то же самое время десятки тысяч людей вступали в Моравіи в коммунистическія братства, жертвуя в пользу братства все свое имущество и создавая многочисленныя и цвѣтущія поселенія, основанныя на началах коммунизма *). Только массовыя избіенія, во время которых погибли десятки тысяч людей, могли пріостановить это широко распространившееся народное движеніе, и только при помощи меча, огня и колесованія юныя государства

*) В послѣднее время в Германіи растет об'емистая литература изслѣдонаній, посвященных этому вопросу, раньше остававшемуся в большом пренебреженіи. В качествѣ руководящих источников можно указать слѣдующіе труды' Keller'a, «Ein Apostel der Wiedertaufer» и «Geschichte der Wiedertaufer»; Cornelius'a, «Geschichte des munsterischen Aufruhrs» и Janssen'a «Geschichte det deutschen Volkes"‥ Первой попыткой ознакомить англійских читателей с результатами обширных изысканій, сдѣланных в этом направленіи в Германіи, является прекрасная небольшая работа' Ridhard Heath'a, «Anabaptism from its Rise at zwickau its Fall of Munster», 1521ffl1536, London, («Bapcisc Manuals», т. I), в которой хорошо указаны главныя черты движенія, а также даны полныя библіографическія указанія. См. также K. Kautsky, «Communism in Central Europe in the Time of the Reformation», London, 1897.

обезпечили за собой первую и рѣшительную побѣду над народными массами *).

В теченіе слѣдующих трех столѣтій, государства, как на контитентѣ, так и на Британских островах, систематически уничтожали всѣ учрежденія, в которых до того находило себѣ выраженіе стремленій людей ко взаимной поддержкѣ. Деревенскія общины были лишены права мірских сходов, собственнаго суда и независимой администраціи; принадлежавшія им земли были конфискованы. У гильдій были отняты их имущества и вольности, онѣ были подчинены контролю государственных чиновников и отданы на произвол их прихотей и взяточничества. Города были лишены своих верховных прав, и самые источники их внутренней жизни: вѣче, выборный суд и выборная администрація, верховныя права прихода и гильдіи—все это было уничтожено. Государственный чиновник захватили в свои руки каждое звено того, что раньше составляло органическое цѣлое. благодаря этой роковой политикѣ и порожденным ею войнам, цѣлыя страны, прежде населенныя и богатыя, были опустошены; богатые и людные города превратились в незначительныя мѣстечки; даже самыя дороги, соединявшія города между собою, стали непроходимыми. Промышленность, искусство, знаніе—пришли в упадок. Политическое образованіе, наука и право были подчинены идеѣ государственной централизаціи. В университетах и с церковных каѳедр стали учить, что учрежденія, в которых люди привыкли воплощать до тѣх пор свою потребность во взаимной помощи, могут не быть терпимы в надлежаще организованном государствѣ' что государство и церковь одни могут представлять узы единенія между его поддаными; что федерализм и "партикуляризм" были врагами прогресса,—и что государство—единственный пристойный инициатор дальнѣйшаго развитія. В концѣ

*) Немногія из наших современников ясно представляют себѣ как размѣры этого движенія, как и способы его подавленія. Но люди, писавшіе немедленно послѣ великой крестьянской войны, опредѣляли число крестьян, умерщвленных послѣ их пораженія в Германіи, от ста до ста пятидесяти тысяч душ. См. zimmermann's, «Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges», О способах подавленія движенія в Индерландах см. Richard Heath's «Anabaptism».

восемнадцатаго вѣка короли на континентѣ Европы, парламент в Англіи и даже революціонный конвент во Франціи, хотя и находились в войнѣ друг с другом, сходились в утвержденіи, что в предѣлах государства не должно быть никаких отдѣльных союзов между гражданами, кромѣ тѣх, которые установлены государством и подчинены ему, что для рабочих, осмѣливавшихся вступать в "коалиціи", единственное подходящее наказаніе—каторга и смерть. —"Не потерпим государства в государствѣ!" Только государство и государственная церков должны заботиться об общих интересах; подданные же должны оставаться малосвязанными между собою кучками людей, не об'единенных никакими особенными узами, и обязанных обращаться к государству, всякій раз, когда они имѣют какую-нибудь общую потребность. Вплоть до половины девятнадцатаго вѣка эта теорія и соотвѣтственная ей практика господствовали в Европѣ. Даже на торговыя и промышленныя общества глядѣли с подозрѣніем. Что же касается рабочих, то еще на нашей памяти их союзы считались незаконными, даже в Англіи такой же точки зрѣнія придерживались не далѣе, как двадцать лѣт тому назад, в концѣ XIX-го вѣка, на континентѣ. Вся система нашего государственнаго образованія, вплоть до настоящаго времени, даже в Англіи, была такова, что значительная часть общества смотрѣла, как на революціонную мѣру, если народ получал такія права, какими в средніе вѣка, пятьсот лѣт тому назад, пользовался всякій—свободный и крѣпостной,—на деревенском мірском сходѣ, в своей гильдіи, в своем приходѣ и в городѣ.

Поглощеніе всѣх общественных отправленій государством неизбѣжно благопріятствовало развитію необузданнаго, узкаго индивидуализма. По мѣрѣ того, как обязанности граждан по отношенію к государству умножались, граждане очевидно освобождались от обязанностей по отношенію друг к другу. В гильдіи,—а в средніе вѣка всѣ принадлежали к какой нибудь гильдіи или братству,—два "брата" обязаны были поочередно ухаживать за больным братом; тепер же достаточно дать своему сосѣду адрес ближайшаго госпиталя для бѣдных. В вар-

варском обществѣ присутствовать при дракѣ двух людей, возни шей из-за личной ссоры, и при этом не позаботиться, что бы драка не имѣла рокового исхода, значило навлечь на се бя обвиненіе в убійствѣ; но, согласно теперешней теоріи все охраняющаго государства, присутствующему при дракѣ нѣт нуж ды вмѣшиваться,—на то имѣется полиція. И в то время, как дикарей,—например у готтентотов,—считалось бы неприлич ным приняться за ѣду, не прокричавши троекратно приглаше нія желающему присоединиться к трапезѣ, у нас почтенны гражданин ограничивается уплатою налога для бѣдных, пре доставляя голодающим распорядиться, как им угодно. В ре зультатѣ, вездѣ—в законѣ, в наукѣ, в религіи—торжествует теперь теорія, гласящая, что люди могут и должны добиваться собственнаго счастія, не обращая никакого вниманія на чужія нужды. Это стало религіею нашего времени, и люди сомнѣвающіеся в ней считаются опасными утопистами. Наука громко провозглашает, что борьба каждаго против всѣх составляет руководящее начало природы вообще, и человѣческих обществ в частности. Именно этой борьбѣ біологія приписывает прогрессивную эволюцію животнаго міра. Исторія разсуждает таким же образом, а политико-экономы, в своем наивном невѣжествѣ, разсматривают прогресс современной промышленности и механики, как "поразительные" результаты вліянія того же начала. Самая религія церквей является религіею индивидуализма, слегка смягчаемаго болѣе или менѣе милосердными отношеніями к своим ближним—преимущественно по воскресеньям. "Практическіе" люди и теоретики, люди науки и религіозные проповѣдники, законовѣды и политическіе дѣятели, всѣ согласны в одном, а именно, что индивидуализм, в его наиболѣе грубых проявленіях, можно, конечно, смягчать благотворительностью, но что он является единственным надежным основаніем для поддержанія общества и его дальнѣйшаго прогресса.

Казалось бы, поэтому, дѣлом безнадежным—разыскивать институціи и практическія проявленія начала взаимной помощи в современном обществѣ. Что могло уцѣлѣть от них? И все же, как только мы начинаем присматриваться, как живуть милліоны человѣческих существ, и изучаем их повседнев-

ныя отношенія, нас поражает, прежде всего, огромная роль, которую играют в человѣческой жизни, даже в настоящее время, начала взаимной помощи и взаимной поддержки. Хотя вот уже триста или четыреста лѣт совершается, и в теоріи и в самой жизни, разрушеніе учрежденій и обычаев взаимной помощи,—тѣм не менѣе сотни милліонов людей продолжают жить при помощи этих учрежденій и обычаев; они благоговѣйно поддерживают их там, гдѣ удалось сохранить, и пытаются возсоздать их там, гдѣ они уничтожены. Мы переживаем, каждый из нас, в наших взаимных отношеніях, моменты возмущенія против моднаго, индивидуалистическаго символа вѣры наших дней, и поступки, при совершеніи которых люди руководятся своею склонностью к взаимной помощи, составляют такую огромную часть нашего повседневнаго обихода, что еслы бы возможно было внезапно положить им конец, то этим немедленно был бы прекращен весь дальнѣйшій нравственный прогресс человѣчества. Человѣческое общество, в таком случаѣ, не могло бы даже продержаться дольше чѣм жизнь одного поколѣнія. Факты этого порядка, в большинствѣ случаев оставленные без вниманія соціологами, но, тѣм не менѣе, имѣющіе первостепенное значеніе для жизни и дальнѣйшаго под'ема человѣчества, мы и разсмотрим тепер, начиная с существующих установленій взаимной поддержки, и переходя затѣм к таким актам взаимной помощи, которые исходят из личных или общественных симпатій.

Окидывая широким взглядом современное устройство европейскаго общества, мы прежде всего поражаемся тѣм фактом, что, несмотря на всѣ усилія покончить с деревенской общиной, эта форма единенія людей продолжает существовать в обширных размѣрах, как видно будет из послѣдующаго, и что в настоящее время дѣлаются многочисленныя попытки, либо возстановить ее в том или ином видѣ, либо найти что-нибудь в замѣну ея. Ходячія теоріи буржуазных экономистов утверждают, что община умерла в Западной Европѣ естественной смертью, так как общинное владѣніе землею было найдено носовмѣстимым с современными требованіями воздѣ-

лыванія земли. Но истина заключается в том, что нигдѣ деревенская община не исчезла по доброй волѣ; напротив, вездѣ правящим классам потребовалось нѣсколько столѣтій настойчивых и не всегда успѣшных усилій, с цѣлью искоренить общину и конфисковать общинныя земли.

Во Франціи, уничтоженіе независимости деревенских общин и грабеж принадлежащих им земель начались уже в шестнадцатом вѣкѣ. Впрочем, только в слѣдующем столѣтіи, когда крестьянская масса была доведена, поборами и войнами, до порабощенія и нищеты, так ярко описанных всѣми историками, грабеж общинных земель мог совержаться безнаказанно, и тогда он достиг скандальных размѣров. "Каждый брал у них, сколько мог... изобрѣтались воображаемые долги, с цѣлью захватить их земли",—так выражается едикт, обнародованный Людовиком XIV-м в 1667 году *). Конечно, государство не нашло иного средства для излѣченія этих зол, как еще большее подчиненіе общин своей власти и дальнѣйшее ограбленіе их—на этот раз самим государством. В сущности, уже два года спустя всѣ денежные доходы общин были конфискованы королем. Что же касается до захвата общинных земель, то он становился все шире и шире, и вслѣдующем столѣтіи дворянство и духовенство уже оказались владѣльцами огромных участков земли —они владѣли половиною всей годной для обработки площади, согласно нѣкоторым оцѣнкам, при чем большинство этих земель оставалось невоздѣланными **). Но крестьяне все еще сохраняли свои общинныя учрежденія, и вплоть до 1787 года деревенскіе мірскіе сходы, состоявшіе из всѣх домо-хозяев, соби-

---

*) «Chacnm s'en est accommode selon sa bienseanse... on les a partages... pour depouiller les communes, on s'est servi de detters simulees». (Эдикт Людовика XIV, 1667 года, цитируется различными авторами. За восем лѣт, общины были взяты под присмотр государства).

**) «В огромных имѣніях помѣщиков, даже когда они имѣют милліонные доходы, вы навѣрняка найдете землю необработанной» (Arthur Young). «Одна четвертая часть земли лишена обработки»; "в теченіе послѣдних ста лѣт земля пришла в дикое состояніе: «ранѣе цвѣтущая Солонь превратилась теперь в большое болото» (Theron des Montague. цит.. у Taine, «Origines de la France Contemporaine», т. стр. 144).

рались, обыкновенно под тѣнью колокольни или дерева, для распредѣленія надѣлов, или для передѣла остававшихся в их владѣніи полей, раскладки налогов и избранія общинной администраціи, точно так же, как это и до сих пор дѣлает русскій "мір". Это вполнѣ доказано тепер изслѣдованіями Бабо *).

Французское правительство нашло, однако, общинные мірскіе сходы "черезчур шумными", черезчур непослушными, и в 1787 году они были замѣнены выборными совѣтами, состоявшими из старшины и от трех до шести синдиков, которые избирались из болѣе состоятельных крестьян. Через два года "революціонное" Учредительное Собраніе (Assemblee Constituante) сходившееся в этом отношеніи вполнѣ со старым дестроем, вполнѣ подтвердило вышеуказанный закон (14 декабря 1789 года) и деревенская буржуазія занялась теперь в свою очередь грабежом общинных земель, который и продолжался в теченіе всего революціоннаго періода. Только 16 августа 1792 года, Законодательное Собраніе (Assemblee Ligislative) под давленіем крестьянских возстаній и поднятаго настроенія послѣ взятія **народом** королевскаго дворца, рѣшило возвратить общинам отнятыя у них земли; но в то же время оно постановляло, чтобы эти возвращенныя земли были раздѣлены между одними болѣе зажиточными крестьянами. Мѣра эта, конечно, вызвала новыя возстанія, и она была отмѣнена в слѣдующем же году, когда, послѣ изгнанія жирондистов, Конвент постановил, 11 іюня 1793 г., чтобы всѣ общинныя земли, отнятыя помѣщиками и пр. у крестьян, начиная с 1669 года, были возвращены общинам, которыя могли,— если рѣшали это большинством двух третей голосов,—раздѣлить общинныя земли в таком случаѣ поровну между всѣми обывателями, как богачами, так и бѣдняками, между "активными" и "пассивными' гражданами **).

---

*) A. Babeau, «Le Village sous l'Ancien regime», изданіе, Paris, 1892.

**) В восточной Франціи закон этот, в той его части, которая касалась возврата общинных земель, лишь подтвердил то, что уже было сдѣлано самими крестьянами, а в других частях Франціи он большею частью, остался мертвой буквой.

Тѣм не менѣе законы о раздѣлѣ общинных земель настолько шли вразрѣз с представленіями крестьян, что послѣдніе не выполняли их, и повсюду, гдѣ крестьяне вернулись во владѣніе, хотя бы частью ограбленных у них мірских земель, они владѣли ими сообща, оставляя их недѣленными. Но вскорѣ наступили долгіе годы войн и реакція, и общинныя земли были просто конфискованы государством (в 1794 году) для обезпеченія государственных займов; часть их была назначена на продажу и в концѣ концов разграблена; затѣм онѣ снова были возвращены общинам и снова конфискованы (в 1813 году), и только в 1816 году остатки этих земель, составлявшіе около 6.000,000 десятин наименѣе производительной земли. были возвращены деревенским общинам *). Но и это еще не было концом общинных злоключеній. Каждый новый режим видѣл в общинных землях удобный источник для вознагражденія своих сторонников, и три закона (первый в 1837 году), а послѣдній при Наполеонѣ III. были проведены, с цѣлью побудить деревенскія общины произвести раздѣл общинных земель. Три раза эти законы приходилось отмѣнять, вслѣдствіе оппозиціи, которую они встрѣчали в деревнях, но всякій раз правительству удалось отхватить что-нибудь от общинных владѣній; так, Наполеон III, под предлогом покровительства усо-

*) Вслѣд за торжеством буржуазной реакціи общинныя земли были об'явлены (24 августа 1794 г.) государственным имуществом и, вмѣстѣ с землями, конфискованными у дворянства, назначены на продажу и расхищены «черными шайками» (bandes noires) мелкой буржуазіи. Правда, этому расхищенію был положен конец в слѣдующем году (закон 2 Преріаля, Ѵ года Республики) и предшествовавшій закон отмѣнен, но в это время деревенскія общины были просто уничтожены и взамѣн их введены кантональные т. е. волостные совѣты. Лишь семь лѣт спустя (9 Предіаля, XII года Республики), т. е. в 1801 году, были возстановлены деревенскія общины, но у них отняли всѣ права и в 36.000 французских общин старшины и синдики были назначаемы правительством! Эта система поддерживалась вплоть до революціи 1830 года, когда, согласно закону 1787 года, были введены выборные общинные совѣты. Что же касается общинных земель, то онѣ были снова, в 1813 году, захвачены государством, расхищены, и лишь часть их была возвращена общинам в 1816 году. См. классическое собраніе французских законов: Dalloz, «Repertoire de Jurisprudense»: а также работы Doniol, Ronnemere, Babeau и мн. других.

вершенствованным методам агрикультуры, отдал крупныя общинныя владѣнія нѣкоторым из своих фаворитов.

Что же касается до автономіи деревенских общин, то что могло оставаться от нея послѣ стольких ударов? Правительство смотрѣло на старшину и синдиков, как на своих даровых чиновников, выполняющих извѣстныя функціи государственнаго механизма. Даже теперь, при третьей республикѣ, деревня лишена всякой самостоятельности, и малѣйшее дѣйствіе в предѣлах деревенской общины не может быть совершено без вмѣшательства и санкціи чуть ли не всего сложнаго государственнаго механизма, включая префектов и министров. Трудно повѣрить, а между тѣм в дѣйствительности оно так: если, например, крестьянин намѣревается уплатить денежным взносом свою долю труда по починкѣ общинной дороги, (вмѣсто того, чтобы самому набить требуемое количество камня), то не менѣе двѣнадцати государственных чиновников различнаго ранга должны дать согласіе на это, при чем это требует пятьдесят два бумажных документа, которыми эти чиновники должны обмѣняться, прежде чѣм крестьянину, нконец, будет разрѣшено внести денежную уплату в общинный совѣт. Все остальное носит тот-же характер. То же самое, если буря повалить дерево на дорогѣ *).

То, что случилось во Франціи, происходило повсюду в Западной и Средней Европѣ. Даже главные годы этого колоссальнаго грабежа крестьянских земель вездѣ совпадают. Для Англіи единственное различіе заключается в том, что грабеж совершался путем отдѣльных актов, а не путем общаго закона, —словом, дѣло происходило с меньшею поспѣшностью. чѣм во Франціи, но зато с большей основательностью. Захват общинных земель лэндлордами также начался в пятнадцатом столѣтіи, послѣ подавленія крестьянскаго возстанія в 1380 году,

---

*) Эта процедура кажется настолько нелѣпой, что ей трудно было бы повѣрить, если бы вполнѣ такой авторитетный писательв «Journal des Econostes» (1893, Avril, стр 94), г. Трикош, не перечислил сполна всѣ 52 документа и не привел еще нѣсколько подобных примѣров.

как видно из "Historia" Россуа и статута Генриха VII-го, в которых об этих захватах говорится под заголовком: "гнусности и злодѣянія, вредящія общему благу" *). Позднѣе, при Генрихѣ VIII-м, было начато, как извѣстно, специальное разслѣдованіе (Great Inquest) с цѣлью прекратить захват общинных земель, но разслѣдованіе это закончилось санкціонированіем расхищенія, в тѣх размѣрах, в каких оно уже произошло **).

Расхищеніе общинных земель продолжалось, и крестьян продолжали сгонять з земли. Но только с середины XVIII-го столѣтія, в Англіи, как и вездѣ в других странах, установилась систематическая политика уничтоженія общиннаго владѣнія; так что слѣдует удивляться не тому, что общинное владѣніе исчезло, а тому что оно могло сохраниться, даже в Англіи, и "преобладало еще на памяти дѣдов нашего поколѣнія" ***). Истинной цѣлью "актов об огражденіи" (Enclosure Acts), как показано было Seebohm, было устраненіе общиннаго владѣнія ****), и оно было настолько хорошо устранено, что когда парламент провел, между 1760-м годом и 1844-м годом, почти 4000 актов об огражденіи, то от него остались тепер

---

*) Dr. Ochenkowski, «Englands wirthschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalter». (Iено 1879) стр. 35 и слѣд., гдѣ обсуждается весь этот вопрос с полным знаніем текстов.

*) Nasse, »Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des XVI Jahrhunderrts in England», Bonn, 1869), стр. 4, 5; Vinogradow, «Villainage in England», (Oxford, 1892).

***) F. Seebohm, «The Enblish Village Communioy»,3-е изд. 1884, стр. 13-15.

****) «Разсмотрѣніе деталей Акта об огражденіи, обнаруживает, что вышеописанная система (общиннаго владѣнія) была той системой, устраненіе которой являлось задачей этого акта» (Seebohm, I, с., стр. 13). И далѣе: «эти акты составлялись вообще в одной и той же формѣ, начиная с заявленія, что открытыя и общія поля (дѣлянки в различных полях и пастбища) лежат в различных мѣстах небольшими клочками, отличаясь черезполосностью и неудобством расположенія; что различныя лица владѣют частями этих земель и владѣют общими правами на них... и что желательно, чтобы земли были подѣлены и огорожены, при чем каждому владѣльцу опредѣлена была бы извѣстная часть" (стр. 14). Указатель Портера, заключает 3867 таких актов, из которых наибольшее количество падает на декады 1770—1780 и 1800—1820, так же как и во Франціи. См. Приложеніе XVI-е.

только слабые слѣды. Лорды забрали себѣ земли деревенских общин, и каждый отдѣльный случай захвата был санкціонирован парламентом *).

В Германіи, в Австріи и в Бельгіи деревенская община была тоже разрушена государством. Примѣры того, чтобы общинники сами раздѣляли между собой общинныя земли, были рѣдки **), между тѣм как государства вездѣ понуждали их к подобному раздѣлу или просто благопріятствовали захвату их земель частными лицами. Послѣдній удар общинному, владѣнію в Средней Европѣ также был нанесен в срединѣ восемнадцатаго вѣка. В Австріи правительству пришлось пустить в ход грубую силу в 1768 году, чтобы заставить общины совершить раздѣл земель,— при чем,два года спустя, для этой цѣли была назначена спеціальная комиссія. В Пруссіи, Фрудрих II, в нѣкоторых из своих указов (в 1752, 1763, 1765 и

---

*) Акты об огражденіп—поразительный примѣр того самоволія земельной аристократіи, которое под покровительством парламента, удерживалось в Англіи до конца девятнадцатаго вѣка, и продолжает держаться еще до сих пор. В силу этого Акта, если наслѣдник бывших феодалов (или тот, кто купил у них права) загараживал вольныя общинныя земли изгородью — в нѣсколько десятков верст — то они становились его собственностью, в силу той фикціи, поддерживаемой англійскими законниками и профессорами, что в территоріи, на которую прежде распространялась судебная власть феодальнаго лорда, всѣ земли принадлежали ему, — финкція, вполнѣ разрушенная Нассэ и Виноградовым, но, тѣм не менѣе, признаваемая англійскими законодателями. Общинѣ предоставлялось в таком случаѣ доказывать в судѣ, что огороженныя земли были ея собственностью, чего община, почти никогда не могла доказать, во 1) потому что у нея на то не было никаких документов, так как документы писались только на личную собственность (извѣстно что и в Россіи чрестьяне получали ферменные документы на общинную землю только послѣ 1861-го года); а во 2) потому что всякое дѣло в англійских судах, если только оно переносится в высшія инстанціи, обходится сказочно-дорого — т. е. стоит многих сотен тысяч рублей. Между тѣм в силу «Акта об огражденіи», парламент выдал болѣе 4000 отдѣльных документов, утверждавших право личной собственности и на обширнѣйшія общинныя земли, в пользу родовых лэнлорда, или позднѣших пріобрѣтателей, скупавших родовыя имѣнія. И такіе акты парламент продолжает выдавать и по сію пору.

**) В Швейцаріи можно наблюдать нѣкоторыя общины, разоренныя войнами и вынужденныя продать часть своих земель, а теперь снова стремящіяся купить их.

1769 гг.), рекомендовал судебным камерам (Justizcollegien) производить раздѣл насильственным путем. В Силезіи, с той же цѣлью, была опубликована, в 1771 году, специальная резолюція. То же происходило и в Бельгіи, но так как общины оказывали неповиновеніе, то в 1847 году, был издан закон, дававшій правительству право покупать общинные луга, с цѣлью распродажи их по частям и производить принудительную продажу общинной земли, если на нее находился покупатель *).

Короче говоря, разговоры об естественной смерти деревенских общин в силу экономических законов представляют такую же безобразную шутку, как если бы мы говорили об естественной смерти солдат убитых на полѣ битвы. Фактическая сторона дѣла такова: деревенскія общины прожили болѣе тысячи лѣт, и в тѣх случаях, когда крестьяне не были разорены войнами и поборами, онѣ постепенно улучшали методы культуры; но так как цѣнность земли возрастала, вслѣдствіе роста промышленности, и дворянство при государственной организаціи пріобрѣло такую власть, какой оно никогда не имѣло при феодальной системѣ,—оно завладѣло лучшей частью общинных земель и приложило всѣ усилія, чтобы разрушить общинныя установленія.

Установленія деревенской общины так хорошо соотвѣтствуют, однако, нуждам и понятіям тѣх, кто сам обрабатывает землю, что, несмотря на все, Европа вплоть до настоящаго времени покрыта еще живущими пережитками деревенских общин, а деревенская жизнь изобилует по сію пору привычками и обычаями, происхожденіе которых относится к общинному періоду.

Даже в Англіи, несмотря на всѣ драконовскія мѣры, предпринятыя для уничтоженія стараго порядка вещей, он существовал вплоть до начала XIX столѣтія. Гомме—один из немногих англійских ученых, обративших вниманіе на этот предмет, указывает в своей работѣ, что в Шотландіи сохранились многіе слѣ-

*) A. Buchenberger, «Agrarwesen und Agrarpolitik», в A. Wagner's, Handbuch der politischen Oekonomie», 1892, т. I, стр. 280 и слѣд.

ды общиннаго владѣнія землей, причем runrig tenancy, т. е. фермерское владѣніе дѣлянками во многих полях (права общинника перешли к фермеру) сохранялась в Форфаршайрѣ до 1813 года, а в нѣкоторых деревнях Инвернесса вплоть до 1801 года, было в обычаѣ распахивать землю для цѣлей общины, не дѣлая межей и распредѣляя ее уже послѣ вспашки.

В Килмори раздѣл и передѣл полей были в полной силѣ "вплоть до послѣдних двадцати пяти лѣт," говорит Гомме, и крофтерская комиссія восьмидесятых годов нашла этот обычай еще сохранившимся на нѣскольких островах*). В Ирландіи эта же система преобладала вплоть до эпохи великаго голода; что же касается до Англіи, то труды Маршалля, остававшіеся незамѣченными, пока на них не обратили вниманія Нассе и Мен, не оставляют ни малѣйшаго сомнѣнія в том, что система деревенской общины пользовалась широким распространеніем почти во всѣх областях Англіи, еще в началѣ XIX вѣка **). Не болѣе двадцати лѣт тому назад сер Генри Мэн был "чрезвычайно поражен количеством случаев абнормальных владѣльческих прав, которыя необходимым образом предполагают первоначальное существованіе коллективнаго владѣнія и совмѣстной обработки земли,"—при чем эти случаи обратили на себя его вниманіе послѣ сравнительно

---

*) G. L. Gomme, «The Village Community, with Special reference to its Origin and Forms of Survival in Great Britain» (Contemporary Seitnce Series), London, 1890, стр. 141—143; также его «Primitive Folkmoots» (London, 1880),

**) «Почти во всѣх частях страны, в особенности же в средних и восточных графствах, но также и на западѣ — как например Уильтшайрѣ, на югѣ (в Сэррэй), на сѣверѣ (в Йоркшайрѣ), имѣются обширныя, открытыя и общія поля. Из 316 приходов Нортгамптоншайра 89 находится в этом положеніи; болѣе ста в Оксфордском графствѣ; около 50.000 акров в Уорикском (Warwickshire); в половинѣ Серкшайрскаго графства; болѣе половины Уилтшайрскаго; в Гентигтоншайрском, из всей площади в 240.000 акров, 130.000 акров находились под общинными лугами, выгонами и полями». Marshall, цит. у Henry Maine'a, «Village Communities in the East and West» New Iork, 1876, стр. 88, 89). Маршалль был земельный агент, который объѣзжал Англію и составлял для лэнлордов описанія того, что можно было бы извлечь из таких-то общинных земель, если их огородить и объявить своими.

непродольжительнаго изученія *). А так как общинное владѣніе сохранилось в Англіи до такого недавняго времени, то несомнѣнно, что в англійских деревнях можно было бы найти большое количество обычаев и навыков взаимной помощи, если бы только англійскіе писатели обратили вниманіе на деревенскую жизнь **).

Что же касается до континентальной части Европы, то множество общинных установленій, до сих пор сохранивших жизненную силу, встрѣчается в разных частях Франціи, Германіи, Швейцаріи, Италіи, Скандинавских стран и Испаніи,—не говоря уже о Восточной Европѣ; деревенская жизнь в этих странах проникнута общинными обычаями и привычками, и европейская литература почти ежегодно обогащается серьезными трудами посвященными этому вопросу и сродным с ним. Поэтому, мнѣ придется при выборѣ примѣров ограничиться лишь нѣсколькими, самыми типичными.

Одни из таких примѣров дает нам Швейцарія. Здѣсь только имѣется пять республик — Ури, Швиц, Аппенцель, Гларус и Унтервальден — которыя владѣют значительною частью своих земель нераздѣльно, и управляются каждая народным сходом всей республики (кантона); но и во всѣх других кантонах деревенскія общины также пользуются широким самоуправленіем, и обширныя части федеральной территоріи до сих пор остаются в общинном землевладѣніи ***). Двѣ трети всѣх альпійских лугов и двѣ трети всѣх лѣсов

*) Ibid., стр. 88; см. также пятую лекцію. Широкое распространеніе общинных выгонов и пустошей, даже в настоящее время, хорошо извѣстно.

**) Пересмотрѣвши значительное количество произведеній, касающихся англійской жизни, я часто находил в них превосходныя описанія деревенскаго пейзажа и т. п., но почти никогда не встрѣчал описаній повседневной жизни и обычаев рабочаго населенія.

***) В Швейцаріи, кресьяне равнинных ея частей, также подпали под власть господ, и значительная часть их земельных имуществ была захвачена господами в XVI-м и XVII-м столѣтіях (ср., например, A. Miakovski, в «Schmoller's, «Forschungen», т. II, 1879, стр. 12 и слѣд.). Но крестьянская война в Швейцаріи не закончилась таким полным пораженіем крестьян, как это было в других странах, и ими была удержана значительная доля общинных прав и земель. Самоуправленіе общин фактически является истинным основаніем Швейцарской свободы. — Федерація республики

Швейцаріи до сих пор остаются общинной собственностью; и значительное количество полей, садов виноградников, торфяников, каменоломен и т. д. до сих пор находятся в общинном владѣніи. В Ваадском кантонѣ, гдѣ всѣ домохозяева имѣют право принимать участіе при обсужденіи общинных дѣл, в избираемых ими общинных совѣтах, с совѣщательным голосом, общинный дух проявляется с особенною живостью. К концу зимы, в нѣкоторых деревнях вся мужская молодежь отправляется на нѣсколько дней в лѣса, для вырубки деревьев и спуска их вниз по крутым склонам гор (подобно катанью с гор на салазках), при чем строевой лѣс и лѣс для отопленія распредѣляется между всѣми домохозяевами, или же продается в их пользу. Эти экскурсіи являются настоящими праздниками мужественнаго труда. На берегах Женевскаго озера, часть работы, необходимой для поддержанія в порядкѣ террас виноградников, до сих пор выполняется сообща, а весной, когда термометр угрожает упасть ниже нуля перед восходом солнца, и мороз мог бы погубить лозы виноградников, ночной сторож будит всѣх домохозяев, которые зажигают костры из соломы и навоза, и охраняют таким образом виноградники от мороза, окутывая их облаками дыма. Почти во всѣх кантонах деревенскія общины владѣют так называемыми Burgernutzen, т. е. онѣ сообща содержат извѣстное количество коров, для снабженія каждой семьи маслом; или же онѣ держат сообща поля, или виноградники, продукты которых раздѣляются между общинниками; или же наконец, онѣ отдают свою землю в наем, при чем доход поступает в пользу всей общины *).

Вообще можно принять за правило, что вездѣ, гдѣ общины удержали за собой настолько широкую сферу функцій, что-

---

Швиц, т. е; ея «Ober-Alling», включает 18 приходов и болѣе 30-ти деревень и городков. См. K. Burkli, «Der Ursprung der Eidgenossenschaft aus der Markgenossenschaft», гдѣ самое происхожденіе Швейцарской федераціи выводится из деревенской общины.

*) Miaskowski, в Schmoller's «Forschungen», т. II, 1879. стр. 15, а также статьи «Domanen» и «Almend», в «Handworterbuch der Schweizerischen Landwirthschaft», д-ра Reichesberg'a, Bern, 1903.

бы быть живыми частями національнаго организма, и гдѣ онѣ не были доведены до совершенной нищеты, онѣ не перестают внимательно относиться к своим землям. Вслѣдствіе этого общинныя имущества Швейцаріи представляют поражающій контраст, по сравненію с жалким положеніем „общинных“ земель в Англіи. Общинные лѣса в Ваадтском кантонѣ и в Валэ (Valais) содержатся в превосходном порядкѣ, соотвѣтственно указаніям современнаго лѣсоводства. В других мѣстах, „полоски“ общинных полей, мѣняющія владѣльцев при системѣ передѣлов, оказываются очень хорошо унавожены, так как нѣт недостатка ни в скотѣ, ни в лугах. Высокіе альпійскіе луга вообще содержатся хорошо, а деревенскія дороги превосходны.

И когда мы восхищаемся швейцарским chalet, горною дорогою, крестьянским скотом, террасами виноградников, или школьными домами в Швейцаріи, мы должны помнить, что лѣс для постройки chalet весьма часто получен был из общинных лѣсов, а камень из общинных каменоломен; что коровы пасутся на общинных лугах, а дороги и школьные дома результат общинной работы *). Конечно, в Швейцаріи, как и вездѣ, община потеряла многія из своих прав и отправленій, а "корпорація“, составленная из небольшого числа старинных семей, заступила мѣсто прежней деревенской общины, к которой принадлежали всѣ. Но то, что сохранилось, удержало, по мнѣнію серьезных изслѣдователей, полную жизненность **).

Едва-ли нужно говорить, что в швейцарских деревнях до сих пор сохраняется много обычаев и навыков взаимной помощи. Вечернія собранія для шелушенія грецких орѣхов, которыя происходят поочередно у каждаго домохозяина; вечернія посидѣлки для шитья приданаго у дѣвушки, выходящей

---

*) См. по этому вопросу серію работ, суммированных в одной из тѣх превосходных и возбуждающих вниманіе глав (еще не переведенных по-англійски), которыми K. Bucher снабдил нѣмецкій перевод Ливелэ «Первобытное владѣніе». См. также Meitzen, «Das Agrar-und Forst-Wesen, die Allemenden und die Landgemeindender Deutschen Schweiz», в «Jahrbuch fur Staatswissenschaft», 1880, IV (анализ работ Мясковскаго); O'Brien, «Notes in a Swiss village», в «Macmillan's Magazine», October, 1885.

**) См. Приложеніе XVII-е.

замуж; приглашенія на "помочь" при постройкѣ домов и собираніи жатвы, а равным образом для всевозможных работ, могущих потребоваться для каждаго из общинников; обычай обмѣниваться дѣтьми из одного кантона в другой, с цѣлью научить их двум языкам, французскому и нѣмецкому, и т. д. — все это совершенно обычныя явленія *).

Любопытно, что и различныя современныя потребности удовлетворяются тѣм же путем. Так, например, в Гларусѣ большинство альпійских лугов было продано в эпоху бѣдствія; но общины продолжают до сих пор покупать полевыя земли, и послѣ того как новокупленныя участки оставались во владѣніи отдѣльных общинников в теченіе десяти, двадцати или тридцати лѣт, они возвращаются в состав общинных земель, которыя передѣляются сообразно нуждам всѣх общинников. Имѣется также большое количество мелких ассоціацій, занимающихся производством необходимых пищевых продуктов—хлѣба, сыра, вина — путем работы сообща, хотя бы это производство и не достигало крупных размѣров; и, наконец, широким распространеніем пользуются в Швейцаріи агрикультурныя коопераціи. Обычное явленіе представляют ассоціаціи, от десяти до тридцати крестьян, сообща покупающих луга и поля и сообща их обрабатывающих; а молочныя ассоціаціи, для продажи молока, масла и сыра, организованы по всей странѣ. В сущности, Швейцарія была родиною этой формы коопераціи. Кромѣ того, здѣсь представляется обширное поле для изученія всякаго рода мелких и крупных обществ основанных для удовлетворенія всевозможных современных потребностей. Так например, в нѣкоторых частях Швейцаріи почти в каждой деревнѣ можно найти цѣлый ряд обществ: для защиты от пожаров, для водоснабженія, для катанья на лодках, для поддержанія набережных на озерѣ и т. д.; кромѣ того, вся страна покрыта обществами лучников, стрѣлков, топографов, изслѣдователей тропинок и других подобных организацій, зародившихся из потребностей современнаго милитаризма.

*) Сюда же принадлежат свадебные подарки, которые в Англіи часто бывают существенною помощью для молодых хозяйств, и очевидно составляют пережиток общинных обычаев.

Швейцарія, однако, вовсе не является исключеніем в Европѣ, так как подобные же институціи и обычаи можно наблюдать в деревнях Франціи, Италіи, Германіи, Даніи и т. д. Так, на предыдущих страницах говорилось о том что было сдѣлано правителями Франціи, с цѣлью уничтоженія деревенской общины и захвата ея земель; но, несмотря на всѣ усилія правительства одна десятая часть всей территоріи, пригодной для культуры, т.е., около 5.800.000 десятин, занимающих половину всѣх естественных лугов и почти одну пятую часть всѣх лѣсов страны, остаются в общинном владѣніи. Эти лѣса снабжают общинников топливом, а строевой лѣс рубится в большинствѣ случаев путем общинной работы, со всею желательною в этих случаях правильностью; скот общинников свободно пасется на общинных пастбищах, а остатки общинных полей дѣлятся и передѣляются в нѣкоторых частях Франціи—а именно в Арденнах—обычным путем *).

Эти добавочныя источники, помогающіе болѣе бѣдным крестьянам переживать годы плохих урожаев, не продавая принадлежащих им клочков земли и не запутываясь неоплатных долгах, несомнѣнно имѣют значеніе, как для земледѣльческих рабочих, так и для почти 3,000.000 мелких крестьян-собственников. Сомнительно даже, чтобы мелкая крестьянская собственность могла удержаться без помощи этих добавочных источников. Но этическая важность общинной собственности, как бы ни были малы ея размѣры, далеко превосходит ея экономическое значеніе. Она помогает сохраненію в деревенской жизни ядра обычаев и навыков взаимной помощи, несомнѣнно дѣйствующих как противовѣс узкому индивидуализму и жадности, которые так легко развиваются в средѣ мелких земельных собственников, и облегчающих развитіе современных форм коопераціи и общи-

---

*) Общины владѣют почти 2.000.000 десятин лѣса, из 10.500.000 десятин во всей территоріи, и около 3.000.000 десятин естественных лугов, из 4.600.000 во всей Франціи. Остальные 810.000 десятин находятся под полями, садами и т. д.

тельности. Взаимная помощь, во всѣх обстоятельствах деревенской жизни, входит в рутину деревенскаго обихода. Вездѣ мы встрѣчаем, под различными именами, „charroi", т. е. „помочь", оказывамую сосѣдями при уборкѣ жатвы, при сборѣ винограда, при постройкѣ дома и тѣ п.' вездѣ мы находим тѣ же вечернія собранія, как и в Швейцаріи. Вездѣ общинники об'единяются для всевозможных работ невыполнимых в одиночку. Об этих обычаях упоминали почти всѣ, писавшіе о французской деревенской жизни. Но, может быть, лучше всего будет привести здѣсь нѣсколько отрывков из писем полученных мною от одного пріятеля, котораго я просил сообщить мнѣ свои наблюденія по данному вопросу. Сообщенія эти принадлежат пожилому человѣку, бывшему в теченіе многих лѣт мером в своей родной коммунѣ на югѣ Франціи (в департаментѣ Ariege) ; сообщаемые им факты извѣстны ему по долголѣтнему личному наблюденію, и они имѣют то преимущество, что исходят из одной мѣстности, а не подобраны по частям из наблюденій, сдѣланных в отдаленных друг от друга мѣстах. Нѣкоторые из них могут показаться мелкими, но в общем они рисуют цѣлый мірок деревенской жизни.

„В нѣкоторых общинах, сосѣдних с нашей",—пишет мой пріятель, — „сохраняется в полной силѣ старый обычай l'emprount. Когда на фермѣ требуется много рук для быстраго выполненія какой-нибудь работы — выкопать картофель, или выкосить луга — созывается сосѣдская молодежь; собираются парни и дѣвушки, весело и безплатно выполняют работу, а вечером, послѣ веселаго ужина, молодежь устраивает танцы.

„В тѣх же деревнях, когда дѣвушка выходит замуж, сосѣдскія дѣвушки собираются у нея, шить ей приданое. В нѣкоторых деревнях женщины до сих пор усердно прядут. Когда наступает время размотки пряжи в какой-нибудь семьѣ, работа эта производится в один вечер при помощи приглашенных сосѣдей. Во многих общинах Арьежа, и в других юго-западных мѣстностях, шелушеніе кукурузы также выполняется при помощи всѣх сосѣдей. Их угощают каштанами и

вином, и молодежь танцует по окончаніи работы. Тот же обычай практикуется при выдѣлкѣ орѣховаго масла и для трепанія конопли. В общинѣ Л. тот же обычай соблюдается при возкѣ хлѣба. Эти дни тяжелой работы становятся праздниками, так как хозяин считает своей честью угостить добровольцев хорошим обѣдом. Платы не полагается никакой: всѣ помогают друг другу *).

„В общинѣ С. площадь общинных выгонов каждый год увеличивается, так что в настоящее время почти вся земля общины поступила в общее пользованіе. Пастухи выбираются всѣми владѣльцами скота включая и женщин. Быки — общинные.

В общинѣ М. маленькія стада овец, в 40 — 50 голов, принадлежащія общинникам, собираются в одно стадо, и и затѣм дѣлятся на три или на четыре стада, прежде чѣм гнать их на горныя луга, Каждый владѣлец остается в теченіе одной недѣли при стадѣ, в качествѣ пастуха.

„В деревнѣ С. нѣсколько домохозяев купили сообща молотилку; всѣ семьи сообща поставляют тѣх, человѣк пятнадцать или двадцать нужных при машинѣ. Три других молотилки, купленныя домохозяевами той же деревни, отдаются ими на прокат, но работа при этом выполняется посторонними помощниками, приглашаемыми обычным путем.

„В нашей общинѣ Р. нужно было возвѣсти стѣну вокруг кладбища. Половина суммы, требовавшейся для покупки извести и для платы рабочим, была дана окружным совѣтом, а другая половина была собрана по подпискѣ. Что же касается работы по поставкѣ песка и воды, замѣшиванія известки, и подручных для каменщиков, то все это было выполнено добровольцами (точно также дѣлается в кабильской djemmaa). Деревенскія дороги чинятся тоже добровольным трудом общинников. Другія общины таким образом устроили у себя фонтаны. Пресс для выжимки винограднаго сока — и другія, бо-

*) На Кавказѣ у грузин имѣется еще лучшій обычай. Так как хорошая ѣда добровольным помощникам обходится дорого, и бѣдняку негдѣ ее взять, то сосѣди, приходя на «помочь», приносят с собой и овцу для пира послѣ работы.

лѣе мелкія, приспособленія — часто бывают общинной собственностью".

Два жителя из той же мѣстности, опрошенные моим пріятелем, добавляют слѣдующее:

„В О. нѣсколько лѣт тому назад не было мельницы. Община выстроила мельницу, наложив налог на общинников. Что же касается до мельника, то во избѣжаніе с его стороны всякаго рода обманов и пристрастія, рѣшено было платить ему по 2 франка с каждаго ѣдока, а хлѣб обмалачивать безплатно.

„В Сент Ж. очень мало крестьян страхуются на случай пожара. Когда же случается пожар — как это было недавно — всѣ дают что-нибудь пострадавшей семьѣ: котел, простыню, стул и т. п., и таким образом скромное хозяйство возобновляется. Всѣ сосѣди помогают погорѣвшему отстроить дом, а семья временно помѣщается безплатно у сосѣдей".

Подобные обычаи взаимной помощи, — а их можно было привести без числа, — несомнѣнно об'ясняют нам, почему французскіе крестьяне с такой легкостью об'единяются для поочереднаго пользованія плугом и запряжкой, или же виноградным прессом, или молотилкой, когда послѣдніе принадлежат в деревнѣ кому-нибудь одному, а равным образом и для выполненія сообща всякаго рода деревенских работ. Поддержка оросительных канав, расчистка лѣсов, осушка болот, посадка деревьев и т. д. с незапамятных времен дѣлались міром. То же продолжается и понынѣ. Так, например, очень недавно, в La Borne, в деп. Лозер, дикіе обнаженные холмы были превращены в богатые сады, путем общиннаго труда. „Люди носили землю на своих плечах, устроили террасы и засадили их каштановыми и персиковыми деревьями; они распланировали огороды и провели воду, каналом из-за пяти верст Теперь, там, оказывается, вырыт новый водопровод, длиной в 16 верст.

Тѣм же самым общинным духом об'ясняется замѣчательный успѣх, которым в послѣднее время пользуются землед́ѣль-

---

*) Alfred Baudrillard, в H. Baudrillard, «Les Populations Rurales de la France», 3-я серія (Paris, 1893), стр. 479.

ческіе синдикаты, т. е. ассоціаціи крестьян и фермеров. Только в 1884 году во Франціи были допущены ассоціаціи, состоящіе болѣе чѣм из 19 лиц, и едва-ли нужно прибавлять, что когда рѣшено было сдѣлать этот „опасный опыт"—так говорилось о нем в палатѣ депутатов — чиновничество приняло против ассоціацій всѣ „предосторожности", какія только может изобрѣсть бюрократія. Но несмотря на это, Франція покрывается земледѣльческими синдикатами. Вначалѣ они образовывались лишь для закупки удобреній и сѣмян, так как фальсификація в этих двух областях достигла колоссальных размѣров*). Но постепенно они распространили свои дѣйствія в различных направленіях, включая продажу земледѣльческих продуктов и постоянныя улучшенія земельных участков. В южной Франціи, опустошенія произведенныя филоксерой вызвали образованіе большого количества ассоціацій владѣльцев виноградников. Десят, двадцать, иногда тридцать таких владѣльцев образовывали синдикат, покупали паровую машину для накачиванія воды и дѣлали необходимыя приготовленія, чтобы по-очереди затопить свои виноградники**). Постоянно образуются новыя ассоціаціи, для защиты от наводненій, для орошенія и поддержанія существующих уже оросительных канав, при чем требованіе закона о единогласном желаніи всѣх крестьян даннаго сосѣдства не является препятствіем. В других мѣстностях мы находим сырныя или молочныя ассоціаціи, при чем нѣкоторыя из них дѣлят сыр и масло на равныя части, независимо от удойности каждой ко-

*) В «Journal des Economistes», (август 1892, май и август 1893) было сообщено о результатах анализа в земледѣльческих лабораторіях Гента и Парижа. Оказывается, что размѣры фальсификаціи просто невѣроятны, как и всякаго рода продѣлки и ухищренія «честных торговцев». Среди сѣмян нѣкоторых трав было 32 процента песка, окрашеннаго таким образом, что даже опытный глаз мог быть введен в заблужденіе; в других образчиках было лишь от 52 до 22 процентов чистых сѣмян; остальное были сѣмена сорных трав. Сѣмена вики содержали 11 процентов ядовитой травы (nielle); мука для выкормки скота содержала 36 процентов сульфатов, и т. д. без конца.

*) A. Baudrillard, I. c., стр. 309 Первоначально один владѣлец брал на себя доставку воды, а нѣсколько других соглашались пользоваться ею. «Особенно характерно для таких организацій», — замѣчает A. Baudrillard, — «отсутствіе каких-либо письменных договоров. Всѣ соглашенія происходят на-словах. Но тѣм не менѣе неизвѣстно ни одного случая недоразумѣній, возникших между договаривающимися сторонами».

роны. В Арьежѣ существует ассоціація восьми отдѣльных общин для совмѣстной культуры их земель, которыя онѣ соединили в одно; в том же самом департаментѣ, из 337-ми общин в 172-х организованы синдикаты для безплатной медицинской помощи; в связи с синдикатами возникают общества потребителей и т. д.*). „Истинная революція совершается в наших деревнях, — говорит Alfred Baudrillart, — при посредствѣ этих ассоціацій, которыя принимают в каждой области Франціи свой особливый характер".

Почти то же самое можно сказать и о Германіи. Вездѣ гдѣ крестьяне смогли остановить разграбленіе своих общинных земель, они держат их в общинном владѣніи, которое широко преобладает в Вюртембургѣ, Баденѣ, Гогенцоллернѣ и Гессенской провинціи, Штаркенбергѣ**). Общинные лѣса вообще содержатся в превосходном состояніи, и в тысячах общин, как строевой лѣс, так и лѣс на отопленіе ежегодно дѣлится между всѣми жителями; даже древній обычай Lesholzta до сих пор пользуется широким распространеніем: по звону колокола на деревенской колокольнѣ всѣ жители деревни

---

*) A. Baudrillard, I. c., стр. 300, etc. Предсѣдатель Сен-Жироневскаго синдиката (в Арьежѣ) M. Terssaic, писал моему пріятелю слѣдующее: «Для тулузской выставки наша ассоціація сгруппировала владѣльцев скота который, как мы думали, стоило выставлять. Общество взяло на себя половину издержек по доставкѣ скота, падавших на каждаго экспонента; четверть расходов уплачивали тѣ владѣльцы, скот которых получил премію. В результатѣ, в этой выставкѣ приняли участіе многіе крестьяне, которые при других условіях никогда бы этого не сдѣлали. Получившіе наивысшія награды (350 фр.) израсходовали около 10 процентов этих наград, а не получившіе никакой награды затратили всего по 6—7 франков на человѣка».

**) В Вюртембергѣ, из 1910 общин, 1629 владѣют общинной собственностью. В 1863 году этим общинам принадлежало болѣе 400.000 десятин земли. В Баденѣ, из 1582 общин 1256 владѣют общинной землей; в 1884—1888 г. у них было 49,000 дес. полей под общинной культурой и 270.000 дес. лѣса, т. е. 46 процентов всей площади лѣсов. В Саксоніи 39 процентов всей земельной площади находится в общинном владѣніи (Schmoller's, «Jahrbuch», 1886, стр. 359). В Гогенцоллернѣ почти двѣ трети всей луговой земли, а в Гогенцоллернѣ-Гехингенѣ 41 процентов всей земельной собственности находится во владѣніи деревенских общин. (Buchanberger, «Agrarwesen und Agrarpolitik», т. I, стр. 300).

отправляются в лѣс, чтобы унести из него столько топлива, сколько сможет каждый*). В Вестфаліи имѣются общины, в которых вся земля обрабатывается, как одно общее имѣніе, согласно с требованіями современной агрономіи. Что же касается древних общинных обычаев и навыков, то они до сих пор в силѣ в большей части Германіи. Приглашеніе на „помочи;„ являющіяся дѣйствительными праздниками труда, вполнѣ обычное явленіе в Вестфаліи, Гессенѣ и Нассау. В областях, изобилующих строевым лѣсом, лѣс на постройку новаго дома берется обыкновенно из общиннаго лѣса, и всѣ сосѣди помогают в постройкѣ. Даже в предмѣстьях большого города Франкфурта, существует среди садовников обычай, в случаѣ болѣзни одного из них, приходить по воскресеньям обрабатывать сад больного товарища**).

В Германіи, как и во Франціи, как только правители народа отмѣнили законы, направленные против крестьянских ассоціацій —что случилось в 1884—1888 годах—этого рода союзы начали развиваться с поразительной быстротою, несмотря на всякаго рода препятствія со стороны закона далеко им неблагопріятствовавшаго ***). —„ Фактически; говорит Бухенбергер, — „ вслѣдствіе этих ассоціацій, в тысячах деревенских общин, в которых раньше ничего не знали ни о химических удобреніях, ни о раціональном кормленіи скота, теперь и то и другое примѣняется в небывалых размѣрах; (т. II, стр. 507). При помощи этих ассоціацій покупаются всякаго рода сберегающія труд орудія и земледѣльческія машины, а равным образом вводятся различныя приспособленія для улучшенія качества продуктов. Обра-

---

*) См. K. Bucher, который в специінльной главѣ, прибавленной к нѣмецкому переводу работы Лавелэ об первобытном владѣніи, собрал всѣ указанія› относящіяся к деревенской общинѣ в Германіи.

**) K. Bucher, ibid., стр. 89, 90.

***) Об этом закодательствѣ и о многочисленных препятствіях, поставленных на пути ассоціаціи, в формѣ всякаго рода канцелярщины и чиновничьяго вмѣшательства см. Buchenberger's «Agrarwesen und Agrarpolitik», т. II, стр. 342—363, и стр. 506, прим.

зуются также союзы для продажи земледѣльческих продуктов и для постояннаго улучшенія земельных участков*).

. С точки зрѣнія соціальной экономіи, всѣ эти крестьянскія усилія, конечно, не представляют большого значенія. Они не могут существенно — а тѣм менѣе прочно — облегчить ту нищету, на которую обречены земледѣльческіе классы всей Европы. Но с этической точки зрѣнія, которая занимает нас в данное время их значеніе не может быть переоцѣнено. Они доказывают, что даже при системѣ господствующаго теперь необузданнаго индивидуализма, земледѣльческія массы благоговѣйно хранят полученное ими наслѣдіе взаимной помощи, и как только государства ослабляют желѣзные законы, при помощи которых они разорвали всѣ узы между людьми, эти узы тотчас возобновляются, несмотря на многочисленныя политическія, экономическія и соціальныя затрудненія, при чем возобновляются в таких формах, которыя наилучше соотвѣтствуют современным требованіям производства. Они указывают также на направленія в которых слѣдует искать дальнѣйшаго прогресса, и на формы, в которыя он стремится вылиться.

Легко можно было бы увеличить количество таких примѣров, беря их из Италіи, Испаніи, и особенно Даніи и т. д., и можно было бы указать на нѣкоторыя весьма интересныя черты, свойственныя каждой из этих стран**). Слѣдовало бы также упомянуть о славянском населеніи Австріи и Балканскаго полуострова, среди котораго до сих пор существует „сложная семья" или „недѣленое хозяйство"***). Но я спѣшу перейти к Россіи, гдѣ то же стремленіе ко взаимной помощи облекается в нѣкоторыя новыя и неожиданныя формы. Кромѣ того, разсматривая деревенскую общину в Россіи, мы имѣем то преимущество, что обладаем огромным количеством

*) Buchenberger, l. c., т. II, стр. 510. Генеральный союз земледѣльческой кооперацiи представляет собой 1679 обществ. В Силезіи, площадь в 12,000 десятин была недавно осушена 73 ассоціаціями: 182,000 десятин осушено в Пруссіи — 516 ассоціаціями; в Баваріи имѣется 1715 союзов для цѣлей осушки и орошенія.

**) См. Приложеніе XVIII-е.

***) Для Балканскаго полуострова см. Laveleye, «Propriété Primitive».

матеріала, собраннаго во время колоссальной подворной переписи, предпринятой нѣкоторыми земствами и охватывающей населеніе почти в 20,000.000 крестьян в различных частях Россіи*).

Из огромнаго количества данных, собранных русскими переписями, можно извлечь два важных вывода. В средней Россіи, гдѣ одна треть крестьянскаго населенія, если не болѣе, была доведена до совершеннаго разоренія (тяжелыми налогами, крохотными надѣлами плохой земли, высокою арендною платою и чрезвычайно суровым взысканіем податей послѣ полных неурожаев), видно было, в продолженіе первых двадцати-пяти лѣт послѣ освобожденія крестьян от крѣпостной зависимости, рѣшительное стремленіе к установленію личной земельной собственности в предѣлах деревенских общин. Многіе обѣднѣвшіе „безлошадные" крестьяне бросали свои надѣлы, и их земля часто переходила в собственность тѣх болѣе богатых крестьян, которые, занимаясь торговлей, имѣли добавочные источники дохода, или же попадала в руки посторонних купцов, покупавших землю главным образом для того, чтобы сдавать ее впослѣдствіи крестьянам же, по непомѣрно высоким арендным цѣнам. Должно также замѣтить, что вслѣдствіи недосмотра в Положеніи 1861 года, представилась широкая возможность скупать крестьянскія земли по очень дешевой цѣнѣ‡), а государственные чиновники в свою очередь

*) Факты, касающіеся деревенской общины, заключенные почти в сотнѣ томов (из общаго числа 450 томов) этих изслѣдованій, были классифицированы и суммированы в превосходной работѣ В. В., («Крестьянская община», Петербург, 1892, в «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по данным земской статистики», том II), которая помимо ея теоретическаго значенія, является богатым сводом данных, относящихся к этому вопросу. Вышеуказанныя переписи породили колоссальную литературу, в которой вопрос о современной деревенской общинѣ впервые вышел из области фразеологіи и был поставлен на солидную почву, и в достаточной степени детальных фактов.

‡) Выкуп должен был быть выплачиваем ежегодными взносами в теченіе сорока девяти лѣт. С теченіем времени, когда большая часть выкупа была уплачена, дѣлалось все легче уплатить остальную долю, так как каждый надѣл мог быть выкуплен индивидуально, то этим воспользовались купцы, скупавшіе землю за пол-цѣны у разорившихся крестьян. Впослѣдствіи был издан закон, воспрещавшій подобныя покупки.

употребляли свое могущественное вліяніе в пользу частнаго владѣнія и относились отрицательно к владѣнію общинному. Однако, начиная с восьмидесятых годов, наблюдается также и сильная оппозиція в средней Россіи против личнаго владѣнія, и средніе крестьяне, занимающіе срединное положеніе между богачами и бѣдными, употрбляют энергическія усилія для поддержанія общины. Что же касается до плодородных южных степей, являющихся в настоящее время наиболѣе населенными и богатыми частями Европейской Россіи, то онѣ были главным образом заселены в теченіе девятнадцатаго вѣка, при системѣ личнаго владѣнія, или захвата, признаннаго в этой формѣ государством. Но с тѣх пор, как в южной Россіи были введены, при помощи машин, улучшенные методы земледѣлія, крестьяне собственники постепенно начали сами переходить от личнаго владѣнія к общинному, и теперь в этой житницѣ Россіи можно найти довольно значительное количество добровольно сформировавшихся деревенских общин, очень недавняго происхожденія*).

Крым и часть материка, лежащая к сѣверу от него (Таврическая губернія), для которых у нас имѣются подробныя данныя, лучше всего могут послужить для поясненія этого движенія. Послѣ присоединенія к Россіи, в 1783 году, эта мѣстность начала заселяться выходцами из Великороссіи, Малороссіи и Бѣлороссіи — казаками, свободными людьми и бѣжавшими крѣпостными, —которые, по одиночкѣ или небольшими группами, стекались сюда со всѣх углов Россіи. Сначала они принялись за скотоводство, а позднѣе, когда они начали распахивать землю, каждый распахивал столько сколько мог. Но когда, вслѣдствіе продолжавшагося наплыва переселенцев и введенія усовершенствованных плугов, возрос спрос на землю, между поселившимися здѣсь поднялись ожесточенные споры. Споры тянулись по цѣлым годам, пока наконец эти люди, ранѣе не связанные никакими взаимными узами,

*) В. В. в своей «Крестьянской общинѣ» сгруппировал факты, относящіеся к этому движенію. Относительно быстраго агрикультурнаго развитія южной Россіи и распространенія машин англійскіе читатели найдут свѣдѣнія в своих консульских отчетах (из Одессы и Таганрога).

пришли постепенно к мысли, что необходимо положить конец раздорам, введя общинное землевладѣніе. Тогда они начали составлять приговоры, согласно которым земля, которою они до того владѣли лично, переходила в общинное владѣніе; и вслѣд затѣм они начали дѣлить и передѣлять эту землю, согласно установившимся в деревенских общинах обычаям. Это движеніе постепенно приняло обширные размѣры, и на сравнительно небольшой территоріи таврическіе статистики нашли 161 деревню, в которых общинное владѣніе, было введено самими крестьянами собственниками, вмѣсто частной собственности, главным образом в теченіе 1855—1885 годов. Поселенцы, таким образом, свободно выработали самые разнообразные типы деревенской общины*). Особенный интерес этому переходу от личнаго землевладѣнія к общему придает еще то что он совершился не только среди великороссов, привыкших к общинной жизни, но и среди малороссов, давно забывших об общинѣ под польским владычеством, а также среди греков и болгар, и даже среди нѣмцев, которые давно уже успѣли выработать в своих цвѣтущих полупромышленных колоніях на Волгѣ собственный тип деревенской общины**). Татары мусульмане в Таврической губерніи очевидно продолжали владѣть землею по мусульманскому обычному праву, допускающему лишь ограниченное личное землевладѣніе; но даже среди них, в нѣкоторых немногих случаях, привилась европейская деревенская община. Что же касается до других національностей, населяющих Таврическую губернію, то частное владѣніе было уничтожено в шести эстонских деревнях, в двух греческих, в двух болгарских, в одной чешской и в одной нѣмецкой.

---

*) В нѣкоторых случаях они приступили к дѣлу с чрезвычайной осторожностью. В одной деревнѣ они начали с передачи всѣх лугов в общинное владѣніе и только незначительная доля пахотных полей (около двух десятин на душу) была сдѣлана общинною; остальная же пахотная земля продолжала быть в частном владѣніи. Позднѣе, в 1862—1864 г., система эта была расширена, но лишь в 1884 г. всѣ земли перешли в общинное владѣніе (В. В., «Крестьянская община», стр. 1—14).

**) О деревенской общинѣ у меннонитов см. А. Клауса, «Наши колоніи», Петербург, 1869.

Вышеуказанное движеніе характерно для всей области плодородных степей юга. Но отдѣльные аналогичные примѣры можно встрѣтить также и в Малороссіи. Так, в нѣкотором количествѣ деревень Черниговской губерніи, крестьяне раньше были частными земельными собственниками; они имѣли отдѣльные законные документы на свои участки и распоряжались землею самовольно, отдавая ее в аренду, или продавая. Но в пятидесятых годах довятнадцатаго вѣка, между ними началось движеніе в пользу общиннаго владѣнія, при чем главным доводом служило возрастаніе числа обѣднѣвших семейств. Иниціатива этой реформы была взята одной деревней, а за ней послѣдовали другія, и послѣдній случай, упоминаемый В. В., относился к 1882 году. Конечно, происходили стычки между бѣдными крестьянами, требовавшими перехода к общинному владѣнію, и богачами, обыкновенно предпочитающими частную собственность, и иногда борьба продолжалась цѣлые годы. В нѣкоторых мѣстностях единогласное рѣшеніе всей общины, требуемое законом для перехода к новой формѣ землевладѣнія, не могло быть достигнуто, и деревня тогда дѣлилась на двѣ части: одна оставалась при частном владѣніи землею, а другая переходила к общинному; иногда онѣ позднѣе сливались в одну общину, а иногда так и оставались, каждая при своей формѣ землевладѣнія.

Что же касается до центральной Россіи, то во многих деревнях, населеніе которых склонялось к частному владѣнію, начиная с 1880 года, возникло массовое движеніе в пользу возстановленія деревенской общины. Даже крестьяне-собственники, годами жившіе при личном землевладѣніи, массою возвращаются к общинным институціям. Так, например, имѣется значительное количество бывших дворовых, получивших лишь четвертной надѣл, но зато без выкупа и на правах частной собственности. В 1890 году, между ними началось широкое движеніе (в Курской, Рязанской, Тамбовской и др. губерніях), цѣлью которого было сведеніе во едино их участков на основѣ общиннаго владѣнія. Точно также „вольные хлѣбопашцы“, которые были освобождены от крѣпостной зависимости по закону 1803 года, и которые купили свои надѣлы — каждая

семья порознь, — теперь почти всѣ перешли добровольно введенной ими общинной системѣ. Всѣ эти движенія относятся к очень недавнему времени, при чем в них принимают участіе и крестьяне других національностей, помимо русской. Так, например, болгары Тираспольскаго уѣзда, которые владѣли землею в теченіе шестидесяти лѣт на правах частной собственности, ввели у себя общинное владѣніе в 1876—1882 годах. Нѣмецкіе менноиты Бердянскаго уѣзда боролись в 1890 году за введеніе общиннаго владѣнія, а мелкіе крестьяне-собственники (Kleinwirthschaftliche), среди нѣмецких баптистов, агитировали в своих деревнях за проведеніе подобной же мѣры. В заключеніе, приведу еще один примѣр: в Самарской губерніи русское правительство устроило, ради опыта, в сороковых годах прошлаго столѣтія, 103 деревни на правах частнаго землевладѣнія. Каждый домохозяин получил превосходный надѣл в 40 десятин. В 1890 г. 72 деревнях из этих 103-х, крестьяне выразили желаніе перейти к общинному владѣнію. Всѣ эти факты заимствую из превосходнаго труда г. В. В., который в свою очередь лишь классифицировал факты, отмѣченные земскими статистиками во время вышеупомянутых подворных описей.

Такое движеніе в пользу общиннаго владѣнія идет совершенно вразрѣз с современными экономическими теоріями, согласно которым интенсивная обработка земли не совмѣстима с деревенской общиной. Но, выражаясь мягко, об этих теоріях можно сказать лишь одно, — что онѣ никогда не проходили чрез горнило фактическаго испытанія: онѣ цѣликом принадлежат к области политической метафизики. Факты же имѣющіеся пред нашими глазами указывают, напротив, что вездѣ гдѣ русскіе крестьяне, благодаря стеченію благопріятных обстоятельств, оказывались менѣе в когтях нищеты, и вездѣ, гдѣ они находили свѣдущих и обладающих иниціативою людей среди своих сосѣдей, деревенская община именно способствовала введенію различных усовершенствованій в области земледѣлія и вообще в деревенской жизни. Здѣсь, как и повсюду, взаимная помощь скорѣе и лучше ведет к прогрессу, чѣм война каждаго против всѣх, как это можно видѣть из нижеслѣдующих фактов. Мы видѣли уже (приложеніе VI-е), как

современные англійскіе крестьяне, там, гдѣ уцѣлѣла община, обращали паровое поле в поля для бобовых растеній и корнеплодных. То же начинается в Россіи.

При Николаѣ I-м многіе государственные чиновники и помѣщики заставляли крестьян вводить общественныя запашки на небольших участках принадлежавшей деревнѣ земли, с цѣлью пополненія общинных хлѣбных магазинов. Подобныя запашки связанныя в умах крестьян с наихудшими воспоминаніями о крѣпостном правѣ, были прекращены ими, тотчас же послѣ паденія крѣпостного строя; но теперь крестьяне начинают кое-гдѣ заводить их по собственному почину. В одном уѣздѣ (Острогожском, Курской губ.) достаточно было инціативы одного лица, чтобы ввести подобныя запашки в четырех-пятых всѣх деревень уѣзда. То же самое наблюдается и в нѣкоторых других мѣстностях. В назначенный день общинники собираются на работу; богатые с плугами или телѣгами, а болѣе бѣдные приносят на общественную работу лишь собственныя руки, при чем не дѣлается ни каких попыток высчитывать, сколько кто сработал. Впослѣдствіи сбор с общественной запашки идет на ссуды бѣднѣйшим общинникам, — большею частью безвозвратно или же употребляется на поддержку сирот и вдов, или на ремонт деревенской церкви или школы, или, наконец, для уплаты какого-нибудь мірского долга *).

Как и можно ожидать от людей, живущих при системѣ деревенской общины, всѣ работы, входящія, так сказать, в рутину деревенской жизни (починка дорог и мостов, устройство плотин и гатей, осушеніе болот, оросительные каналы и колодцы, рубка лѣса, посадка деревьев и т. д.) произво-

---

*) Подобныя общинныя запашки, насколько извѣстно, существуют из 195-ти деревень Острогожскаго уѣзда в 159-ти. Из 188-ми деревень Славяносербскаго уѣзда, в 150-ти, 107-ми деревенских общинах Александровскаго уѣзда, в 93-х Николаевскаго и 35-ти Елисаветградскаго уѣздов. В одной нѣмецкой колоніи общественная запашка производится для уплаты общиннаго долга, при чем работают всѣ, хотя долг был сдѣлан только 94-ми домохозяевами из 115-ти.

дятся цѣлыми общинами; точно также земля сплошь да рядом арендуется сообща, а луга косятся всѣм міром, — при чем на работу выходят старые и малые, мужчины и женщины, как это превосходно описал Л. Н. Толстой *). Подобнаго рода работы ежедневно происходят повсемѣстно в Россіи; но при этом, деревенская община вовсе не чуждается современных земледѣльческих улучшеній, когда ей по силам произвести соотвѣтственной издержки, и когда знаніе, бывшее до сих пор привилегіей богатых, приникает, наконец, в деревенскія избы.

Мы уже указали выше, что усовершенствованные плуги быстро распространяются в южной Россіи; но при этом оказывается, что, во многих случаях именно деревенскія общины содѣйствовали этому распространенію. Бывало и так, когда плуг был куплен общиною, что, послѣ пробы на участкѣ общинной земли, крестьяне указывали на необходимыя измѣненія тѣм, у кого был куплен плуг; или же сами оказывали помощь для устройства кустарной выдѣлки дешевых плугов. В Московском уѣздѣ, гдѣ недавно, в теченіе пяти лѣт, было куплено крестьянами 1565 плугов, толчок был дан тѣми общинами, которыя сообща арендовали землю, и сдѣлано это было для спеціальной цѣли улучшенія своего земледѣлія.

На сѣверо-востокѣ Россіи, в Вятской губерніи, не большія товарищества крестьян, путешествовавших со своими вѣялками (выдѣлываемыми кустарями в одном из уѣздов, изобилующих желѣзом), распространили употребленіе этих вѣялок у себя и даже на сосѣднія губерніи. Широкое распространеніе молотилок в Самарской, Саратовской и Херсонской губерніях, является результатом дѣятельности крестьянских товариществ, которыя могут купить даже дорогую машину, тогда как отдѣльному крестьянину такая покупка не под силу. И в то время как почти во всѣх экономических трактатах заявляется, что деревенская община обречена на исчезнованіе, как только трехпольная система будет замѣнена плодоперемѣнной, мы

*) Перечисленіе подобных работ, дѣлаемых сообща, и отмѣченных земскими статистиками, см. в работѣ В. В., «Крестьянская община», стр. 459—600.

видим, что в Россіи многія деревенскія общины берут на себя иниціативу введенія именно этой плодоперемѣнной системы, так же как онѣ сдѣлали в Англіи. Но прежде чѣм перейти к ней, крестьяне обыкновенно отводят часть общинных полей для производства опыта искусственнаго травосѣянія, при чем сѣмена покупаются міром *). Если опыт оказывается успѣшным, крестьяне не затрудняются сдѣлать новый передѣл полей, чтобы перейти на четырехпольное, пятипольное или даже на шестипольное хозяйство.

Эта система практикуется теперь в сотнях деревень Московской, Тверской, Смоленской, Вятской и Псковской губерній **). А там, гдѣ возможно для этой цѣли удѣлить нѣкоторое количество земли, общины отводят участки для разведенія фруктовых насажденій. Наконец, внезапное распространеніе, наблюдаемое в послѣднее время в Россіи, небольших школьных ферм, садов, огородов и тутовых насажденій для шелководства — начало которым было положено при деревенских школах под наблюденіем школьных учителей, а иногда и добровольцев — также являются результатом той поддержки, которую подобныя начинанія встрѣтили в деревенских общинах.

Кромѣ того, общины довольно часто предпринимают постоянныя улучшенія, как осушеніе и орошеніе. Так, например, в трех уѣздах Московской губерніи, в значительной степени носящих промышленный характер, в теченіе послѣдних десяти

---

*) В Московской губерніи опыт обыкновенно производился на полѣ которое сохранялось для вышеупомянутой общинной культуры.

**) Нѣсколько примѣров таких и подобных улучшеній были приведены в «Прав. Вѣстникѣ» (1894, №№ 256-258). Ассоціаціи между «безлошадными» начинают встрѣчатся также в южной Россіи. Другим чрезвычайно интересным фактом является внезапное развитіе в юго-западной Сибири чрезвычайно многочисленных молочных коопераций для выдѣлки масла; сотни таких коопераціи возникли в Тобольской и Томской губерніях, при чем сначала не могли опредѣлить, кто был иниціатором этого движенія. Иниціатива принадлежит датским кооператам, которые обыкновенно вывозили собственное масло высшаго качества, а для домашняго потребленія покупали себѣ сибирское масло низшаго сорта. Послѣ нѣскольких лѣт торговых сношеній, они ввели молочные кооперативы в Сибири. Теперь, благодаря их усиліям, из этих предпріятій выросла крупная отрасль вывозной торговли.

лѣт (1880 — 1890) были выполнены в широких размѣрах работы по осушенію не менѣе чѣм в 180 - 200 различных деревнях, при чем работали заступом сами общинники. На другом концѣ Россіи, в сухих степях Новоузенскаго уѣзда, было воздвигнуто общинами больше 1000 плотин для прудов и копаней, и вырыто было нѣсколько колодцев; в то же время, в одной богатой нѣмецкой колоніи, на юго-востокѣ Россіи, общинники — мужчины и женщины — работали пять недѣль под ряд над возведеніем плотины, в три версты длиною, для оросительных цѣлей. Да и как могли бы бороться с сухим климатом изолированные люди? И чего могли бы они достич личными усиліями в ту пору, когда южная Россія страдала от размноженія сурков, и всѣм земледѣльцам, богатым и бѣдным, общинникам и индивидуалистам, пришлось прилагать работу собственных рук, чтобы предотвратить бѣдствіе? Полиція в таких случаях не поможет, и единственным средством является об'единеніе.

Сказавши так много о взаимной помощи и поддержкѣ, практикуемых земледѣльцами "цивилизованных" стран, я вижу, что мог бы еще наполнить довольно об'емистый том примѣрами, взятыми из жизни сотен милліонов людей, живущих, болѣе или менѣе, под начальством или покровительством, болѣе или менѣе цивилизованных государств, но все-таки еще стоящих в сторонѣ от современной цивилизаціи и современных знаній. Я мог бы описать, напримѣр, внутреннюю жизнь турецкой деревни, с ея сѣтью удивительных обычаев и навыков взаимной помощи.

Пересматривая книжки моих выписок касательно крестьянской жизни на Кавказѣ, я нахожу самые трогательные факты взаимной поддержки. Тѣ же самые обычаи я нахожу в моих замѣтках об арабской djemmaa афганской purra, о деревнях Персіи, Индіи и Явы, о недѣленой семьѣ китайцев, о кочевьях полу-номадов Средней Азіи и о номадах далекаго Сѣвера,

Просматривая замѣтки, взятыя отчасти наудачу из обширнѣйшей литературы об Африкѣ я нахожу, что онѣ переполнены подобными же фактами: здѣсь так же созываются "помочи" для

уборки посѣвов, дома так же строятся при помощи всѣх жителей деревни — иногда, чтобы исправить разрушеніе, причиненное набѣгом"цивилизованных" разбойников; цѣлыя племена в нѣкоторых случаях помогают друг другу в несчастіи, или же покровительствуют путешественникам, и т. д. и т. д.

Когда же я обращаюсь к таким, трудам, как сводка африканскаго обычнаго права, сдѣланная Post'ом, то я начинаю понимать, почему, несмотря на всю тиранію, на всѣ притѣсненія, грабежи и набѣги, несмотря на между-родовыя войны, на королей-людоѣдов, на шарлатанов-колдунов и жрецов, на охотников за рабами и т. п., населеніе этих стран все-таки не разбѣжалось по лѣсам; почему оно сохранило извѣстную степень цивилизаціи, почему эти "дикари" все-таки остались людьми, не опустились до уровня бродячих семей, подобно вымирающим оранг-утангам. Дѣло в том, что охотники за рабами, грабители запасов слоновой кости, воинствующіе короли, матабельскіе и мадагаскарскіе "герои" изчезают, оставляя послѣ себя лишь слѣды отмѣченные кровью и огнем; но ядро институцій, обычаев и навыков взаимной помощи, выращенное родом, а в послѣдствіи деревенскою общиною, остается, и оно держит людей об'единенными в обществах, открытых для прогресса цивилизаціи и готовых принять ее при наступленіи того дня, когда они, вмѣсто пуль и водки, начнут получать настоящую цивилизацію.

То же самое можно сказать и о нашем цивилизованном мірѣ. Естественныя и вызванныя человѣком бѣдствія проходят. Цѣлыя населенія періодически доводятся до нищеты и голода; самыя жизненныя стремленія безжалостно подавляются у милліонов людей, доведенных до городского пауперизма; мысль и чувства милліонов человѣческих существ отравляются ученіями, измышленными в интересах немногих. Несомнѣнно, всѣ эти явленія составляют часть нашего существованія. Но ядро институцій, обычаев и навыков взаимной помощи продолжает существовать среди этих милліонов людей; оно об'единяет их; и люди предпочитают держаться за эти свои обычаи, вѣрованія и традиціи, чѣм принять ученіе о войнѣ каждаго против

всѣх, предлагаемое им от имени науки, но в дѣйствительности ничего общаго с наукой не имѣющее.

ГЛАВА VIII.

Взаимная помощь в современном обществѣ.

(Продолженіе).

Рост рабочих союзов послѣ разрушенія гильдій государством. — Их борьба. — Взаимная помощь при стачках. — Кооперація. — Свободныя ассоціаціи для различных цѣлей. — Самопожертвованіе. — Безчисленныя общества для об'единенных дѣйствій со всевозможными цѣлями. — Взаимная помощь среди бѣднѣйшаго населенія городов. — Личная помощь.

Разсматривая повседневную жизнь деревенскаго населенія Европы, мы видѣли, что, несмотря на всѣ старанія современных государств разрушить деревенскую общину, — жизнь крестьян переполнена навыками и обычаями взаимной помощи и взаимной поддержки; мы нашли, что широко-распространенные и имѣющіе до сих пор серьезное значеніе остатки общиннаго владѣнія землей сохранились понынѣ, и что как только были сняты, в недавнее время, законодательныя препятствія, мѣшавшія возникновенію деревенских ассоціацій, среди крестьянства вездѣ быстро возникла цѣлая сѣть свободных союзов для всевозможных экономических цѣлей; при чем молодое движеніе несомнѣнно проявляет тенденцію возстановить извѣстнаго рода единеніе, подобное тому, которое существовало в прежней деревенской общинѣ. Таковы были заключенія, к которым мы пришли в предыдущей ѓлавѣ; а потому теперь мы займемся разсмотрѣніем тѣх институцій взаимной поддержки, которыя можно найти в настоящее время среди промышленнаго населенія.

В теченіе послѣдних трех столѣтій условія для выработки таких институцій были так же неблагопріятны в городах, как и в деревнях. Извѣстно, в само дѣлѣ, что когда средневѣковые города были подчинены, в шестнадцатом вѣкѣ, господ-

ству возраставших тогда военных государств, всѣ учрежденія, об'единявшія ремесленников, мастеров и купцов в гильдіях и в городских общинах, были насильственным образом разрушены. Самоуправленіе и собственная юрисдикція, как гильдіи, так и города, были уничтожены; присяга на вѣрность между братьями по гильдіи стала разсматриваться, как проявленіе измѣны по отношенію к государству; имущество гильдій было конфисковано, тѣм же путем, как и земли деревенских общин; внутренняя техническая организація каждой области труда попали в руки государства. Законы, дѣлаясь постепенно все суровѣе всячески старались помѣшать ремесленникам об'единяться каким бы то ни было образом. В продолженіе нѣкотораго времени государство терпѣло еще слабое подобіе прежних гильдій: разрѣшено было, например, существованіе торговых гильдій, под условіем, что онѣ будут щедро субсидироват королей; терпѣли также существованіе нѣкоторых ремесленных гильдій, которыми государство пользовалось, как органами администраціи. Нѣкоторыя из гильдій послѣдняго рода даже до сих пор еще влачат свое ненужное существованіе. Но то, что раньше было жизненной силой средневѣковой жизни и промышленности, давно уже исчезло под сокрушающею тяжестью централизованнаго государства.

В Великобританіи, которая может быть взята, как наилучшій примѣр промышленной политики современных государств, мы видим, что уже в пятнадцатом вѣкѣ парламент начал дѣло разрушенія гильдій; но рѣшительныя мѣры против них были приняты лишь в слѣдующем столѣтіи. Генрих VIII не только разрушил организацію гільдіи, но также конфисковал их имущества; с большей безцеремонностью — говорит Toulmin Smith, — чѣм он проявил при конфискаціи монастырских имуществ *). Эдуард VI закончил его дѣло ‡), и уже во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія мы находим, что

*) Toulmin Smith «English Guilds», London, 1870, введеніе, стр. XLIII.

‡) Акт Эдуарда VI (первый акт его царствованія) приказывал передать коронѣ «всѣ содружества, братства и гильдіи, находящіяся в предѣлах Англіи, Уэльса и др. владеній короля; а также всѣ помѣстья, земли,

парламент взял на себя разрѣшать всѣ недоразумѣнія между ремесленниками и торговцами, которыя раньше разрѣшались в каждом городѣ отдѣльно. Парламент и король не только присвоили себѣ право законодательства во всѣх подобных пререканіях, но, имѣя в виду сопряженныя с заграничным вывозом интересы короны, они вскорѣ начали опредѣлять нужное, по их мнѣнію, количество учеников в каждом ремеслѣ и детальнѣйшим образом регулировать самую технику каждаго производства—вѣс матерій, число ниток в ярдѣ ткани, и т.п. Должно, однако, сказать, что эти старанія не увѣнчались успѣхом, так как всякаго рода споры и техническія затрудненія, в теченіе ряда столѣтій разрѣшавшіяся соглашеніем между тѣсно-зависящими друг от друга гильдіями и между вступавшими в союз городами, лежат совершенно внѣ сферы дѣятельности бюрократическаго государства. Постоянное вмѣшательство государственных чиновников парализовало ремесла и довело большинство из них до полнаго упадка: а потому экономисты восемнадцатаго вѣка, возставая против государственнаго регулированія производств, выражали вполнѣ справедливое распространенное тогда недовольство. Уничтоженіе французскою революціею этого рода вмѣшательства бюрократіи в промышленность привѣтствовалось, как акт освобожденія; и вскорѣ другія страны послѣдовали примѣру Франціи.

Государство не могло похвалиться лучшим успѣхом и в дѣлѣ регулированія заработной платы. В средневѣковых городах(когда, в пятнадцатом вѣкѣ, начало все рѣзче обозначаться раздѣленіе между мастерами и их подмастерьями или поденщиками, подмастерья выставили свои союзы (Gesellenverbande), принимавшіе иногда интернаціональный характер, против союзов мастеров и купцов. Теперь государство взяло на себя улаживать их споры, и по статуту Елисаветы, 1563 года, на мировых судей была возложена обязанность устанавливать

аренды и другія наслѣдія, принадлежащія им или одному из них». («English Guilds», введеніе стр. XLIII). Ochenkowski, «Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters». Jena, 1879, главы II—V.

размѣр заработной платы, так, чтобы она обезпечивала "благо-приличное" существованіе поденщикам и ученикам. Мировые судьи, однако, оказались совершенно безпомощными в дѣлѣ примиренія противоположных интересов хозяев и рабочих, и никак не могли принудить мастеров подчиняться судейским рѣшеніям. Закон о заработной платѣ постепенно обратился, таким образом, в мертвую букву и был отмѣнен в концѣ восемнадцатаго вѣка. Но в то время как государство принуждено было отказаться от функціи регулированія заработной платы, оно, тѣм не менѣе, продолжало сурово запрещать всякаго рода союзы между поденщиками и мастеровыми с цѣлью увеличенія заработной платы или удержанія послѣдней на извѣстном уровнѣ. В теченіе всего восемнадцатаго вѣка государство издавало законы, направленные против рабочих союзов, и в 1799 году оно окончательно запретило всякаго рода комбинаціи рабочих под угрозою самых суровых наказаній. Фактически, британскій парламент лишь слѣдовал в этом случаѣ примѣру Французскаго революціоннаго Конвента, который тоже издал в 1793 году драконовскій закон против рабочих коалицій; коалиціи между извѣстным числом граждан разсматривалась революціонным собраніем, как покушенія против верховной власти государства, о котором предполагалось, что оно в равной мѣрѣ охраняет всѣх своих подданных. Дѣло разрушенія средневѣковых союзов было таким образом закончено. Теперь, и в городѣ, и в деревнѣ государство царствовало над мало-связанными между собою аггрегатами отдѣльных личностей, и готово было самыми суровыми мѣрами предотвращать всякую попытку возстановленія каких бы то ни было особливых союзов между ними. Таковы были тѣ условія, при которых стремленію к взаимной помощи приходилось пролагать себѣ путь в девятнадцатом вѣкѣ.

Нужно ли говорить, однако, что всѣ указанныя сейчас мѣры все-таки не в силах были уничтожить это стремленіе? В продолженіе восемнадцатаго вѣка, рабочіе союзы постоянно возстановлялись *). Не были они пріостановлены и тѣми

*) См. Sidney и Beatrice Webb, «History of Trade-Unionism», London, 1894, стр. 21—38.

жестокими преслѣдованіями, которыя явились результатом законов 1797-го и 1799-го г. Рабочіе пользовались каждым недосмотром в законѣ и в установленном им надзорѣ, каждым промедленіем со стороны мастеров обязанных доносить об образованіи союзов, чтобы сплачиваться между собою. Под покровом дружеских сообществ взаимной помощи (friendly societies), похоронных клубов, или же тайных братств, союзы распространялись повсевмѣстно: в ткацкой промышленности, среди рабочих ножеваго ремесла в Шеффильдѣ, среди рудокопов, и при этом формировались также энергичныя федеральныя организаціи, чтобы поддерживать мѣстные союзы во время стачек и преслѣдованій *).

Отмѣна закона против коалицій или комбинацій (Combination Laws), в 1825 году, дала новый толчок движенію. Во всѣх производствах немедленно были организованы союзы и національныя федераціи ‡), а когда Роберт Оуэн начал организацію своего "Великаго Консолидированнаго Національнаго Союза" профессіональных союзов, то в нѣсколько мѣсяцев ему удалось собрать до полумилліона членов. Правда, этот період относительной свободы продолжался недолго. Преслѣдованія снова начались в тридцатых годах, а в промежуток между 1832 и 1844 годом послѣдовали извѣстные свирѣпые судебные приговоры против рабочих организацій со ссылкой на каторгу в Австралію. Оуэновскій "Великій Національный Союз" был распущен, и по всей странѣ, как частные предприниматели, так равно и правительство в своих мастерских, начали принуждать рабочих порывать всякія связи с союзами и подписывать "документ", то есть отреченіе, составленное в этом смыслѣ. Юніонистов (членов рабочих союзов) преслѣдовали массами, и их подводили под дѣйствіе закона "О хозяе-

---

*) См. в работѣ Sidney Webb об ассоціаціях того времени. Предполагают, что Лондонскіе ремесленники лучше всего были организованы в 1810—1820 годах.

‡) Національная ассоціація для защиты труда включала в свою организацію около 150 отдѣльных союзов, дѣлавших крупные взносы и насчитывали в общем около 100.000 членов. Союзы строительных рабочих и углекопов также были крупными организаціями (Webb, I. c. стр. 107).

вах и их слугах", в силу котораго довольно было простого заявленія хозяина фабрики о якобы дурном поведеніи его рабочих *), чтобы массами арестовывать их и осуждать.

Стачки подавлялись самым деспотическим путем, и поразительные по своей суровости приговоры выносились за простое об'явленіе о стачкѣ, или за участіе в качествѣ делегата стачечников, — не говоря уже о подавленіях военным путем малѣйших безпорядков во время стачек, или об осужденіях, слѣдовавших за частыми проявленіями разнаго рода насилій со стороны рабочих. Практика взаимной помощи, при подобных обстоятельствах, являлась далеко не легким дѣлом. И все-таки, несмотря на всѣ препятствія, о размѣрах которых наше поколѣніе не имѣет даже должнаго представленія, уже с 1841 года началось возрожденіе рабочих союзов, и дѣло об'единенія рабочих неустанно продолжалось с тѣх пор, вплоть до настоящаго времени, пока, наконец, послѣ долгой борьбы, длившейся более ста лѣт, не было завоевано право вступать в союзы. В настоящее время, как извѣстно, почти четверть всѣх рабочих, имѣющих постоянную работу, т. е. около 1,500,000 человѣк принадлежат к рабочим союзам (трэдъюніонам) **).

Что же касается других европейских государств, то достаточно сказать, что, вплоть до очень недавняго времени, всякаго рода союзы преслѣдовались в них как заговоры; но, несмотря

---

*) Я руковожусь в этом отношеніи работой Webb, изобилующей документами, подтверждающими его выводы.

**) С сороковых годов прошлаго столѣтія, в отношеніях болѣе состоятельных классов к рабочим союзам произошли, конечно, крупныя перемѣны. Однако же, далѣе как в шестидесятых годах наниматели усиленно и дружно пытались сокрушить союзы, лишая работы населеніе чуть ли не цѣлых округов. Вплоть до 1869 года простое соглашеніе на стачку и об'явленіе о стачкѣ путем афиш, не говоря уже о «сниманіи рабочих» не приставших к стачкѣ, очень часто наказывались, как «устрашеніе мирнаго населенія». Закон «О хозяевах и их слугах» был отмѣнен только в 1875 году, когда мирное отговариваніе рабочих, идущих на работу во время об'явленной стачки, перестало называться, как преступленіе, а «насиліе и устрашеніе» во время стачек отошло в вѣдѣніе общих законов.

Впрочем, во время большой стачки доковых рабочих в 1887 году,

на это, они существуют вездѣ, хотя им часто приходится принимат форму тайных обществ; в то же время распространеніе и сила рабочих организацій, в особенности "рыцарей труда" в Соединенных Штатах и рабочих союзов Бельгіи ярко проявились в стачках девяностых годов девятнадцатаго вѣка.

Необходимо, однако, помнить, что самый факт принадлежности к рабочему союзу, помимо возможных преслѣдованій, требует значительных пожертвованій деньгами, временем и неоплаченною работою, и влечет за собой постоянный риск потерять работу, за одну лишь принадлежность к рабочему союзу *). Кромѣ того, юніонисту постоянно приходится помнить о возможности стачки, а стачка — когда исчерпан весь ограниченный кредит у хлѣбника и закладчика, а платы из стачечнаго фонда не хватает на пропитаніе семьи, — ведет за собою голоданье дѣтей. Для людей, живущих в близком общеніи с рабочими, затянувшаяся стачка представляет одно из самых раздирающих сердце зрѣлищ; легко можно, поэтому, вообразить, что значила стачка лѣт сорок тому назад в Англіи и что она значит еще до сих пор в неособенно богатых частях континентальной Европы. Постоянно, даже в настоящее время, стачка заканчивается полным разореніем и вынужденною эмиграціею

деньги, пожертвованныя на поддержаніе стачки, пришлось тратить на защиту права «пикетированія» (отговариванія от работы).

И наконец, преслѣдованія послѣдних годов (1900—1905), начатыя консервативным правительством, царившим в Англіи десять лѣт, грозят обратить в ничто всѣ завоеванныя права, так как суды стали приговаривать цѣлые рабочіе союзы к уплатѣ из их касс убытков (иногда милліонных), понесенных хозяевами во время стачек.

*) Еженедѣльный взнос в 6 пенсов (24 копейки), при заработной плате в 18 шиллингов (8 руб. 30 к. в недѣлю), или взнос одного шиллинга (48 копеек), при заработкѣ в 25 шиллингов (11 руб. 60к.) в недѣлю, значат гораздо болѣе, чѣм расход в 90 рублей при годовом доходѣ в 3000 руб.; рабочему приходится для подобнаго взноса обрѣзывать питаніе семьи, а при забастовкѣ в товарищеском юніонѣ взнос приходится удваивать Графическое описаніе жизни трэд-юніониста, данное одним заводским рабочим и помѣщенное в упомянутой уже книгѣ гг. Веббов (стр 431 и слѣд.) дает прекрасное понятіе о том, сколько работы требуется от члена англійскаго рабочаго союза.

чуть не цѣлаго населенія данной мѣстности, при чем разстрѣливаніе стачечников по малѣйшому поводу, или даже и без всякаго повода, до сих пор представляет самое обычное явленіе на континентѣ *).

И тѣм не менѣе, каждый год, в Европѣ и Америкѣ бывают тысячи стачек и массовых увольненій с работы — при чем особенною суровостью и продолжительностью отличаются так называемыя стачки "по симпатіи", вызываемыя желаніем поддержать выброшенных с работы товарищей, или отстоять права рабочих союзов. И в то время как реакціонная часть прессы склонна об'яснять стачки "устрашеніем", люди, живущіе среди стачечников, с восхищеніем говорят о практикуемой между ними взаимной помощи и поддержкѣ. Многіе, вѣроятно, слыхали о колоссальной работѣ, выполнявшейся рабочими-добровольцами для организаціи помощи и раздачи пищи во время послѣдней большой стачки лондонских доковых рабочих' или о рудокопах, которые, пробывши сами без работы в теченіе многих недѣль, тотчас же начали дѣлать взносы в размѣрѣ четырех шиллингов в недѣлю, в стачечный фонд, как только опять стали на работу; или о вдовѣ рудокопа, которая, во время Іоркширкских рабочих волненій 1894 года, внесла всѣ сбереженія своего покойнаго мужа в стачечный фонд; о том, как во время стачки послѣдній кусок хлѣба всегда дѣлился между сосѣдями; о редстокских рудокопах, обладающих обширными огородами, которые пригласили 400 бристольских со-товарищей брать с этих огородов капусту, картофель и т. д. Всѣ газетные корреспонденты, во время крупной стачки рудокопов в Іоркширѣ в 1894 году, знали массу подобных фактов, хотя далеко не всѣ эти корреспонденты осмѣливались писать о подобных неподходящих "пустяках" на страницах своих респектабельных газет **).

Профессіональный рабочій союз не составляет, однако,

---

*) См., например, пренія о стачкѣ в Фалькенау (в Австріи) в австрійском рейхстагѣ, 10 мая 1894 года; во время этих преній факты подобнаго рода были признаны как министерством, так и собственником копей. См. также англійскую прессу того времени.

**) Сообщенія о многих подобных фактах можно найти в «Daily Chronicle» и отчасти в «Daily News» за октябрь и ноябрь 1894 года.

единственной формы, в которой выливается потребность рабочаго во взаимной поддержкѣ. Помимо рабочих союзов, имѣются еще политическія ассоціаціи, дѣятельность которых многими рабочими разсматривается, как болѣе ведущая к общему благосостоянію, чѣм профессіональные союзы, которые теперь ограничивается большей частью одними узкими цѣлями. Конечно, простую принадлежность к политической корпораціи нельзя еще разсматривать как проявленіе стремленія ко взаимной помощи. Политика, как извѣстно, представляет именно такую область, гдѣ чисто эгоистическіе элементы общества вступают в самыя запутанныя сочетанія с альтруистическими стремленіями. Но всякій опытный политическій дѣятель знает, что всѣ великія политическія движенія поднимались из-за широких и часто отдаленных цѣлей, при чем самыми могучими из этих движеній были именно тѣ, которыя вызывали наиболѣе безкорыстный энтузіазм. Всѣ великія историческія движенія носили этот характер, а для нашего поколѣнія примѣром этого рода движеній служит соціализм. "Дѣло оплаченных агитаторов" — таков обычный припѣв тѣх, кто вовсе не знаком с этим движеніем. Но в дѣйствительности, — говоря лишь о фактах лично мнѣ извѣстных, — если бы я в теченіе послѣдних тридцати-пяти лѣт вел дневник и заносил бы в него всѣ извѣстные мнѣ примѣры преданности и самопожертвованія. на которые мнѣ приходилось наталкиваться в соціалистическом движеніи, — у читателя такого дневника слово "героизм" не сходило бы с уст. Но люди, о которых мнѣ приходилось бы говорить в дневникѣ, вовсе не были героями: это были средніе люди, — только вдохновленные великой идеей. Каждая соціалистическая газета, — а их в одной Европѣ насчитываются многія сотни, — представляет ту же самую исторію долгих лѣт самопожертвованія, без малѣйшей надежды на какую-либо матеріальную выгоду, а в громадном большинствѣ случаев даже без удовлетворенія личнаго честолюбія, если таковое имѣется. Я знал семьи, которыя жили, не зная, будет ли у них завтра кусок хлѣба, — мужа бойкотировали кругом в маленьком городкѣ, за участіе в газетѣ, а жена поддерживала семью швейной работой, — подобное положеніе продолжалось не мѣсяцы,

а годы, пока наконец изнемогшая семья не уходила, без слова упрека, говоря новым товарищам: "продолжайте; мы больше не в силах держаться!" Я видал людей, умиравших от чахотки и знавших это, которые, тѣм не менѣе, бѣгали в слякоти, под снѣгом, чтобы устраивать митинги, и сами говорили на митингах за нѣсколько недѣль до смерти, и наконец уходили в госпиталь, со словами: "ну, друзья, моя пѣсенка спѣта: доктора рѣшили, что мнѣ осталось жить всего нѣсколько недѣль. Скажите товарищам, что я буду счастлив, если кто зайдет провѣдать". Мнѣ извѣстны факты, которые сочли с моей стороны "идеализаціею", если бы я разсказал о них в настоящей книгѣ; и даже самыя имена этих людей, едва извѣстныя за предѣлом тѣснаго кружка друзей, вскорѣ будут забыты, когда и друзья их также отойдут в вѣчность. В сущности, я не знаю чему больше удивляться: безграничной ли преданности этих немногих, или общей суммѣ болѣе мелких проявленій преданности со стороны масс, затронутых движеніем. Продажа каждаго десятка нумеров рабочей газеты, каждый митинг, каждая сотня голосов, поданная за соціалистов на выборах, являются результатом такой массы энергіи и таких жертв, о которых люди, стоящіе внѣ движенія, не имѣют даже ни малѣйшаго представленія. А так, как теперь дѣйствуют соціалисты, дѣйствовала в прошлом каждая народная и прогресивная партія, политическая и религіозная. Весь прогресс, совершенный нами в прошлом, является результатом работы подобных людей и подобной же преданности.

Кооперацію, в особенности в Великобританіи, часто описывают, как "индивидуализм на акціях," и несомнѣнно, что в настоящем своем видѣ она дѣйствительно содѣйствует развитію кооперативнаго эгоизма, не только по отношенію к обществу вообще, но и в средѣ самих кооператоров. Между тѣм, достовѣрно извѣстно, что, вначалѣ, этому движенію был присущ характер взаимной помощи. Даже в настоящее время наиболѣе пламенные сторонники этого движенія проникнуты убѣжденіем, что кооперація ведет человѣчество к высшей, гармонической стадіи экономических отношеній и, побывавши в нѣкоторых мѣстностях сѣвера Англіи, гдѣ кооперація особенно развита,

нельзя не придти к заключенію, что значительное количество участников этого движенія держится именно такого мнѣнія. Большинство из них потеряло бы всякій интерес к кооперативному движенію, если бы у них исчезла упомянутая сейчас увѣренность. Нужно также сказать, что за послѣдніе годы среди кооператоров начали проявляться болѣе широкіе идеалы общаго благосостоянія и солидарности производителей. Нельзя отрицать проявляющуюся теперь среди них тенденцію, направленную к улучшенію отношеній между собственниками кооперативных производств и их рабочими.

Значеніе кооперацій в Англіи, Голландіи и Даніи хорошо извѣстно, а в Германіи, в особенности на Рейнѣ, даже в настоящее время кооперативныя общества являются крупным фактом промышленной жизни *). Но, быть может, Россія представляет наилучшее поле для изученія кооперацій в безконечно разнообразных формах. В Россіи кооперація, т. е. артель, выросла естественным образом; она унаслѣдована от средних вѣков, и в то время, как формально образовавшемуся кооперативному обществу пришлось бы бороться с кучею законных затрудненій и с подозрительностью бюрократіи, неоформленный вид кооперацій — артель — представляет самую сущность русской крестьянской жизни. Исторія "созиданія Россіи" и колонизація Сибири представляются в дѣйствительности исторіею охотничьих и промышленных артелей, вслѣд за которыми потянулись деревенскія общины. Теперь мы находим артель повсюду: в каждой группѣ крестьян, отправляющихся из одной и той же деревни на заработки на фабрику, во всѣх строительных ремеслах, среди рыбаков и охотников, среди арестантов на пути в Сибирь и обратно, среди желѣзнодорожных носильщиков, биржевых артельщиков, таможенных рабочих, в многих из кустарных производств (дающих занятіе 7.000.000

---

*Годовой расход 31.473 производительных и потребительных ассоціацій на среднем Рейнѣ был показан в 1890 году в 18.437.500 фунтов (около 180.000.000 рублей); из них 3.675.000 ф. ст. (около 35.000.000 руб.) были выданы в теченіе года в ссуду.

людей), и т. д. Словом, сверху до низу, во всем рабочем мірѣ, мы находим артели: постоянныя и временныя, для производства и потребленія во всевозможных видах. Вплоть до настоящаго времени рыболовные участки на рѣках, впадающих в Каспійское море, арендуются громадными артелями; рѣка Урал принадлежит всему уральскому казачьему войску, которое дѣлит и передѣляет свои рыболовные участки — едва-ли не самые богатые в мірѣ — между казачьими деревнями, без всякаго вмѣшательства со стороны властей. На Уралѣ, на Волгѣ и на всѣх озерах сѣверной Россіи рыбная ловля всегда производится артелями. Но помимо этих постоянных организацій имѣется также безчисленное множество временных артелей, составляющихся для всевозможных спеціальных цѣлей. Когда 10—20 человѣк крестьян из одной мѣстности отправляются в большой город на заработки, в качествѣ-ли ткачей, плотников, каменщиков, судовщиков и т. д., они всегда составляют артель. Они сообща нанимают помѣщеніе, и стряпку (очень часто жена однаго из них занимается стряпней), выбирают старосту и питаются сообща, при чем каждый платит артели за помѣщеніе и пищу.

Партія арестантов на пути в Сибирь всегда поступает таким же образом, и выбранный ею староста является офиціально-признанным посредником между арестантами и начальником военнаго конвоя, сопровождающаго партію. В каторжных тюрьмах арестанты имѣют такую же организацію. Желѣзнодорожные носильщики, посыльные на биржѣ, таможенные артельщики, городскіе посыльные, связанные круговой порукой, пользуются такою репутаціеею, что купцы довѣряют члену артели посыльных любую сумму денег. В строительном дѣлѣ образуются артели, насчитывающія иногда десяток, а иногда и до двухсот, членов, при чем крупные подрядчики по постройкѣ домов и желѣзных дорог всегда предпочитают имѣть дѣло с артелью, чѣм с отдѣльно нанятыми рабочими. Недавнія попытки военнаго министерства имѣть дѣло непосредственно с производительными артелями, образовавшимися ради спеціальных производств среди кустарей, и давать им заказы на сапоги и всякаго роди мѣдныя и желѣзныя издѣлія для обмундировки солдат, судя по отчетам, дали вполнѣ удовлетворительные ре-

зультаты, а отдача одного казеннаго завода (Воткинскаго) в аренду артели рабочих сопровождалась одно время положительным успѣхом.

Мы можем, таким образом, видѣть в Россіи, как древнія средневѣковыя институціи, избѣжавшія вмѣшательства государства (в их неоформленных проявленіях), цѣликом дожили вплоть до настоящаго времени и приняли самыя разнообразныя формы, в соотвѣтствіи с требованіями современной промышленности и торговли. Что же касается до Балканскаго полуострова, Турецкой имперіи и Кавказа, то старыя гильдіи удержались здѣсь в полной силѣ. Сербскіе "еснафы" сохранили вполнѣ средневѣковый характер: в их состав входят как мастера, так и поденные рабочіе, они регулируют промыслы и являются институціями взаимной поддержки, как в области труда, так и на случай болѣзни *); в то же время, грузинскіе "амкари" Кавказа и в особенности Тифлиса, помимо выполненія вышеуказанных функцій, оказывают значительное вліяніе на городскую жизнь ⁑).

В связи с коопераціей мнѣ, может быть, слѣдовало бы также упомянуть о дружеских обществах взаимной поддержки (friendly societies), о союзах "чудаков" (odd-fellows), о деревенских и городских клубах для оплаты медицинской помощи, и клубах для похорон, или для пріобрѣтенія одежды, о маленьких клубах, часто устраиваемых среди фабричных дѣвушек вносящих еженедѣльно по нѣсколько пенсов и затѣм разыгрывающих между собою сумму в двадцать шиллингов (10 руб.), которая дает возможность сдѣлать какую-нибудь болѣе или менѣе существенную покупку, и о многих других обществах подобнаго рода. Во всѣх таких обществах и клубах можно наблюдать не малый запас общительности и веселости, даже в тѣх случаях когда за "кредитом и дебетом" каждаго члена тщательно наблюдают. Но помимо этих учрежденій,

---

*) «British Consular Report», апрѣль 1889.

⁑) Капитальное изслѣдованіе по этому вопросу было напечатано г. Еліазаровым в «Записках Кавказскаго Географ. Общества». т. VI. 2. Тифлис 1891.

имѣется столько ассоціацій основанных на готовности жертвовать, если понадобится, временем, здоровьем и жизнью, что мы можем из их дѣятельности почерпнуть примѣры наилучших форм взаимной поддержки.

На первом мѣстѣ слѣдует упомянуть здѣсь об обществѣ спасанія на водах в Англіи и о подобных же учрежденіях на континентѣ. Англійское общество имѣет свыше 300 спасательных лодок на побережьях Англіи, и оно имѣло бы их вдвое больше, если бы не бѣдность рыбаков, которые сами не могут покупать их. Экипаж этих лодок всегда составляется из добровольцев, готовность которых жертвовать жизнью для спасенія совершенно неизвѣстных им людей подвергается каждый год суровому испытанію и каждую зиму нѣсколько храбрѣйших из них дѣйствительно погибают в волнах. И если вы спросите этих людей,—что заставляет их рисковать жизнью, иногда даже при таких условіях, когда нѣт, повидимому, никаких шансов на успѣх, они, вѣроятно, отвѣтят вам разсказом в родѣ слѣдующаго: Над Ла-Маншем пронеслась страшная снѣжная буря; она бушевала на плоских песчаных берегах в Кентѣ, гдѣ расположена была крохотная деревушка, и на пески возлѣ деревушки море выбросило маленькое одномачтовое судно, нагруженное апельсинами. В таких мелких водах держат только плоскодонную спасательную лодку упрощеннаго типа, и пустится на ней в такую бурю значило идти на вѣрную гибель, — и однако люди рѣшились и пошли. Цѣлые часы боролись они против бурана; два раза лодка опрокинулась. Один из ея гребцов утонул, остальные были выброшены на берег. Одного из послѣдних, — интеллигентнаго таможеннаго стражника, — нашли на слѣдующее утро, сильно ушибленнаго, полузамерзшаго в снѣгу. Я спросил его, — как они рѣшились на такую отчаянную попытку? — "Я и сам не знаю" — отвѣчал он: — "вот там, в морѣ, гибли люди; вся деревня стояла на берегу, и всѣ говорили, что пуститься в море было бы безуміем, что мы никогда не справимся с прибоем. Мы видѣли, что их было на суднѣ пять или шесть человѣк, уцѣпившихся за мачту и подававших отчаянные сигналы. Всѣ чувствовали, что надо что-нибудь предпринять, но что могли мы сдѣлать?

Прошел час, другой, а мы все стояли на берегу; всѣм очень тяжело было на душѣ. Потом вдруг нам послышалось, что сквозь завыванія бури донеслись их вопли... с ними был мальчик... Мы больше не могли вынести напряженія; всѣ сразу сказали: "надо выходить!" Женщины говорили то же; онѣ смотрѣли бы на нас, как на трусов, если бы мы остались, — хотя на слѣдующій день онѣ же называли нас дураками за нашу попытку. Как один человѣк, мы всѣ бросились к спасательной лодкѣ и отправились. Лодку опрокинуло, но нам удалось снова поставить ее. Хуже всего было, когда несчастный N тонул, уцѣпившись за веревку от лодки, и мы никак не могли ему помочь. Затѣм нас захлестнуло огромной волной. лодку опять опрокинуло, и нас выбросило всѣх на берег. Люди с тонувшаго судна были спасены лодкою из Донгенэса, а нашу лодку перехватили за много миль к западу. Меня нашли па утро в снѣгу".

То же чувство двигало и рудокопов долины Ронды, когда они спасали своих товарищей из шахты, подвергнувшейся наводненію. Им пришлось пробиваться чрез каменноугольный пласт, толщиною в 96 футов, чтобы добраться до заживо-погребенных товарищей. Но когда уже оставалось пробить всего девять футов, их охватил рудничный газ. Лампы погасли, и рудокопам пришлось отступить. Работать при таких условіях — значило подвергаться риску каждую секунду быть взорванным и окончательно погубить тѣх. Но постукиванія погребенных людей все еще слышались; эти люди были живы и взывали о помощи, и нѣсколько рудокопов добровольно вызвались спасать товарищей,рискуя жизнью. Когда они спускались в шахту, жены сопровождали их безмолвными слезами — но ни одна не произнесла ни слова, чтобы остановить их.

Такова сущность человѣческой психологіи. Пока люди не опьянены до безумія битвой, они "не могут слышать" призывов о помощи, не отвѣчая на них. Сначала скажется чье-либо личное геройство, а вслѣд за героем всѣ чувствуют, что они должны послѣдовать его примѣру. Софизмы ума не могут противостоять чувству взаимной помощи,ибо чувство это воспитывалось в продолженіи многих тысяч лѣт человѣческой обще-

ственной жизни и сотен тысяч лѣт до-человѣческой жизни в сообществах животных.

Однако, нас спросят может быть: "Но как же могли потонуть недавно люди в Серпентайнѣ, в лондонском Гайд-Паркѣ, в присутствіи толпы зрителей, из которых никто не бросился им на помощь?" Или же: "Как мог быть оставлен без помощи ребенок упавшій в воду в Риджентс-Паркѣ, тоже в присутствіи многолюдной праздничной толпы, и был спасен лишь благодаря присутствію духа одной молодой дѣвушки, прислуги сосѣдняго дома, пославшей за ним в воду ньюфаундлэндскаго водолаза?" На эти вопросы отвѣт простой. Человѣк является результатом не только унаслѣдованных им инстинктов, но и воспитанія.

У рудокопов и моряков, благодаря их общим занятіям и ежедневному соприкосновенію друг с другом, создается чувство солидарности, а окружающія их опасности воспитывают храбрость и смѣлую находчивость. В городах же, напротив, отсутствіе общих интересов воспитывает безучастность, а храбрость и находчивость, рѣдко находящія примѣненіе, исчезают, или принимают иное направленіе. Кромѣ того, традиціи геройских подвигов в шахтах и на морѣ живут в деревушках рудокопов и рыбаков, окруженныя поэтическим ореолом. Но какія же традиціи могут быть у пестрой лондонской толпы? Всякую традицію, являющуюся у нея общим достояніем, пришлось создавать литературою, или словом; но литературы, соотвѣтствующей деревенскому эпосу, почти не существует. Духовенство же, в своих проповѣдях, так старается доказать грѣховность человѣческой природы и сверх'естественное происхожденіе всего хорошаго в человѣкѣ, что оно в большинствѣ случаев проходит молчаніем тѣ факты, которых нельзя выставить в качествѣ примѣров вдохновенія, или благодати, ниспосланных свыше. Что же касается до "свѣтских" писателей, то их вниманіе, главным образом, направлено лишь на один вид героизма, а именно — героизма, выдвигающаго идею государства. Поэтому они впадают в восхищеніе пред римским героем, или пред солдатом в битвѣ, и проходят мимо героизма рыбака, почти не обращая на него никакого вниманія. Поэт

и живописец бывают, правда, поражены красотою человѣческаго сердца, но лишь в рѣдких случаях знакомы они с жизнью бѣднѣйших классов; и если они могут еще воспѣвать или изображать в условной обстановкѣ римскаго, или военнаго героя, они оказываются безпомощными, когда пытаются изобразить героя, дѣйствующаго в той скромной обстановкѣ народной жизни, которая им чужда. Немудрено, поэтому, если большинство подобных попыток неизмѣнно отличается напыщенностью и риторичностью *).

Безчисленное количество обществ, клубов и союзов для развлеченій, для научных работ и изслѣдованій, для образовательных цѣлей и т. п., распространившихся за послѣднее время в таком количествѣ, что потребовались бы многіе годы для простой их регистраціи, представляют другое проявленіе той же вѣчно-дѣйствующей силы, призывающей людей к об'единенію и взаимной поддержкѣ. Нѣкоторыя из этих обществ, подобно обществам молодых выводков птиц различных видов, собирающихся осенью, преслѣдуют единственную цѣль — со-

*) Побѣг из французской тюрьмы чрезвычайно затруднителен; но, несмотря на это, в 1884 или в 1885 году одному арестанту удалось убѣжать из одной из французских центральных тюрем. Ему даже удалось скрываться в теченіе цѣлаго дня, несмотря на поднятую тревогу и на устроенную на него облаву. Утром слѣдующаго дня он скрывался в канавѣ, по близости одной небольшой деревушки. Может быть, он разсчитывал стащить какіе-нибудь с'ѣстные припасы и однажды, чтобы перемѣнить арестантскій костюм. Но в то время, как он лежал в канавѣ, в деревнѣ вспыхнул пожар. Он видѣл женщину, выбѣжавшую из одного из горѣвших домов и слышал ея отчаянные вопли о помощи ребенку, находившемуся в верхнем этажѣ горѣвшаго дома. Но никто не откликнулся на эти вопли. Тогда бѣжавшій арестант выскочил из своего убѣжища, вскочил в горѣвшій дом, и, с опаленным лицом и горѣвшею на нем одеждою, вынес ребенка из огня и передал его матери. Конечно, его сейчас же арестовал деревенскій жандарм, не преминувшій появиться при этой оказіи и отправившій его обратно в тюрьму. Об этом фактѣ сообщили во всѣх французских газетах, но ни одна из них не подняла агитаціи об освобожденіи героя-арестанта. Если бы он защитил тюремнаго надзирателя от нападенія товарища-арестанта, его конечно немедленно провозгласили бы героем. Но его поступок был актом простого человѣколюбія, он не мог послужить к прославленію государственнаго идеала; сам арестант не об'яснял его божественную благодатью, ниспосланною свыше, этого было достаточно, чтобы об героѣ забыли. Впрочем может быть, ему прибавили еще полгода или год тюрьмы, за «похищеніе казеннаго имущества», т. е. арестантской одежды, в которой он бѣжал.

вмѣстное наслажденіе жизнью. Чуть ли не каждая деревня в Англіи, Швейцаріи, Германіи и т. д. имѣет свои общества для игры в крикет, футбол (ножный мяч), теннис или кегли, или же голубные, музыкальные и пѣвческіе клубы. Затѣм есть общества, отличающіяся особенной многочисленностью членов как например, общество велосипедистов, которое в послѣднее время развилось в необычайно широких размѣрах. Хотя у членов этого союза нѣт ничего общаго, кромѣ их любви к ѣздѣ на велосипедѣ, тѣм не менѣе среди них успѣло образоваться своего рода франкмасонство в цѣлях взаимной помощи, особенно в захолустных мѣстностях, еще свободных от наплыва велосипедистов; на Союзный Клуб Велосипедистов в какой нибудь деревушкѣ члены смотрят, до извѣстной степени, как на собственный дом, и в лагерѣ велосипедистов, собираемом каждый год в Англіи, нерѣдко устанавляются дружескія крѣпкія отношенія. Kegelbruder, т. е. кегельныя общества в Германіи, представляют такую же ассоціацію; точно также и гимнастическія общества (насчитывающія до 300.000 членов в Германіи), неоформленныя содружества гребцов на французских рѣках, яхт-клубы и т. п. Подобныя ассоціаціи, конечно, не измѣняют экономической структуры общества, но онѣ, в особенности в небольших городах, помогают сглаживанію соціальных различій; а так как всѣ такія общества стремятся об'единиться в крупныя національныя и международныя федераціи, то уже этим они помогают росту личных дружественных отношеній между всякаго рода людьми, разсѣянными в различных частях земнаго шара.

Альпійскіе клубы, Jagdschutzverein в Германіи, имѣющій свыше 100.000 членов, — охотников, образованных лѣсничих, зоологов и просто любителей природы, — а равным образом Интернаціональное Орнитологическое Общество, членами котораго состоят зоологи, животноводы и простые крестьяне в Германіи, имѣют тот же самый характер. Они успѣли, в теченіе немногих лѣт, не только выполнить огромную общеполезную работу, которая под силу лишь крупным обществам (составленіе географических карт, устройство спасательных станцій в горах и проведеніе горных дорог; изученіе жизни животных, вредных

насѣкомых, переселеній птиц и т. п.), но также оні создалі новыя связи между людьми. Два альпиниста различных національностей, встрѣтившись в спасательной хижинѣ, устроенной клубом на вершинѣ Кавказких гор, или же профессор и крестьянин-орнитолог, прожившіе под одною крышею, не будут уже чувствовать себя совершенно чуждыми друг другу людьми. А "общество дяди Тоби" в Ньюкастлѣ, убѣдившее свыше 300.000 мальчиков и дѣвочек никогда не разрушать птичьих гнѣзд и быть добрыми ко всѣм животным, несомнѣнно сдѣлало гораздо больше для развитія гуманитарных чувств и вкуса к изученію естественных наук, чѣм масса всякаго рода моралистов и большинство наших школ.

Даже в настоящем кратком очеркѣ мы не можем пройти молчаніем тысячи научных литературных, художественных и образовательных обществ. Конечно, надо сказать, что до настоящаго времени, научныя корпораціи, находясь под контролем государства и часто получая от него субсидіи, обыкновенно вращались в очень тѣсном кругѣ, и что на ученыя общества карьеристы часто смотрят как на средство проникнуть в ряды оплачиваемых государством ученых, тогда как трудность стать членом нѣкоторых привилегированных обществ несомнѣнно ведет только к возбужденію мелочной зависти. Но при всем том, несмнѣнно, что подобныя общества сглаживают до извѣстной степени классовыя различія, создающіяся по рожденію, или по принадлежности к тому или другому сословію, а также к той или другой политической партіи или вѣроисповѣданію. В маленьких же, глухих городах, научныя, географическія или музыкальныя общества, особенно тѣ, которыя вызывают дѣятельность болѣе или менѣе обширнаго круга любителей становятся маленькими центрами, своего рода звеном, связующим маленькій городок с обширным міром, а также — мѣстом, гдѣ люди, занимающія самыя различныя положенія в общественной жизни, встрѣчаются на равной ногѣ. Для того, чтобы оцѣнить значеніе подобных центров, надо познакомиться с ними, напримѣр, в Сибири.

Наконец, одно из самых важных проявленій того же духа

представляют безчисленныя общества, имѣющія цѣлью распространеніе образованія, и которыя только теперь начинают разрушать монополію церкви и государства в это отрасли жизни. О них можно смѣло сказать, что в самом непродолжительном времени эти общества пріобрѣтут руководящее значеніе в области народнаго образованія. "Фребелевским союзам" мы уже обязаны системой дѣтских садов, а цѣлому ряду оформленных и неоформленных обществ мы обязаны высокою степенью, какой достигло женское образованіе в Россіи *). Что же касается до различных педагогических обществ в Германіи, то, как извѣстно, им принадлежит огромная доля вліянія в выработкѣ современных методов убученія в народных школах. Подобныя ассоціаціи также являются наилучшею поддержкою для учителей. Каким несчастным чувствовал бы себя без их помощи деревенскій учитель, изнемогающій под бременем плохо оплачиваемаго труда! **).

Всѣ эти ассоціаціи, общества, братства, союзы, институты и т. д., которыя можно насчитывать десятками тысяч в одной

---

*) Женскій медицинскій институт (давшій Россіи большую часть ея 700 женщин-врачей), четыре учрежденія, именуемых высшими женскими курсами в которых было около 1000 студентов в 1887 году, когда они были закрыты (открыты снова в 1895 г.) и высшая коммерческая школа для женщин были всецѣло розультатом работы таких частных обществ. Этим же обществам мы обязаны высоким уровнем, котораго достигли женскія гимназіи со времени их открытія в шестидесятых годах. Около ста гимназій, разсѣянных по все Имперіи и насчитывающих около 70.000 учениц, соотвѣтствуют высшим школам для дѣвушек в Англіи, с тою лишь разницей, что всѣ учителя в русских гимназіях должны обладать университетским образованіем.

**) Германскій союз для распространенія полезных знаній (Verein fur Verbteitung gemeinnutzlicher Kenntnisse), хотя и насчитывает всего лишь 5500 членов, но уже теперь (1895 г.) открыл болѣе 1.000 публичных и школьных библіотек, организовал тысячи лекцій и издал массу полезных книг.

Европѣ, при чем каждый из них представляет собою огромную массу добровольной, безкорыстной, безплатной или очень скудно оплачиваемой работы — развѣ всѣ они не являются проявленіями, в безконечно-разнообразных формах, все той же, вѣчно живущей в человѣчествѣ, потребности взаимной помощи и поддержки? В теченіе почти трех столѣтій людям препятствовали протянуть руки друг другу, даже ради литературных, художественных и образовательных цѣлей. Общества могли образовываться лишь с вѣдома и под покровительством государства или церкви, или же должны были существовать в качествѣ тайных сообществ, подобных франкомасонам; но теперь, когда это сопротивленіе государства надломлено, они возникают повсѣмѣстно, охватывая самыя разностороннія вѣтви человѣческой дѣятельности. Они начинают пріобрѣтать международный характер, и несомнѣнно способствуют,—в такой степени. какую мы еще не вполнѣ оцѣнили, — ломкѣ международных преград, воздвигнутых государствами. Несмотря на зависть, воспитываемую коммерческим соревнованіем между націями, несмотря на ненависть, вызываемую привидѣніями разлагающагося прошлаго, сознаніе международной солидарности растет, как среди отдѣльных передовых людей, так и среди рабочих масс, с тѣх пор как онѣ также завоевали себѣ право международных сношеній; и нѣт никакого сомнѣнія, что этот дух растущей солидарности уже оказал нѣкоторое вліяніе на предотвращеніе войны между европейскими государствами в теченіе послѣдних тридцати лѣт.

Благотворительныя общества, которыя в свою очередь представляют цѣлый своеобразный мір, необходимо должны быть также упомянуты здѣсь. Нѣт ни малѣйшаго сомнѣнія, что громадным большинством членов этих обществ двигают тѣ же чувства взаимной помощи, которыя присущи всему человѣчеству. К сожалѣнію, религіозные учителя людей предпочитают приписывать подобным чувствам сверх'естественное происхожденіе. Многіе из них пытаются утверждать, что человѣк не может сознательно вдохновляться идеями взаимной помощи, пока он не будет просвѣщен ученіями той спеціальной рели-

гіи, представителями которой они состоят, — и вмѣстѣ со св. Августином, большинство из них не признает существованія подобных чувств у "язычников-дикарей". Кромѣ того, в то время как первобытное христіанство, подобно всѣм другим зарождавшимся религіям, было призывом к широко-человѣчным чувствам взаимной помощи и симпатіи, христіанская Церковь усердно помогала Государству разрушать всѣ существовавшія до нея или развившіяся внѣ ея институціи взаимной помощи и поддержки; и взамѣн взаимной помощи, которую каждый дикарь разсматривает, как выполненіе долга к своим сородичам, христіанская Церковь стала проповѣдывать милосердіе, составляющее, по ея ученію, добродѣтель, вдохновляемую свыше, которая в силу этого, придает извѣстнаго рода превосходство дающаго над получающим. С этим ограниченіем и без всякаго намѣренія оскорблять тѣх, кто причисляет себя к избранным, в то время как выполняет простой акт человѣчности, мы, конечно, можем разсматривать громаднѣйшее количество религіозных благотворительных обществ, разбросанных повсюду, как проявленіе того же глубокаго стремленія человѣка к взаимной помощи.

Всѣ эти факты показывают, что безразсудное преслѣдованіе личных интересов, с полным забвеніем нужд других людей, вовсе не представляет единственной характерной черты современной жизни. На ряду с этим эгоистическим теченіем, которое горделиво требует признанія за собой руководящей роли в человѣческих дѣлах, мы замѣчаем упорную борьбу, которую ведет сельское и рабочее населеніе с цѣлью снова ввести постоянныя институціи взаимной помощи и поддержки; и мы открываем во всѣх классах общества широко-распространенное движеніе, стремящееся к установленію безконечно-разнообразных, болѣе или менѣе постоянных, институцій для той же самой цѣли. Но когда от общественной жизни мы переходим к частной жизни современнаго человѣка, мы открываем еще один, чрезвычайно широкій, мір взаимной помощи и поддержки, мимо котораго большинство соціологов проходит,

не замѣчая его — вѣроятно потому, что он ограничен тѣсным кругом семьи и личной дружбы *).

При современной системѣ общественной жизни, всѣ узы единенія между обитателями одной и той же улицы или сосѣдства исчезли. В богатых кварталах больших городов люди живут рядом, даже не зная, кто их сосѣди. Но в тѣснонаселенных улицах и переулках всѣ прекрасно знают друг друга и находятся в постоянном соприкосновеніи. Конечно, в переулках, как и вездѣ, дѣло не обходится без мелочных ссор, но вмѣстѣ с тѣм вырастают и группировки, соотвѣтственно личным склонностям, и в предѣлах этих группировок практикуется взаимная помощь в таких размѣрах, о которых болѣе богатые классы не имѣют и представленія. Если, например, мы присмотримся к дѣтям бѣднаго квартала — играющим на лужайкѣ, на улицѣ, или на кладбищѣ (в Лондонѣ это видно нерѣдко), мы сейчас замѣтим, что между ними существует тѣсный союз, несмотря на случающіяся драки, при чем этот союз предохраняет дѣтей от множества всяких несчастій.

Стоит какому нибудь малышу наклониться с любопытством над открытым отверстіем водосточной трубы, — и сотоварищ по

---

*) Очень немногіе соціологи обратили вниманіе на это явленіе. Одним из них является Dr. Ihring и его работа очень поучительна. Когда этот великій нѣмецкій юрист приступил к своей философской работѣ «Der zweck im Richte» («Цѣль в правѣ»), он намѣревался анализировать «активныя силы вызывающія и поддерживающія прогрсс общества», и таким образом дать «теорію общительнаго человѣка». Прежде всего он анализировал вліяніе эгоиститеческих сил, включая современную систему зар
принужденія, во всем разнообразіи наших политических и соціальных законов. И, согласно тщательно-разработанному плану своего труда, он намѣревался отвести послѣднюю главу этическим силам — чувству долга и взаимной любви — способствующих той же цѣли. Но когда он стал обсуждать общественныя функціи этих двух факторов, он был вынужден, вмѣсто одной главы, посвятить им цѣлый второй том, по об'ему вдвое больше перваго; при этом он успѣл разсмотрѣть только личные факторы, которым мы посвящаем на слѣдующих страницах всего нѣсколько строк. — L. Durgan положил ту же самую идею в отношеніе своей работы («Egoismus und Altruismus in der Nationlokonomie», Leipzig, 1885 г.), добавив нѣсколько новых фактов. — Buchner's «Liebe« и нѣкоторыя перефразир[illegible] этой книги, появившіяся в Англіи и Америкѣ, касаются того же самаго предмета.

играм уже кричит ему: "Уходи — там в дыркѣ сидит лихорадка!".—"Не лѣзь через эту стѣну; если упадешь на тусторону, поѣзд раздавит тебя!"—"Не подходи близко к канавѣ!" — "Не ѣшь этих ягод; яд, — умрешь!". Таковы первые уроки получаемые малышем, когда он присоединяется к сотоварищим на улицѣ. Сколько дѣтей мѣстом игр которых служат улицы возлѣ „образцовых рабочих жилищ", или набережныя и мосты каналов, погибли бы под колесами телѣг, или в мутной водѣ каналов, если бы между дѣтьми не существовало этого рода взаимной помощи! А если какой - нибудь мальчуган все-таки попадет в неогороженную канаву, или дѣвочка свалится в канал, то уличная орда малышей поднимает такой крик, что все сосѣдство сбѣгается на помощь. Все это я говорю по личному наблюденію.

Затѣм идет союз матерей.—„Вы не можете себѣ представить",—писала мнѣ недавно одна англійская женщина - врач, живущая в бѣдном кварталѣ Лондона,—„как много онѣ помогают друг другу. Если какая нибудь женщина не приготовила, или не могла приготовить, нужнаго для ожидаемаго ребенка, —а как часто это случается! — то всѣ сосѣдки приносят что -нибудь для новорожденнаго. В то же время одна из сосѣдок всегда берет на себя заботу о дѣтях, а другая о хозяйствѣ, пока роженица остается в постели." Это—обычное явленіе, о котором упоминают всѣ, кому приходилось жить среди бѣдняков в Англіи. Тысячами мелких услуг матери поддерживают друг друга и заботятся о чужих дѣтях. У дамы, принадлежащей к богатым классам, требуется извѣстная выдержка— к лучшему или к худшему, пусть сами судят—чтобы пройти на улицѣ мимо дрожащих от холода или голодных дѣтей, не замѣчая их. Но матери из бѣдных классов не обладают такой выдержкой. Онѣ не могут выносить вида голоднаго ребенка: онѣ должны накормить его; так онѣ и дѣлают. „Когда дѣти, идущія в школу, просят хлѣба, они рѣдко или скорѣе никогда не получают отказа,"—пишет мнѣ одна пріятельница, работавшая в теченіе нѣскольких лѣт в Уайтчапэлѣ, в связи с одним рабочим клубом. Впрочем, лучше будет привести нѣсколько выдержек из ея письма:

«Смотреть за больным сосѣдом или сосѣдкою, без цѣли какого бы то ни было вознагражденія — общее правило среди рабочих. Равным образом, когда женщина, имѣющая маленьких дѣтей, уходит на работу, за ними всегда присматривает одна из сосѣдок.

«Если бы рабочіе на помогали друг другу, они совершенно не могли бы существовать. Я знаю рабочія семьи, которыя постоянно помогают одна другой — деньгами, пищей. топливом, уходом за маленькими дѣтьми, в случаях болѣзни и в случаях смерти в семьѣ.

«Среди бѣдняков «мое» и «твое» гораздо менѣе различается чѣм у богатых. Ботинки, платье, шляпы и т. д., словом — что понадобится в данный момент — постоянно одолжаются друг у друга, а равным образом всякаго рода принадлежности хозяйства.

«Минувшей зимой (1894 года) члены Об'единеннаго Радикальнаго клуба собрали в своей средѣ небольшую сумму денег и начали, послѣ Рождества, снабжать даровым супом и хлѣбом дѣтей, ходящих в школу. Постепенно число дѣтей, которых они кормили, дошло до 1800 человѣк. Пожертвованія приходили извнѣ, но вся работа лежала на плечах членов клуба. Нѣкоторые из них, — тѣ, кто в то время был без работы, — приходили в четыре часа утра, чтобы мыть и чистить овощи; пять женщин приходили в 9 или 10 часов утра (покончив с своей работой по хозяйству), чтобы присмотрѣть за варкой пищи, и онѣ оставались до шести или до семи часов вечера, чтобы перемыть посуду. В обѣденное время, между двѣнадцатью и половиной перваго. приходили 20—30 человѣк рабочих помогать при раздачѣ супа, для чего им приходилось урывать от собственнаго обѣденнаго времени. Такая работа продолжалась два мѣсяца и все время выполнялась совершенно безплатно».

Моя пріятельница упоминает также о различных частных случаях, из которых я привожу наиболѣе типическіе:

«Дѣвочка, Анюта В., была отдана матерью на хлѣба одной старушкѣ в Уильмотской улицѣ. Когда мать Анюты умерла, старушка сама жившая в большой бѣдности, воспитывала ребенка, хотя никто не платил ей за это ни копейки. Когда старушка тоже умерла, ребенок, которому было тогда пять лѣт, остался за время болѣзни пріемной матери без всякаго присмотра и ходил в лохмотьях; но его пріютила тогда жена сапожника, у которой и без того было уже шесть человѣк дѣтей. Позднѣе, когда сапожник захворал, всѣм им приходилось голодать».

«На-днях М., мать шести дѣтей, ухаживала за сосѣдкой М-г во время ея болезни и взяла старшаго ребенка к себѣ... Но нужны-ли вам такіе факты? Они составляют самое обычное явленіе... Я знакома также с г-жей Д. (адрес такой-то) у которой имѣется швейная машина. Она постоянно шьет на ней для других, не принимая никакого вознагражденія за работу, хотя ей приходится смотрѣть за пятью дѣтьми и мужем... И. т. д.».

Для каждаго, кто имѣет хотя бы малѣйшее представленіе о жизни рабочих классов, само собой очевидно, что если бы в их средѣ не практиковалась в широких размѣрах взаимная помощь, они ни за что не могли бы справиться с тѣми затрудненіями, которыми так богата их жизнь. Только благодаря сочетанію счастливых случайностей, может рабочая семья прожить жизнь, не пройдя через такія тяжелыя обстоятельства, как тѣ, которыя описаны были ленточным ткачем Джозефом Гетриджем в своей автобіографіи *). И если не всѣ рабочіе, при подобных обстоятельствах, опускаются до послѣдних ступеней нищеты, они обязаны этим именно взаимной помощи, практикующейся между ними. Гетриджу помогла старушка-няня, сама жившая на краю нищенства,как раз в ту минуту, когда его семья приближалась к роковой развязкѣ: она достала им в кредит хлѣба, угля и другіе предметы первой необходимости.

В других случаях помогал кто-нибудь другой, или же сосѣди складывались, чтобы вырвать семью из когтей нищеты. Но если бы бѣдняки не приходили на помощь бѣднякам,—в какой громадной пропорціи увеличилось бы число тѣх, кто доходит до ужасающей, уже непоправимой, нищеты! ‡)

---

*) «Light and Shadows in the Life of an Artisan» Coventry,, 1893.

---

‡) Богатые люди часто не могут понять, каким образом бѣдняки могут помогать друг другу, так как богатые люди не могут себѣ представить, от какого ничтожнаго количества пищи или денег часто зависит самое существованіе бѣдняка. Лорд Шедтсбюри вполнѣ понимал эту ужасающую истину, когда основал свой »Фонд цвѣточниц и продавщиц кресона» *), из которых выдавались ссуды, размѣром в один и изрѣдка даже в два фунта стерл. (10 и иногда 20 рублей), чтобы доставить дѣвушкѣ впавшей в нищету с наступленіем зимы, возможность купить себѣ корзину и нѣсколько цвѣтов, и начать торговлю. Ссуды выдавались дѣвушкам, у которых «не было сикспэнса (25 к.) за душой», и тѣм не менѣе онѣ всегда находили поручителей за себя среди бѣдняков. «Из всѣх движеній, в которых мнѣ приходилось принимать участіе», — писал лорд Шефтсбюри, — «я смотрю на это движеніе для оказанія помощи цвѣточницам и продавщикам кресона, как на самое успѣшное... Оно началось в 1872 году, и мы выдали от 800 до 1000 ссуд, при чем за все это время не потеряли даже и 50 фунтов стерл.; потеряли мы сущіе пустяки, да и то по таким извинительным причинам как смерть или болѣзнь, но никогда не

Плимсоль (извѣстный в Англіи своею компаніею против страховки гнилых, негодных кораблей),проживши нѣкоторое время среди бѣдноты, тратя на себя только по 7 шил. 6 пенс. (3р. 50 к.) в недѣлю, принужден был признать, что тѣ добрыя чувства к бѣдным, с которыми он начал этого рода жизнь, „перешли в чувства сердечнаго уваженія и восхищенія", когда он увидал, насколько отношенія между бѣдными проникнуты взаимной помощью и поддержкою, и когда он изучил тѣ простые способы, которыми оказывается этого рода поддержка. Послѣ многолѣтняго опыта он пришел к заключенію, что „если хорошенько подумать, то окажется, что подобные люди составляют огромное большинство рабочих классов"*). Что же касается до воспитанія сирот, даже самыми бѣдными семьями сосѣдей, то это представляет такое широко-распространенное явленіе, что его можно считать общим правилом; так, послѣ взрыва газов в копях Warren Vale и Lund Hill, оказалось, что „почти одна треть убитых рудокопов, по изслѣдованіям комиссіи, поддерживали, помимо своих жен и дѣтей, еще и других бѣдных родственников."—"Подумали ли вы",—прибавляет к этому Плимсоль,—„что значит этот факт? Я не сомнѣваюсь, что подобное явленіе не рѣдкость среди богатых, или даже достаточных людей. Но подумайте хорошенько о разницѣ." И дѣйствительно, стоит подумать над тѣм, что значит для рабочаго, зарабатывающаго 16 шиллингов (менѣе 8 р.) в недѣлю и прокармливающаго на эти скудныя средства жену и иногда пять-шесть человѣк дѣтей, израсходовать один шиллинг для помощи вдовѣ товарища, или пожертвовать сикспэнс на похороны такого же бѣдняка, как и он сам **). Но подобныя пожерт-

---

вслѣдствіе обмана». («The Life and Werk of the Seventh Earl of Shaftsbury», by Edwin Hodder, т. III, стр. 322. London, 1885—86). О нѣкоторых аналогичных фактах см. в Ch. Booth's «Life and Labour in London» т. I; в Miss Beatrice Potter's «Pages from a Work Girl's Diary», («Nineteenth Century», Сентября 1888, стр. 310); и т. д.

---

*) Samuel Plimsoll, «Our Seamen», дешевое изданіе, London, 1870, стр. 110.

**) Samuel Plimsoll, «Our Seamen», стр. 110. К этому Плимсоль прибавляет: «Я не желаю унижать богатых, но думаю, что имѣются достаточныя основанія сомнѣваться в полном развитіи подобных же качеств у

вованія—обычное явленіе среди рабочих любой страны, даже в случаях гораздо болѣе повседневных, чѣм смерть, а помощь работою—самое заурядное явленіе в их жизни.

Та же практика взаимной помощи и поддержки наблюдается, конечно, и среди болѣе богатых классов,с указанною Плимсолем „слоеватостью." Конечно, когда подумаешь о жестокости, которую болѣе богатые работодатели проявляют по отношенію к рабочим, то начинаешь чувствовать склонность очень недовѣрчиво относиться к человѣческой природѣ. Многіе, вѣроятно, еще помнят о негодованіи, возбужденном хозяевамъ рудников, во время большой Іоркширской стачки в 1894 году, когда они стали преслѣдовать судом стариков-углекопов, за собираніе угля в заброшенной шахтѣ. И, даже оставляя в сторонѣ острые періоды борьбы и гражданской войны, когда, например, тысячи плѣнных рабочих были разстрѣлены послѣ паденія парижской Коммуны, —кто может читать без содроганія разоблаченія королевских коммиссій о положеніи рабочих в сороковых годах девятнадцатаго вѣка в Англіи или слова лорда Шефтсбюри об "ужасающем расточеніи человѣческой жизни на фабриках, гдѣ работали дѣти, взятые из рабочих домов, а не то и просто купленные по всей Англіи, чтобы продать их потом на фабрики"*). Кто может читать все это не поражаясь низостью, на какую способен человѣк в погонѣ за наживой? Но должно сказать,

---

них: ибо хотя немногіе из них знакомы с требованіями, исходящими, — правильно или не правильно, это другой вопрос, — от бѣдных родственников, но все-таки альтруистическія качества богачей не подвергаются постоянному упражненію. Кажется, что богатство во многих случаях дѣйствует развращающе, симпатіи обладателей богатства не то что суживаются, а пріобрѣтают, так сказать, классовую окраску: ложатся слоями. Онѣ сохраняются лишь для страданій их собственнаго класса, а также чтобы скорбѣть о людях, занимающих высшее положеніе. Богатые рѣдко обращают вниманіе на нижніе слои и скорѣе склонны восхищаться храбрым поступком, чѣм тѣми повседневными проявленіями мужества и добросердечія, которыми характеризуется жизнь англійскаго рабочаго». — и рабочих всего міра, прибавлю я.

---

*) «Life of the Seventh Earl of Shaftesbury» by Edwin Hodder, т. I, стр. 137—813.

что было бы ошибкой отнести подобнаго рода явленія всецѣло к преступности человѣческой природы. Развѣ, вплоть до недавняго времени, люди науки и даже значительная часть духовенства не распространяли ученій, внушавших недовѣрія, презрѣніе и почти ненависть к болѣе бѣдным классам? Развѣ люди науки не говорили, что со времени уничтоженія крѣпостного права, в бѣдность могут впадать лишь люди порочные? И как мало нашлось представителей церкви, которые осмѣлились бы порицать этих дѣтоубійц, между тѣм как большинство духовенства учило, что страданія бѣдняков и даже рабство негров —исполненіе воли Божественнаго Промысла! Развѣ самый раскол в Англіи (нонконформизм) не был, в сущности, народным протестом против жестокаго отношенія государственной церкви к бѣднякам?

С такими духовными вождями, немудрено, что чувства состоятельных классов, как замѣтил м-р Плимсон, не столько должны были притупиться, сколько принять классовую окраску. Богачи рѣдко снисходят к бѣднякам, от которых они отдѣлены самым своим образом жизни, и которых они совсѣм не знают с лучшей стороны в их повседневной жизни. Но и среди богачей, оставляя в сторонѣ скряжничество с одной стороны и безумные расходы с другой,—в кругу семьи и друзей наблюдается та же практика взаимной помощи и поддержки, как и среди бѣдняков. Іеринг и Даргун были вполнѣ правы, говоря, что если бы сдѣлать статистическій подсчет деньгам, переходящим из рук в руки в формѣ дружеских ссуд и помощи, то общая сумму оказалась бы колоссальною, даже в сравненіи с коммерческими оборотами міровой торговли. И если прибавить к этому,—а прибавить необходимо, расходы на гостепріимство, мелкія взаимныя услуги, оказываемыя друг другу, помощь при улаживаніи чужих дѣл, подарки и благотворительность, мы несомнѣнно будем поражены значеніем подобных расходов в сферѣ національной экономіи. Даже в мірѣ управляемом коммерческим эгоизмом, имѣется ходячая фраза: "эта фирма отнеслась к нам жестоко", и эта фраза показывает, что даже в коммерческой средѣ имѣется дружеское отно-

шеніе, противопоставляемое жестокому, т. е. отношенію, основанному исключительно на законѣ. Всякій коммерсант конечно знает, сколько фирм ежегодно спасается от разоренія, благодаря дружественной поддержкѣ, оказанной им другими фирмами.

Что же касается до благотворительности и до массы общеполезной работы, добровольно выполняемой представителями как зажиточных, так и рабочих классов, и в особенности представителями различных профессій, то всякій знает, какую роль играют эти двѣ категоріи благорасположенія в современной жизни. Если истинный характер этого благорасположенія часто бывает загрязнен стремленіем пріобрѣсти извѣстность, политическую власть, или общественное отличіе, то все же несомнѣнно, что в большинствѣ случаев импульс исходит из того же самого чувства взаимной помощи. Очень часто люди, пріобрѣтя богатство, не находят в нем ожидавшагося ими удовлетворенія. Другіе начинают чувствовать, что сколько бы экономисты ни распространялись о том, что богатство является наградой способностей, их награда через'чур велика. Сознаніе человѣческой солидарности пробуждается в них; и хотя общественная жизнь устроена так, чтобы подавлять это чувство тысячами хитрых способов, оно все-таки нерѣдко берет верх, и тогда люди вышеуказаннаго типа пытаются найти выход для этой, заложенной в глубинѣ человѣческаго сердца, потребности, отдавая свое состояніе, или же силы, на что-нибудь такое, что по их мнѣнію, будет содѣйствовать развитію общаго благосостоянія.

Короче говоря, ни сокрушающія силы централизованнаго государства, ни ученія взаимной ненависти и безжалостной борьбы, которыя исходят, украшенныя аттрибутами науки, от услужливых философов и соціологов, не могли вырвать с корнем чувства человѣческой солидарности, глубоко коренящагося в человѣческом сознаніи и сердцѣ, так как чувство это было воспитано всею нашею предыдущею эволюціею. То, что было результатом эволюціи, начиная с ея самых ранних стадій, не может быть уничтожено одною из преходящих фаз той же самой эволюціи. И потребность во взаимной помощи и поддержкѣ, которая скрылась, было, в узком кругѣ семьи,

среди сосѣдей бѣдных улиц и переулков, в деревнѣ или в тайных союзах рабочих возрождается снова, даже в нашем современном обществѣ, и провозглашает свои права—стать, как это всегда было, главным двигателем на пути дальнѣйшаго прогресса. Таковы заключенія, к которым мы неизбѣжно приходим, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія каждой группы фактов, вкратцѣ перечисленных нами в послѣдних двух главах.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Если взять теперь то, чему учит нас разсмотрѣніе современнаго общества, в связи с фактами, указывающими на значеніе взаимной помощи в постепенном развитіи животнаго міра и человѣчества, мы можем вывести из нашего изслѣдованія слѣдующія заключенія.

В животном мѣрѣ мы убѣдились, что огромнѣйшее большинство видов живет сообществами, и что в общительности они находят лучшее оружіе для борьбы за существованіе,—понимая, конечно, этот термин в его широком, Дарвиновском смыслѣ: не как борьбу за прямыя средства к существованію, но как борьбу против всѣх естественных условій, неблагопріятных для вида. Виды животных, у которых индивидуальная борьба доведена до самых узких предѣлов, а практика взаимной помощи достигла наивысшаго развитія, оказываются неизмѣнно наиболѣе многочисленными, наиболѣе процвѣтающими и наиболѣе приспособленными к дальнѣйшему прогрессу. Взаимная защита, получающаяся в таких случаях, а вслѣдствіе этого—возможность достиженія преклоннаго возраста и накопленія опыта, высшее умственное развитіе и дальнѣйшій рост общежительных навыков,—обезпечивают сохраненіе вида, его распространеніе на болѣе широкой площади и дальнѣйшую прогрессивную эволюцію. Напротив, необщительные виды, в громадном большинствѣ случаев, осуждены на вырожденіе.

Переходя затѣм к человѣку, мы нашли его живущим ро-

дами и плененами, уже на самой зарѣ каменнаго вѣка; мы видѣли обширный, ряд общественных учрежденій и привычек, развившихся уже на низшей ступени развитія дикарей, в предѣлах рода. И мы нашли, что древнѣйшіе родовые обычаи и навыки дали человѣчеству, в зародышѣ, всѣ тѣ институціи, которыя позднѣе послужили главнѣйшими импульсами дальнѣйшаго прогресса. Из родового быта дикарей выросла варварская деревенская община; и новый, еще болѣе обширный круг общительных обычаев, навыков и институцій, часть которых дожила и до нашего времени, развился под сѣнью принципов общаго владѣнія данною землею и защиты ея общими силами, и под защитою судебных прав деревенскаго мірского схода и федераціи деревень, принадлежавших, или предполагавших, что онѣ принадлежат, к одному общему племени. И когда новыя потребности побудили людей сдѣлать новый шаг в их развитіи, они образовали народоправства вольных городов, которые представляли двойную сѣть: земельных единиц (деревенских общин) и гильдій, возникших из общих занятій данным искусством или ремеслом, или же для взаимной защиты и поддержки.

Наконец, в послѣдних двух главах были собраны факты, указывающіе, что хотя образованіе государств по образу императорскаго Рима насильственно уничтожило всѣ средневѣковыя учрежденія для взаимной поддержки, эта новая форма цивилизаціи не могла однако долго продержаться в таком видѣ, не уступивши той же живой потребности людей в прямом об'единеніи для цѣлей взаимной поддержки. Государство, опирающееся на мало-связанные между собою аггрегаты единичных личностей и взявшее на себя задачу быть их единственным об'единяющим началом, не отвѣтило своей цѣли. В концѣ концов, стремленіе людей ко взаимной помощи разрушило желѣзные законы государства; оно проявилось снова и утвердилось в безконечном разнообразіи всевозможных сообществ, которыя и стремятся теперь охватить всѣ проявленія жизни, овладѣть всѣм, что потребно для человѣческой жизни и для заполненія трат, обусловленных жизнью.

Вѣроятно нам замѣтят, что взаимная помощь, хотя она и

представляет один из факторов эволюціи, все-таки является только одним из различных видов отношеній людей между собою; что рядом с этим теченіем, как бы оно ни было могущественно, существует и всегда существовало другое теченіе—самоутвержденіе индивидуума, не только в его усиліях достигнуть личнаго или кастоваго превосходства в экономическом, политическом или духовном отношеніи, но также в его болѣе важной, хотя и менѣе замѣтной функціи—разрыванія тѣх уз, всегда стремящихся к окристаллизованію, окаменѣнію, которыя род, деревенская община, город или государство налагают на личность. Другими словами, в человѣческом обществѣ имѣется также самоутвержденіе индивидуума, разсматриваемое как элемент прогресса.

Очевидно, что никакой обзор эволюціи не может претендовать на полноту, если в нем не будут разсмотрѣны оба эти господствующія теченія. Но дѣло в том, что самоутвержденіе индивидуума или групп индивидуумов, их борьба за превосходство и проистекавшія из нея столкновенія и борьба были уже с незапамятных времен разбираемы, описываемы и прославляемы. Дѣйствительно, вплоть до настоящаго времени одно это теченіе и пользовалось вниманіем эпических поэтов, историков, лѣтописцев и соціологов. Исторія, как ее до сих пор писали, почти всецѣло является описаніем тѣх путей и средств, при помощи которых церковная власть, военная власть, политическое единодержавіе, а позднѣе богатые классы,—устанавливали и удерживали свое правленіе. Борьба между этими силами и составляет, в дѣйствительности, сущность исторіи. Мы можем, поэтому, считать, что значеніе индивидуальнаго фактора в исторіи человѣчества вполнѣ извѣстно, хотя и в этой области остается еще не мало поработать в только-что указанном направленіи. Между тѣм, фактор взаимной помощи до сих пор оставался совершенно забытым; писатели настоящаго и прошлых поколѣній просто отрицали его, или подсмѣивались над ним. Вслѣдствіе этого, необходимо было, прежде всего, установить ту огромную роль, которую этот фактор играет в эволюціи, как животнаго міра, так и человѣческих обществ. Лиш послѣ того как это его значеніе будет вполнѣ признано, воз-

можно будет начать сравненіе обоих факторов: общественнаго и индивидуальнаго.

Произвести, болѣе или менѣе статистическим методом, хотя бы грубую оцѣнку их относительнаго значенія, очевидно, невозможно. Одна какая-нибудь война—как всѣ мы знаем—может, непосредственно или своими послѣдствіями, принести больше зла, чѣм сотни лѣт безпрепятственнаго воздѣйствія принципа взаимной помощи могуть произвести добра. Но когда мы видим, что в животном мірѣ прогрессивное развитіе и взаимная помощь идут рука-об-руку, а внутренняя борьба в предѣлах вида, напротив того, сопровождается ретрогрессивным развитіем; когда мы замѣчаем, что у человѣка, даже успѣх в борьбѣ и в войнѣ пропорціонален развитію взаимной помощи в каждой из двух борющихся сторон, будут ли то націи, города, племена или только партіи, и что в процессѣ эволюціи сама война (поскольку она может содѣйствовать в этом направленіи) подчиняется конечным цѣлям прогресса взаимной помощи в предѣлах націи города или племени,—сдѣлавши эти наблюденія, мы уже получаем представленіе о преобладающем вліяніи фактора взаимной помощи, как элемента прогресса.

Но мы видим также, что практика взаимной помощи и ея послѣдовательное развитіе создали самыя условія общественной жизни, благодаря которым человѣк смог развить свои ремесла и искусства, свою науку и свой разум; и мы видим, что періоды, когда институціи, имѣвшія цѣлью взаимную помощь, достигали своего высшаго развитія, были также періодами величайшаго прогресса в области искусств, промышленности и науки. Дѣйствительно, изученіе внутренней жизни средневѣковых городов и городов древней Греціи обнаруживает тот факт, что сочетаніе взаимной помощи, как она практиковалась в предѣлах гильдіи, с общиной или греческим родом,—при широкой инпціативѣ, представленной индивидууму и группѣ в силу примѣненія федеративнаго начала,—дало человѣчеству два величайших періода его исторіи—період городов древней Греціи и період средневѣковых городов, тогда как разрушеніе

институцій взаимной помощи, совершавшееся в теченіе послѣдовавших затѣм государственных періодов исторіи, соотвѣтствует в обоих случаях періодам быстраго упадка.

Что же касается до внезапнаго промышленнаго прогресса, который совершился в девятнадцатом вѣкѣ, и который обыкновенно приписывается торжеству принципов индивидуализма и конкуренціи, этот прогресс, внѣ всякаго сомнѣнія, имѣет несравненно болѣе глубокое происхожденіе. Послѣ того, как были сдѣланы великія открытія пятнадцатаго вѣка, в особенности открытіе давленія атмосферы, поддержанное цѣлым рядом других успѣхов в области физики—а эти открытія были сдѣланы в средневѣковых городах—послѣ этих открытій, изобрѣтеніе парового двигателя, и вся та промышленная революція, которая была вызвала примѣненіем новой силы—пара, были необходимым послѣдствіем. Если бы средневѣковые города дожили до развитія начатых ими открытій,—т. е. до практическаго примѣненія новаго двигателя,—то этическія послѣдствія революціи, вызванной примѣненіем пара, могли бы носить иной характер; но та же самая революція в области техники производств и науки и тогда была бы неизбѣжна. Остается, однако, открытым вопрос, не было ли замедлено появленіе паровой машины, а также послѣдовавшій затѣм переворот в области искусств, тѣм общим упадком ремесл, который послѣдовал за разрушеніем свободных городов и был особенно замѣтем в первой половинѣ восемнадцатаго вѣка. Разсматривая поразительную быстроту промышленнаго прогресса в період с двѣнадцатаго до пятнадцатаго столѣтія,—в ткацком дѣлѣ, в обработкѣ металлов, в архитектурѣ, в мореплаваніи,—и размышляя над научными открытіями, к которым этот промышленный прогресс привел в концѣ пятнадцатаго вѣка,—мы в правѣ задаться вопросом: не запоздало ли человѣчество в использованіи всѣх этих научных завоеваній, когда в Европѣ начался общій упадок в области искусств и промышленности, вслѣд за паденіем средневѣковой цивилизаціи? Конечно, исчезновеніе артистов-ремесленников,, каких произвела Флоренція, Нюренберг и т. д., упадок крупных городов и прекращеніе сношеній между ними не могли благопріятствовать промышлен-

ной революціи, и нам извѣстно, например, что Джемс Уатт, изобрѣтатель современной паровой машины, потратил около двадцати лѣт своей жизни, чтобы сдѣлать свое изобрѣтеніе практически-полезным, так как он не мог найти в восемнадцатом вѣкѣ таких помощников, каких он с легкостью бы нашел в средневѣковой Флоренціи, Нюренбергѣ, или Брюгге, т.е., ремесленников, способных воплотить его изобрѣтенія в металлѣ и придать им ту артистическую законченность и точность, которыя необходимы для паровой машины.

Таким образом приписывать промышленный прогресс девятнадцатаго вѣка войнѣ каждаго против всѣх,—значит разсуждать подобно тому, кто, не зная истинных причин дождя, приписывает его жертвѣ, принесенной человѣком глиняному идолу. Для промышленнаго прогресса, как и для всякаго иного завоеванія в области природы, взаимная помощь и тѣсныя сношенія несомнѣнно являются и являлись болѣе выгодными, чѣм взаимная борьба.

Великое значеніе начала взаимной помощи выясняется, однако, в особенности в области этики, или ученія о нравственности. Что взаимная помощь лежит в основѣ всѣх наших этических понятій, достаточно очевидно. Но каких бы мнѣній мы ни держались относительно первоначальнаго происхожденія чувства или инстинкта взаимной помощи—будем ли мы приписывать его біологическим или сверх'естественным причинам—мы должны признать, что прослѣдить его существованіе возможно уже на низших ступенях животнаго міра, а от этих стадій мы можем прослѣдить непрерывную его эволюцію через всѣ классы животнаго міра и, несмотря на значительное количество противодѣйствующих ему вліяній, через всѣ ступени человѣческаго развитія, вплоть до настоящаго времени. Даже новыя религіи, рождающіяся от времени до времени—всегда в эпохи, когда принцип взаимопомощи приходил в упадок, в теократіях и деспотических государствах Востока, или при паденіи Римской имперіи—даже новыя религіи всегда являлись только подтвержденіем того же самаго начала. Онѣ находили своих первых послѣдователей среди смиренных, низших, попираемых слоев общества, гдѣ принцип взаимной помощи

является необходимым основанием всей повседневной жизни; и новыя формы единенія, которыя были введены в древнѣйших буддистских и христіанских общинах, общинах моравских братьев и т. д., приняли характер возврата к лучшим видам взаимной помощи, практиковавшимся в древнем родовом періодѣ.

Каждый раз, однако, когда дѣлалась попытка возвратиться к этому старому принципу, его основная идея росширялась. От рода она распространилась на племя, от федераціи племен она расширилась до націи, и наконец—по крайней мѣрѣ в идеалѣ—до всего человѣчества. В то же самое время она постепенно принимала болѣе возвышенный характер. В первобытном христіанствѣ, в произведеніях нѣкоторых мусульманских вѣроучителей, в ранних движеніях реформаціоннаго періода, и в особенности в этических и философских движеніях восемнадцатаго вѣка и нашего времени, все болѣе и болѣе настойчиво отметается идея мести или "достодолжнаго воздаянія"—добром за добро и злом за зло. Высшее пониманіе: "никакого мщенія за обиду" и принцип: "Давай ближнему не считая больше, чѣм ожидаешь от него получить". провозглашаются как дѣйствительные принципы нравственности, как принципы, стоящіе выше простой "равноцѣнности", бозпристрастія и холодной справедливости,—как принципы, скорѣе и вѣрнѣе ведущіе к счастью. И человѣка призывают руководиться в своих дѣйствіях не только любовью, которая всегда имѣет личный, или в лучших случаях, родовой характер,—но понятіем о своем единствѣ со всяким человѣческим существом.

В практикѣ взаимной помощи, которую мы можем прослѣдить до самых древних зачатков эволюціи, мы таким образом находим положительное и несомнѣнное происхожденіе наших этических представленій, и мы можем утверждать, что главную роль в этическом прогрессѣ человѣка играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. В широком распространеніи принципа взаимной помощи, даже и в настоящее время, мы также видим лучшій задаток еще болѣе возвышенной дальнѣйшей эволюціи человѣческаго рода.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.—Рои бабочек, стрекоз и т. д.

(К. стр. 22).

Пиперс (M. C. Piepers) опубликовал в "Natuurkunding Tijdschrift voor Neederlandsch Indie", 1891, часть L, стр. 198 (обзор имѣется в "Naturwissenschaftliche Rundschau", 1891, том VI, стр. 573) интересныя изслѣдованія о массовых полетах бабочек, случающихся в голландской восточной Индіи, под вліяніем сильных засух, вызываемых западными муссонами. Подобные массовые полеты обыкновенно имѣют мѣсто в теченіе первых мѣсяцем послѣ начала муссонов, при чем обыкновенно в этих полетах принимают участіе индивидуумы обоих полов, принадлежащіе к Catopsilia (Callidruas) crocale, Cr., но иногда рои состоят из индивидуумов, принадлежащих к трем различным видам Eupheoa. Повидимому одной из цѣлей подобных полетов является также совокупленіе. Что эти полеты не результат условленнаго дѣйствія, а скорѣе—слѣдствіе подражательности, или желанія слѣдовать за всѣми другими, вполнѣ возможно.

Бэтс (Bates) видѣл на Амазонкѣ желтых и оранжевых Callidryas, "собиравшихся тѣсными массами, иногда от двух до трех ярдов (6—9 фут) в окружности, при чем крылья их всѣх были приподняты, так что берег казался испещренным зарослями крокусов". Их переселяющіяся колонны, перелетая рѣку с сѣвера на юг, "не прирывались с ранняго утра до заката". ("Naturalist on the Amazon", стр. 131).

Стрекозы, во время их больших переселеній через пампасы, собираются вмѣстѣ в безчисленных количествах, и их колоссальные рои состоят из индивидуумов, принадлежащих к

различным видам (Hudson, "Naturalist on the La Plata", стр. 130 и слѣд.)

Кузнечики (Zoniopoda tarsata) отличаются также чрезвычайной общежительностью (Hudson, I. с. стр. 125).

II.—Муравьи.

(К стр. 25).

Изслѣдованіе о муравьях Петра Гюбера (Pierre Huber, «Recherches sur les mœurs des fourmis», Geneve 1810, дешевое и популярное изданіе было выпущено в 1861 году Cherbuliez'ом в «Biblioteque Genevois» под заглавіем: «Les fourmis indigenes»), переводы котораго должны были бы имѣть в дешевых изданіях самое широкое распространеніе, представляет не только лучшій труд в данной области, но является также образцом дѣйствительно-научнаго изслѣдованія. Дарвин был совершенно прав, считая Петра Гюбера даже болѣе великим натуралистом, чѣм был его отец. Эту книгу слѣдовало бы имѣть всякому молодому натуралисту, не только ради ея фактическаго содержанія, но как урок по методу научных изысканій. Выкармливанье муравьев в искусственных стеклянных гнѣздах и провѣрочные опыты, сдѣланные позднѣйшими изслѣдователями, включая сюда и Леббока, все это уже имѣется в превосходной работѣ Гюбера. Читатели книг профессора Фореля и Леббока знакомы, конечно, с тѣм фактом, что как швейцарскій профессор, так и британскій писатель (Леббок) приступили к своим работам в критическом духѣ, с намѣреніем опровергнуть утвержденія Гюбера относительно поразительных инстинктов помощи среди муравьев; но послѣ тщательных изслѣдованій они могли подтвердить его утвержденія и только. К несчастію, человѣческой натурѣ свойственно с полным довѣріем относиться ко всякаго рода утвержденіям о способности человѣка измѣнять по своей волѣ дѣйствія сил природы, и в то же время не признавать ввполнѣ провѣренные научные факты, если они уменьшают разстояніе между человѣком и его собратьями из міра животных..

Г. Сэдерленд (Suderland, «Origin and Growth ef Moral Instinct») очевидно начал свою книгу с намѣреніем до-

казать, что всѣ нравственныя чувства берут свое начало в родительской заботѣ и семейной любви, которыя можно найти лишь у теплокровных животных; вслѣдствіе этого он пытается свести до минимума значеніе симпатіи и коопераціи между муравьями. Он цитирует книгу Бюхнера, „Ум животных" и знаком с опытами Леббока. Что же касается до трудов Гюбера и Фореля, то он раздѣлывается с ними в слѣдующей фразѣ: «но они всѣ [примѣры, приводимые Бюхнером в доказательство существованія симпатіи между муравьями] «или почти всѣ искажены нѣкотораго рода сантиментилизмом... дѣлающим их болѣе пригодными для школьных книжек, чѣм для научных работ, при чем то же самое можно замѣтить относительно нѣкоторых наиболѣе извѣстных анекдотов Гюбера и Фореля» (т. I, стр. 298).

Г. Сэдерленд не указывает какіе именно "анекдоты" он имѣл в виду, но мнѣ просто кажется, что он никогда не имѣл случая прочесть работы Гюбера и Фореля. Натуралисты, знакомые с этими работами, знают, что в них не имѣется никаких анекдотов.

Работа профессора Готфрида Адлерза о шведских муравьях может быть упомянута в этом мѣстѣ (Myrmecololiska Studier: Svenska Myror och deras Lefnads forllonden», помѣщена в «Bihang til Svenska Akademiens Handlingar» т. XI, №18, 1886). Едва-ли нужно говорить, что наблюденія Гюбера и Фореля, так поражающія людей, раньше не изучавших этого предмета, вполнѣ подтверждены шведским профессором (стр. 136—137).

Профессор G. Adlerz сообщает также о рядѣ очень интересных опытов, сдѣланных им и потверждающих наблюденія Гюберта, а именно, что муравьи двух различных муравейников не всегда нападают друг на друга. Он сдѣлал один из своих опытов с муравьями Tapinoma erraticum, а другой—с видом обычных муравьев, Rufa. Собрав цѣлое гнѣздо в мѣшок, он опорожнил его на разстояніи шести футов от другого муравейника. Это не вызвало драки между муравьями, но муравьи второго муравейника начали утаскивать личинки принесенных муравьев. Вообще, когда профессор Adlerz сводил муравьев разных муравейников, имѣвших при себѣ личинок, драки не

бывало, но если сводили рабочих без личинок, начиналась драка (стр. 185—186).

Он также дополняет наблюденія Форсля и Мак-Кука относительно муравьиных „націй“, составляющихся из многих муравейников, при чем, принимая за основаніе собственныя вычисленія, согласно которым в каждом развитом муравейникѣ имѣется до 300.000 муравьев (Formica exsecta), он приходит к заключенію, что подобныя „націи“, могут доходить до десятков и даже до сотен милліонов индивидуумов.

Превосходно написанная книгаМетерлинка о пчелах, хотя и не заключающая новых наблюденій, могла бы быть очень полезной, если бы не была до такой степени испорчена метафизическими „словесами“.

Прекрасный свод позднѣйших работ о муравьях-земледѣльцах дан во французском изданіи Брэма, сдѣланном J. Kuinckel d‘Htrculais.

III.—Взаимная помощь у воробьев.

(К стр. 36, 45).

За послѣднія годы мнѣ случалось нблюдать общество воробьев, в палисадникѣ нашего домика в Бромлеѣ. Извѣстно, что воробьи—большіе драчуны и сангвиники, и часто ссорятся из-за пустяков. Но зато они сильно заступаются друг за друга, и тогда у них поднимается такой шум, что невольно обращаешь на них вниманіе. Так, напримѣр, одна пара воровьев воспользовалась тѣм, что в углу крыши сосѣдняго с нашим домика вывались черепица, и свила там гнѣздо. Черные скворцы (blackbirds), хотя и живут зимою вмѣстѣ с воробьями, не ссорясь, и кормятся вмѣстѣ, тѣм не менѣе, повидимому, иногда выбасывают воробьиных птенчиков из их гнѣзд. И вот эту пару воробьев повадилсся пугать скворец. Прилетит, сядет на жолоб крыши возлѣ их норки и иногда старается пробраться к гнѣзду, сквозь проход под черепицами, слишком для него узкій. Тогда всѣ воробьи нашего полисадника поднимают отчаянный шум, яростно налетают и наскакивают на скворца и заставляют его удалиться. Мы всегда знали, когда скворец прилетал к гнѣзду воробьев,—такого писка и шума нельзя не замѣтить.

Такой же шум, но другого характера, поднимали воробьи,

когда из одного из их гнѣзд вывалится птенчик. Говор и возбужденіе, в таких случаях, бывали необыкновенные, и мы сейчас же узнавали об этом событіи. Колонія успокаивалась только тогда, когда птенчика подбирали (иначе, его с'ѣли бы кошки) и сажали в пустую комнату с открытым окном. Тогда мать прилетала к нему, садилась на подоконник и, если не ошибаюсь, иногда влетала даже в комнату. К вечеру, или на другой день, она выманивала его на крышу пристройки, подходящую к окну. Тогда немедленно вокруг него слеталось, неизвѣстно откуда, множество воробьев, и всѣ неистово шумѣли,—должно быть, радуясь; а он набирался смѣлости, ухитрялся слѣтать с крыши и научался летать.

IV.—Сообщества для гнѣздованія.
(К стр. 47).

Дневники Одюбона („Audubon and his Journals,“ New York, 1898), особенно тѣ, которые относятся к его пребыванію, в тридцатых годах, на берегах Лабрадора и на рѣкѣ св. Лаврентія, заключают в себѣ превосходныя описанія гнѣздующих ассоціацій водяных птиц. Говоря о „Скалѣ“ (The Rock) одном из островов Магдалены или Амгерста, он писал: „В одинадцать часов я уже мог различить, с палубы, совершенно явственно его вершину, и думал, что она покрыта снѣгом в нѣсколько футов толщины; снѣг, казалось, покрывал каждую часть плоских выдающихся уступов“; но это не был снѣг, это были бакланы (gannets Sula albo), спокойно сидѣвшіе на яйцах или над молодыми выводками—головы у всѣх были повернуты по направленію к вѣтру,—правильными рядами, почти касаясь один другого. Воздух над скалой и вокруг нея, на разстояніи сотен ярдов „был наполнен летающими бакланами, и казалось, что мы стоим среди мятели“. Морскія чайки (трехпалыя киттиваки) и глупыя кайры выводились на этом же самом утесѣ („Journals“, т. I, стр. 360—363).

В виду острова Антикости море „было буквально покрыто глупыми кайкарами и малыми пингвинами (razor bill), (Alca torda).“ Далѣе воздух был наполнен бархатными утками. На скалах залива водились чайки-селедочницы, морскія ласточки

(большія, арктическія и вѣроятно Фостеровы), Tringa pusila, морскія чайки, утки Скотера, дикіе гуси (Anser canadensis), красногрудые нырки, пингвины, бакланы и т. д. Особенно много было морских чаек: „онѣ всегда преслѣдовали других птиц, разбывали и высасывали их яйца и пожирали их птенчиков"; „онѣ играют здѣсь роль орлов и ястребов".

На Миссури, выше Сен-Луи, Одюбону пришлсь, в 1843 году, наблюдать ястребов и орлов, гнѣздующих колоніями; он упоминает о „длинных линіях приподнятаго берега, окруженнаго огромными известняковыми скалами; в них была масса курьезных отверстій, куда, как мы видѣли, к вечеру влетали ястребы и орлы"—т. е. турецкіе сарычи (Cathartesaura) и лысые орлы (Haliaetus leucocephalus), согласно примѣчанію E. Coues'a, т. I, стр. 458).

Одним из лучших мѣст для вывода потомства вблизи британских берегов являются острова Фарне, и в работѣ Charles Dixon'a, озаглавленной „Among the Birds in Northern Shires", можно найти превосходное описаніе это мѣстности, в которой десятки тысяч чаек, морских ласточек, гавок, бакланов, куликов, устричников, кайр и тупиков собираются каждый год. При приближеніи к одному из этих островов сначала получается впечатленіе, что все пространство монополизировано чайками (меньшаго вида, с черными спинкми),—в таком огромном изобиліи онѣ встрѣчаются. Воздух кажется переполнен ими, как покрыта ими почва и обнаженныя скалы; и когда наша лодка наконец пристает к скалистому берегу, и мы с радостью выскакиваем на сушу, птицы впадают в крикливое возбужденіе—вокруг нас начинается настоящее столпотвореніе птиц, протестующих криком, настойчиво продолжающееся, пока мы не уѣзжаем (стр. 219).

Интересныя замѣчанія относительно отношенія между развитіем семейственности у голенастых птиц и уменьшеніем числа высиживаемых ими птенчиков, сдѣлал И. С. Поляков в Обществѣ Естествоиспытателей при С. Петербургском Университетѣ (протокол засѣд. Зоол. От., 17 декабря 1874).

V.—Помогают-ли большія птицы маленьким при перелетѣ?
(К стр. 48).

Один из англійских натуралистов и зоологов, Хартинг (James Ed Harting, „Recreatin of a Naturalist,“ London, 1906), разобрал в особой главѣ своей книги извѣстныя ему упоминанія о том, что при перелетѣ большія птицы иногда помогают маленьким, которыя в таком случаѣ садятся на них, между плеч. Абсолютно достовѣрных фактов нѣт, так как снизу увидать птичку, сидящую на другой во время перелета, почти невозможно. Но опытные натуралисты-орнитологи считают факт весьма вѣроятным.

Вот факты, собранные Хартингом. Извѣстный арктическій изслѣдователь Dr. J. Rae, в сообщеніи перед ученым Линеевским Обществом, упоминал, что Индѣйцы племени Cree, в Jork Factory и в Moose Factory (в Гудзоновой Землѣ), утверждали, что одна из небольших перелетных птичек садится при перелетѣ для отдыха на канадскаго гуся.

Индѣйцы этого племени ведут в больших размѣрах охоту на этого гуся, котораго встрѣчают, когда он прилетает с юга в их территорію. То же самое положительно утверждали д-ру Рэи индѣйцы с берегов Атабаски и Больших Невельничьих Озер (Great Slave Lakes), живущіе около 1500 верст к сѣверо-западу от предыдущих.

Д-р Леннеп (Lennep, в книгѣ „Bible Customs in Bible Lands“) упоминает о множествѣ мелких птичек, прилетающих из Палестины в Аравію и Египет на спинѣ у журавлей. Когда послѣдніе летят с сѣвера на юг, то летят они низко, и мелкія птички поднимаются к ним. Иногда слышно щебетанье птичек, сидящих уже на плечах у больших. Так говорят, по крайней мѣрѣ, мѣстные жители; но нужно помнить, что в том, что мелкія птицы совершают перелет вмѣстѣ с большими, никто не сомнѣвается; это—факт общеизвѣстный. Щебетанье-же маленьких, само по себѣ, еще не доказывает, чтобы тѣ садились на больших.

Однако, американскій профессор Клэйполь (Claypole) говорит, что он убѣдился лично, во время пребыванія на островѣ Критѣ, что трясогузки и другія мелкія птицы, во время

перелета из Европы на юг, садятся на спину журавлям. Сперва он не хотѣл этому вѣрить, но когда один рыбак выстрѣлил в его присутствіи по пролетавшей стаѣ журавлей. Клэйполь сам видѣл, как эти птички поднялись вверх от стаи и исчезли („Nature", английская, 24 февраля 1881).

Один нѣмецкій писатель, Адольф Эбелинг, часто слыхал то же самое в Капрѣ, и извѣстный путешественник и орнитолог Хейглин сказал ему в Каирѣ, что он считает факт вполнѣ вѣроятным, хотя сам лично не имѣл случая провѣрить.

Hedenborg, извѣстный шведскій путешественник, утверждает что он сам часто слыхал, на островѣ Радосѣ, голоса мелких пташек, совершавших перелет с аистами, и раз сам видѣл нѣсколько птичек, слетавших со спин аистов, когда они достигали острова.

Г. нельсон (T. H. Nelson) писал в англійскій журнал „Zoologist" (февраль1882, стр. 73), что надсмотрщик мола при устьѣ рѣки Tees. в Англіи, стоя 16 октября при ясной холодной погодѣ на оконечности мола, увидѣл сову (Short-eared Owl), которая летѣла с моря, усталая; он замѣтил что-то на ея плечах. Сова сѣла на снасти в 15-ти шагах от него, и ак только она сѣла, с ея спины соскочила птичка и полетѣла вдоль мола. Раньше чѣм он схватил ружье, сова улетѣла, но птичку он убил, и мѣстный зоолог опредѣлил ее как „Golden-crested Wren".

Такая маленькая и плохо-летающая птичка едва-ли могла бы сама перелетѣть через Нѣмецкое море против сильнаго вѣтра. А между тѣм она регулярно мигрирует *), и прилетает в Англію регулярно раньше тетерева, (Woodcock), ecfltle n зовется в Англіи Woodcock Pilot. Рыбаки этих берегов часто замѣчали что эта птичка садилась на их лодки.

Одним словом резюмируя то, что им извѣстно по этому вопросу, мы можем сказть слѣдующее'—Положительных рѣшающих наблюденій зоологами не было сдѣлано. Но мѣстные жители, промышляющіе птицей, когда она прилетает к их берегам, вообіце увѣрены что маленькія птички, прилетающія гмѣстѣ с большими, садятся—может быть только в концѣ перелета через море—на спину большим.

VI.—Количество общительных животных в Экваторіальной Африкѣ.

(К стр. 49).

К счастію, до сих пор есть еще одна область, гдѣ животная жизнь сохранялась, нѣсколько лѣт тому назад, такою, какою она была до появленія человѣка, вооруженнаго огнестрѣльным оружіем. Это — Экваторіальная Африка, о которой мы имѣем прекрасное сочиненіе г. Шиллингса (C. G. Schillings, «With Flashlight and Rifle»), 2 тома, Лондон, 1906; я пользовался англійским переводом; оригинал — по-нѣмецки), — писателя, хорошо извѣстнаго среди зоологов, как авторитет по фаунѣ Африки и эксперт-натуралист. В Южной Африкѣ, — говорит он, бѣлые и мѣстные жители, вооружившіеся огнестрѣльным оружіем, перебили несмѣтныя количества диких животных, так что нѣкоторыя виды совершенно исчезли, и самый вид фауны совершенно измѣнился. Так исчезли: бѣлохвостая гну (Connohaetes gnu), косуля бонтебок (Damaliscus pygargus), блесбок (Dam. albifrons), истинная квагга (Equus quagga), прекрасная бѣловатая антилопа (Hipotragus leucophœus), горная зебра (Eq. zebra), Капскій буйвол (Bubalus caffer), слон, так называемый носорог (Rhinoceros Simus), черный носорог (Rh. bicornis), жираф, гиппопотам и страус — за исключеніем нѣскольких охраняемых особей первых трех видов и вполнѣ, что касается до остальных», При этом нужно помнить, что они встрѣчались в несмѣтных количествах, не далѣе чѣм в первой трети девятнадцатаго вѣка, и были еще болѣе многочисленны в болѣе отдаленное время.

Даже в Экваторіальной Африкѣ их число уже убывает, и зебры болѣе уже не встрѣчаются стадами, как их видѣл проф. Г Мейер (см. его книгу „Килиманджаро“), нѣсколько лѣт раньше экспедицій Шиллингса; стада же слонов и буйволов сильно порѣдѣли. При всем том, массы животных продолжают, пока, жить большими обществами, а ассоціаціи различных видов, упоминаемыя Шиллингсом, поразительны.

На плоскогорьях Экваторіальной Африки, послѣ больших дождей, в три недѣли образуются громадныя пространства

затопленныя водою, и всѣ впадины становятся болотами или обширными озерами, которыя привлекают к себѣ несмѣтныя количества всевозможных животных со всего сухого вельта (высоких степей).

«Несмѣтныя стаи гусей и уток покрывали поверхности озер», пишет Шиллингс, «а по берегам паслись тысячи гну и зебр; и с самых дальних предѣлов вельта собрались носороги к своим обычным водопоям среди камышей; вернулись также ватербоки, хартебесты (различныя породы косуль и антилоп), газели и нѣсколько буйволов» (стр. 91,92).

Описанія жизни по берегам этих временных озер, данныя Шиллингсом, и его замѣчательныя фотографіи,—часть которых он снимал ночью, при помощи свѣта внезапной вспышки,—поразительны, так как показывают, какія громадныя количества разнообразных животных собираются в этих мѣстах, и как им удается подойти стадами и напиться ночью, не будучи разорваны собирающимися сюда-же львами,—только благодаря бдительности и осторожности своих развѣдчиков и сторожей. Начиная с заката солнца вплоть до слѣдующаго утра, к озеру подлетают и подходят на водопой сотни тысяч различных птиц и самыя разнообразныя породы млекопитающих. Любопытно, что в свои первыя экспедиціи Шиллингс видѣл, что львы охотятся сворою, и то же видно на его ночных фотографіях. На одной из них видны три льва, кравшіеся к добычѣ. Лично Шиллингс не видал, больше семи львов вмѣстѣ (стр. 133); но как только один лев рычал ночью, ему почти немедленно откликались нѣсколько других. И когда на берегу одного временнаго озера, гдѣ собралось много животных, послѣ того как Ш. наслушался за ночь рычанія многих львов, он стал разбирать утром их слѣды, «я убѣдился», пишет он, "по найденным слѣдам, что по крайней мѣрѣ тридцать львов поселились в то время в этом мѣстѣ" (стр. 132). «Один уважаемый англійскій наблюдатель», говорит он (стр. 345), «видѣл однажды двадцать семь львов вмѣстѣ». Сходиться по нѣсколько для охоты было для львов обычным дѣлом, в то время когда Шиллингс совершал свои экспедиціи.

VII.—Общительность животных.
(К стр. 53.)

Іо обстоятельство, что животныя отличались большею общительностью, когда человѣк меньше охотился за ними, подтверждается многими фактами, из которых видно, что тѣ животныя, которыя теперь живут в одиночку, в странах обитаемых человѣком, продолжают жить стадами в незаселенных областях. Как, на безводных, пустынных плоскогоріях сѣвернаго Тибета. Пржевальскій нашел медвѣдей, живущих сообществами. Он упоминает о многочисленных „стадах яков, куланов, антилоп и даже медвѣдей“. Послѣдніе,—говорит он,—питаются чрезвычайно многочисленными небольшими грызунами и распложаются в таких количествах, что, „как увѣряли меня туземцы, они находили по 100—150 медвѣдей, спящих в одной пещерѣ“ („Годовой Отчет Русскаго Геогр. Общества“, за 1885 год, стр. 11). Во времена Скоресби, т. е. в двадцатых годах девятнадцатаго вѣка, бѣлые медвѣди были так многочислены и жили такими большими стадами, что Скоресби (хорошій наблюдатеь) сравнивал их со стадами овец. Зайцы (Lepus Lehmani) живут большими сообществами на Закаспійской территоріи. (N. Zarudnyi, „Recherches zoologiques dans la contree Transcaspienne“ в „Bulletin qe la Societe des Naturalistes de Moscou“, 1889,4). Маленькія калифорнскія лисицы, живущія по словам E. C. Holden'а ,возлѣ Ликской обсерваторіи „на смѣшанной діэтѣ из туземных ягод и цыплят астраномов“ („Nature“, ноябрь, 5, 1891) повидимому, так-же отличаются большой общительностью. Даже лани, как мы видѣли в предыдущем Приложеніи, охотятся обществами в дикой еще части Экваторіальной Африки.

Нѣкоторые очень интересные примѣры любви животных к обществу были даны в работѣ C. J. Cornish'о („Animals at Work and Play“, Gondon, 1896). Всѣ животныя, по справедливому замѣчанію этого автора, ненавидят одиночество. Он дает также нѣсколько забавных примѣров, рисующих обычай сурков ставить часовых. Этот обычай настолько укоренился среди них, что они ставят часоваго даже в Лондонском зоолo-

гическом саду и в Парижском Jardin d'Acclimatation (стр. 46).

Профессор Кесслер был совершено прав, указывая, что молодые выводки птиц, вслѣдствіе нахожденія вмѣстѣ осенью, развивают в себѣ чувства общительности. Cornish („Animal at Work and Play") дал нѣсколько примѣров игр среди молодых млекопитающих, как например ягнят, которые до страсти любят играть во "Всѣ за мной", и в "Я—хозяин дома"—я сам видѣл не раз эту игру,— а также их страсть к скачкам с препятствіями; молодые лани любят играть в "Лови меня", причем толчок дается мордочкой. Кромѣ того, массу примѣров можно найти в превосходной работѣ Karl Gross'o, „The Play of Animals".

VIII.—Оранг-утаны были нѣкогда болѣе общительны. (К стр. 63).

Из работы проф. Эдуарда Беккари, итальянскаго ботаника, странствовавшаго в Саравакѣ (Борнео), видно, что мѣстные дикари жестоко истребляют оранг-утанов, при помощи своих тонких ядовитых стрѣл, выдуваемых через длинную трубку человѣком, спрятанным в засаду. Немудрено, что при таких условіях, оранг-утаны предпочитают вести одинокую жизнь, но есть факты, указывающіе на то, что прежде оранг-утаны не были чужды общительности, так как даже теперь, они собираются иногда небольшими группами, когда поспѣет фрукт дуріана. — «Лучшая пора для охоты за оранг-утанами», пишет Беккари, «это когда фрукт созрѣет. Тогда их легко находить по пяти, шести, или болѣе, на одном деревѣ». В ту пору, когда я был в Маропѣ, маи (оранг-утаны) бродили по лѣсам в поисках за пищею, и не легко было найти их, особенно нѣскольких вмѣстѣ. Все-таки я видѣл восьмерых в один день, из них четыре—на одном деревѣ». Даже разновидность тяпинг, которой меньше чѣм разновидности касса, появляется группами, и даяки говорят, что многіе из первых видны бывают около сел, когда поспѣет дуріан («Странствованіе в больших лѣсах Борнео», англ. изданіе, стр. 204).

Беккари видѣл также множество их гнѣзд, или логовищ. «Слово гнѣздо», пишет он, «совершенно приложимо к их по-

стелям или мѣстам для отдыха, которыя они приготовляют себѣ на деревьях, в тѣх мѣстах гдѣ селятся на время. Они дѣлают логовище из вѣтвей, наломанных у даннаго дерева и сложенных в том мѣстѣ, гдѣ это дерево широко развѣтвляется на-двое. Не видно никакой попытки хорошенько убрать эти вѣтви, или сдѣлать навѣс. Просто сдѣлана платформа, на которую животное может лечь. Гнѣзда оранг-утанов, которыя я видѣл, очевидно были для одной особы. Быть может, пара и строит себѣ болѣе удобное логовище, но я не нашел ничего, указывающаго на домашнія привычки у этих приматов» (стр. 143). Впрочем, для своих фуражировок, оранг-утаны иногда сходятся по нѣсколько.

IX.—Препятствія переразмноженію.
(К стр. 84).

Hudson, в превосходной своей книгѣ, "Naturalist on the La Plata" (глава III), приводит очен любопытныя свѣдѣнія о внезапном размноженіи вида мышей и о послѣдствіях этой внезапной "волны жизни".

"Лѣтніе мѣсяцы в 1872 и 1873 году", пишет он, "отличались обиліем солнечнаго свѣта, и частыми, кратковременными дождями, так что в диких цвѣтах не было недостатка, как это бывало большею частью в предыдущіе годы". Сезон был очень благопріятен для мышей, и "эти плодовитыя маленькія созданія вскорѣ появились в таком изобиліи, что собаки и коты питались почти исключительно ими. Лисицы, ласки и оносумы питались ими до пресыщенія; даже насѣкомоядный броненосец (armadillo) принялся за охоту за мышами. Домашняя птица превратилась в хищную", а "желтые тираны" (Pitangus) и кукушки Guira охотились исключительно за мышами. "Осенью появилось безчисленное количество аистов и короткоухих филинов, с цѣлью участвовать в общем пирѣ. Вслѣд за тѣм наступила зима с продолжительной засухой; сухая трава была с'ѣдена, или обратилась в пыль, и мыши, лишенныя убѣжыща и пищи, начали вымирать. Коты возвратились по домам; странствующій вид короткоухих филинов улетѣл; а маленькіе, прячущіеся по норам филины отощали до

того, что едва могли летать и "весь день держались вблизи жилищ, надѣясь поживиться каким-нибудь случайным куском". В ту же самую зиму погибло невѣроятное количество овец и рогатаго скота, в теченіе одного холоднаго мѣсяца, слѣдовавшаго за засухой. Что же касается до мышей, то, по словам Hudson,а „послѣ этого великаго истребленія едва осталось самое небольшое количество мышей, выжившихъ всѣ невзгоды, чтобы продолжить вид".

Вышеприведенный примѣр имѣет еще особенный интерес потому, что он показывает, как на равнинах и плоскогоріях внезапное размноженіе вида немедленно привлекает его врагов из других частей равнин, и как виды, лишенные защиты, доставляемой общественною жизнью, неизбѣжно должны стать добычей этих врагов.

Тот же самый автор дает другой превосходный примѣр из своих наблюденій в Аргентинской республикѣ. Одним из распространенных там грызунов является „койпу" (Myopotamus coypu)—похожій по наружному виду на крысу, но величиной не меньше выдры. По своим привычкам этот водяной звѣрь, отличается большею общительностью. „Однажды вечером".—пишет Hudson,—"всѣ они плавали и играли в водѣ, разговаривая между собой путем странных вскрикиваній, которыя звучали как стоны и вопли раненаго, или страдающаго человѣка. Мѣха "койпу", которые обладают нѣжным мѣхом под длинными грубыми волосами, одно время вывозились в больших количествах в Европу; но около 60-ти лѣт тому назад диктатор Розан издал указ, воспрещавшій охоту за этими животными. В результатѣ животныя эти размножились в необычайном количествѣ и, оставив свои водныя привычки, стали жить на сушѣ и совершать переселенія, появляясь вездѣ в больших количествах в поисках за пищей. Внезапно на них напала какая-то таинственная эпидемія, от которой они погибли, и в настоящее время почти всѣ вымерли". (стр. 12).

Истребленіе человѣком с одной стороны, и заразительныя болѣзни с другой, являются, таким образом, главными задержками, препятствующими розмноженію видов, а вовсе не конкуренція при добываніи средств к существованію, которая может совершенно отсутствовать, а когда существует, то до

нѣкоторой степени избѣгается переселеніями, или перемѣною пищи.

Факты, доказывающіе, что области, пользующіяся гораздо болѣе благопріятным климатом, чѣм Сибирь, все таки отличаются в равной мѣрѣ недостаточной населенностью, могут быть приведены в изобиліи. Но в хорошо извѣстном трудѣ Бэтса ("Натуралист на Амазонкѣ") мы находим, что то же можно сказать даже о берегах рѣки Амазонки.

"Дѣйствительно,—пишет Botes,—здѣсь имѣется большое разнообразіе млекопитающих, птиц и пресмыкающихся, но они разсѣяны на большом пространствѣ и чрезвычайно пугливо относятся к человѣку. Вся эта область настолько обширна и так однообразно одѣта лѣсом, что лиш через большіе промежутки можно видѣть животных в изобиліи, когда послѣднія находят какое либо мѣсто болѣе привлекательное по сравненію с остальными". (Naturalist on the Amazon", 6-ое изд., стр. 31). То же самое я писал об Олекминско-Витимской тайгѣ и Витимском плоскогоріи.

Этот факт тѣм болѣе поразителен, что бразильская фауна, бѣдная млекопитающими, далеко не бѣдна птицами, и бразильскіе лѣса могут доставить достаточно пищи для птиц, как можно видѣт из предыдущей цитаты о сообществах птиц. И несмотря на это, лѣса Бразиліи, подобно лѣсам Азіи и Африки, не только не страдают перенаселенностью, но скорѣе напротив отличаются недостаточным животным населеніем. То же самое справедливо и относительно пампасов Южной Америки, о которых Hudson замѣчает, что они вызывают удивленіе тѣм, что на такой обширной территоріи, покрытой травой и так приспособленной для обитанія травоядных животных, встрѣчаешь только один вид маленьких жвачных. Как извѣстно, в нѣкоторой части этих прерій теперь пасутся милліоны овец, рогатаго скота и лошадей, разведенных человѣком. Птиц в пампасах мало, и по количеству видов, и по их численности.

X.—Приспособленія во избѣжаніе конкуренціи.
(К стр. 86).

Множество примѣров подобных приспособленій можно найти в трудах всѣх натуралистов, изучавших жизнь животных

в самой природѣ. Одинм из таких примѣров, очень интересным, может служить волосатый броненосец armadilla о котором W. H. Hudson говорит, что "он избрал подходящій для себя образ жизни и вслѣдствіе этого процвѣтает, в то время как его сородичи быстро вымирают. Пища его отличается чрезвычайным разнообразіем. Он охотится за всякаго рода насѣкомыми, отрывая червей и личинок, находящихся на глубинѣ нѣскольких дюймов под почвой. Он очень любит яйца и птенчиков; питается падалью, так же охотно как ястреб, а если случается недостаток в животной пищѣ, он довольствуется растительною діэтою—клевером и даже зернами кукурузы. По этому, в то время как другія животныя голодают, волосатый броненосец всегда жирен и энергичен" (Naturalist on the La Plata", стран. 71).

Приспособляемость пиголицы способствует чрезвычайно широкому распространенію этого вида. В Англіи, пиголица "чувствует себя среди распаханых полей так же дома, как и в диких мѣстностях". А про хищных птиц Ch. Dixon говорит в своей книгѣ ::Birds of Northern Shires" (стр. 67) что "разнообразіе пищи является еще в большей степени общим правилом у хищных птиц". Таким образом мы узнаем от того же самаго автора (стр. 60, 65), что коршуны британских болот питаются не только маленькими птичками, но также кротами и мышами, лягушками, ящерицами и насѣкомыми, в то время как меньшаго размѣра соколы питаются большею частью насѣкомыми".

В высшей степени поучительная глава, которую W. H. Hudson посвящает семейству южно-африканских лазящих птиц, является также превосходной иллюстраціей тѣх путей, при помощи которых значительныя части животнаго населенія избѣгают конкуренціи, и в то же время достигают очень значительнаго размноженія в данной области, вовсе не обладая вооруженіем, которое обыкновенно считается существенным для успѣшной борьбы за существованіе. Вышеупомянутое семейство лазящих распространено на огромном пространствѣ, от южной Мексики до Патагоніи, и из него описано уже не меньше 290 видов, принадлежащих к 46-ти различным родам, при чем наиболѣе поразительною чертою этого семейства является по-

разительное разнообразіе в привычках его членов. Не только различные роды и виды обладают свойственным им одним привычками, но часто даже одни и тѣ же виды видоизмѣняют образ жизни в различных мѣстностях". Нѣкоторые виды Xenops и Magarornis, подобно дятлам взбираются вертикально по стволам деревьев в поисках за насѣкомыми, но также, подобно синицам, обыскивают мелкія вѣтви и листву на концах вѣтвей, так что ими осматривается все дерево, от корней до самой верхушки. Sclerurus хотя обитает в самых темных лѣсах и снабжен острыми загнутыми когтями, никогда не отыскивает себѣ пищи на деревьях, по исключительно на землѣ, среди разлагающихся опавших листьев: это тѣм болѣе странно что если вспугнуть его, он летит к стволу ближайшаго дерева, к которому прижимается в вертикальном положеніи, оставаясь все время неподвижным и не издавая звука, при чем он избѣгает опасности быть открытым, благодаря своей темной покровительственной окраскѣ". И так далѣе. Точно также они отличаются громадным разнообразіем в манерѣ строит свои гнѣзда. Так, в одном и том же родѣ, три вида строят глиняныя гнѣзда, напоминающія своей формой печь, четвертый вид строит гнѣздо из палочек на деревьях, а пятый пробуравливает себѣ гнѣзда на берегах рѣк, подобно зимородкам.

Замѣчательно, что все это обширное семейство, про которое Hudson говорит, что "каждая часть южно-американскаго континента населена ими; ибо в дѣйствительности не имѣется климата, почвы, или растительности, которыя не обладали бы каким-нибудь своим видом этих птиц",—принадлежит "к самым беззащитным птицам". Подобно уткам, упоминаемым Сѣверцовых (см. в текстѣ), онѣ не обладают ни мощным клювом, ни когтями; "онѣ боязливы, не оказывают сопротивленія и не обладают ни силой, ни вооруженіем; их движенія менѣе быстры и менѣе энергичны, чѣм у других птиц, а их полет отличается чрезвычайною слабостью. Но, онѣ обладают—как замѣтили это и Hudson и Asara, "в значительной степени общительным инстинктом", несмотря на то, что "их общественным инстинктам сильно мѣшают условія их жизни, требующія одиночества". Онѣ не могут устраиват тѣх обширных ассоціацій

для вывода птенцов, которыя мы видѣли у морских птиц, так как онѣ питаются древесными насѣкомыми и должны тщательно обыскивать по одиночкѣ каждое дерево,—что онѣ и исполняют чрезвычайно дѣловым образом' но онѣ постоянно перекликаются в лѣсу, "ведя разговоры друг с другом на больших разстояніях"; онѣ об'единяются в тѣ "странствующія стаи", которыя так хорошо извѣстны по живописным описаніям Бэтса. А Hudson пришел к мысли, "что вездѣ в южной Америкѣ Dendrocolaptidae первыя об'единяются для совмѣстных дѣйствій, и что птицы других семейств слѣдуют за ними в их походах и вступают с ними в сообщества, зная по опыту, что можно разсчитывать на богатую добычу". Едва - ли нужно добавлять, что Hudson очень высокаго мнѣнія о их смышлености. Общительность и ум всегда идут рука-об-руку.

XI.—Происхожденіи. семьи
(К стр. 97).

В то время, когда я писал соотвѣтственную главу в текстѣ этой книги, среди антропологов, казалось, установилось извѣстнаго рода согласіе относительно сравнительно поздняго появленія, в ряду институцій человѣчества, патріархальной семьи, какая была у евреев или в императорском Римѣ. Но с того времени появились работы, в которых воззрѣнія, выдвинутыя впервые Бахофеном и Жак-Леннаном, приведенныя в систему в особенности Морганом, и развитыя дальше и подтвержденныя Постом, Максимом Ковалевским и Леббоком, оспариваются, причем наиболѣе важными из работ этого направленія являются: труд датскаго профессора C. N. Starcke "Primitive Family", 1889) и гельсингфорскаго профессора Edward Westermarck'a („The History of Human Marriage", 1891' 2-е изд. 1891). С вопросом об институціях первобытнаго брака случилось, таким образом, то же, что и с вопросом о первобытной формѣ землевладѣнія. Когда идеи Маурера и Нассэ о деревенской общинѣ, развитые послѣ них цѣлою школою талантливых изслѣдователей, а также идеи всѣх современных антропологов о первобытной коммунистической конституціи рода встрѣтили почти общее приянаніе,—онѣ вызвали появленіе таких трудов, как Фюстель-де-Куланжа во Франціи, Фридерика

Сибома (Seebohm) в Англіи и нѣкоторых других, в которых была сдѣлана попытка —отличавшаяся скорѣе блеском, чѣм дѣйствительною глубиною изслѣдованія,—опровергнуть эти идеи и набросить тѣнь сомнѣнія на выводы, к которым пришли современные изслѣдователи (см. предисловіе проф. Виноградова к его замѣчательному труду „Villainage in England“). Равным образом, когда идеи об отсуствіи семьи в ранней родовой стадіи развитія человѣчества были приняты большинством антропологов и изслѣдователей древняго права, онѣ вызвали труды, подобныя работам Штарке и Вестермарка, в которых человѣк изображался, согласно еврейской традиціи, как существо, выступившее сразу уже с семьею, очевидно патріархальною, и никогда не проходившее через стадіи развитія (стадной семьи), описанныя Мак-Леннаном, Бахофеном или Морганом. Эти работы, из которых блестяще написанная „Исторія Человѣческаго Брака‘ нашла особенно широкій круг читателей, несомнѣнно произвели извѣстнаго рода впечатленіе: люди, не имѣвшіе возможности читать об‘емистую литературу не предмету этого спора, начали колебаться; а в то же время нѣкоторые антропологи, прекрасно ознакомленные с предметем, как напримѣр французскій профессор Дюркгейм, заняли примирительное, но нѣсколько неопредѣленное, положеніе.

Прямого отношенія к спеціальным задачам труда, посвященнаго вопросу о взаимной помощи, этот спор не имѣет. Тот факт, что люди жили родами с древнѣйших стадій развитія человѣчества, не оспаривается даже тѣми, которые чувствуют себя шокированным идеей, что человѣ мог пережить такую стадію развитія, когда семья—в общепринятем значеніи этого слова—не существовала. Но предмет спора имѣет глубокій интерес и заслуживает упоминанія, хотя для полнаго разсмотрѣнія его понадобился бы цѣлый том.

Когда мы стараемся приподнять завѣсу, скрывающую от нас древнія институціи, и в особенности институціи, преобладавшія при первом появленіи существ человѣческаго типа, нам приходится—за отсутствіем прямых свидѣтельств—совершить—громадную, кропотливую работу, чтобы прослѣдить в восходящем порядкѣ всѣ признаки существованія каждой институціи,

тщательно отмѣчая даже самые малѣйшіе слѣды ея в привычках, обычаях, преданіях, пѣснях, фольклорѣ и т. д.; а затѣм, комбинируя отдѣльные результаты каждаго из этих отдѣльных изученіи, мысленно возстановлять общество, которое отвѣчало бы одновременному существованію всѣх этих институцій. Всякому понятно, поэтому, какая масса фактов и какое огромное количество детальных изученій извѣстных сторон вопроса требуется для того, чтобы прійти к какому-нибудь прочному заключенію. Именно такого рода деятельное изученія и можно найти в монументальных трудах Бохофена и его послѣдователей, между тѣм как оно отсутствует в трудах противной школы. Масса фактов собранных профессором Вестермарком, несомнѣнно отличается изобиліем, и его труд имѣет большую цѣнность, как критичиская работа; но едва ли побудит тѣх, кто в оригиналах знаком с трудами Бахофена, Моргана, Мак-Леннана, Поста, Ковалевскаго и т. д и кто ознакомлен с работами школы деревенской общины, измѣнить свои мнѣнія и принять теорію патріархальной смеьи.

Так, аргументація, основываемая Вестермарком на семейных обычаях приматов (высших обезьян), не имѣет, смѣю сказать, той цѣны, которую он ей приписывает. Наше знакомство с семейными отношеніями общительных видов обезьян нашего времени отличается чрезвычайною недостаточностью, при чем два необщительных вида—оранг-утан и горила—не могут быть принимаемы в разсчет, так как оба вида, как я уже указал в таксѣ, очевидно принадлежат к вымирающим видам. Еще менѣе нам извѣстно об отношеніях, существовавих между самцами и самками приматов к концу третичнаго періода. Жившіе в то время виды весьма вѣроятно, всѣ вымерли, и мы не имѣет ни малѣйшаго представленія о том, который из них был прародительскою формою, из которой выработался человѣк. Все, что мы можем сказать с нѣкоторым вѣроятіем, это то, что у различных видов обезьян должны были существовать различныя семейныя и родовыя отношенія, что виды эти в то время были чрезвычайно многочисленны, и что с того времени в обычаях приматов должны были произойти крупныя измѣненія, подобныя тѣм измѣненіям, которыя имѣли мѣсто даже в теченіе

двух послѣднихъ столѣтій в обычаях многих других млекопитающих.

Вслѣдствіе этого спор должен быть сведен исключительно к человѣческим институціям; и в детальном обсужденіи каждаго отдѣльнаго слѣда каждой древней институціи, в связи со всѣм тѣм, что нам извѣстно о каждой другой институціи того же самаго народа или того же самаго рода, лежит главная сила аргументаціи школы, которая утверждает, что патріархальная семья явилась институціей сравнительно позднаго происхожденія

Дѣйствительно, у первобытных племен имѣется цѣлый круг институцій, которыя становятся вполнѣ понятными, если мы примем идеи Бахофена и Моргана, и которыя без них совершенно необ'яснимы. Таковы: коммунистическая жизнь рода, пока он не распался на отдѣльныя отеческія семьи; жизнь в длинных домах и жизнь классами, занимающими отдѣльные «длинные дома», соотвѣтственно возрасту и степени принятія (иниціаціи) юношей в состав рода (Миклухо- Маклай H. Schurz); ограниченія личнаго накопленія имущества, нѣсколько образчиков которых было дано выше, в текстѣ и в одном из Приложеній; тот факт, что женщины, взятыя из другого рода, прежде чѣм перейти в частную собственность, являются собственностью всего рода; и многія подобныя институціи разобранныя Леббоком. Этот обширный круг учрежденій и обычаев, постепенно приходивших в упадок и окончательно исчезнувших в той фазѣ человѣческаго развитія, которая характеризуется деревенскою общиною, находится в полном согласіи с теоріею «родового, стаднаго брака»' но школа патріархальной семьи проходит мимо них, почти не обращая на них никакого вниманія. Такой путь обсужденія извѣстнаго вопроса, конечно, неправилен. У первобытных людей не было такого наслоенія, или существованія разновременных институцій, какое существует у нас. У них была лишь одна институція, род, который включал всѣ взаимныя отношенія членов рода. Брачныя отношенія и отношенія, связанныя с владѣніем, являются родовыми отношеніями. А потому, мы могли бы, по крайней мѣрѣ, ожидать от защитников теоріи патріархальной семьи, что они укажут нам, каким образом вышеупомянутый круг институцій (позднѣе ис-

чезнувшій) мог существовать в обществах людей, которые жили бы под системою противорѣчащею подобным институціям,т. е. под системою отдѣльных семей, управляемых каждая своим главою семьи.

Далѣе, нельзя признать научной цѣнности за тѣми об‘ясненіями, при помощи которых защитники патріархальной теоріи стараются устранить нѣкоторыя серьезныя затрудненія для их теоріи. Так, напримѣр, Морган доказал значительным количеством фактов, что у многих первобытных племен существует строго-соблюдаемая «система классификаціи групп», и что всѣ индивидуумы одной и той же категоріи называют друг друга как если бы они были братьями и сестрами, между тѣм как юные индивидуумы называют сестер своих матерей матерями; и т. д. Сказать, что это просто facon de parler, т. е. способ выраженія своего уваженія к старшим—значит легким манером избавиться от необходимости об‘яснить, почему именно этот способ выраженія своего уваженія, а не какой-нибудь другой настолько преобладал среди многих племен различнаго происхожденія, что у многих из них он уцѣлѣл вплоть до настоящаго времени?
Конечно, вполнѣ возможно, что «ма» и «па»— такіе слоги, которые всего легче произнести ребенку, но вопрос в том,—почему этот «ребячій язык» употребляется взрослыми людьми и прилагается к извѣстной, строго опредѣленной категоріи лиц? Почему у столь многих племен, у которых и мать и ея сестры называются «ма», отец именуется «тятя» (что сходно с «дядя»), «дад,» «да» или «па»? Почему наименованіе «матери»,которое сперва давалось теткам с материнской стороны, было позднѣе замѣнено отдѣльным наименованіем? и так далѣе. Но когда мы знакомимся с тѣм фактом, что у многих дикарей сестра матери принимает такое же участіе в воспитаніи ребенка, как и сама мать, и что, если смерть уносит любимаго ребенка, другая—«мать» (сестра матери) готова пожертвовать собой, чтобы сопровождать ребенка в его путешествіи в иной мір—мы несомнѣнно склонны будем видѣть в этих наименованіях нѣчто болѣе глубокое, чѣм простая facon de parler, или способ выраженія почтенія. Мы еще болѣе утвердимся в этом убѣжденіи, узнав о существованіи цѣлаго цикла переживаній (подробно разсмотрѣн-

ных Леббоком, Ковалевским и Постом), которыя всѣ сходятся в том же направленіи. Конечно, можно, пожалуй, сказать, что родство считается с материнской стороны, «потому что ребенок больше остается с матерью»; или же тот факт, что дѣти одного отца от разных жен, принадлежащих к различным родам, считаются принадлежащими к родам их матерей, можно, пожалуй, об'яснить тѣм обстоятельством, что дикари «невѣжды в области физіологіи»; но подобные отвѣты даже приблизительно не будут соотвѣтствовать серьезности затронутых вопросов— в особенности если принять во вниманіе извѣстный факт, что обязанность сына носить имя матери влечет за собою принадлежность к роду матери во всѣх отношеніях, т. е. включает право на все принадлежащее материнскому роду, а равным образом право на защиту с его стороны, право не быть утѣсняемым никѣм, принадлежащим к материнскому роду и обязанность отомщать родовыя обиды этого рода.

Даже если бы мы допустили на мгновеніе удовлетворительность подобных об'ясненій, мы вскорѣ убѣдились бы, что в таком случаѣ придется подыскивать отдѣльное об'ясненіе для каждой категоріи подобных фактов, а эти факты очень многочисленны. Упоминая лишь немногіе из них, требуется об'яснить: дѣленіе родов на классы, в то время когда не имѣется никакого дѣленія соотвѣтственно имущественным условіям или общественному положенію; экзогамію в особенности и всѣ послѣдующіе обычаи, перечисленные Леббоком; завѣт крови, или обряды побратимства и ряд подобных же обычаев, имѣющих цѣлью засвидѣтельствовать единство происхожденія; существованіе родовых богов, предшествующее появленію богов семейных; обмѣн женами, существующій не только среди эскимосов во времена бѣдствій (см. текст), но также широко распространенный среди многих других племен совершенно различнаго происхожденія; тѣм большую слабость брачных уз, чѣм ниже ступень цивилизаціи; сложные браки—когда нѣсколько мужчин женятся на одной женѣ, принадлежащей каждому из них поочереди; или на каждый пятый, шестой и т.д. день' сожительство семей в «длинных домах»; обязательство воспитывать сирот, падающее даже в болѣе поздній період на дядю с материнской стороны; значи-

тельное количество переходных форм, указывающих на постепенный переход от родословія по материнской линіи к родословію по отцовской; ограниченія числа дѣтей родом а не семьей, и снятіе этого суроваго ограниченія во времена изобилія; то обстоятельство, что ограниченія в семьѣ являются позднѣе, чѣм ограниченія в родѣ; принесеніе себя в жертву престарѣлыми родственниками, в интересах рода; родовая кровавая месть и многіе другіе привычки и обычаи, которые приняли характер «семейных дѣл» лишь тогда, когда установилась семья в современном значеніи этого слова; многія брачныя и пред брачныя церемоніи, поразительные примѣры которых можно найти в трудѣ Леббока и в работах нѣкоторых современных русских изслѣдователей; отсутствіе брачнаго церемоніала там, гдѣ родословіе ведется по матріархальной линіи, и появленіе такого церемоніала у племен, слѣдующих отцовской линіи происхожденія, при чем всѣ эти факты и многіе другіе *) указывают, что по замѣчанію Дюркгейма, брак, в современном смыслѣ слова, «был только терпим и встрѣчал препятствія со стороны враждебных сил»; уничтоженіе послѣ смерти человѣка всего его личнаго имущества; и наконец громадную массу переживаній, *) мифов (указанных Бахофеном и многими его послѣдователями), фольклор и т. д. ,—при чем всѣ они сходятся в своих свидѣтельствах в одном и том же направленіи.

Конечно, все это нисколько не доказывает, чтобы когда либо был такой період, когда женщина была поставлена выше мужчины, или считалась бы главою рода' это—вопрос совершенно иной категоріи, и по моему личному мнѣнію, такого періода никогда не существовало;равным образом факты эти не доказывают, чтобы было такое время, когда бы не существовало никаких родовых ограниченій полового союза—такое предположеніе абсолютно противорѣчило-бы всѣм извѣстным фактам. Но если принять в соображеніе всѣ факты, обнаруженные новѣйшими изысканіями, и при том разсматривать их во взаимной их зависимости, нельзя не прійти к заключенію, что если даже и воз-

*) См. "Marriage Customs in manylands,,, by H. N. Hutchinson, London, 1897.

*) Многія новыя и интересныя формы переживаній собраны у Wilhtim Rudeck, "Geschichte der offentlichen Sittlichkeit in Deutschland", обзор который был сдѣлан Дюркгеймом в "Annaire Socioloque", II, 312.

можно было существованіе в первобытном родѣ изолированных пар с их дѣтьми, то подобныя зарождающіяся семьи были лишь терпимыми исключеніями, а не институціями того времени.

XII.—Уничтоженіе частной собственности на могилѣ. (К стр. 110).

В замѣчательной работѣ J. M. de Groot'a(«The Religious Systems of China», 1892—97, Leyden) мы находим подтвержденіе идеи, высказанной в текстѣ. В Китаѣ (как и в других странах) было время, когда все личное имущество покойника уничтожалось на его могилѣ— его движимое имущество, его рабы и даже друзья и вассалы и, конечно, его вдова. Моралистам пришлось сильно бороться, прежде чѣм был положен конец выполненію этого обычая.

У англійских цыган обычай уничтоженія всего движимаго имущества на могилѣ покойника сохранился до настоящаго времени. Все личное имущество цыганской королевы, умершей в 1896 году, в окрестностях города Slough, было уничтожено на ея могилѣ. Прежде всего пристрѣлили ея коня и похоронили его. Затѣм разломали и сожгли телѣгу с домиком, в которой она ѣздила, хомут лошади и мелкія принадлежности ея хозяйства. В свое время об этом было сообщено в нѣскольких газетах, и я сохранил вырѣзки.

XIII.—«Недѣленая семья». (К стр. 134).

Нѣсколько цѣнных работ о южно-славянской «задругѣ», в сравненіи с другими формами семейной организаціи, появилось с тѣх пор, как была издана эта книга, а именно работа Эрнеста Милера (в »Jahrbuch der Internationaler Vereinung fur vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirthschaftslehre«, 1897) и И. Е. Гешова «Задруга в Болгаріи» и «Задружное владѣніе и работа задругой в Болгаріи» (обѣ работы на болгарском языкѣ). Я должен также напомнить про хорошо извѣстную работу Богишича («De la forme dite «inokosna» de la famille rurale chez les serbeset les Croates», Paris, 1884). упоминаніе о которой было опущено в текстѣ.

XIV.—Происхожденіе гильдій.

(К стр. 184).

Происхожденіе гильдій было предметом многих споров. Нѣт ни малейшаго сомнѣнія в том, что ремесленныя гильдіи, или «коллегіи» ремесленников, существовали в древнем Римѣ. Болѣе того, судя по одному мѣсту у Плутарха, при Нумѣ были изданы законы, касающіеся их. «Он раздѣлил народ», говорит Плутарх, «на ремесла... приказав им имѣть братства, празднества и собранія и указав им, какое поклоненіе они должны совершать богам, соотвѣтственно достоинству каждаго ремесла». Очевидно, трудовыя коллегіи не были изобрѣтены или основаны римским королем,—онѣ существовали уже в древней Греціи; по всѣм вѣроятіям при Нумѣ онѣ просто были подчинены королевскому законодательству, как это сдѣлал пятнадцатью столѣтіями позднѣе Филипп Красивый, подчинив ремесла Франціи, к их вреду, королевскому надзору и законодательству. Относительно одного из наслѣдников Нумы, Сервія Туллія, сохранилось извѣстіе, что он также издал нѣкоторые законы относительно коллегій *).

Вслѣдствіе этого вполнѣ естественно, что историки должны были задаваться вопросом о том не были ли гильдіи, так сильно развившіяся в XII-м и даже X-м и XI-м столѣтіях, возрожденіем древних римских «коллегій»,—тѣм болѣе, что послѣднія, как видно из вышеприведенной цитаты, вполнѣ соотвѣтствовали средневѣковым гильдіям⁑). Извѣстно что корпораціи римскаго типа существовали в Южной Галліи вплоть до V-го столѣтія. Кромѣ того, одна надпись, найденная во время раскопок в Парижѣ, показывает, что корпорація nautae в Лютеціи существовала при Тиберіи; а в хартіи, данной парижским «водным купцам» в 1170 году, об их правах говорится, как об существую-

---

*) «A Servio Tullio populus romanus relatus in censum digestus in classes, curus atque collegus distributus» (E. Martin-Saint-Leon, «Histoire des corporations de metiers depuis leurs origines jusqu'a leur suppression en 1791», ets., Paris, 1897).

⁑) Римская sodalitia, насколько мы можем судить (см. того же автора, стр 9), соотвѣтствовала кабильским cofs.

щих ab antiquo(тот же автор, стр. 51). Таким образом не было бы ничего удивительнаго, если бы корпораціи удержались в ранней средневѣковой Франціи послѣ нашествія варваров.

Но, допуская это, все-таки нѣт никакого основанія утверждать, что голландскія корпораціи, нормандскія гильдіи русскія артели, грузинскія «амкари» и т. д. непремѣнно также должны были имѣть римское, или хотя бы византійское происхожденіе. Конечно, сношенія между норманнами и столицею восточно-римской имперіи были очень дѣятельныя, и славяне (какъ было доказано русскими историками и в особенности Rambau) принимали живое участіе в этих сношеніях. Так что норманны и русскіе могли завезти римскую организацію трудовых корпорацій в свои земли. Но когда мы видим, что артель является самой сущностью повседневной жизни русских трудящихся классов уже в десятом вѣкѣ, и что артель, несмотря на отсутствіе, вплоть до настоящаго времени, какого бы то ни было регулирующаго ее законодательства, обладает тѣми же самыми чертами, как и римская коллегія или западная гильдія, мы еще болѣе склонны думать, что восточная гильдія имѣет происхожденіе даже болѣе древнее, чѣм римская коллегія. Римляне прекрасно знали, что их sodalitia и collegia были "тѣм, что греки называли hetairiaj» (Martin-Saint-Leon, стр. 2) и поскольку мы знакомы с исторіей востока, мы можем утверждать, почти без боязни впасть в ошибку, что великія націи востока, а равным образом и Египет, также имѣли такія же гильдейскія организаціи.
Гдѣ бы мы ни находили эти организаціи, их существенныя черты вездѣ остаются тѣми же самыми. Это — союз людей, занятых одною профессіею или ремеслом. Этот союз, подобно первобытному роду, имѣет своих собственных богов и собственный церемоніал богопоклоненія, всегда содержащій в себѣ нѣкоторыя мистеріи, специфическія для каждаго отдѣльнаго союза; он разсматривает всѣх своих членов, как братьев и сестер—может быть (в началѣ) со всѣми послѣдствіями, которыя налагались подобными отношеніями в родѣ, или по крайнѣй мѣрѣ с церемоніями, которыя указывали или символизировали отношенія между братом и сестрою, существовавшія в первобытном родѣ; и наконец, в этом союзѣ существуют всѣ тѣ обязательства взаимной поддержки, какія существовали в родѣ, а именно: исклю-

ченіе даже самой возможности убійства в предѣлах братства, родовая отвѣтственность пред судом и обязательство, в случаѣ возникновенія недоразумѣній болѣе мелкаго характера, отдавать их на обсужденіе судей, или точнѣе посредников из среды гильдейскаго братства. Таким образом можно сказать, что гильдія была конституирована по образцу рода.

Вслѣдствіе этого я склонен думать, что тѣ же самыя замѣчанія, которыя были сдѣланы в текстѣ относительно происхожденія деревенской общины, могут быть в равной степени приложены к гильдіи, артели, ремесленным и сосѣдским братствам. Когда всѣ узы, которыя ранѣе соединяли людей в их родах, были ослаблены вслѣдствіе переселеній, появленія отческой семьи и растущаго различія занятій—человѣчеством был выработан новый **территоріальный союз** в формѣ деревенской общины, и другой союз — **союз по занятію—** был выработан в сферѣ воображаемаго братства, —создавался **воображаемый род,** который выражался между двумя или немногими людьми «кровным братством» (славянское побратимство), а между большим количеством людей различнаго происхожденія, т. е. происходивших из различных родов, но населявших ту же самую деревню или город (или даже различные деревни или города), он выражался в формѣ фратріи, гетери, амкари, артели, гильдіи *).

Что же касается до идеи и формы подобной организаціи, то ея элементы были уже указаны со времени періода дикарей и передавались вплоть до позднѣйшаго времени. Нам извѣстно, что у всѣх дикарей имѣются в родѣ отдѣльныя секретныя организаціи воинов, колдунов, молодых людей и т. д., а также мистеріи, в которых сообщаются свѣдѣнія об охотѣ или способах веденія войны и соотвѣтственныя заклинанія и обряды (маскированные танцы и т. д.) ;эти своего рода ремесленныя мистеріи, которыя Миклуха-Маклай называл «клубами», были, по всѣм вѣроятіям прототипами будущих гильдій ‡).

*) Поразительно с какой ясностью эта же идея выражена в извѣстном мѣстѣ у Плутарха, относящемуся к законодательству Нумы о трудовых коллегіях. «И таким путем» — писал Плутарх, — «он был первым, кто изгнал из города тот дух, который вел людей к таким заявленіям: «Я сабинянин», или «Я римлянин», или «Я подданный Таціи», или «Я подданный Ромула»; другими словами, коллегіею уничтожалась идея о различном происхожденіи.

‡) Работа Г. Шурца (H. Schurtz),посвященная «возрастным классам»

Что же касается вышеупомянутаго труда E. Martin-Saint-Leon, то прибавлю, что он содержит очень цѣнныя свѣдѣнія относительно организаціи ремесл в Парижѣ (на основаніи извѣстной книги Boileau «Le Livre des metiers») и хорошую суммировку свѣдѣній относительно вольных городов в различных частях Франціи, со всѣми библіографическими указаніями, Не должно однако забывать, что Париж был «королевским городом» (подобно Москвѣ или Вестминстеру) и что вслѣдствіе этого свободныя институціи средневѣковаго города никогда не достигли в нем того развитія, какого они достигали в свободных вѣчевых городах. Корпораціи Парижа далеко не представляют «картины типической корпораціи, рожденной и развившейся под прямым руководством королевской власти», как говорит Мартен-Сен

и тайным союзам во время ранних (варварских) стадій цивилизаціи («Altes klasse und Mannerverbande: eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft», Berlin,1902), которая дошла до меня в то время, когда я уже читал корректуры настоящей книги, заключает в себѣ значительное количество фактов, подтверждающих вышеприведенную гипотезу о происхожденіи гильдій. Искусство постройки большого общиннаго дома, так, чтобы не обидѣть при этом духов срубленных деревьев; искусство такой ковки металлов, которая примирительно дѣйствовала бы на враждебных духов, охраняющих металлы; секреты охоты, а также секреты церемоній и маскированных танцев, содѣйствующих успѣху охоты; искусство обученія мальчиков начаткам ремесл и искусств; секретные способы успѣшно бороться с колдовством врагов и, сльдовательно, искусство войны; искусство выдѣлки лодок, сѣтей для рыбной ловли, капканов для животных и ловушек для птиц, с нужными заговорами — и наконец искусство женщин в дѣлѣ пряденія и окрашенія — все это в древнія времена были «искусством требованія — тайны для их успѣшнаго выполненія. (В Англіи, «ремесло» и «колдовство» по сію пору означаются одним тѣм же словом, craft — колдовство), Вслѣдствіе этого, они передавались с древнѣйших времен в тайных обществах или «мистеріях», одним тѣм, кто соглашался подвергнуться трудному, а иногда и мучительному вступительному обряду. Г. Шурц показал, как жизнь дикарей вся пронизана тайными обществами и «клубами» (воинов, охотников), которые имѣют столь же древнее происхожденіе, как и брачные классы в родах и заключают в себѣ уже всѣ элементы будущей гильдіи, т. е. тайну, независимость от семьи, а иногда и от рода, общее поклоненіе спеціальным богам, совмѣстные пиры и юрисдикцію в предѣлах общества и братства. Кузница, а также и дом, в котором хранятся лодки, обыкновенно являются отдѣленіями «мужских» клубов; а «длинные дома», или «палаверы», всегда строятся спеціальными искусниками, знающими, как умилостивить духи срубленных деревьев.

Леон. По той самой причинѣ, что она развивалась «под прямым руководством королевской власти», (причинѣ, которую автор разсматривает, как причину их превосходства, между тѣм, как она была причиной их сравнительной слабости—он сам, в различных частях своей работы, вполнѣ ясно указывает на то, как вмѣшательство имперской власти в Римѣ и королевской власти во Франціи разрушило и парализовало жизнь ремесленных гильдій), по той самой причинѣ, что онѣ развивались со вмѣшательством королевских чиновников, онѣ никогда не достигли того поразительнаго роста и вліянія на всю жизнь города, какого онѣ достигали в сѣверо-восточной Франціи, в Ліонѣ, Монпеллье, Нимѣ и т. д. или в свободных городах Италіи, Фландріи, Германіи и т. д.

XV. — Рынок и средневѣковый город.

(К стр. 196).

В работѣ о средневѣковом городѣ (Rietschel, «Markt und Stadt in ihrem rechtlichen Verhaltnis», Leipzig, 1896), Ритшель развил идею, что происхожденіе германских средневѣковых вольных городов должно отыскивать в **рынкѣ**. Мѣстный рынок, поставленный под покровительством епископа, монастыря или князя, собирал вокруг себя населеніе торговцев и ремесленников, но не земледѣльческое населеніе. Секторы («концы») на которые обыкновенно дѣлились города, расходившіеся по радіусам от рынка и населенные, каждый, ремесленниками даннаго ремесла, служат, по его мнѣнію, доказательством этой теоріи: секторы обыкновенно составляли «старый город», а «новый город» составляла земледѣльческая деревня, принадлежавшая князю или королю. Деревня и город управлялись по различным законам.

Несомнѣнно, что рынок играл важную роль в ранних стадіях развитія всѣх средневѣковых городов, содѣйствуя увеличенію богатства граждан и внушая им идеи независимости; но, как было уже замѣчено Карлом Гегелем,—хорошо извѣстным автором очень цѣнной работы общаго характера о германских средневѣковых городах ("Die Entstehung des deutshen Stadt-

entwesens", Leipzig, 1898), городской закон и закон рынка были двѣ вещи разныя.

В своей обширной работѣ Гегель пришел к заключенію (являющемуся, таким образом, дальнѣйшим подтвержденіем взглядов, высказанных в настоящей книгѣ), что средневѣковый город имѣл двойственное происхожденіе. В нем было, говорит Гегель, "два населенія, жившія бок-о-бок: одно сельское, и другое чисто-городское"; сельское населеніе, жившее ранѣе при организаціи Almende, или деревенской общины, было инкорпорировано в состав города.

Что касается до торговых гильдій, то заслуживает спеціальнаго упоминанія новая работа Herman van den Linden'a ("Les Gildes marshandes dans les Pays-Bas au Moyen Age", Gand, 1896, в "Recueil de travaux publies par la Faculte de Philosophie et Lettres). Автор слѣдит за постепенным развитіем политической силы и власти, которыя, эти гильдіи постепенно пріобрѣли по отношенію к промышленному населенію, в особенности по отношенію к торговцам сукнами, и описывает лигу, заключенную ремесленниками, с цѣлью противодѣйствовать растущей власти этих гильдій. Идея, развиваемая в настоящей книгѣ о появленіи торговых гильдій в болѣе поздній період, почти совпадающій с періодом упадка городских вольностей, находит таким образом подтвержденіе в изысканіях H. van den Linden'a.

XVI.—Сельская община в Англіи. Современные ея слѣды.

(К стр. 238, 241, 259).

В то время, когда я готовил русское изданіе этой книги, в началѣ 1907-го года, я получил замѣчательную работу д-ра Гильберта Слатера, "Огражденіе общинных земель, разсматриваемое географически", в "Geographical Journal". Лондонскаго Географическаго Общества за январь 1907 года. Д-р Слатер изучает, в этой работѣ, не столько огражденіе общинных пустошей и выгонов, сколько огражденіе обрабатываемых полей, которыя оставались—иногда до самаго послѣдняго времени—в общинном пользованіи (иногда перешедшем

в землевладѣніе). Для поясненія своей мысли он берет, для примѣра, село Кастор и Эйльзворс, близь Питерборо, гдѣ огражденіе, уничтожившее общину, произошло только в 1892-ом году. В этих двух деревушках всѣ дома, кромѣ мельницы и желѣзнодорожной станціи, были скучены возлѣ церкви и вдоль большой дороги. За домами лежали загороженныя мѣста, служившія чтобы покормить на травѣ лошадей (paddocks). Затѣм, к сѣверу и к югу тянулись пахотныя земли, без всяких загородей, кромѣ там-сям уцѣлѣвшей межи, кое-гдѣ поросшей кустами. Всѣ домохозяева этого села, числом около двадцати, владѣли (вплоть до 1892 года) полосами, точь-в-точь, как в русской общинѣ. Так, например, ректор (т. е. священник), владѣвшій 40 десятинами земли (100 акров) в пахотных полях, владѣл ими в 145 отдѣльных полосах (strips) ничѣм не отдѣленных от других полос, кромѣ борозды, проведенной плугом. Посреди этих пахотных полей оставалось нѣсколько общественных выгонов; в сѣв.-зап. углу была пустошь—обычнаго типа англійских commons,—а на югѣ, по р. Нен, простирались, общинные луга, которые были всѣ подраздѣлены на полосы, еще меньшія, чѣм в пахотных полях. Всѣ полосы, даже в пахотных полях, подлежали общинным правам выгона.

К работѣ д-ра Слатера приложен план села Лакстона, до сих пор остающагося в общинном владѣніи, и этот план поразительно схож, до тождественности, с планами русских общин, приложенными к извѣстной книгѣ П. П. Семенова.

Деревня, община, говорит Слатер, была тогда земледѣльческою единицею, а не крестьянскій двор. Фермер должен был работать не по своей фантазіи, а по плану, выработанному сообща общиною. Система бывала обыкновенно усовершенствованная трехпольная, т. е. 1) пшеница, 2) яровое и 3) вмѣсто пара—посѣвы гороха, чечевицы и т. п. мотыльковых и корнеплодных. (Самое имя пара—fallow—измѣнилось в follow crop т. е. послѣдующій посѣв).

Каждую весну всѣ домохозяева собирались и опредѣляли права каждаго, судя по количеству "stints" (тягол?), которые он представлял. В общих выгонах stint представлял право пастьбы одной лошади, или двух коров, или 10-ти овец. Луга

были открыты для всѣх домохозяев с 1 августа (ст. ст.) до 2 февраля (ст.ст.), очевидно, от перваго Спаса до Срѣтенья; озимое и яровое поле—от жатвы до посѣва, а что касается третьяго поля, то каждый год рѣшали, что на нем ростить, и когда его открывать для общинной пастьбы скота.

Когда общинное владѣніе уничтожалось, то вся площадь разбивалась на извѣстное число ферм, и каждый фермер должен был огородить свою землю.

Таковы интересные факты, открытые д-ром Слатером. Затѣм он предпринял грандіозную работу. Оказалось что хотя захват общинных земель совершался в XVIII и XIX-м вѣкѣ во всей Англіи и Уэльсѣ, тѣм не менѣе далеко не вездѣ ограждали пахотныя поля. Во многих графствах загораживались уже одни пустоши и выгоны. Тогда автор стал читать каждый из актов огражденія порознь, чтобы узнать, сколько в каждом отдѣльном случаѣ уничтожалось общиннаго землевладѣнія на пахотныя земли (помимо лугов и пустошей), и он составил список,—какая часть из всей площади каждаго графства находилась под пахотными полями в общинном владѣніи. Оказалось, что в нѣкоторых графствах она составляла четверть (Беркшэйр, Уорик, Уильтшэйр) и треть (Норфолькь, Ноттингам, Бек, Кэмбридж) или даже около половины (Йорк, Оксфорд, Бэдфорд, Рэтланд, Хентингдон, Нортамптон) всей площади удобных и неудобных земель графства.

Во всѣх этих случаях уже не бывало, однако, передѣла земли. Полосы в разных полях принадлежали каждому владѣльцу из поколѣнія в поколѣніе, с тѣх пор как онѣ попали (иногда—даже путем покупки), тому или другому общиннику. Но будучи уже частными владѣльцами своих полос, общинники продолжали сотни лѣт вести мірское общинное хозяйство, улучшая при этом систему земледѣлія.

Система общиннаго каждогоднаго передѣла земли, извѣстная под названіем "run-rig" (оборот полос) в Шотландіи и Уэльсѣ, „run-dale" в Ирландіи и „rig ald renna" в Кэйтснесѣ, существует по сію пору в Шотландіи и вѣроятно кое-гдѣ в Ирландіи *). В половинѣ же XIX-го вѣка она была очень

*) В Кэмберландѣ (Уэльс) дѣлянки назывались dalle или dole. Межа называлась rane. Отсюда run-rig, run-dale.

широко распространена. Об ней говорил также Вильям Маршаль, упомянутый в текстѣ, описывая различныя части Англіи.

Вообще работа д-ра Слатера, напечатанная в журналѣ Географическаго Общества, на которую он посвятил четырнадцать лѣт жизни, полна самых интересных данных об общинной пахотѣ, о "сложном плугѣ", о фермерствѣ по четыре хозяйства сообща *), и вообще о различных типах сельской общины в различных частях Англіи.

Книга д-ра Слатера, "The English Peasantry and the Enclosure of Common Fields", только-что изданная Школою Экономики, в маѣ 1907 года, полна интересных данных. Из нея видно, что, в 1873 году, на основаніи данных королевской комиссіи, общинныя поля (пахотныя, обрабатываемыя понынѣ) имѣлись еще в 905 пригодах Англіи и Уэльса, и покрывали 166,593 акра (60,700 дес.) и что в 500 других приходах имѣлось, по всѣм видимостям, еще около 100,000 акров таких же земель (всего около 98,500 десятин). Общинное владѣніе пахотными полями сохранилось, таким образом, в десятой части всѣх приходов Англіи и Уэльса, несмотря на всѣ мѣры, принытыя парламентом, чтобы убить эту форму змлевладѣнія.

XVII.—О сельской общинѣ в Швейцаріи.
(К стр. 244).

Переживанія общиннаго владѣнія в Швайцаріи приняли нѣкоторыя интересныя формы, на которыя д-р Брупбахер любезно обратил мое вниманіе, приславши мнѣ ниже названныя сочиненія.

Цугскій кантон состоит из друх долин,—долина Эгири и дно Пугской долины. В состав его входят—пользуясь терминологіею д-ра Карла Рюттиманна,—десять "политических" общин, т. е. общин, составляющих административныя единицы, и во всѣх "этих политических общинах Цугскаго кантона" говорит К. Рюттиманн, "кромѣ Менцингена, Нейхейне и Риша,—рядом с землями частнаго владѣнія, имѣются обширныя части территоріи (поля и лѣса), принадлежащія корпораціям общин,

*) Напомню мимоходом о том, что в Канадѣ и Соед. Штатах четыре фермера, сидящіе рядом на квадратной милѣ, часто складываются, чтобы сообща купить жатвенную вяжущую машину.

(Allmend) большим и малым, которыя завѣдуют этими землями сообща. Такіе общинные союзы извѣстны теперь в Цугском кантонѣ под именем корпорацій. В политических коммунах Оберэгери, Унтерэгери, Цуг, Вальхвиль, Хам, Штейнгаузен и Хюненберг, есть по одной корпораціи в каждой общинѣ; но в общинѣ Баар имѣется пять отдѣльных корпорацій".

Казна оцѣнивает собственности этих корпорацій в 6.786.000 франков (около 2.750.000 рублѣй).

Статуты этих корпорацій признают, что владѣнія альмендов—"их общая, нераздѣльная и неотчуждаемая собственность, которая не может быть закладываема".

Членами этих корпорацій состоят древнія "фамиліи" бургеров. Всѣ же другіе члены общин, не принадлежащіе к древним семьям, к корпораціям не принадлежат и не пользуются правами на древне-общинныя земли Кромѣ того, нѣсколько семей, в нѣкоторых общинах кантона, состоят также бургерами сельской общины Цуг. В былыя времена существовал также класс поселившихся чужаков (Beisassen, присельщики), занимавшій промежуточное положеніе между бургерами и не-бургарами, но теперь этот класс больше не существует. Одни бургеры имѣют права на Альменд (или корпораціонныя права), которыя различны в различных общинах и в нѣкоторых из них распространяются на дома, построенные на общинной землѣ. Эти права, называемыя Gerechtigkeiten, могуть быть покупаемы, даже иностранцами.

Таким образом приток чужаков произвел в общинах Цугской республики то же, на что Мясковскій и М. Ковалевскій указывали в других частях Швейцаріи. Одни наслѣдники древних общинников имѣют право на общинныя земли, довольно обширныя до сих пор. Что же касается до всѣх жителей каждой общины, то они составляют "политическую общину", т. е. административную группу, которая, как таковая, не имѣет прав на общинное достояніе.

Что касается до того, как общинныя земли были подѣлены между общинниками, в концѣ XVIII-го вѣка, и какія из этого возникли сложныя формы землепользованія, описаніе это-

го процесса можно найти в работѣ д-ра Карла Рюттиманна. "Die Zugerischen Allmend Korporationen", в "Alland lungen zum Schweizerischen Recht" проф. Max Gaiur'a, 2 выпуска, Берн, 1904 (содержит также библіографію предмета).

Другая работа дает превосходное понятіе о прежней деревенской общинѣ в Бернской Юрѣ. Это монографія д-ра Hermann Rennefahrt'a, "Die Allmend im Berner Jura", Бреславль, 1905, (в "Untersuchungen zuв Deutschen Staats- und Rechts-Geschichten von D-r Otto Gierke, fasc. 74. p. 227; содержить библіографію). Здѣсь прекрасно изложены отношенія, существовавшія между барином и сельскими общинами, равно как и хозяйственныя распорядки в этих послѣдних. Здѣсь же дан очерк мѣр, принятых французами при завоеваніи Швейцаріи в концѣ XVIII-го вѣка, чтоб уничтожить сельскую общину, заставить ее раздѣлить свои земли и передать землю, кромѣ лѣсов, в частную собственность—и там же разсказано, как провалились эти законы. Другая интересная часть работы Реннефарта, показывает, как общины Бернской Юры сумѣли, за послѣдніе пятьдесяг лѣт, извлечь лучшій доход из своих земель, и усилить их производительность, не уничтожая общиннаго владѣнія (см. стран. 165—175).

Монографія д-ра Ed. Graf'a «Die Auftheilung der Allmend in der Gemeide Schaetz», Берн, 1890, разсказывает ту же повѣсть деревенской общины и насильственнаго дѣлежа ея земель в кантонѣ Люцерн.

Д-р Брупбахер, который прекрасно разобрал в швейцарской прессѣ всѣ эти труды, прислал мнѣ также слѣдующее: «Die Ursprung der Eidgenossenschaft aus der Mark-genossenschaft», д-ра Karl Burkli, Цюрих, 1891 («Происхожденіе Швейпарской федераціи из общины»), а также лекцію проф. Karl Bucher'a, «Die Allmende in ihrer wirthschaftlichen und sozialen Bedeutung», Berlin, 1902 («Soziale Streitfragen»,XII и другую д-раMartin Fassbender'a о том же.

Для ознакомленія с теперешним положеніем общинной собственности в Швейцаріи, можно указать, между прочим, на статью «Feldgemeinschaft» в «Словарѣ Швейцарскаго народнаго хозяйства, соціальной политики и управленія», д-ра Reichesberg'a, т. I, Берн, 1903.

XVIII. Еще примѣры взаимной помощи, существующей теперь в деревнях Голландіи.

(К стр. 253).

«Отчет Нидерландской агрикультурной коммисіи» заключает много примѣров относящихся к этому предмету, и мой пріятель, М. Корнелиссен, был настолько любезен, что сдѣлал для меня выборки соотвѣтственных мѣст из об'емистых томов «Отчета» (Ultkomsten vanhet Onderzoek naar den Toestand van den Landbouw in Nederland, 2 т. 1890).

Обычай имѣть одну молотилку, которая об'ѣзжает многія фермы, нанимающія ее по очереди пользуется очень широким распространеніем в Нидерландах, как и вездѣ. Но иногда встрѣчаются общины, которыя держат одну молотилку для всей общины (т. 1, XVIII, стр. 31).

Фермеры, не обладающіе достаточным количеством лошадей для запряжки в плуг, занимают лошадей у сосѣдей. Обычай держать общиннаго быка или общиннаго жеребца, очень распространен.

Когда деревнѣ нужно повысить почву (в низменных областях), с цѣлью построить на ней общинную школу, или же когда крестьянин хочет построить новый дом, обыкновенно созывается «помочь» (bede). То же самое дѣлается когда фермеру приходится переселяться. Вообще bede является широко-распространенным обычаем, и на «помочь» являются бѣдные и богатые со своими лошадями и телѣгами.

Наем сообща нѣсколькими земледѣльческими рабочими луга для выпаса их коров встрѣчается в нѣкоторых частях страны; нерѣдко также фермер, обладающій плугом и лошадьми, распахивает землю для своих наемных рабочих (т. I, XXII, стр. 18, etc.).

Что же касается до фермерских союзов для покупки сѣмян, вывоза овощей в Англію и т. д. то они стали повсемѣстными. То же самое наблюдается и в Бельгіи. В 1896 году, семь лѣт спустя послѣ того, как крестьянскія гильдіи начали основываться, сначала в Фламандской части страны и всего четыре года послѣ их появленія в Валлонской части Бельгіи, уже насчитывалось 207 таких гильдій, с 10.000 членов (Annuaire de la Science Agronomique, т. I (2), 1896, стр. 148 и 149).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

а) Авторов, собственных имен и географических названій.

—0—

6) Указатель племен и животных.

ЦѢНА
1 долларъ

